

Морская летопись

ГАНГУТ
ПЕРВАЯ ПОБЕДА
РОССИЙСКОГО ФЛОТА

ГАНГУТ

ПЕРВАЯ ПОБЕДА РОССИЙСКОГО ФЛОТА

В.В. Шигин

Annotation

В книге известного российского писателя-мариниста В. Шигина описываются события, связанные со знаменитым Гангутским сражением, принесшим первую блестящую победу молодому русскому флоту на Балтике. Автор увлекательно рассказывает о героических свершениях русских моряков в начале XVIII века и блестящих победах петровского флота на Балтике. В книге собраны интересные подробности быта русских офицеров и моряков того времени. Издание приурочено к 300-летней годовщине Гангутской победы.

- [В.В. Шигин](#)
 -
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Глава седьмая.](#)
 - [Глава восьмая.](#)
 - [Глава девятая.](#)
 - [Глава десятая.](#)
 - [Глава одиннадцатая.](#)
 - [Глава двенадцатая.](#)
 - [Глава тринадцатая.](#)
 - [Глава четырнадцатая.](#)
 - [Глава пятнадцатая.](#)
 - [Глава шестнадцатая.](#)
 - [Глава семнадцатая.](#)
 - [Глава восемнадцатая.](#)
 - [Глава девятнадцатая.](#)
 - [Глава двадцатая.](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-

В.В. Шигин

ГАНГУТ

Первая победа российского флота

*Моим сослуживцам по 118-й бригаде кораблей ОВР
Балтийского флота посвящаю эту книгу*

* * *

Все наши дела ниспровергнутся, ежели флот истратите.

Петр I

Глава первая.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ НА БАЛТИКЕ

Начиная с XVII века для России военно-политическая обстановка на балтийском побережье складывалась исключительно тяжелой. Древняя русская Ижорская земля была захвачена Швецией, и Россия оказалась практически отрезанной от Балтики. Несмотря на упорную многовековую борьбу за выход к морю, сделать это все никак не удавалось.

Владения Швеции на побережье Балтики между тем постоянно расширялись. Балтийское море постепенно превращалось во «внутреннее шведское озеро», где господствовал многочисленный шведский флот.

Именно поэтому, решив в 1696 году взятием крепости Азов вопрос о выходе России к берегам Азовского моря, Петр I обратил свой взор на берега Балтики. Весной 1700 года, заручившись поддержкой Дании и Польши, он начинает долгую и кровопролитную борьбу со Швецией за выход к балтийским берегам, вошедшую в историю как Северная война.

Начало новой войны было для России крайне неудачным. Уже в июне 1700 года шведский флот во главе с королем Карлом XII появился у побережья союзной нам Дании. Сюда же прибыли боевые корабли Англии и Голландии. Армада под флагами трех наций в составе 60 линейных кораблей подошла к Копенгагену и жестоко бомбардировала датскую столицу. Результатом бомбардировки стал выход Дании из войны со Швецией. Война еще практически не началась, а Россия потеряла своего главного союзника.

Не прошло двух месяцев с момента капитуляции Дании, как шведский флот высадил в Рижском заливе и армию Карла XII, которая нанесла серьезное поражение нашей армии в кровопролитнейшем сражении под Нарвой. Теперь все надо было начинать с нуля — воссоздавать разгромленную армию и строить флот...

Имея опыт Азовских походов, Петр прекрасно понимал, что, не построив на берегу Балтики крепостей и не заведя собственного флота, бороться за обладание морем бессмысленно. Поэтому на северо-западе России немедленно началось строительство транспортных судов, а затем и боевых кораблей. Уже в январе 1701 года было приказано «на реках Волхове и Луге для нынешней свейской службы сделать 600 стругов». Наряду с постройкой стругов были переписаны и приобретены все

транспортные средства у частных владельцев на Ладожском и Онежском озерах, на Свири, Тихвине, Волхове и других реках. У «бывалых людей» собирались подробные сведения о путях подхода от устья Волхова к Неве. Впрочем, это было только начало.

Зимой 1702 года Петр приступил к созданию верфи на впадающей в Ладогу реке Сясь. Там сразу же началась постройка первых боевых кораблей. Спустя год кораблестроительные работы развернулись на Волхове. Весной 1703 года к постройке кораблей приступили и на реке Свирь. Здесь у Лодейного поля были созданы знаменитые Олонецкие верфи, ставшие основным центром создания будущего Балтийского флота. Для кораблестроительных работ и комплектования команд переводились опытные мастера и моряки с Азовского флота.

Первым кораблем, построенным на Олонецких верфях, стал фрегат «Штандарт». Следом за фрегатом построили галеры «Золотой орел», «Надежда», «Федор Стратилат» и другие.

Пока главные силы Карла XII были задействованы в Польше, Петр решил, не теряя времени, пробивать выход к морю. Весной 1702 года наши войска стали теснить шведов к побережью Финского залива. Боевые действия развернулись на берегах Ладожского и Чудского озер, где противник имел флотилии боевых кораблей.

В мае 1702 года в проливе, соединяющем Чудское озеро с Псковским, отряд наших судов был встречен шведской эскадрой под командованием командора Лешерна. Завязался упорный бой, продолжавшийся в течение трех дней. Вражеским огнем было разбито и потоплено несколько карбасов. Однако наши на своих утлых суденышках смело шли на abordаж и захватывали неприятельские суда. В первом же бою с эскадрой Лешерна была захвачена шведская яхта «Флундран», затем яхты «Виват» и «Вахтмейстер». Шведы отошли, а наши прорвались в Чудское озеро.

Затем боевые действия начались и на Ладожском озере, где находилась шведская эскадра вице-адмирала Нумерса.

15 июня 1702 года произошел первый бой. Шведские суда стояли на якорях недалеко от устья реки Вороны. Наши внезапно атаковали неприятеля, нанесли серьезные повреждения флагманской бригантине «Джойа» и вынудили шведов уйти. Вскоре противнику был нанесен еще более сильный удар. 30 русских карбасов напали на эскадру Нумерса около Кексгольма и причинили ей серьезный урон. Шведы потеряли несколько судов и до трехсот человек убитыми и ранеными.

После этого Нумере покинул Ладогу, уйдя в Финский залив. Теперь наши войска получили возможность осадить Нотебург, древнюю русскую

крепость Орешек у истоков Невы, закрывал выход из Ладожского озера к морю.

11 октября, после десятидневной непрерывной бомбардировки Нотебурга, русские войска пошли на штурм. Добравшись на судах до острова, они «начало приступа со всех сторон крепости жестоко учинили». Потери атакующих были огромны, но неприятельский гарнизон в конце концов «ударил шамад», т.е. капитулировал.

— Зело жесток этот орех был, — с удовольствием говорил Петр после взятия Нотебурга-Орешка, — однако, слава богу, счастливо разгрызен.

* * *

Взятие Нотебурга расчистило нам путь на Балтику. Не теряя времени, наши войска двинулись вниз по Неве к Финскому заливу. Овладев средним течением реки, армия Шереметева весной 1703 года вышла к ее низовьям, где находилась шведская крепость Ниеншанц, и захватила ее.

На следующий день после взятия Ниеншанца у устья Невы появилась шведская эскадра вице-адмирала Нумерса.

Не предполагая, что Ниеншанц уже занят русскими войсками, неприятельские корабли спокойно встали на якорь возле берега. При этом два судна — «Гедан» и «Астрильд» — зашли в реку и бросили якоря в отдалении от основной эскадры.

Этой неосмотрительностью противника и воспользовался Петр I.

Едва солнце скрылось за горизонтом, в светлых сумерках к устью Невы на лодках направились два отряда — преображенцев и семеновцев.

На рассвете 7 мая отряд лодок с солдатами во главе с Петром и Меншиковым (ибо «понеже иных, на море знающих, никого не было») неожиданно атаковал эти суда. При этом на лодках не было ни одной пушки, тогда как у противника имелось 18 орудий.

Шведы, еще ночью заметив обходящие их лодки, сыграли тревогу и подняли паруса, намереваясь присоединиться к эскадре. Однако сильный встречный ветер и узости протоки им в этом препятствовали. Шведская эскадра также подняла паруса, пытаясь прийти на помощь попавшим в ловушку товарищам, однако войти в Неву не решилась. Пытаясь уйти от приближающихся лодок, шведы поливали их картечью.

Но лодки уже вплотную подошли к неприятельским судам, и солдаты бросились на abordаж. Сам Петр, «не щадя своей монаршей милости», одним из первых пробился на палубу «Астрели» с топором и гранатою в

руках. На палубах «Гедана» и «Астрильда» разгорелся ожесточенный рукопашный бой. Часть шведов бросилась выбирать якоря, другая пыталась поднять паруса...

На флагманском шведском корабле в бессильной ярости перебегал от борта к борту потрясенный происходящим Нумерс.

На шведской эскадре давно сыграли тревогу, начали сниматься с якорей, но, как назло, остовый, противный ветер усилился, развел крупную встречную волну. Не прошло часа, как стрельба прекратилась на шняве и галиоте... От бессилия Нумерс сжал кулаки, он прекрасно понимал, что значила эта наступившая тишина.

Схватка была короткой, но кровавой. Убитых тут же предали морю, пленных заперли в трюм.

Жесткий характер битвы подтверждает сам Петр в письме Федору Матвеевичу Апраксину «Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, никогда бываемою викториею вашу милость поздравляю».

Теперь надо было торопиться и уводить суда. Последовала команда Петра:

— С якоря сниматься, паруса ставить!

Первым шел на 8-пушечном «Астрильде» сам Петр, за ним в кильватер — 10-пушечный «Гедан» под командой верного Александра Меншикова. Победители привели свои трофеи в полдень следующего дня к стенам крепости, получившей название Шлотбург.

Журнал Петра отметил: «...а мая 8-го о полуночи привели в лагерь к фельдмаршалу оные взятые суда, борт адмиральский, именуемый “Гедан”, на оном десять пушек 3-фунтовых, да шняву “Астрел”, на которой было 14 пушек. Людей на оных было всего 77 человек, из того числа побито: поручиков — 2, штурманов — 1, подштурманов — 1, констапелей — 2, боцманов — 2, боцманатов — 2, квартирмейстеров — 1, волонтеров, матросов и солдат — 47 человек, в полон взято: штурман — 1, матросов и солдат — 17, кают-юнг — 1».

Крепостные стены озарились залпами салюта. Русские полки приветствовали первый корабельный трофей на море. Военный совет состоялся в тот же день и был единогласен. Капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова наградили орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Кроме того, государь получил чин капитана-командора. Вручал ордена первый кавалер этого ордена генерал-адмирал Головин. На

эту награду Петр в письме графу Апраксину отреагировал так: «Хотя и недостойны, однако ж от господина фельдмаршала и адмирала мы с господином поручиком учинены кавалерами Святого Андрея».

Этой небольшой, но очень важной победе Петр радовался беспредельно.

Верный соратник царя Тихон Стрешнев, славившийся знанием российского прошлого, откликнулся на одержанную викторию следующим письмом: «А за такую, государь, храбрым привотцам прежде всего какие милости бывали, и того в Разряде не сыскано, для того, что не бывало взятия кораблей на море никогда; и еще в сундуках станем искать, а, чаю, сыскать нечево, примеров таких нет».

Впоследствии оба шведских судна были взяты и включены в состав русского флота. Все офицеры, участвовавшие в бою, были награждены золотыми медалями с цепями, а солдаты — серебряными медалями без цепей. На одной стороне медали находился барельефный портрет Петра I, а на другой — фрагмент боя и надпись: «Небываемое бывает. 1703».

По правительственному заказу были изготовлены и гравюры с изображением взятых судов и видом боя. Приказом Главнокомандующего ВМФ России от 19 декабря 1995 года день 18 мая объявлен днем создания Балтийского флота и с 1996 года ежегодно отмечается как День Балтийского флота

* * *

Сразу же после овладения всем течением Невы и выходом к Финскому заливу Петр решил укрепиться в этом месте. Уже 16 мая 1703 года на берегу Невы была заложена Петропавловская крепость, положившая начало основанию новой столицы России — Санкт-Петербурга.

Работы по строительству крепости и города еще только начались, но их следовало обезопасить от возможных атак шведского флота, который все еще держался неподалеку.

Поэтому, как только шведская эскадра вице-адмирала Нумерса с наступлением заморозков покинула восточную часть Финского залива, Петр решил выйти на разведку в море. Два небольших русских судна в середине октября вышли из Невы и взяли курс на запад. В 30 километрах от побережья они обнаружили пустынный остров, заросший сосновым лесом. Это был Котлин.

Остров занимал очень важное стратегическое положение, находясь

посередине Финского залива. Все крупные суда, идущие к Неве, должны были проходить вблизи от него, так как далее лежали обширные мели.

Как гласит легенда, при обследовании острова наши моряки нашли котел, оставленный неизвестными. Впоследствии найденный котел был изображен на гербе Кронштадта. Осмотрев Котлин и произведя промеры глубин, Петр решил поставить на нем передовой форт, прикрывающий строящийся Петербург со стороны моря.

Той же осенью к устью Невы прибыло первое голландское торговое судно, на следующий год — английское. Вслед за ними в Петербург стали прибывать десятки иностранных торговых судов под флагами многих европейских государств. Город в устье реки Невы становился главным портом России.

Зимой 1703–1704 годов на Котлине был расположен гарнизон, начата постройка береговых укреплений. На одной из отмелей к югу от острова была сооружена трехъярусная деревянная башня, на которой установили 14 орудий. На самом Котлине поставили береговую батарею.

Эти укрепления предназначались для обстрела фарватера, ведущего к Петербургу. 7 мая 1704 года состоялось торжество в честь закладки нового русского форта на Балтике, названного Кроншлотом. В инструкции коменданту крепости говорилось: «Содержать сию цитадель с божиею помощью еще случится хотя до последнего человека...»

Летом 1704 года шведы предприняли попытки отбросить наши войска от Финского залива. Эскадра шведского адмирала Деггра пыталась высадить десант на Котлине, но он был отбит, а последовавшая двухдневная бомбардировка острова также не принесла никаких результатов. Столь же безуспешными оказались и усилия противника захватить Котлин зимой 1704 года.

Тем временем на Сяси, Ладоге и Свири кипела работа по постройке боевых кораблей. Осенью 1704 года первые корабли Балтийского флота стали прибывать по Неве в Петербург. 18 октября к Петропавловской крепости подошел первый отряд построенных кораблей.

К маю следующего года в состав Балтийского флота уже входили 24-пушечные фрегаты: «Штандарт», «Нарва», «Петербург», «Кроншлот», «Шлиссельбург», «Триумф», «Михаил Архангел» и «Дефам», 12-пушечные суда: «Копорье», «Мункер», «Дегас», «Яким» и нескольких галер — всего около 20 вымпелов. Возглавил флот вице-адмирал Крюйс.

Линейных кораблей в составе молодого флота еще не было, но они вот-вот должны были появиться.

В мае 1705 года русские корабли впервые вышли из Петербурга в

Финский залив и заняли позицию у Кроншлота Утром 4 июня на горизонте показались 22 корабля шведского адмирала Анкерштерна Невдалеке от Котлина шведская эскадра встала на якорь. На следующий день после непродолжительного обстрела побережья со шведских кораблей началась высадка десанта. Как только десантные шлюпки приблизились к берегу, открыла огонь береговая артиллерия, затем в штыки ударили наши солдаты. Шведский десант был сброшен в воду. «Бежали на свои суда с великим страхом и, будучи в такой конфузии, при страхе суда свои опрокинули, отчего многое число неприятелей потонуло».

Желая взять реванш, утром 10 июня Анкерштерн на всех парусах направился к боевой линии русского флота Став на якоря, шведские корабли открыли сильный артиллерийский огонь. Наши отвечали. Отмечая «добрую бодрость офицеров, матросов и солдат» в борьбе со шведами, вице-адмирал Крюйс писал: «Мы со своей стороны с батареей, кораблей и галер им ни малого не поступили и не остались им ничем должны. Чинили наши ядра многую им шкodu... Наши пушки с кораблей таково метко стреляли, будто из мушкетов, и нам часто и многожды можно было слышать, как ядра в корабли неприятельские щелкали...»

Не выдержав ответного огня наших кораблей и береговых батарей, шведская эскадра стала отходить от Кроншлота.

После боя «был неприятель, — писал Крюйс, — зело в тихости, и по зрению нашему с острова можно видеть, что то и делают мачты и ванты починивают, и мы видели на одном корабле семь заплат... Неприятельский вице-адмирал всю ту ночь на одном боку лежал для починки».

Но и на этом шведы не успокоились.

14 июля неприятельский флот в 29 вымпелов вновь приблизился к Котлину для решительной атаки. На этот раз неприятельская эскадра показалась на норд-весте. Крюйс, поднявшись на шканцы флагманского корабля, рассматривал противника в зрительную трубу и насчитал двадцать пять вымпелов.

— Авангардия шведская держит курс к западному мысу Котлина. Видимо, там и будет делаться главная диверсия, — сделал он свой вывод.

Теперь все зависело от отряда Федора Толбухина, прикрывавшего западную часть острова.

Итак, направление удара шведов определилось, и теперь надо было успеть подкрепить Толбухинский полк резервом.

— Послать шлюпки на берег, передать Островскому: пушкарей и солдат две сотни отрядить немедленно в помощь Толбухину. Там сегодня жарко будет! — велел Крюйс

— Неприятель ворочает! — прокричали наблюдатели с мачты.

Не доходя полторы мили до оконечности острова, часть шведских кораблей повернула на ост, другая же спускалась к зюйду. На флагманском корабле адмирала Анкерштерна «Вестманланд» подняли красный флаг — сигнал к атаке.

Было очевидно, что шведы берут нашу батарею на оконечности Котлина в два огня.

Офицеры вокруг Крюйса уже прикидывали расклад сил:

— Ежели по кораблям судить, стволов шестьсот против шестнадцати. К эскадре нашей они не сунутся, побоятся огрести на орехи, а вот береговым достанется.

Крюйс, перекрестившись, скомандовал:

— Поднять красный флаг на правом ноке! Наши приняли вызов шведов и начинали бой... Шведы расположили корабли на якорях в две линии,

окружили западный мыс с севера и юга. Пять часов без перерыва утюжили ядрами батарею и траншеи толбухинского полка на косе. Тысячи ядер взрыли косогор, не оставляя там живого места. И все же шведы просчитались. Траншеи и брустверы надежно укрыли преображенцев. Не зная этого и полагая, что берег от русских уже очищен, Анкерштерн в полдень отдал приказ начать высадку.

К берегу двинулось до полусотни шлюпок. На их борту — тысяча семьсот шведских отборных гренадер. Едва шлюпки ткнулись в песок, шведы попрыгали в воду и, еще не доходя берега, развернулись в атакующие порядки. И вот, когда до спасительной суши оставались какие-то метры, появившиеся буквально ниоткуда преображенцы произвели первый залп. Наши били в упор, и практически никто не промахнулся. Первая шеренга шведов была мгновенно выкошена. На поверхности плавали лишь шапки гренадер...

А вдоль береговой линии уже сверкало пламя, свистела картечь. Это, поддерживая преображенцев, вступила в дело замаскированная артиллерия.

Из реляции Крюйса «По полуночи в 6 часов неприятель начал всею своею силою из верхних и нижних пушек с обеих сторон с кораблей против острова стрелять. Однако нашим никакой вреды не учинил, от того, что две тысячи двести человек солдат под командою полковника Толбухина лежали на земле в прикрытом месте и по неприятелю ни единого выстрела не было. А перед полуднем неприятель, посадив людей своих на мелкие суда, послал к берегу, и как они подошли недалеко от берега, тогда наши по неприятелю жестоко из пушек стреляли; а как оные пришли к берегу

гораздо ближе, их взяли в мушкетную стрельбу; а как стали выходить из воды, им было выше колен, в некоторых местах глубже, а иные до дна не достали, иные же по горло в воде. Из наших 15 пушек непрестанно стреляли ядрами и картечами, от чего оные неприятели пришли в конфузию. И хотя из них некоторые вышли было на берег, однако ж оные в той конфузии все побежали назад на свои суда, из которых многие опрокинулись, и тогда 3 5 человек неприятелей на берег выхватили, а в 1 и 2 часу неприятель со всем флотом стал назад подаваться, тогда стрельба перестала. Неприятельских судов было ботов и шлюпов 29. Того же числа к берегу принесло с 400 человек мертвых неприятельских тел; тогда же взято в плен 3 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика, 7 унтер-офицеров да рядовых 21 человек. В нашем ретраншементе убито 29 человек да 50 ранено».

Подобрав немногих уцелевших гренадер в шлюпки, шведы поспешно отошли в море, бросив у берега сотни своих убитых и раненых... Вдогонку с острова неслись ядра и бомбы, а из-за рогаток демонстративно выходила в погоню флотилия галер шаутбенахта Боциса.

Кровавый котлинский урок шведские адмиралы запомнили навсегда и уже до конца войны ни разу больше не испытывали судьбу на Невском взморье. Молодой русский флот и возведенная на острове крепость надежно закрыли морские ворота на Балтике.

Осенью 1706 года при осаде Выборга Петр I поручил сержанту Преображенского полка Михаилу Щепотьеву совершить рейд в Выборгский залив, чтобы захватить одно из находившихся там шведских судов. Пять небольших лодок, которыми командовали бомбардиры Наум Сенявин, Автомон Дубасов, Ермолай Скворцов, Петр Головков и Наум Ходанков, вышли в море. В темноте лодки прошли мимо шведских торговых судов и неожиданно оказались перед хорошо вооруженным адмиральским ботом «Эсперн».

Несмотря на полное превосходство в силах неприятеля, Щепотьев атаковал шведское судно и взял его на abordаж. В ожесточенном бою смертью храбрых пали в бою сержант Михаил Щепотьев, командир гренадер Емельян Бахтиаров, командиры лодок Автомон Дубасов и Петр Головков. Тяжелые ранения получили Наум Сенявин и многие другие. Горстка отважных героев овладела вражеским судном, а затем отбила нападение второго шведского бота и привела «Эсперн» в свою базу с полным вооружением и 27 пленными. «Живых вчетверо больше себя привели», — гласит хроника.

Из хроники сражения: «Со шведской стороны побиты капитан Малеген Грий, поручик Лан, который командовал над взятым судном, Ян

Гол, Ян Эреншильд пропал безвестно, унтер-офицеров — 2, капралов — 6, рядовых — 63, которые телами сочтены, матросов — 2. В полон взято боцманов — 2, солдат — 24. Ружья: пушек — 4, фузей — 57, шпаг — 53, также и иного багажу немало. С нашей стороны побиты командир господин Щепотев, капитан Емельян Бахтиаров, бомбардир Автоном Дубасов, гренадер — 30 человек. Безвестно пропали бомбардиры Петр Головков, Наум Ходанков. Ранены: из бомбардиров Наум Сенявин, Иван Турков, Василий Осипов».

Встречал победителей сам Петр, расцеловал Сенявина, принял от него шведский флаг, осмотрел бот.

— Доброе судно! — был его вывод.

Из реляции: «Гренадер 7 человек, купно и с прочими оставшимися пожалованы все в офицеры».

Вслед за постройкой Петропавловской крепости около нее началось строительство причалов, пристаней, складов и магазинов для нужд флота 5 ноября 1704 года на левом берегу Невы под защитой Петропавловской крепости была заложена большая корабельная верфь — главное Адмиралтейство.

Для ее строительства были привлечены мастера с Олонецкой верфи, плотники из Ростова, мастеровые из Новгорода, Владимира и других городов. И город, и флот рождались одновременно.

А через год в главном Адмиралтействе уже спустили на воду первые боевые корабли. Одновременно с главным Адмиралтейством в Петербурге почти одновременно создавались Партикулярная верфь — для постройки транспортных судов и Галерный двор — для строительства гребного флота

Однако флот — это не только верфи. Это огромная инфраструктура, создавать которую приходилось с нуля, причем в кратчайшие сроки. Поэтому для производства парусины вскоре была построена крупнейшая московская мануфактура — Хамовный двор. В Холмогорах изготавливали канаты. По всей России рубили корабельный лес, строили кожевенные заводы, суконные, шляпные, чулочные фабрики. Особое внимание уделялось изготовлению пушек, ядер и пороха. В Петербурге и рядом с ним были основаны: Пушечный двор, Охтенский пороховой завод, Сестрорецкий оружейный завод. На этих заводах и на верфях трудились тысячи «работных людей».

Что и говорить, первые боевые корабли Балтийского флота по своим мореходным качествам и вооружению, да и по качеству леса уступали кораблям ведущих морских держав. Там был опыт нескольких столетий, мы же начинали, как говорится, с чистого листа. Позднее историки будут

называть первые корабли Петра «блинами», т.к. они были весьма широки, не слишком поворотливы и имели небольшую осадку. Но для Финского залива «блины» оказались вполне подходящими, и шведам от них досталось. К тому же с каждым годом качество наших кораблей быстро улучшалось, так что первые «блины» комом не оказались...

В те непростые дни в России быстро мужала плеяда отечественных мастеров-кораблестроителей, таких как Федосей Складов и Гаврила Меншиков, Федор Салтыков и Дмитрий Русинов. Именно в это время простой самородок-плотник Ефим Никонов предложил проект «потопленного судна» — прообраза подводной лодки.

А верфи работали днем и ночью. Только в течение первых семи лет Северной войны в состав Балтийского флота вступило около 200 боевых и вспомогательных судов. Это был, без всякого преувеличения, великий подвиг всего народа

В битве под Полтавой 27 июня 1709 года русские войска нанесли шведской армии крупнейшее поражение. Военное могущество Швеции, создававшееся в течение столетий, было сокрушено. Самому Карлу XII едва удалось спастись и искать спасения в Турции.

Авторитет России на международной арене неизмеримо возрос. Возобновили борьбу против Швеции союзные нам Дания и Польша, вслед за ними выступила и Пруссия. Победой под Полтавой были закреплены успехи русского оружия на берегах Финского залива Подчеркивая эту связь между разгромом армии Карла XII с укреплением России на Балтике, Петр после Полтавской битвы писал: «Ныне уже совершенно камень в основание Санкт-Петербурга положен...» Именно под Полтавой Петр принял окончательное решение о перенесении столицы государства в Петербург.

* * *

Весной 1710 года адмирал граф Апраксин возглавил осадный корпус, двинувшийся для взятия Выборга морем по льду, взяв с собою только 15 орудий и небольшой запас провианта. Караван судов с боевыми припасами, конвоируемый боевыми судами, вышел в море вместе со льдом и благополучно дошел до Выборга. Во время этого плавания Петр с отрядом военных судов целую ночь, с опасностью для своей жизни, пробивался среди льда Своевременный приход в Выборг транспортного каравана ускорил сдачу крепости. «Ледовый поход» к Выборгу явился одним из

выдающихся подвигов молодого Балтийского флота. В этом же году были взяты Рига, Пернов, Ревель и Моонзундские острова. В результате одной кампании 1710 года Швеция лишилась всех военно-морских баз от Выборга до Риги.

Однако, несмотря на серьезные поражения, Карлу XII удалось втравить Турцию в войну против России, что повлекло тяжелые последствия на юге. Прутский поход Петра в 1711 году привел к окружению его 200-тысячной турецкой армией. Только ценой отказа от Азова Петру удалось избежать крупной военной катастрофы и заключить с Турцией мирный договор.

Отныне все его последующие усилия были сосредоточены исключительно на борьбе со Швецией, а потому боевые действия на Балтике немедленно возобновились. В 1713 году началось победное шествие России уже по северным берегам Финского залива. Были взяты морские крепости Гельсингфорс, Бьернеборг и Ваза. Наши армия и флот вышли к побережью Ботнического залива.

При этом продолжавшееся блокирование шведами наших берегов несколько не мешало нашим морякам перевозить морем провиант от Котлина в Финляндию и даже захватывать в шхерах неприятельские суда, а также не препятствовало иностранным торговым и нашим военным судам пробираться не только в Ригу и Ревель, но даже в Петербург.

Историк русского флота Ф. Веселаго пишет: «Шведы, после постоянных неудач, стали осторожными до нерешительности, и Петр не пропускал случая пользоваться упадком духа неприятеля. Русские военные суда, несмотря на присутствие шведского флота в Финском заливе, смело ходили не только у южного берега, до Нарвы и Гогланда, но проникали и в глубину финляндских шхер. Успех порождал соревнование между командирами русских судов, пользовавшимися всякою оплошностью неприятеля, и наши крейсера начали захватывать шведские призы, приводя их с торжеством к Котлину. Петр не ограничивался сделанными приобретениями и, желая вовсе вытеснить шведов из Финского залива, спешил усиливать свой флот постройкою судов и укреплял Котлин новыми батареями».

Академик Е.В. Тарле писал о событиях 1710 года так: «...В феврале 1710 г. Петр приказал Апраксину начать боевые действия против Выборга, чтобы обезопасить Петербург со стороны Финляндии. Сделав переход по льду, войска Апраксина 21 марта осадили Выборг. С собой Апраксин взял лишь самое необходимое для начала осады. Предполагалось, что как только позволит "ледовая обстановка", будут отправлены к Выборгу транспортные

суда с артиллерией, боеприпасами и продовольствием.

В начале мая флот, лавируя между льдами, тронулся в путь. При экспедиции находился и шаутбенахт Петр Михайлов, строжайше запрещающий называть себя царем, пока он находится на корабле. 9 мая флот доставил Апраксину все необходимое для осады Выборга. 13 июля Выборг сдался русским. Роль флота в этой победе оказалась решающей: шведские корабли уже шли на выручку, но русский флот их опередил. Сухопутные русские войска проявили чудеса героизма и выносливости, но без прихода флота взять Выборгскую крепость было бы невозможно.

А вскоре после падения Выборга пришла в русскую столицу и еще одна радостная весть: 8 сентября 1710 г. сдался Кексгольм. Ревель, Нарва, Выборг, Кексгольм — все эти подступы к Петербургу были теперь в русских руках. Но нужно сказать, что эти пункты являлись уже вторым поясом укрепленных позиций, преграждавших нападения на Петербург. А первоначальной и очень важной охраной был флот, который даже в эти буквально первые дни своего существования уже приносил громадную военную пользу».

Академик Е.В. Тарле писал: «Задача завоевания Южной и Юго-Западной Финляндии диктовалась Петру всей политической и стратегической обстановкой. Отношения с союзниками стали таковы, что Петр очень зорко следил за польско-саксонскими войсками, которые весьма подозрительно маневрировали около Курляндии. С Данией тоже многое не клеилось и не приходило в ясность. Речи не могло быть о том, чтобы сильным ударом союзных флотов с юга, от Копенгагена, Борнгольма, Данцига, Ревеля, заставить шведов мириться. После завоеваний 1710 г. именно это было главной задачей политики Петра относительно Швеции. Но если этот удар нельзя нанести от южного берега Балтийского моря, то оставался лишь один исход: базироваться на северном берегу Финского залива, взять Гельсингфорс, взять Або, попытаться овладеть Аландскими островами, превратить Юго-Западную Финляндию в плацдарм для нападения на шведские берега или хотя бы создать серьезную угрозу нападения, что могло заставить шведов согласиться на мир. Завоеваний в самой Финляндии, т.е. новых постоянных земельных приобретений там, царь не искал, он решил удовлетвориться полосой земли между Кексгольмом и Выборгом. Конечно, предстояла встреча со шведами и на суше и на море. В течение всего 1712 г. и в течение весны 1713 г. шла самая кипучая работа по постройке галерных судов и подготовка уже имевшихся линейных кораблей. Блестящая стратегическая мысль Петра, деятельно осуществляемая Апраксиным, Боцисом и др., заключалась в том, что

главная роль в предстоящих военных действиях выпадет на долю не линейных кораблей, а весельных и парусных галер, полугалер, бригантин и т.п., т.е. судов, для которых возможно маневрирование в шхерах. Около двухсот этих гребных судов было готово к походу уже весной 1713 г.

Это не значит, что Петр прекратил постройку и покупку новых и новых линейных кораблей в 1712–1713 гг. Царь знал, что без них на просторах Балтики рано или поздно не обойтись, потому что шведский флот пока еще очень силен. Но для такой операции, как завоевание Финляндии, линейный флот не был так непосредственно нужен, как флот галерный».

Постепенно овладевая балтийским берегом, Петр I готовился вытеснить шведов из Финляндии, располагая отсюда нанести им решающий удар. Весной 1713 года российский галерный флот под началом Ф. Апраксина направился в финляндские шхеры. Всего более 200 галер и 16 тысяч десанта. Авангардом командовал контр-адмирал Петр Михайлов (Петр I), кордебаталией — Апраксин, а арьергардом — шаутбенахт Боцис, венецианский грек на русской службе. Одновременно корабельный флот, под флагом вице-адмирала Крюйса, состоявший из 7 кораблей, 4 фрегатов и 2 шняв, вышел к Березовым островам. В числе них и первый, спущенный на Петербургском Адмиралтействе, 54-пушечный корабль «Полтава».

Дойдя до Гельсингфорса, галерный флот и бомбардирские суда открыли огонь по крепости. Шведы отвечали. Кровавый артиллерийский бой продолжался всю ночь. На рассвете был высажен десант и шведский гарнизон покинул крепость и город. Преследуя шведов, десант занял порт Борго, ставший удобной стоянкой для наших галер.

Вскоре после занятия Гельсингфорса капитан-командору Змаевичу было поручено разведать путь к порту Або и разыскать в шхерах наиболее близкий к берегу «самый внутренний» фарватер.

Однако стоявшие у Гангута шведские корабли отогнали галеры Змаевича. Последующая разведка показала, что «ни коими мерами от больших кораблей пройти невозможно, ибо на многие мили чисто и нигде островов нет». Впрочем, 17 августа князь Голицын по суше, а Апраксин на гребных судах морем пошли от Гельсингфорса к Або. Город был сдан без сопротивления 28 августа 1713 года.

Итак, к ужасу шведов, после этой операции Стокгольм оказался весьма близко от крайнего западного пункта Финляндии, захваченного Петром. А потому занятие Або явилось стратегическим событием в истории Северной войны.

Тем временем в Ревель прибыли вновь купленные за границей 3

корабля и 2 фрегата. Поэтому корабельный флот был направлен туда для встречи пополнения. Миновав остров Гогланд, вице-адмирал Крюйс, увидев впереди три шведских военных корабля, немедленно начал погоню и, сблизившись на пушечный выстрел, открыл огонь. Однако в это время корабль «Выборг», а за ним еще два корабля один за другим выскочили на мель. Воспользовавшись этим, шведам удалось бежать. «Выборг» с мели снять так и не удалось, и его пришлось сжечь. Данный инцидент произошел, прежде всего, из-за отсутствия даже примерных морских карт.

Что и говорить, становление Балтийского флота шло весьма и весьма непросто. Но, несмотря на все объективные трудности, с каждым годом Россия все уверенней и уверенней утверждалась на Балтике. С каждым годом набирал боевую мощь и молодой, но уже почувствовавший вкус первых побед Балтийский флот.

Глава вторая.

КОРАБЛИ ПЕТРА I

Основой основ всякого регулярного военно-морского флота в XVIII–XIX веках являлись линейные корабли, предназначавшиеся для ведения генеральных сражений в боевых линиях. Именно организация службы на линейных кораблях определяла правила поведение моряков и их быт на всем флоте в целом. Линейные корабли эпохи парусного флота являлись ферзями на шахматных досках морских войн. Линейные корабли были вершиной кораблестроительной мысли. Многосотенный экипаж и десятки тяжелых орудий, громада дубового корпуса и мачты, упирающиеся в небеса. Создание и содержание подобных исполинов было под силу не каждой державе. Потеря каждого из линейных кораблей была всегда потерей общегосударственной, а потому их и берегли как зеницу ока. Именно линейные корабли были в парусную эпоху сосредоточием новейших достижений технической мысли. Как же выглядел типичный двухдечный парусный корабль российского флота?

На линейных кораблях под нижней палубой (гон-деком) делали помост на расстоянии 6 футов (около 3 метров) от днища — орлоп-дек, который состоял из рам, которые можно было в случае необходимости снять, если возникала необходимость принять особенно много груза. Пространство между гон-деком и орлоп-деком называлось кубриком. Он занимал, как правило, всю длину корабля от форштевня до брот-камеры в кормовой части, где хранились сухари. Все, что было ниже кубрика, именовалось трюмом, который делился на несколько отсеков. В носовой и кормовой частях трюма имелись две крюйт-камеры для хранения пороха. Носовая крюйт-камера являлась основной, а кормовая — вспомогательной. На трехдечных 100-пушечных кораблях была еще и третья «висячая» крюйт-камера между грот- и фор-люками. Впереди кормовой крюйт-камеры в трюме находились капитанский и офицерский погреба для хранения их продовольствия; кроме этого, там имелись особые выгородки, в которых хранились ядра, бомбы и гранаты. В трюме у грот-мачты (то есть в центре корабля) устанавливали помпы для откачки воды. Эту часть трюма наиболее плотно загружали балластом. В трюме также хранилось продовольствие для команды в бочках (вино, пиво, мясо и масло). Сухая провизия в рогожных кулях размещалась выше на кубрике. Там же

хранились котлы, весы и другая кухонная утварь. Средняя часть трюма в случае необходимости использовалась для размещения больных и раненных. Между фок- и грот-мачтами хранили: канаты, якоря, запасной такелаж. Под крюйт-камерой обычно размещалась кладовая с артиллерийскими принадлежностями: кокорами, рогами, зажигательными трубками и т.д. У входа в крюйт-камеру располагались шкиперские выгородки для хранения парусов. Вдоль бортов на палубе кубрика между помещениями и корпусом оставалось некоторое свободное пространство — это были так называемые галереи, которые предназначались для удобства осмотра обшивки бортов, заделки пробоин и устранения течи.

Интересно, что поверхность нижней палубы (гон-дека) делалась выпуклой для уменьшения длины отката пушек при выстреле. На нижней палубе устанавливались самые тяжелые орудия. На ней же жили и матросы, которые развешивали перед сном свои висячие койки-гамаки. Любопытно, что палубы и переборки в орудийных деках традиционно красили в красный цвет. Делалось это для того, чтобы вид крови во время боя не отвлекал команду. Любопытно, что мода на окраску палубы именно в красный цвет перешла на такую окраску пола в такой же цвет вначале в домах морских офицеров в Кронштадте, затем эта мода была привнесена в Петербург, а уже оттуда быстро распространилась по всей России. И сегодня в большинстве случаев дощатые полы у нас красят именно в красный цвет, продолжая тем самым традиции парусного флота.

В бортах военных судов делались пушечные окна-порты со ставнями на петлях. Перед стрельбой ставни открывали, орудия подтаскивали вплотную к борту, чтобы стволы выходили за борт. Делалось это во избежание возможного возгорания корабля при выстреле.

За грот-мачтой, по установившейся традиции, размещалась констапельская каюта, в которой жили «второсортные офицеры»: артиллеристы, штурманы и офицеры солдатских команд. Рядом находились корабельная канцелярия с писарями и кладовая абордажного оружия (мушкетоны, абордажные топоры-интрепели, пистолеты и пики). Перед бизань-мачтой в отдельной выгородке хранились ружья. Между грот- и бизань-мачтой был установлен шпиль для постановки и выборки якоря. Большой барабан шпиля размещался на нижней палубе, а второй — на средней. Там же хранились и вымбовки, которыми выхаживали шпиль. Между фок- и грот-мачтами размещался еще один малый шпиль для верпования.

На парусных линейных кораблях, как правило, имелось по четыре станových якоря. Во время плавания их хранили по-походному над кран-

балками попарно. Пятый якорь — запасной, хранился без штока в трюме за грот-мачтой. Кроме этого на парусных кораблях имелось еще несколько более мелких вспомогательных якорей — верпов, которые предназначались для снятия корабля с мели, передвижения его в штиль и по рекам.

Согласно общей традиции, корма считалась местом пребывания командного состава, а носовая часть — рядового. Кают-компания офицеров размещалась на верхней палубе (в опер-деке) в кормовой части корабля. Там в свободное от приема пищи время жил старший офицер (капитан-лейтенант) и лейтенанты. Мичманы жили в маленькой и тесной выгородке под шканцами. Если в кают-компании еще имелись кое-какие элементарные удобства, то мичманская выгородка была столь мала и темна, что традиционно носила название «пещеры». Рядом с ней, в отдельной выгородке, обитал и корабельный батюшка. Здесь же размещалась и небольшая корабельная церковь. Каюта капитана и адмиральский салон размещались в самой корме под шканцами. Это были наиболее благоустроенные каюты, имевшие и кабинет и спальню. Однако и там постоянно располагались орудия. В обычное время их старались драпировать и закрывать, создавая иллюзию уюта и даже известной роскоши. Но при приготовлении к бою в капитанской каюте и адмиральском салоне сразу же снимались временные переборки, и спустя пять-шесть минут эти помещения превращались в обычную оружейную палубу. В большинстве случаев соблюдался принцип, что каюте флагмана более приличествует скромность кельи монаха, нежели показная роскошь будуара. Впрочем, порой бывали и исключения.

В носовой части парусного корабля под баком помещалась поварня (камбуз), рядом — лазарет, где жили лекар и подлекари. Шканцы — место пребывания капитана, вахтенных офицеров и рулевых во время плавания — располагались от грот-мачты до среза кормовых окон. Там же находился штурвал, нактоуз с компасом, там же хранились лаги и лоты.

Все палубы на парусных судах имели люки, предназначавшиеся для освещения нижних палуб и их проветривания. Верхняя палуба при этом ограждалась фальшбортом, вдоль которого стояли свернутые в тугие коконы матросские койки. Во время боя они служили дополнительной защитой от ядер, картечи, пуль и летящей во все стороны щепы. Перед боем за фальшбортом натягивали противобордажные сети, которые мешали кораблям сойтись вплотную, а неприятельским матросам — беспрепятственно перепрыгнуть на палубу русского корабля.

Практика строительства парусных судов не обеспечивала необходимой прочности корпуса. На нашем флоте это усугублялось еще постоянной

спешкой в строительстве, когда в дело шло не высушенное сырое дерево, низкой квалификацией рабочих, в качестве которых порой использовались обычные солдаты, недосмотрами и злоупотреблениями на верфях. Во избежание этого было положено каждый корабль строить в течение трех лет, причем в первый год заготавливать лес и давать ему время на просушку, а также использовать при строительстве квалифицированных работников. Но на практике, как это обычно у нас бывает, это исполнялось далеко не всегда.

Зачастую все принимаемые меры к усилению корпуса и устранению течи давали эффект только до ближайшего шторма. Вообще, самой большой проблемой для линейных кораблей эпохи парусного флота всех государств, включая Россию, было обеспечение продольной прочности корпуса. Именно из-за этого долгое время было проблематично строительство надежных 100-пушечных линейных кораблей. Наибольших успехов в обеспечении продольной прочности корпуса достигли французские корабельные мастера, но они долгое время как зеницу ока берегли свои теоретические расчеты по этому вопросу. А потому порой даже небольшое волнение на море вызывало прогиб и перегиб кораблей, из-за чего сразу же начиналось расшатывание соединений, нарушение плотности обшивных досок и как следствие этого появлялась течь. Водоотливные средства, состоявшие, как правило, из двух-трех ручных кетенс-помп, тоже при всем старании команды не могли полностью осушить трюм. Поэтому вода в трюме считалась нормальным явлением, следили лишь за ее уровнем, чтобы тот не становился критическим. Ослаблению корпуса способствовала и нагрузка кораблей тяжелой артиллерией. Но иного выхода, увы, тогда просто не существовало.

Историк флота Ф.Ф. Веселаго писал: «При таком состоянии судов, едва флот выходил в море, как при первом свежем ветре на многих судах открывалась сильная течь или важные повреждения, заставлявшие немедленно отправлять эти суда в ближайший порт и отделять для конвоя их другие суда, годные к плаванию. Были случаи, что в свежий ветер суда сразу же получали повреждения, а иногда на пути и разбивались. Но при этом необходимо заметить, что кораблестроение шло весьма деятельно...»

Вследствие большой парусности кораблей и судов для обеспечения лучшей остойчивости они загружались большим количеством балласта. Во времена Петра Великого на российском флоте для этого использовали обыкновенные камни или разорванные огнем орудийные стволы. Позднее стали применять для этой цели чугунные чушки, которые специально отливали на заводах. Образующие пустоты засыпали песком. Чтобы при

качке балласт не приходил в движение, трюм делили брусьями на отсеки. Сверху чугунные чушки засыпали мелким камнем и ставили «бочки большой руки» (60-ведерные) с пресной водой. Пустоты между бочками опять засыпали песком. На «бочки большой руки» устанавливали в два уровня бочки «средней» и «малой руки». Пустоты между верхними бочками заполняли дровами. Как правило, до подволока трюма оставляли около метра свободного пространства для доступа матросов для работ.

Вся эта громоздкая балластная система не была надежной. Часто на качке бочки разбивались, и вода из них вытекала. Образовывались пустоты, и груз начинал смещаться в трюме, создавая опасный кренящий момент, что было смертельно опасно при внезапных шквалах.

Внутри корпуса кораблей делили горизонтальными настилами — палубами-деками. Их могло быть две (двухдечный корабль) или три (трехдечный корабль). О принудительной вентиляции корабельных помещений тогда даже не имели представления. Постоянно проникающая в трюм вода вызывала гниение корпуса и, что самое главное, отравляла воздух внутри корабля, делая его почти невыносимым для дыхания.

Недоброкачественная провизия, испортившаяся в деревянных бочках вода, недостаточно хорошая одежда и неблагоприятные гигиенические условия, общие, впрочем, для всех флотов того времени, способствовали болезням и большой смертности. Порой из-за этого в сильные ветра малочисленные команды были просто не в состоянии выбрать якоря, и поэтому, чтобы вступить под паруса, приходилось попросту рубить топорами якорный канат. Нередки были случаи, когда суда даже на небольшой качке теряли бушприты и мачты. При непрочном такелаже и парусах, некачественно выкованных якорях и ненадежных канатах опасность угрожала судам не только в море, но и на якоре. Следствием этого были частые крушения и гибель судов.

Много лучшего оставляла желать и корабельная артиллерия. Петр I ввел в качестве измерения калибра орудий артиллерийский фунт — чугунное ядро диаметром 2 дюйма (50,8 мм) и весом 115 золотников (490 граммов). Диапазон калибров был достаточно высок от маленьких 1-фунтовых до тяжелых 36-фунтовых пушек. Известно, что в последний раз петровские пушки были использованы во время Русско-шведской войны 1788–1790 годов.

Надо отметить, что корабли петровского флота отличались от более поздних тем, что были очень широки и имели небольшую осадку, за что в шутку именовались «блинами». Такие характеристики имели голландские корабли, предназначенные для действий на мелководье, такие же корабли

решил строить и Петр, принимая во внимание мелководье Финского залива, где в основном предполагалось воевать молодому русскому флоту.

Во все времена на кораблях и судах флотов всех стран мира пожары были и остаются одним из самых страшных бедствий. Порой две противоположные стихии — огонь и вода — с какой-то поистине дьявольской согласованностью вдруг внезапно обрушиваются на моряков, и тогда спасения уже быть не может... К сожалению, сия чаша не минула и российский флот.

Для предупреждения пожаров на кораблях и судах парусного флота предпринимались исключительные меры. Курение, например, разрешалось только днем на баке, где стоял обрез с водой для выбивания трубок. Для растопки камбузной плиты и зажигания фонаря нужно было получить разрешение у вахтенного офицера. Причем фонари горели только в строго установленных местах: в кают-компании, в каюте командира и в лазарете. Под каждым фонарем располагался обрез с песком или водой. За соблюдением пожарной безопасности наблюдал специальный «огневой капрал».

Особое внимание уделялось крюйт-камере. Командир корабля назначал самого «осторожного и верного офицера и особливо надежных людей для караулу к крюйт-камере». Часовой у крюйт-камеры под страхом смертной казни был обязан не пускать туда никого с огнем, как по личному приказу командира судна, да и то только в сопровождении самого командира или «верного офицера». Даже мимо крюйт-камеры ходить с фонарями было строжайше запрещено.

После загрузки пороха в крюйт-камеру командир корабля запирает ее на ключ, а ключ хранил у себя в надежном месте. Если ему надо было покинуть судно, то ключ он отдавал оставляемому за себя с «крепким приказанием смотреть в оба».

Наверное, самым страшным за все триста лет был пожар парусного линейного корабля «Нарва» на самой заре создания нашего флота в 1715 году. Сведений о той давней катастрофе сохранилось не так уж много, однако масштабы ее не могут не вызвать ужаса и сегодня...

Трагедия произошла, когда 54-пушечная «Нарва» готовилась к очередной морской кампании и, загрузив все припасы, уже стояла на внешнем Кронштадтском рейде. 27 июня разыгралась непогода, пошел сильный дождь. В небе гремел гром и блистали молнии. По совершенно трагическому стечению обстоятельств крюйт-камера корабля, где хранились уже погруженные запасы пороха, в этот момент оказалась открытой — туда догружали последние пороховые бочки. Очередной удар

молнии пришелся как раз в открытый люк крюйт-камеры. Взрыв был страшен. Сила его, по воспоминаниям очевидцев, была столь велика, что несчастную «Нарву» буквально разорвало в клочья. В вихре всеиспепеляющего взрыва нашли свою мгновенную смерть более трехсот членов экипажа, от большинства из них потом не смогли найти даже останков. Чудом спаслось лишь пятнадцать обгоревших и оглушенных матросов, которых отбросило взрывной волной далеко от гибнущего корабля. Надо ли говорить, сколь ощутимой была эта потеря для молодого и не слишком многочисленного российского флота. После этого среди моряков ходило много разговоров о несчастливом названии корабля «Нарвы». Все сразу вспомнили о нарвском разгроме русской армии в самом начале Северной войны. Следствием этого стало то, что больше никогда корабля с таким наименованием в отечественном флоте не было. Подводя итог рассказу о трагедии «Нарвы», следует отметить, что ее гибель стоит отнести к той категории катастроф, которые в старых морских документах именовали как «неизбежную в море случайность», а ныне называют «форс-мажором». К этому можно добавить, что впоследствии руководство флота и лично Петр I несколько сомневались в истинности причины гибели линейного корабля. Для этого имелись основания, ведь подобного случая гибели большого боевого корабля от удара молнии не знает вся история мирового мореплавания. Так что вполне возможно, что «Нарва» и ее экипаж стали жертвой шведской диверсии или же чьей-то халатности. Узнать правду было просто не у кого, все бывшие в непосредственной близости от крюйт-камеры погибли, так что однозначного ответа о причине гибели «Нарвы» мы, скорее всего, уже никогда не узнаем.

На парусных судах российского флота вся жизнь была подчинена букве Морского устава, разработанного и утвержденного Петром I в 1720 году. Любая мелочь была строго регламентирована, иначе, впрочем, в море было и нельзя.

Поэтому для упорядочения деятельности команды уставом вменялось в обязанности командирам кораблей «главнейшим делом» расписать «всю команду на три равные части по вахтам, а вахты по парусам, орудиям и т.п.».

Надо отметить, что с петровских времен почти до конца XVIII века русские моряки применяли так называемое морское исчисление времени, в котором сутки начинались с полудня предшествующего дня по гражданскому календарю. Морское счисление опережало гражданский календарь на 12 часов, но для моряков было более удобным.

При хорошем ветре и относительно спокойном море дежурная вахта находилась на верхней палубе в готовности, в то время как свободная занималась корабельными делами или отдыхала. При общих авральных работах наверх вызывались все вахты. В холодную погоду вахту могли сократить до двух часов. Если ветер был попутный, то вахтенные матросы могли и отдохнуть. Намного хуже было, если ветер был противный, тогда идти вперед парусное судно могло только с помощью лавировки, для захвата касательного ветра в паруса. Занятие это было не только чрезвычайно утомительным, но и физически трудным, так как приходилось за вахту подниматься на мачты до десятка раз. Если же погода была холодна, а ветер был свежий, это выматывало матросов до полного изнеможения.

Правила о салютах или, как тогда называли, о «поздравлениях пушками», в течение первой четверти XVIII века, определялись несколькими постановлениями, которые, однако же, на практике никогда строго не исполнялись. Так, в 1710 году положено, что крепость должна салютовать первому адмиралу 7-ю, а прочим флагманам 5-ю выстрелами, и они должны отвечать ей тем же числом. Партикулярные же корабли должны салютовать крепости 5-ю выстрелами, а она им отвечала тремя. Но вслед за утверждением этого постановления оно было нарушено, и суда салютовали почти всегда большим числом выстрелов.

От иностранных коммерческих кораблей требовали, чтобы, подходя к нашим крепостям, они опускали фор- или грот-марсель «вместо поклона» и подбирали вымпел. При встрече же с нашими военными судами иностранные купцы, кроме спуска марсея, должны были, если имели пушки, салютовать, а флагманы им отвечать двумя выстрелами менее.

В 1710 году, в случае встречи наших архангельских фрегатов с иностранными судами, велено было: «французским, английским и испанским судам почтения не чинить». Но через два года, когда предполагалось несколько судов Азовского флота перевести в Балтийское море, то им предписывалось, в случае прихода в иностранные порты, «кумплемент отдавать, смотря на английские и французские поступки, чтобы чести флага не учинить афронта». С Данией (в 1710 г.), с Голландией (в 1716 г.) и со Швецией, при заключении Ништадтского мира, о правилах салюта были заключены трактаты; но условия со Швецией были так неопределенны, что, при первом же применении их на практике, возбудили недоразумения и вызвали со стороны русского правительства распоряжение, чтобы при размене салютов со шведами отвечать всегда одним выстрелом менее.

Флот, как известно, не может существовать без кораблей, но и корабли, в свою очередь, не могут существовать без портов, где их готовят к плаванию и где они чинятся после возвращения с моря. Жизнь портовых портов России при Петре была весьма отличной от жизни обычных российских городов. Здесь все было иначе...

Главная задача каждого порта — подготовить суда и команды к плаванию, а после окончания оно дать им приют, ремонт и отдохновение. В портах суда отстаивались и хранились между кампаниями. И если на теплом Черном море наши моряки старались плавать круглогодично, а потому и чинились, соответственно, постепенно в течение целого года, то на замерзающей Балтике все было иначе. В Кронштадте, как мы уже говорили, корабли и суда на зиму консервировали.

Адмиралтейство — это целый мир, живущий по своим, только ему присущим законам. С раннего утра до поздней ночи здесь снуют люди. Кажется, что все движется хаотично, но на самом деле у каждого из снующих есть свое дело и каждый знает, как его делать быстро и толково. Помимо самих верфей, где воздвигаются корабельные кораба, в Адмиралтействе имеются всевозможные вспомогательные мастерские. Их такое множество, что непосвященный все и не упомнит: весельные, блоковые, столярные и парусные, резные, котельные, кузнечные и домкратные, буровые и инструментальные, якорные, меховые, фонарные и оконные, малярные, компасные, конопатные и бочарные, пильные, свечные и брандспойтные... В каждой мастерской кипит своя работа — опытные мастера и ученики-подмастерья обеспечивают российский флот всем, что ему необходимо. Рядом с адмиралтействами рабочие и матросские слободки. Там живут семейные рабочие и нижние чины.

Зимовка флота в порту требовала больших помещений и для размещения личного состава. Для этого Петр I еще в 1712 году велел собрать со всех губерний для строительства жилья на острове Котлин три тысячи строителей. С тех пор казармы в Кронштадте строились постоянно. Строились дома и для офицеров.

Военный порт должен быть во всегдашней готовности к войне, а потому он защищен фортами и береговыми батареями. Военный порт — убежище и дом для флота, там моряки должны чувствовать себя в полнейшей безопасности. Поэтому большое внимание портовые власти всегда уделяли предупреждению пожаров, которые в эпоху парусного

флота были сущим бичом набитых порохом деревянных судов. Деревянные корпуса и паруса загорались в одно мгновение, и огромные корабли сгорали свечками в какие-то минуты. В тесноте гавани загоревшееся судно грозило стать источником пожара и для стоявших рядом судов. История российского флота знает немало случаев, когда при пожаре на одном лишь судне сгорали целые эскадры! Поэтому отношение к огню на русском флоте (как впрочем, и на всех других) было особо строгое и особенно в портах.

Поэтому на стоящих в портах судах во избежание пожаров категорически запрещалось даже курить. Наказание за это было жесточайшим, невзирая на чины и былые заслуги!

Курить офицерам и матросам (в этом деле исключений не делалось ни для кого!) дозволялось только в караульном доме на брандвахте, а также за гаванью у бочек, поставленных на рейде. Поэтому в конце дня у этих бочек неизменно собирались шлюпки, до отказа забитые курильщиками, которые, пыхтя глиняными и пеньковыми трубками, так отводили свою душу. Нарушители порядка курения наказывались безжалостно. Офицеров и унтер-офицеров нещадно штрафовали. А для того, чтобы отношение к хулиганствующим курильщикам было соответствующее, начальники поступали вполне логично — при взимании штрафа четверть его отдавалась доносителю. Матросов-курильщиков, с которых и взять-то было нечего, нещадно пороли в назидание сотоварищам. Может быть, именно из-за этого среди матросов (да и офицеров) парусного флота в ходу был не столько курительный, сколько жевательный табак. Любой огонь на стоящем в порту судне можно было разводить только с личного разрешения командира брандвахты, который присылал специально подготовленного унтер-офицера — «огневого». Огонь разводился только в присутствии последнего и при нем же должен был быть потушен. За самовольное разведение огня капитанов наказывали строжайше. Для тушения пожаров на каждой брандвахте имелись специальные портовые баркасы с брандсбойтами. Пожарные баркасы надлежало содержать во всегдашней готовности и днем и ночью.

Горячую пищу для команд стоящих в гавани судов по этой причине варили в специальных портовых кухнях, находящихся в гавани под надзором тех же «огневых» и под присмотром командира брандвахты.

Еще в 1705 году на Адмиралтейском острове приступили к постройке первых 120 домов для проживания морских офицеров. Строительство велось в крайне тяжелых физико-географических и климатических условиях, в большой спешке и отличалось низким качеством жилья, что

впоследствии сказалось на здоровье новоселов. Ну а как жили морские офицеры на берегу? Известно, что еще в 1705 году для морских офицеров в Петербурге было поставлено 100 изб. В последующие годы строительство изб «с удобствами» для офицеров, несмотря на имеющиеся трудности, продолжилось. Размер отводимого участка под строительство дома, прежде всего, зависел от чина и должности новосела. Внутренняя планировка домов была проста. Входные двери прямо с улицы вели в тамбур, направо — вход в две жилые комнаты одинаковой площади, налево — в столовую и кухню. Двор застраивался хозяйственными постройками: бревенчатыми поварнями, пекарнями, погребами, сараями, хлевами, «со всякой скотины стойло», птичниками и банями. Такие же дома-флигели строили для офицеров и их семей и в других военных портах. Женатые офицеры при каждом удобном случае старались обзавестись домашним скотом и хотя бы небольшим огородиком, с помощью которых можно было легче выживать. К ведению хозяйства, как могли, привлекали матросов.

* * *

Русский гребной флот имел в отличие от корабельного флота свои особенности, как в конструкции судов, так и в тактике их действия.

Первая галера для Балтийского флота была заложена на Олонецкой верфи 29 июля 1703 года в присутствии самого Петра. С этого момента темп и масштабы строительства галер непрерывно наращивался до конца Северной войны. Общее количество галер, построенных к концу войны, достигло двухсот.

В петровском флоте гребные суда подразделялись на галеры, полугалеры и скампавеи. Принципиальных различий эти суда не имели. Как правило, скампавеи и полугалеры имели меньшие размеры, чем галеры. Однако в документах упоминаются скампавеи, имеющие порой большие размеры, чем галеры. При этом в различных документах петровского времени одно и то же судно зачастую именовали в одном случае галерой, в другом скампавеей. Историк русского флота Ф.Ф. Веселаго в своем знаменитом справочнике судов объединил и галеры, и полугалеры, и скампавеи вместе.

С 1711 года галеры строились в Выборге, с 1712 года — еще и в Санкт-Петербурге. В первые годы Северной войны точного учета построенных галер не велось, по этой причине до нас не дошли названия большинства галер, не говоря уже об их характеристиках.

В эпоху Петра I в России строились 16-, 18- и 19-баночные галеры. Длина их составляла от 30 до 33,5 метров, а ширина — от 5,3 до 5,6 метров. При этом осадка галеры без груза составляла до полуметра, а с грузом — до полутора метров. Это давало возможность действовать на мелководье у берега.

При этом галеры петровского флота строились по французским, венецианским и турецким проектам (как тогда говорили, «манирам»). Большинство галер эпохи гангутских событий были «турецкого маниру». Такой выбор не был случайным. Турецкие галеры отличались легким ходом и хорошей маневренностью, при этом их мореходность из-за низких бортов оставляла желать много лучшего. Поэтому в свежую погоду выходить в море галерам «турецкого маниру» не рекомендовалось. Однако трагедии все равно были нередки, и только осенью 1714 года в шторм затонуло 16 скамповей «турецкого маниру».

Особенностью галер была и их весьма малая автономность. Большое количество людей на борту (морская команда, солдаты и гребцы) потребляли столь большое количество продуктов и воды, что за каждым отрядом галер даже на непродолжительном переходе должны были следовать суда снабжения. Это значительно сужало оперативные и тактические особенности гребного флота.

В отличие от корабельного парусного флота гребной флот имел собственную терминологию. Носовая часть галеры — таран — именовался «шпироном», баковая надстройка, закрывавшая носовые орудия и артиллеристов, — «рамбат». Вынесенные за борта на специальных кницях брусья со штыревыми уключинами (шкармами) для весел назывались «постицы». По диаметральной плоскости галеры от рамбата до тендалета (легкого навеса на юте) шел помост — «куршея». Фок-мачта на галере называлась «тринкет», грот-мачта — «майстра», бизань-мачта — «мезана».

Типичная галера «турецкого маниру» являлась килевым судном с длинным, узким корпусом, возвышаясь над уровнем воды на полтора-два метра. В носу галеры был сделан напоминавший таран носовой выступ — шпирон. К шпирону крепился передний конец реи (райны), державший парус фок-мачты. На гребном флоте ее именовали тринкетовой мачтой. Вторая мачта располагалась в середине судна. Парусное вооружение на галерах было латинским (косым).

За шпирином в носовой части галер имелся помост, где устанавливались орудия крупного калибра. При этом самое мощное орудие устанавливалось для лучшей центровки посередине. Из носа в корму галеры шел еще один помост — куршея, — который покрывался просмоленной

парусиной. По куршее передвигались люди, перетаскивали грузы. Слева и справа от куршейного помоста располагались скамьи-банки для гребцов. Одним концом они врезались в борт, а другим — в куршею.

Банки на русских судах ставились под углом 81–83° к борту в нос. У каждой банки предусматривались подножки для упора ног («ступени»). На корме галеры располагалась небольшая надстройка, образованная деревянными брусами, над которыми натягивалась палатка — тендалет. Вдоль бортов галеры шли два бруса-постицы, вынесенные на специальных кницах-бакалярах. На постицы насаживались штыревые уключины для весел. Являвшиеся главным движителем галер весла были весьма массивны. Их вес достигал 90 кг, длина же — до 13 метров. Изготавливались весла из цельного дерева. Поскольку толщина весла не позволяла гребцам грести, обхватив его ладонями, к нему крепился брус с выточенными в нем круглыми ручками.

Поэтому за каждым веслом сидело от трех до пяти гребцов, в зависимости от размеров галеры. Опытные гребцы, работая слаженно и синхронно, делали до 25 гребков в минуту, что позволяло галерам развивать скорость до 6 узлов. Однако долго грести в быстром темпе гребцы не могли. Поэтому хороший ход галеры могли держать весьма непродолжительное время. При периодической замене опытных гребцов галера могла пройти за день до 40 миль.

Парус имел на гребном флоте всегда вспомогательную функцию. Его старались использовать, прежде всего, во время больших переходов, сберегая силы гребцам, весла при этом убирались.

Главными навигационными приборами, как и на корабельном флоте, являлись магнитный компас, капитанские солнечные часы, песочные часы, ручной лаг.

Как и полагалось, галеры несли флаги и вымпела. Кормовой флаг представлял собой красное полотнище с косицами, в верхнем крыже которого в белом прямоугольнике помещался синий Андреевский крест. Для передачи сигналов на галерах имелись особые сигнальные флаги, которые также служили и флагами расцвечивания в торжественные дни. По возможности галеры старались совершать лишь однодневные переходы вдоль берега, а ночь проводили на якоре у берега. Если предоставлялась возможность, то часть команды вечером свозилась на берег, для ночлега и отдыха. В штормовую погоду галеры старались вытаскивать на берег.

Так как из-за наличия весел установить вдоль бортов орудия не представлялось возможным, артиллерийское вооружение галер было достаточно слабым. Одно-два орудия большого или среднего калибра

устанавливались в носу галеры. Обычно по центру больших галер ставили одну 18-фунтовую или 24-фунтовую пушку, а ближе к бортам — две 12-фунтовые пушки. На более мелких галерах — одну 12-фунтовую и две 6- или 8-фунтовые пушки. Иногда на носовом помосте ставились 3–6 фунтовые мортиры. Помимо этого на куршее ставили 2-фунтовые и 3-фунтовые пушки на вертлюжных (поворачивающихся) установках, которые именовались «басами».

В силу этого в морском артиллерийском бою любой линейный корабль мог гарантированно уничтожить дюжину самых больших галер.

Поэтому галеры вынуждены были действовать на прибрежном мелководье, где их не могли достать линейные корабли и фрегаты. Обычно, атакуя судно противника, галеры при подходе к неприятельскому судну давали залп из носовых орудий. Затем с концов рей обеих мачт сбрасывались специальные «приступные якоря», которыми галера сцеплялась с вражеским судном, и абордажная команда шла на приступ. Однако такие столкновения были не часты и в основном галеры использовались в качестве войсковых транспортов и десантных судов.

Глава третья.

МОРЯКИ ПЕТРОВСКОГО ФЛОТА

Чтобы понять, как жили моряки русского флота в XVIII веке, необходимо, прежде всего, знать, что представлял собой морской офицерский корпус. Во все времена на всех флотах мира именно офицеры определяли лицо флота, его традиции. В первый период существования российского флота дворянство шло туда крайне неохотно, под всеми предложениями предпочитая перевестись в армию. Разумеется, как всегда, были энтузиасты и романтики, но большинство кораблей просто боялось. Так, обучавшийся в 1711 году в Голландии навигатор князь М. Голицын писал брату своей жены, чтобы тот ходатайствовал перед генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным об отзыве его на Родину. А если подобное не случится, тогда «от той науки нас морехотцкой отставить, а чтобы учитьца какой-нибудь сухопутной». Нелюбовь дворян к морскому делу вполне объяснима, ведь Петр I требовал от навигаторов с целью привития практических навыков и умений по управлению кораблем большую часть времени проводить в море, а это выросшим в барской неге отрокам, прямо скажем, не нравилось.

Сам Петр I, хорошо знавший настроения, имевшие место среди дворян по отношению к морской службе, выразился на сей счет, как; всегда, точно: «При даровом хлебе без принуждения служить не будут». Недаром дворяне в 1730 году, при вхождении герцогини Курляндской Анны Иоанновны на русский трон, единодушно просили у нее полного освобождения от морской службы, на что императрица Анна, кстати, не согласилась. Для лучшего понимания сложившейся ситуации достаточно вспомнить хотя бы хорошо известный телефильм «Табачный капитан».

При этом многие богатые люди стремились откупиться от флота, ежегодно выплачивая государству значительные суммы. Некоторые аристократы, для того чтобы только уволиться с постылой для них морской службы, соглашались даже строить на собственные деньги дорогостоящие административные сооружения. К примеру, 4 ноября 1718 года Адмиралтейств-коллегия приговорила: «За долговременное, будучи за морем морского плаванья на обучение князя А.М. Гагарина из матросов отставить, и за то, построить на адмиралтейском острове палаты». Как говорится, хоть шерсти клок...

Дети многих «знатных особ», понимая, что с морской службы при Петре I никаким законным путем не уволиться, стремились в Адмиралтействе, в первую очередь, определиться на береговые должности. В целом назначение во флот ими рассматривалось как несчастье, и тверские, владимирские, ярославские и прочие дворяне из внутренних уездов страны не знали, «какому святому молиться об избавлении от морской службы». Это отвращение было так сильно, что при преемниках Петра Великого в морские офицеры шли почти исключительно самые бедные, большей частью беспоместные и бескрестьянные однодворцы, то есть представители дворянских низов.

Что же представлял собой офицерский состав парусного русского флота в XVIII–XIX веках? Первую категорию составляли собственно флотские офицеры — наиболее привилегированная часть, состоявшая в основном из дворян. Отдельно стояли офицеры морской артиллерии и офицеры-штурмана. На каждом парусном судне российского флота от линейного корабля до посыльного брига офицеры были распределены в определенной должностной иерархии. Разумеется, что на больших судах первого и второго рангов имелся полный комплект должностей, на мелких же он был меньшим, как по количеству, так и по чинам.

Первым по должности на любом судне являлся капитан, которого позднее стали именовать командиром. Второй по должности был капитан-лейтенант. В отличие от капитанских обязанностей, согласно уставу, собственных обязанностей у него было не так уж много. Петровский устав гласил, что он «то же бремя повинен носить, что и капитан... однако ж, как и другие офицеры, должен он слушать своего капитана». Во время боя капитан-лейтенант распоряжался на нижнем деке, то есть в относительно самом безопасном месте. Сделано это было для того, чтобы в случае гибели или ранении капитана он был в состоянии принять на себя командование судном. Во время плавания капитан-лейтенант руководил штурманами и был обязан всегда знать, в каком месте находится судно, если плавание проходило в составе эскадры, отвечал за удержание места в строю. Помимо всего этого капитан-лейтенант исполнял постоянные поручения капитана. Именно через него командир судна общался с командой и через него передавал свои указания.

Старший (или первый) лейтенант был определен петровским уставом, как «третий командир на судне». По этой причине он подчинялся только первым двум — капитану и капитан-лейтенанту. Старший лейтенант был обязан присутствовать с капитаном на осмотрах судна, вести роспись матросам по вахтам и на случай боя, лично осматривать судно ночью. Он

отвечал за откачку воды из трюма, разбирался со всеми происшествиями на вахтах, присматривал за всякой корабельной работой, следил за режимом прохода на судно и сходе с него, содержал у себя шканечный журнал и все навигационные инструменты, отвечая за их сохранность и исправность. Помимо всего прочего старший лейтенант являлся начальником первой вахты, которая, по обычаю, должна была быть образцом для остальных двух.

Остальные лейтенанты судна (их, как правило, было от двух до четырех) командовали вахтами и являлись вахтенными начальниками. Кроме этого в бою каждый из них назначался командиром артиллерийской палубы на время боя.

Мичманы заведовали отдельными мачтами и являлись помощниками начальников вахт. Морской устав трактовал их обязанности так: «Мичманы должны быть по своим местам, где они определены будут от командира корабля и указ капитанской и прочих обер-офицеров исполнять и помогать в укладке в корабль всяких вещей, также держать журнал, как и штурманы». Согласно петровскому уставу мичман был обязан для получения чина лейтенанта проплавать на море семь лет. Мичмана российского флота весьма отличались от мичманов, к примеру, английского флота. Если у англичан мичманами были забранные от родителей 12-летние мальчишки, которые занимали положение промежуточное между офицерами и матросами, учась всему сами, то у нас мичмана являлись полноценными офицерами и имели прекрасную теоретическую и морскую подготовку, так как все без исключения являлись выпускниками морского кадетского корпуса, отучившись там по 5–7 лет.

Что касается гребного флота, то в комплектовании команд он существенно отличался от флота корабельного. Обычно на каждой галере находилось до 60 человек палубной команды (офицеры, матросы и артиллеристы), полторы сотни солдат абордажных команд и 250 гребцов. Командирами галер Петр I назначал, как правило, опытных галерных капитанов с флотов средиземноморских держав, а в помощники ставил к ним офицеров Преображенского и Семеновского полков. При этом, как правило, подавляющее большинство команды на галерах имели минимальный опыт морской службы. Это считалось нормальным явлением, т.к. галеры действовали непосредственно у побережья, и нескольких опытных моряков было достаточно, чтобы править судном и работать с парусами.

На русских галерах в отличие от других флотов в качестве гребцов использовались не невольники, а солдаты пехотных полков. Это давало

значительные преимущества. Во-первых, солдаты гребли не из-под палки, а выкладываясь на совесть. Во-вторых, в случае абордажа они также брали в руки оружие и присоединялись к штатной абордажной партии, сразу же создавая значительный численный перевес над противником.

* * *

Весьма своеобразным при Петре было и производство морских офицеров в чины. Дело в том, что Петром I с момента создания флота этот порядок не был четко определен. Он начал устанавливаться лишь с 1706 года, а с 1714 года кроме определенного срока выслуги в каждом чине для повышения была введена баллотировка, то есть тайное голосование офицеров-сослуживцев. В 1720 году Адмиралтейств-коллегия установила баллотировку до капитана 3-го ранга (капитан-лейтенанта) включительно. Но затем было решено все же производить в чины по старшинству. В целом, с небольшими изменениями, этот порядок производства в чины сохранялся на флоте на всем протяжении XVIII века.

При производстве в чин неукоснительно соблюдались основные правила: «удостоение» начальства на производство кандидата и наличие вакансии; однако эти правила вступали в силу лишь при положительном исходе баллотировки. Баллотировка представляла собой сдачу экзаменов комиссии, в состав которой входили опытные капитаны и флагманы.

Голосование: присваивать или не присваивать следующий чин, — решалось тайно. Каждый из экзаменаторов опускал в урну один из двух имевшихся у него шаров: белый (за присвоение) или черный (против присвоения). Так как количество членов комиссии всегда было нечетным, то председатель, вскрыв урну и подсчитав количество белых и черных шаров, объявлял экзаменуемому приговор: произведен он в следующий чин или нет.

Историк российского флота Ф.Ф. Веселаго: «Баллотировка, как средство справедливейшего выбора достойных к повышению в следующие чины офицеров, установлена в нашем флоте еще Петром I. Правила баллотировки, изменяясь в подробностях, сохранились до настоящего времени (имеются в виду 60-е годы XIX века — *В.Ш.*), в которое они получили некоторые улучшения и более правильный порядок. Так, например, младшие чины отстранены от баллотирования старших, уничтожены шары, выражающие «сомнение», и оставлены только два разряда — достоин или недостоин. Баллотировать положено не во все

чины, только в те, которые по обязанностям своим представляют значительную разницу, как например чины: капитан-лейтенанта, капитана и флагмана. Производство из гардемарин в мичмана и из мичмана в лейтенанты производили по экзамену; из лейтенантов в капитан-лейтенанты, из капитан-лейтенантов в капитаны и из капитан-командоров в контр-адмиралы по баллотировке. Старшинство офицеров, производимых по баллотировке, определялось по количеству удовлетворительных шаров; и у кого было более трети неудовлетворительных, тот считался забаллотированным. Забаллотированные два раза отставлялись от службы с половинной пенсией или на инвалидное содержание, если они выслужили; но полной пенсии они лишались, хотя бы прослужили 40 и более лет. Для производства из гардемарин в мичмана кроме удовлетворительно выдержанного экзамена еще требовалось сделать пять морских кампаний; а при производстве из мичманов в лейтенанты — не менее 4 лет службы в чине. На открывающиеся вакансии флагманов половинное число производилось по царскому приказу и половина по баллотированию; в капитаны по царскому приказу производилась четвертая часть, в капитан-лейтенанты — шестая, а остальные по баллотировке».

На российском парусном флоте всегда существовала строгая иерархия заменяемости должностей. В случае смерти командира его должность принимал капитан-лейтенант (т.е. старший офицер или, попросту говоря, старпом). В случае его смерти — старший (первый) лейтенант, и так все офицеры один за другим по старшинству. Если же в бою погибали все офицеры, то команду над судном обязан был принять старший унтер-офицер, затем штурман, шкипер, констапель и, наконец, боцман. Если и последний погибал в жестоком сражении, в командование судном должен был вступить «любой на то годный».

Власть никогда не была щедра на жалованье морякам. Из письма первых гардемарин, проходивших обучение в Испании: «И ныне мы подрадили себе квартиры, и содержимся одним хлебом и водою, и за тем не остается ничего, чем бы содержать рубашки, башмаки и прочие нужды. И во академии мы учимся солдацкому артикулу, и танцовать, и на шпагах биться, а математики нам учиться не возможно, для того что мы языку их не знаем. Мы же все во взрослых летах, о чем и его царское величество известен. И желаем быть в службе. А здесь мы у командора своего просили многожды, чтобы нас послать на галеры и оной наш командор сказал что “его королевское величество содержит только шесть галер и те в Сицилии и определить де вас кроме академии некуда, понеже те галеры стоят заперты в порте от неприятеля, и не токмо де галеры, но и корабли мало ходят, и на

галерах их гардемаринов нет”. Мы ж многократно просили, чтобы нам прибавили жалованья. И оной командор нам сказал что больше того нам жалованья не прибавят, и ко двору королевского величества писать позволения нам не дал, а сказал нам чтобы мы о всех своих нуждах просили у царского величества. И оным жалованьем нам содержаться невозможно, потому что мы другога места на все такой дороговизны не видали: о чем ваше сиятельство извольте осведомиться помимо нас. А гишпанские гардемарины содержатся не жалованьем, но больше прилагают от домов своих. А мы дворяне не богатые, от домов своих не только векселей, но и писем не получаем. И в венецианской службе были мы в крайнем убожестве, ежели бы житья там нашего продолжилось, могли бы от скудости пропасть; а ныне приключилась и здесь великая нужда, ничем не меньше прежней: первое, что голодны, второе, что имеем по одному кафтану, а рубашек и протчего нет. Всепокорно и слезно молим вашего сиятельства, умилосердись, государь, над нами, чтобы нам не пропасть безвременно. Соизволь доложить его царскому величеству, чтобы нам быть в службе, а не в академии, и определил бы его царское величество жалованьем, чем бы можно нам содержаться. Ежели мы будем многое число (время?) в академии, то практику морскую, которую мы приняли, можем забыть (а вновь ничего не присовокупим: понеже танцование и шпажное учение ко интересу его царского величества нам не в пользу). Ежели к нам вашего сиятельства милосердия не явится, истинно, государь, можем от скудости пропасть. Умилостивись государь, над нами, понеже кроме вашего сиятельства помощи себе получить не можем».

Теоретически офицерам можно было улучшить свое материальное положение, получив земельный надел. Но сделать это удавалось далеко не всем, так как выделение земли рассматривалось как награждение за особые заслуги, а потому массовым не было никогда. Вообще же, пожалование им деревень с крепостными крестьянами началось в 1711–1716 годах, но производилось весьма нечасто и за конкретные подвиги, да и то лишь «по удостоению высшего начальства».

В большинстве случаев для получения имений в собственность офицеры обращались с просьбами («слезно» и «рабски») к своему прямому начальнику, обосновывая необходимость получения земельной собственности своей бедностью и обязательством за себя и детей «до гроба верно служить» Его Величеству.

Наряду с этим порой за один и тот же подвиг могли награждать «материальными благами» поистине без меры. Например, после выигранного 24 мая 1719 года у шведов Эзельского сражения на

командующего отрядом русских кораблей капитана 2-го ранга Н.А. Сенявина обрушился настоящий шквал монарших милостей. Он был, через чин, произведен в капитан-командоры. Ему передали в собственность деревни, расположенные в Нижегородском, Юрьевско-Польском, Гороховецком, Рязанском, Дмитриевском, Орловском уездах (199 дворов). Кроме того, он получил в Копорском уезде мызу (40 дворов) и в 1720 году — деревни под Рязанью. В 1729 году, когда Петр II пожаловал еще 1167 душ крестьян из деревень, он стал уже одним из самых богатых помещиков Российской империи. Но пример с Сенявиным — это было скорее исключение, чем правило. Подавляющее большинство морских офицеров так и оставались бедными до конца свих дней.

В первый период существования флота офицеры-иностранцы получали денежное довольствие в больших размерах, чем природные россияне. Так, размеры годовых должностных окладов, установленных штатным расписанием 1713 года, с учетом 13-го оклада, для морских офицеров-иноземцев в звании капитана 1-го ранга составляли 520 рублей, капитана 2-го ранга — 455 рублей, капитана 3-го ранга — 390 рублей, капитана 4-го ранга — 325 рублей, тогда как для капитана флота, «служителя русского народа», — 300 рублей. Также оклады других специалистов-иноземцев были больше окладов моряков, русских по национальности. Например, штурман-иностранец получал 156 рублей, а русский — всего 120, констапель, боцман — соответственно, 117 рублей и 84 рубля, боцманмат — 91 рубль и 36 рублей. Это неравенство было устранено только в правление императрицы Елизаветы.

* * *

Резкие социальные различия в России XVIII века накладывали отпечаток на весь ход службы морских офицеров. Так, для дворян не существовало тогда особой разницы между унтер-офицерскими и обер-офицерскими чинами. Во-первых, из унтер-офицерских чинов в обер-офицерские существовал прямой ход. Кроме того, для дворянина при производстве в обер-офицерский чин практически ничего не менялось, кроме увеличения оклада.

Во все времена на всех флотах особой фигурой были навигаторы-пилоты или штурмана. Дело в том, что, несмотря на знание навигационной науки, главной обязанностью флотских офицеров было управление парусами и кораблем. Непосредственно штурманские дела считались делом

не слишком благородным. Увы, но такова была традиция парусных флотов всего мира.

Из Морского устава: «Когда будет солнце до полудня и после, тогда им господам вахтенным офицерам со штурманами обучать учеников по инструментам усматривать высоту солнца, а особливо когда при восхождении или пред захождением будет солнце близъ горизонта, тогда усматривать лицом к лицу, а в ночное время, когда будут ночи темные и звезды будут видимы, тогда показывать смотрение по ноктурналу время часов и снижение, и возвышение Полярной Звезды от поля; так же и усмотрение через инструменты высоту звезд...»

Несмотря на всю очевидность значимости профессии штурмана для кораблевождения, в российском флоте до 1757 года у штурманов российского флота вообще отсутствовали чины. Они просто подразделялись на несколько групп в зависимости от опыта и мастерства, различались же между собой величиной оклада.

Чтобы стать полноценным морским офицером, во все времена необходимо было иметь определенные теоретические познания и практические навыки. Именно поэтому уже с первых дней рождения отечественного флота особое внимание было обращено на подготовку офицерских кадров. Так как в России в ту пору никакой учебной базы не существовало, первых будущих моряков отправляли в Европу. Учеба там была еще та. Каждый познавал морское дело в силу своего разума и желания, денег при этом на жизнь, как всегда, не хватало, да и нравы будущих морских офицеров кротостью не отличались.

В одном из своих писем из Бреста на имя секретаря царя Макарова Конон Зотов писал так: «Я от своей ревности все, что имел при себе, им роздал: парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги, одним словом, себя разорил... лучше бы было их перебить, что просят, нежели нам срамиться, а их здесь голодом морить». Дело в том, что французское Адмиралтейство, которое отвечало за обеспечение русских гардемарин, словно в издевку, удерживало у себя присылаемые им на учебу деньги, выдавая в день каждому по двенадцать копеек. Голодные гардемарины целыми днями рыскали по городу в поисках какой-либо черной работы. Ведь даже мундир стоил пятьдесят ефимков. Где уж тут думать об учебе!

Адмирал СИ. Мордвинов писал в своих записках о своей учебе в петровское время в Европе: «Будучи во Франции около шести лет, сначала получил я из России жалованья только за полтора года 180 рублей и жил на своем коште... по прибытии в Амстердам получил из дому вексель, из которых денег послал заплатить в Бресте долг».

Из сообщения историка об обучении российских гардемаринов в Испании: «По ордеру королевскому, всякой гардемарин должен быть во втором часу ночи (то есть по захождении солнца) на своей квартире, и никуда не отлучаться, за чем досматривают бригадиры, обходя квартиры. Ежели который гардемарин провинится, то наказывают, первый раз — арест на квартире; второй — сажают в камору и замыкают; третий — по великой вине, сажают в тюрьму, и есть, кроме хлеба и воды, не дают. Учение производилось так поутру соберутся все в церковь в указный час, и с ними очередной бригадир — к обедне; потом в академии учатся математике, все, два часа. После обеда, сходятся во второй раз в 3 часа пополудни, и три кварты учатся артиллерийскому искусству, две кварты солдатскому артикулу, одна — на шпагах биться и одна ж учатся танцевать.

6-го августа (старого стиля) расписали нас на кварты; и как гишпанские, так и наши гардемарины ходили в академию всегда, кроме того что мы к обедне не ходили. С ними вместе учились солдатскому артикулу, танцевать, и на шпагах биться; а к математике хотя и приходили, но сидели без дела, ибо не знали языка. Сколько ни просились на действительную службу, на галеры, но им отвечали, что его королевское величество содержит только шесть галер, да и те в Сицилии. Жалованья королевского им на руки не давали, а платили за них: За пищу и за квартиру в месяц, от чего они имели необходимую пищу, а пили только воду... За мытье рубашек и прочего, переменяя по три рубашки в неделю — $\frac{1}{2}$ песо. По паре башмаков — 9 реалов да плата балбиру (брадобрею. — *В.Ш.*), который брил им бороду два раза в неделю, а парики нам пудрил три раза в неделю — 4 реала. Оставалось от месяца по 4 реала и 5 кварт; и те платили, за гардемаринов, портному за починку верхнего платья, или кто что возьмет новое в счет жалованья».

Обходились наши гардемарины и в венецианской службе без теории наук: но там они были заняты действительной службой, и как мы видели, боевою жизнью; да, кроме того, окружены и в службе и в жизни людьми, говорящими славянским наречием. Здесь же, без средств к развлечению, без знания языка, вынужденные высиживать классы математики, не понимая ничего из преподаваемого, раскиданные по квартирам, без права сходитьсь между собою иначе как в академии; люди боевого дела, они должны были тратить телесные силы на фехтование и на смешные для степенных русских военных людей прыжки в уроках танцев. Один из них не выдержал: «Иван Аничков сошел с ума, и содержался в крепости, ибо делал всякие непорядки, и говорил вздор». Приезд их в Кадикс

ознаменовался печальным событием Заболел князь Алексей Белосельский и на чужбине отдал Богу душу. У его кровати писали наши горемыки горькую, слезную просьбу.

К концу эпохи петровского флота главным учебным заведением флота стал Морской кадетский корпус, а потому, ведя разговор о повседневной жизни моряков парусного флота, мы должны ближе познакомиться с тем, как и чему учились в Морском корпусе будущие офицеры российского флота.

Начнем с того, что условия обучения и воспитания в Морском корпусе были весьма спартанскими. Многие зависело от личности директора корпуса. Когда директор только обозначал должность, там процветали воровство продуктов и побои воспитанников. Впрочем, и сами кадеты были ребятами не робкого десятка. В корпусе всегда процветал культ силы, а поэтому кадеты старших курсов нещадно эксплуатировали своих младших товарищей. Порой доходило до откровенного издевательства. Начальство смотрело на это, как на неизбежное зло.

Безобразничали морские кадеты давно, еще со времен Петровской навигационной школы в Москве. Тогда в честь первого начальника школы немецкого профессора Форвартсона их прозвали фармазонами, сие прозвище в уголовном жаргоне дошло до наших дней... Почти до середины XVIII века шайки гардемарин грабили ночью в столице. При этом будущие офицеры грабили и воровали в основном продукты и выпивку. Удачные набеги на город сразу же весело отмечались. Если грабителей ловили, то немедленно отправляли в матросы.

При заботливых директорах положение кадет улучшалось, воровство сразу же уменьшалось.

По прилежанию, а главное — по способностям гардемарины разделялись на «теористов» и «астрономистов». Первыми проходил высший анализ, астрономия, теоретическая механика и теория кораблестроения; вторыми — только навигация и необходимые для кораблевождения сведения из морской астрономии. Лучшие из «теористов» пользовались между товарищами почетным титулом зейманов (зеймэн (нем.) — морской человек), и из них в большинстве впоследствии вышли знаменитые адмиралы, капитаны, кругосветные мореплаватели и известные гидрографы. Из «астрономистов» в большинстве выходили заурядные служивые, а иногда, смотря по характеру и способностям, появлялись не только хорошие, но и отличные практические моряки.

В каждом классе преобразованной из Навигацкой школы Морской академии за порядком наблюдал «дядька», в обязанность которому было

поставлено «иметь хлыст в руках; а буде кто из учеников станет бесчинствовать, оным хлыстом бить, несмотря какой бы ученик фамилии ни был, под жестоким наказанием, кто поманит», то есть, кто будет потворствовать. В числе наказаний того времени были и такие: «сечь по два дни нещадно батогами, или по молодости лет, вместо кнута, наказывать кошками», а за преступления более важные гоняли шпицрутенами сквозь строй и после этого оставляли по-прежнему в учении. Спустя с небольшим столетия, во время пребывания Морского корпуса в Кронштадте, необходимость заставляла кадет, от сильного холода в спальнях, затыкать разбитые в окна стекла своими подушками и по ночам целыми партиями отправляться в Адмиралтейство на добычу дров для топки печей. Дикая грубость нравов не щадила и учителей: тех из них, которые были поведения не совсем одобрительного, в случае их «загула» отправляли для вытрезвления в трубную (сарай, в котором находились пожарные инструменты) и там садили «в буй». Так назывался тяжелый обрубок толстого дерева, к которому был прикован один конец цепи, а другой, оканчивающийся ошейником, запирался на шее провинившегося. Офицеров карцовского времени, по рассказам близко знакомых с подобными порядками, конечно, не могло поражать, например, такое обстоятельство, что на корпусном дворе иногда выходила рота на роту, и после такого побоища оказывалось несколько человек со значительными ушибами, или что, не говоря о взрослых, ребенку 10–12 лет зимней ночью приходилось странствовать по длинной открытой галерее, иногда занесенной на пол-аршина снегом, в самой легкой обуви и еще легчайшем одеянии. Для тогдашних воспитателей многое, ужасающее нас теперь, казалось совершенно естественным и обыкновенным.

...Кроме математики и морских наук, на другие предметы, называвшиеся тогда «словесными», к которым принадлежали русский и иностранные языки, история и география, обращали очень мало внимания, и при переводах из класса в класс они не имели значения. Преподавание этих «словесных» наук шло в корпусе так же или немногим лучше того, как в восьмидесятых годах прошедшего столетия, когда из истории давались только краткие хронологические таблицы; а географии приказано было, не задавая уроков, стараться обучать «через затвержение при сказывании по очереди всех в классе».

Вопрос сплочения офицерского коллектива, привитию ему культа дружбы, товарищества и взаимопомощи всегда волновал большое начальство, которое понимало, что без всего этого добиться побед на море от флота будет невозможно. Уже петровский устав предписывал офицерам

избегать конфликтов, «жить дружно и партий друг против друга не чинить».

С конца 70-х годов, когда на кораблях и судах российского флота были учреждены кают-компании, которые стали не только местом приема пищи офицерами, а, прежде всего, местом их общения, именно кают-компания стала символом того особенного братства, которым отличается флотское офицерство от армейского. Учреждение кают-компании имело громадное значение для российского флота; по выражению историка Ф.Ф. Веселаго, оно оказало самое благотворное влияние «как на смягчение нравов морских офицеров, так и на развитие среди них общественности и близких дружеских отношений... влиянием большинства сглаживались угловатости отдельных личностей и развивался вкус к искусствам... музыке и пению».

Проблемой общего питания флотских офицеров на кораблях занимался уже Петр I. Так, царский указ 1720 года предписывал флотским офицерам «красное вино пить из зеленых кубков, а белое — из светлых». Так как посуда во время штормов все время билась, стекольщикам было велено изготовить граненый толстостенный стакан с гранями, который бы меньше бился. Испытывал новинку сам Петр I, выпив из такого стакана полынной водки. Император нашел, что «стакан осанист и по руке впору». При этом граненый стакан получился действительно весьма прочным и при падении со стола очень редко разбивался. Впоследствии граненый стакан завоевал популярность по всей России, которую сохраняет и по сегодняшний день.

Что же носили на русском флоте господа офицеры? При Петре I офицеры русского флота носили сначала форму гвардейских полков русской армии, неременной принадлежностью которой были офицерский знак, шарф и шпага. Лишь в 1732 году флотским офицерам было предписано «сделать и впредь иметь мундир из василькового сукна с красной подкладкой». Кафтан полагался без воротника, с разрезными обшлагами. Кафтан и камзол обшивались золотым позументом по бортам, обшлагам, карманным клапанам и петлям. Но уже в 1735 году последовали изменения: кафтаны должны были быть зеленого цвета, а обшлага на них, камзолы и штаны — красного.

В Петровскую эпоху каждый флотский офицер заботился и о собственной форме военной одежды, «заводя ее из получаемого жалованья». Морские офицеры, в отличие от нижних чинов, единого образца военно-морского мундира не имели. Их кафтаны разных расцветок обшивались золотым галуном, причем узор выбирал сам владелец. В зависимости от сезона они носили темно-зеленые или белые брюки, надевали шейные платки, удлиненные сапоги и шляпы. Затем была

установлена официальная форма одежды, которая менялась от царства к царству в соответствии с общей военной модой.

Форма, впрочем, привилась на флоте не сразу. Офицеры русского флота долгое время ходили в одежде, сшитой по моде, а не по уставу (из тканей голубого или красного цвета). Продолжалось это до 1746 года, когда был издан указ, обязывающий офицеров являться на службу в форменных мундирах, а не в партикулярном платье.

Ну а что носили матросы российского парусного флота? В первые годы основания регулярного флота одежда матросов вообще не имела в себе ничего военного и состояла, в подражание голландцам, из матросской шляпы, фризowego бострога, коротких штанов, чулок и деревянных башмаков. Первоначально матросы должны были заботиться о своей одежде сами, поэтому каждый из них носил то, что мог купить, а потому многие попросту «ходили в наготе». Только в 1706 году матросов начали понемногу переодевать в матросское платье. Каждому были выданы зеленый кафтан и серая накидка для холодного времени года. В виде рабочего платья предусматривался все тот же серый бострог и такие же штаны. На голову полагалась матросская шляпа голландского образца, напоминающая колпак, связанная из грубой шерсти. С некоторыми изменениями эта форма просуществовала почти до конца XVIII века. Вскоре в Морском уставе появляется такая статья: «Если кто свой мундир или ружье проиграет, продаст или в залог отдаст, оный имеет быть в первый и другой раз жестоко наказан, а в третий — расстрелян или на галеру сослан быть. А тот, кто у него покупает или принимает такие вещи, не токмо, что принял или купил, безденежно возвратить должен, но и втрое дороже, сколько оное стоит, штрафу заплатить, и сверх того на теле наказан будет».

Впрочем, флот не был бы флотом, если бы он не был овеян легендами. По одной из них, знаменитые матросские штаны с передним клапаном, который облегчал раздевание при попадании в воду, появились уже в петровское время. Якобы, прогуливаясь однажды по Летнему саду, Петр I увидел в кустах чью-то голую задницу. Приглядевшись, самодержец узрел матроса, пристроившегося к девке.

— Сия задница позорит русский флот! — якобы изрек император и повелел немедленно ввести панталоны с клапанами спереди, дабы никто не мог зреть задницы русского моряка во время его свидания с девицами. Эти брюки с клапанами оказались настолько удачными, что просуществовали на флоте более трех веков.

Глава четвертая.

КОРАБЕЛЬНАЯ СЛУЖБА НА ПЕТРОВСКОМ ФЛОТЕ

Первым и главным лицом на любом судне российского парусного флота являлся командир (капитан). Устав Петра Великого гласил: «Капитан имеет почтен быть на своем корабле яко губернатор или комендант крепости и должен пещиться (заботиться), чтобы на корабле, который ему поручен будет в команду, праведно и порядочно поступать по указам... Вверяется его искусству и верности повелевать своими офицерами и прочими того корабля служителями во всяких их должностях для управления корабельного, как в выходе, так и во время баталии и штурмов...» Капитанами традиционно называли всех, кто командовал любыми судами на море. Однако с конца XVIII века капитанами чаще стали именовать тех, кто командовал гражданскими судами; тех же, кто вел в бой военные суда и корабли, именовали уже командирами, подчеркивая этим именно их военную, а не морскую суть.

С момента выхода судна на рейд командиру запрещалось его покидать (особенно на ночное время!). Разрешение покинуть судно можно было получить только у высших начальников. Командир нес личную ответственность за сохранность своего судна. Никто на судне не имел права изменять курс без личного приказа капитана. Помимо этого командир лично отвечал за охрану крюйт-камеры, за количество припасов на борту, своевременность подачи сигналом, за подготовку своих подчиненных и заботиться о них, отличать лучших и наказывать нерадивых, судить бунтовщиков, отчитываться за потраченные деньги и т.д.

Особая ответственность возлагалась на командира во время войны. Согласно Морскому уставу 1721 года ему вменялось в обязанности следующее: «В случае боя должен капитан... не токмо сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, и... образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности».

Командир лично отвечал за то, чтобы встречные суда первыми салютовали российскому флагу, и не допускать посрамления чести своего Отечества. Любопытно, что помимо всего командир российского военного судна, оказавшись в чужом порту, был обязан защищать оказавшихся там наших торговых моряков, если они того попросят. При этом делать сие

капитан должен был исключительно бескорыстно, ибо за принятую взятку от купцов его навечно лишали чина и отдавали в матросы. Кроме этого командирам военного флота строжайше запрещалось заниматься какой бы то ни было торговлей и провозить на своем судне купеческие товары.

Разумеется, капитаны получали значительно большие деньги, чем младшие офицеры, однако следует понимать, что и расходы у них были тоже куда более значительные. Дело в том, что в море командиры кораблей питались не в кают-компании, а отдельно в своей каюте (такова была традиция). Именно поэтому флотские острословы именовали капитанскую каюту не иначе, как «ящик отшельника».

Лишь иногда капитан приглашался офицерами в кают-компанию, но зато время от времени он должен был приглашать к себе на обед и часть офицеров. Поэтому, если перед выходом в море офицеры скидывались на улучшение своего стола все вместе, что получалось не слишком затратно, то капитану все приходилось для себя закупать самому. Помимо всего прочего каждый капитан должен был иметь запас продуктов и выпивки на представительские нужды и для приема начальства. Вот типовой перечень вещей, покупаемых командиром небольшого судна конца XVIII века перед выходом в длительное морское плавание: пять поросят, пара дюжин кур, пять-шесть дюжин недорогого вина (портвейн, херес, мадера), табак, сигареты, яблоки, ящичек чая, перец, корица, гвоздика, чернослив, сахар и варенье. Помимо продуктов капитану необходимо было приобрести определенное количество восковых свечей, хорошие гусиные перья, бумагу и чернила. Помимо этого — новый мундир, пару новых башмаков, дюжину рубашек, три-четыре пары шелковых чулок — для визитов к адмиралу и других официозов. В итоге все обходилось в копеечку. Но иного выхода просто не было, так как положение обязывало!

Особое положение на флоте во все времена было у адмиралов, тех, кто водил в море боевые эскадры и нес всю полноту ответственности за корабли и моряков перед Богом и Россией. Одни из них навсегда вошли в летописи морской истории Отечества, иные остались вне памяти потомков. Но все они делали одно огромное и важное дело — именно они создали и возвысили то, что зовется настоящим боевым флотом. Среди российских моряков до сих пор ходит старая поговорка времен парусного флота: «Адмирал — это не звание и не чин, адмирал — это счастье». Какими были они, флотоводцы эпохи парусного флота, как жили, каким был их корабельный и домашний быт?

В первое время своего существования российский флот комплектовался офицерами и солдатами Преображенского и Семеновского

полков и нанятыми иностранцами. На галерах гребцами вначале, в подражание иностранным флотам, были преступники, осужденные на каторжную работу, или пленные; но в скором времени их заменили на вольнонаемных работников, а потом и солдат. В отличие от каторжан солдаты гребли намного лучше, кроме того, они принимали и самое активное участие в абордажных боях.

В 1700 году на флоте было уже до тысячи русских матросов, и число их постоянно пополнялось новыми рекрутскими наборами. Немногие русские дворяне, учившиеся морскому делу за границей, вначале возвращались после учебы на флот унтер-офицерскими, а потом и младшими офицерскими чинами. Известны случаи, когда за нерадивость к наукам и пьянство Петр I определял дворянских недорослей в рядовые матросы, хотя и с перспективой последующего повышения, «ежели за ум возьмутся». Впоследствии ученики Московской навигацкой школы и Петербургской морской академии выпускались на службу гардемаринами, подштурманами. Но так как при быстром увеличении корабельного состава всего этого было недостаточно, то с момента основания флота и до конца Шведской войны на российскую морскую службу нанималось множество иностранцев, поступающих разными чинами и назначаемых в различные должности. При этом иностранцем, даже матросам, платили, как правило, значительно больше, чем своим россиянам.

При неизбежной спешке в комплектовании судовых и портовых команд в военное время в числе иностранцев зачастую попадались люди, совершенно непригодные для службы. От таких старались при первой возможности избавляться, но все равно авантюристов в нашем флоте в первые годы имелось немало. Поэтому при заключении мира со Швецией сделан был общий строгий пересмотр всего наличного состава служащих на флоте иностранцев, и из них оставлены на службе только действительно полезные служивые, прочие же все уволены в отставку. Но и ранее этого, еще в 1715 году, матросы были уже все русские, а из офицеров число русских доходило до половины всего наличного состав.

Начиная с петровских времен в матросы, как и в офицеры, определялись крестьяне определенных губерний, таких как Ярославская, Костромская, Рязанская и другие. Особенно всегда ценились матросы-рекруты из архангелогородских поморов, так как были приучены к морю с раннего детства и знали корабельное дело. Из журналов заседаний Адмиралтейств-коллегий: «Брать в матросы особливо тех, кто при самых берегах по их жилищу весьма надежно к службе морской и к работе матросской заобыкновенно быть имеет».

Большинство рекрут, однако, вообще, видело море в первый раз в жизни. Это значительно затрудняло их обучение. К тому же подавляющее большинство рекрутов были неграмотными, что создавало трудности в использовании их как рулевых, комендоров и лотовых. Однако все эти недостатки в значительной мере компенсировались природными русскими качествами матросов: их неприхотливостью, старательностью в освоении нового для них дела, преданностью и готовностью к подвигу. Считалось, что в течение первых пяти лет службы матрос должен освоить свои обязанности и только после этого мог считаться полноценным членом экипажа. На практике все обстояло иначе. Рекрут толпой загоняли на уходящие корабли перед самым отплытием и натаскивали уже прямо в море. Матросская служба являлась пожизненной. Отставку мог получить только израненный инвалид или уже совсем немощный старец, но до таких лет матросы, как правило, не доживали. Инвалидов также было не слишком много. Немногие уцелевшие могли надеяться, что будут доживать свой век в нескольких учрежденных инвалидных матросских домах.

Выросшие на принципах крестьянской общины, матросы и свою судовую команду воспринимали как такую же общину, где каждый каждому друг и брат, а капитан — барин, которого надлежит чтить и слушаться. Возможно, именно к этому общинному отношению к морской службе относится тот факт, что за всю эпоху существования русского парусного флота среди матросов практически не было ни драк, ни издевательств друг над другом.

По своему составу две трети судовых команд петровского флота состояли из матросов и пушкарей или артиллеристов и одна треть из морских солдат. Первоначально матросов делили на старых (опытных) и молодых (новобранцев). Затем в порядке старшинства были введены звания матросов 1-й, 2-й, 3-й и 4-й статей. Впоследствии были оставлены только первые две статьи. Никто, согласно петровскому указу, не имел права перевести рекрута в категорию «доброго матроса», если тот не проплавал на море пять лет и имел возраст менее 20 лет.

При комплектовании флота рекрутами положено принимать их с 10 до 25-летнего возраста, причем мальчиков от 10 до 15 лет принимали не более одной пятой части. Некоторые из этих мальчиков потом ходили на судах в звании юнг, а зимой учились грамоте, арифметике и компасу в штурманском училище. Из них готовили будущих унтер-офицеров и специалистов — рулевых, комендоров и лотовых. Другие же подростки распределялись по мастерским и заводам, где из них готовили также специалистов своего дела.

С 1710 года для матросов устанавливается твердое жалование в соответствии с чином. Рядовые матросы получали от 50 копеек до 2 рублей, пушкары — по 2 рубля, а квартирмейстеры — по 2 рубля 50 копеек.

Помимо матросов на каждом корабле и судне российского парусного флота имелась и солдатская команда, состоящая из солдат особых морских полков, прообраза нынешней морской пехоты. Морские солдаты предназначались для высадки десантов и участия в абордажных боях. В мирное время морские солдаты расписывались во все корабельные расписания и участвовали в корабельных делах, приобщаясь, таким образом, к морю. Солдатские команды являлись весьма ценным резервом комплектования команд. При этом и флотские и солдатские начальники часто стремились сбывать коллегам самых худших. Так, из солдатских команд в матросы определяли увечных и абсолютно непригодных для морской службы, флотские же начальники присылали в полки своих таких же. Журналы Адмиралтейств-коллегии XVIII века полны бесконечными взаимными жалобами по этому поводу капитанов кораблей и командиров морских полков.

К прибывающим рекрутам корабельные начальники обычно приказывали относиться со вниманием и тщанием. Вызвано это было, однако, вовсе не особой гуманностью, а вполне практичными причинами: «Из имеющихся здесь рекрут отправить в Кронштадт и велеть их обмундировать и содержать их во всяком довольствии и за новостью их в тяжелые работы доколе привыкнут не определять, и для того там расписать в роты со старыми матросами и иметь над ними прилежное смотрение, дабы они от тяжелых работ не приходили в болезни и от недовольства не чинили побегов».

Каждый молодой матрос по прибытии на корабль должен был обязательно избрать из старослужащих матросов себе «дядьку». В обязанности «дядьки» входило обучение «племяша» тонкостям корабельной службы и жизни, а кроме того — его защита от кулаков других старослужащих матросов и «шкур», т.е. унтер-офицеров. Отметим, что инициатива выбора при этом шла не от старшего, а от младшего. Быть «дядькой» считалось у старослужащих матросов почетно и выгодно, так как «племяши» брали на себя многие бытовые заботы своего «дядьки»: стирать его одежду, делать приборку и та, а потому чем больше было племяшей у «дядьки», тем лучше и сытнее ему жилось. Ну а молодые матросы, в свою очередь, старались, чтобы их «дядькой» был наиболее авторитетный старослужащий матрос со здоровенными кулаками.

Промежуточное место между офицерами занимали унтер-офицеры. Как правило, это были выдвиженцы из наиболее хорошо подготовленных и грамотных матросов. Но встречались и дворяне. Последнее особенно практиковалось при Петре I, который определял в унтера нерадивых дворян-гардемаринов на испытательную и исправительную службу. К категории унтер-офицеров относились шкипера и подшкипера, подштурмана (помощники штурманов) и лекарские ученики, боцмана, боцманматы (младшие боцмана) и профосы.

Если офицеры должны были отвечать за нравственность и грамотность своих подчиненных, то к унтер-офицерам предъявлялись несколько иные требования, связанные, прежде всего, с обучением навыкам практической работы: «Унтер-офицерам матросским приказать: которые матросы имеются в новости, так же и из старых недовольно знающие матросской работе, тех обучать с прилежанием и обо всем вышеписанном каждую неделю, кто в каком понятии будет находиться, мне рапортовать».

Шкипера и подшкипера осуществляли присмотр за канатами, подъемом и отдачей якорей, отвечали за чистоту на судне, руководили приборками, приглядывали за качеством снастей, чтобы те не рвались и перетирались. При распределении матросов на корабельные работы шкипера и подшкипера руководили ими. Если подшкипер лично руководил работами в средней части и в корме судна, то подшкипер — на баке. Судовой боцман отвечал за хранение якорей и канатов, завязывание и развязывание парусов.

Существовала на судах российского флота и такая должность, как профос. Обязанности у него были не слишком благовидные, хотя тоже необходимые. Профос был обязан руководить наказаниями и казнями, содержать в готовности линьки. Учитывая, что отхожее место на парусных судах находилось на баке, в так называемом галюне, месте, из которого начинался бушприт, то профос отвечал за то, чтобы якорные канаты и другие снасти были чисты «от помету и мочи человеческой».

В отличие от офицеров унтер-офицеры, сами выходцы с матроской палубы, как никто хорошо знали матросскую душу. Правили они сурово, но по большей части справедливо. Именно унтер-офицеры карали и миловали матросов, именно они были непосредственными учителями новых и новых поколений рекрутов, передавая им свои знания и опыт, делая из неуклюжих крестьянских сыновей отчаянных марсофлотов.

Унтер-офицеры получали более солидное содержание, чем матросы, а потому чаще обзаводились семьями и домами. Селились они на окраинах портовых городов. Так начинались знаменитые матросские слободки Кронштадта

* * *

В российском флоте со времен Петра Великого существовала четкая система поощрений всех категорий, «дабы всякий во флоте ведал и был благонадежен, чем за какую службу награжден будет». Однако на практике награждали моряков всегда весьма скупой. Вспомним, что ни один из офицеров, участников Великой Северной экспедиции, чьи имена сегодня являются гордостью России, так и не был ничем награжден. За всю двадцатилетнюю войну было награждено всего несколько моряков. Так продолжалось до правления Екатерины Второй, когда офицеров, хоть и не очень щедро, но все же начали награждать. Появились ордена не только для адмиралов, но и для рядовых офицеров.

За военные заслуги офицерам жаловались также золотые и украшенные алмазами шпаги, драгоценные подарки, а иногда и населенные земли. За взятые или истребленные неприятельские суда назначались призовые деньги, а флагманам, командующим флотами или эскадрами, отпускались значительные суммы «на стол». Весьма распространенной и, надо сказать, любимой морскими офицерами наградой было убавление им года или двух для выслуги пенсии, за отличие в службе.

Денежные премии за захват неприятельских кораблей соблюдались неукоснительно и зависели от ранга захваченных кораблей и судов, количества орудий и адмиральского флага. К примеру, за адмиральский линейный корабль полагалось 10 000 рублей, за вице-адмиральский — 7000 рублей, за контр-адмиральский — 6000 рублей. Отдельные премии полагались за захваченные пушки: за 30-фунтовую — 300 рублей, за 24-фунтовую — 250 рублей, за 18-фунтовую — 210 рублей и т.д. Своя премия от полученной добычи полагалась вдовам и детям убитых. Увечным в бою и состарившимся на службе давался специальный паспорт и годовое жалованье, определенная пенсия полагалась вдовам и детям погибших и умерших на службе: вдовам — 8-я доля, каждому ребенку — 12-я доля. Женам платили от 40 лет и до самой смерти или замужества, а младше 40 лет — единичное годовое жалованье. Мальчикам платили пенсион до 10 лет, а девочкам — до 15.

Однако в целом морских офицеров в XVIII веке награждали весьма скупно.

При получении награды на флоте существовал следующий порядок: заслуживший ее (или получивший право на нее) обязан был «испрашивать» ее (награду) в установленном порядке и только после «удостоения» начальственных инстанций мог получить в капитуле соответствующего ордена просимую награду.

Впрочем, не следует думать, что дождь наград лился и на адмиралов. Морской министр адмирал Моллер просит Николая I наградить членов комиссии, которые занимались разбором жалоб нижних чинов. Император Николай на это реагирует весьма здраво: «Тогда будет время (наградить), когда на опыте докажется, что жалоб нижних чинов на господ командиров более нет». Что ж, вполне разумно: вначале реальный результат, а уж потом пряники!

Любая военная организация помимо наградений, имеющих весьма мощный стимул в улучшении качества службы, всегда использует другой, не менее мощный, стимул — систему наказаний. Не чужд извечной политики кнута и пряника был и российский парусный флот.

Как правило, военно-морские судебные заседания по старой морской традиции проводили на борту одного из стоящих в порту линейных кораблей, хотя на берегу было бы гораздо удобнее. Начало судебного заседания обозначалось выстрелом пушки. Завершение заседания и оглашение приговора также обозначалось пушечным выстрелом и соответствующим флажным сигналом.

Система наказаний, постоянно совершенствуемая со времен Петра Великого, к концу существования эпохи парусного флота была весьма разнообразна и включала в себя: смертную казнь через повешение и расстрел, привязку к позорному столбу, имитацию расстрела с последующей ссылкой на каторгу и одновременным лишением дворянства, чинов и состояния, ссылку на каторгу, но без позорного столба и имитации расстрела, разжалование в матросы (от недели до нескольких лет) — до указа, до выслуги, а в исключительных случаях и навечно, разжалование — понижение в чине на одну или несколько ступеней от нескольких месяцев до нескольких лет, изгнание со службы, изгнание со службы со взятием с выгнанного его крепостных в рекруты, перевод в армию с понижением в чине на несколько ступеней, ссылку на поселение с увольнением от службы, увольнение без пенсии, без присвоения очередного чина, единовременный штраф или вычет части жалованья за определенное время, незачет определенного времени службы к выслуге ордена, пенсии,

пропуск в присвоении очередного чина.

Разумеется, что подавляющее количество этих наказаний применялось к офицерам. Для матросов перечень был куда проще и суровей. Помимо смертной казни и каторги существовали еще арестантские роты (что было ненамного лучше каторги) и достаточно изощренный список традиционно морских наказаний, как то: «купание с райны», «килевание». Однако самым распространенным наказанием на всем протяжении эпохи парусного лота оставалась самая банальная (но от этого не самая гуманная) порка линьками и «кошками».

Весьма сурово всегда было отношение к тем, кто недобросовестно относился к своим служебным обязанностям. «Кто на вахте найден спящим», то офицер в данном случае разжаловался на месяц в рядовые, а матрос спускался трижды с райны. За непрофессионализм, плохое содержание своего заведования, порчу казенного имущества матросов попросту лупили, офицеров же штрафовали и лишали преимуществ в получении очередного чина.

Если к пьяницам на нашем флоте относились, как мы уже поняли, с известным пониманием, то наказания становились предельно суровыми, когда речь шла о вопросах государственной безопасности. Тут в Морском уставе статьи были самые суровые и для матросов, и для офицеров, без всяких снисхождений. «За умышление зла против его величества или кто ведает, а не известит» такие офицеры и матросы считались изменниками и должны были быть четвертованы с конфискацией имущества. Кто же просто «его величество хулительными словами поносил или препятствовал его намерению», приговаривали просто к «лишению живота». «Кто будет непристойно рассуждать об указах от начальника», то офицер в таком случае наказывался «лишением чести» (т.е дворянства и чина), а матрос «на теле наказан будет».

На российском флоте всегда принимались меры к тому, чтобы матросы как можно меньше испытывали на себе влияние берега, которое не без оснований высшие начальники считали тлетворным. «Рядовые не должны слушать в делах, не касающихся к службе его величества, — трактовал Морской устав. — Ежели кто из офицеров под командой его сущим, что-нибудь прикажет, которое к службе его величества не касается, тогда подчиненный не должен офицера в том слушать и иметь сие в военном суде объявить, за что онный офицер по состоянию дела от военного суда накажется». За дезертирство полагалась смерть, казнен должен был и укrywший дезертира, перебежавший к неприятелю офицер или матрос приговаривался к повешению, за трусость в бою — смерть. За попытку

сдачи в плен — смерть, за оставление корабля в бою — смерть. Если капитан сдал свой корабль, то офицеры этого корабля (во главе с самим капитаном, разумеется) подлежали казни, а каждый десятый матрос — по жребию к повешению. За попустительство к бунту офицеры подлежали казни, а матросы, участвовавшие в бунте, также. Аналогичное наказание ждало офицеров за дуэли или просто за вызовы на поединок на борту судна, причем их ожидал не просто расстрел — позорнейшее для дворянина повешение. Заодно казни вместе с участниками дуэли подлежали и их секунданты. Более снисходительно было отношение к обычной драке «без вызова». Здесь принимали во внимание, что все мы люди русские и кулаки у нас порой чешутся. Если за мордобой казнить, то так и флот обезлюдееет. Посему за драки не казнили, а наказывали: матросов нещадно пороли, причем без особого разбора, кто, кого и за что лупил. Доставалось всем участникам. Так как офицеров-дворян пороть было нельзя, их попросту лишали жалованья, чинов (в зависимости от результатов драки) и заставляли просить у обиженного прощения перед судом. Всем убийцам полагалась смертная казнь без всякого снисхождения, кроме убийства по неосторожности. За последнее полагалась ссылка на галеру и лишение чина.

Кто командира своего убьет, того колесовали. Самоубийц вешали за ноги на мачте и хоронили без священника и могилы.

Гомосексуализм наказывался вечной ссылкой на галеру, а принудительное принуждение к содомии влекло за собой немедленную казнь, без всякого снисхождения. За изнасилование женщины также полагалась вечная ссылка на галеры или казнь.

Не приветствовались в российском флоте колдовство и всяческие языческие изыски. За это «чернокнижникам и идолопоклонникам» полагалось заключение «в железа», порка кошками, а в особо тяжких случаях, «впавшим в ересь», даже сожжение на костре. А не читай ненужных книжек и не болтай, что болтать не положено!

В первые годы образования флота священники не особо горели желанием покидать свои приходы и идти служить на суда. По этой причине церковные иерархи начали заполнять должности судовых священников теми, кого просто некуда было больше деть, по их нравственно-моральным качествам. Толку от таких батюшек на кораблях и судах было не много, и вскоре флотские начальники возопили о том, что лучше плавать вообще без представителей церкви, чем с такими. Должные выводы были сделаны. Корабельные священники стали получать повышенные оклады, после нескольких лет плавания на судах им давали в служение хорошие и богатые

приходы. Ситуация сразу улучшилась. Помимо этого стала практиковаться посылка на суда монахов, которые, не имея семей на берегу, могли быстрее и лучше адаптироваться к непривычным условиям. Ряд монастырей, вообще, стал специализироваться на комплектации флота священниками.

Морской устав предписывал судовым священникам вести и серьезную агитационную работу по приобщению некрещеных матросов к православной вере: «Имеющихся на кораблях басурманов, яко татар, мордву, чуваш и черемис приказать иеромонахам увещевать по правилам и в соединение в православную греческого исповедания веру склонивать всякими удобными мерами, дабы от того басурманства были отлучены и соединены к восточной кафолической церкви».

* * *

На российском флоте, начиная с Петра Великого, всегда большое внимание уделялось товарищескому и интернациональному воспитанию моряков: «Офицеры и прочие, которые в его величества флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности, какой они веры или народа ни будут». Впрочем, истинно христианских добродетелей господ офицеры придерживались далеко не всегда.

Мало кто знает, но именно флотские офицеры привнесли в начале XVIII века в Россию новомодный европейский обычай — выяснять отношения между собой на шпагах и пистолетах по заранее определенным правилам, то есть дуэль. При этом все же зачастую выяснение отношений между поругавшимися хотя и именовалось новомодной дуэлью, а по существу, никаким формализованным поединком не являлось, а представляло собой самую обыкновенную драку, а то и вовсе пьяную поножовщину.

Из письма Конона Зотова Петру I из Франции в 1717 году: «Господин маршал д'Этре призывал меня к себе и выговаривал мне о срамных поступках наших гардемарин в Тулоне: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради отобрали у них шпаги». Немногим позже новое письмо: «Гардемарин Глебов поколол шпагою гардемарина Бярятинского и за то за арестом обретається. Господин вице-адмирал не знает, как их приказать содержать, ибо у них (французов) таких случаев никогда не бывает, хотя и колются, только честно, на поединках, лицом к лицу». Поскольку гардемарины не следовали ритуалу дуэли, французский вице-адмирал затруднялся решить,

расценить ли это столкновение как дуэль или как обыкновенную потасовку. Такие случаи среди офицеров зарождавшегося русского флота были достаточно типичными. Например, другое подобное столкновение, но уже в Неаполе, описывает Иван Неплюев. Оно произошло в 1718 году между двумя молодыми русскими дворянами, посланными в Италию изучать морское дело. В этом случае исход был трагический — один из соперников убит. Неплюев цитирует показания второго участника стычки: «Василия Самарина я, Алексей Арбузов, заколол по сей причине: пошли-де мы оба из трактира в третьем часу ночи, и Самарин звал меня в свою квартиру табаку курить, а на дворе схватил он меня за уши и, ударив кулаком в лоб, повалил под себя и потом зажал рот, дабы не кричал; а как его, Васильев, перст попался мне в рот, то я его кусал изо всей силы; а потом просил у Самарина, чтобы меня перестал бить и давить, понеже перед ним ни в чем не виновен, на что Самарин ответствовал: “Нет, я тебя не выпущу, а убью до смерти”. Почему я, Алексей, принужден был, лежа под ним, левою рукою вынуть мою шпагу и, взяв клинок возле конца, дал ему три раны, а потом и четвертую; почему он, Самарин, с меня свалился на сторону, отчего и шпага моя тогда переломилась; а я, вскочив и забыв на том месте парик и шляпу, побежал прочь, а потом для забраня сих вещей назад воротился и, увидев Самарина лежаща бездыханна, побежал на свою квартиру и пришел на оную, кафтан свой замывал и на завтра к балбиру (брадобрею. — *В.Ш.*) шпагу затачивать ходил». По свидетельству Неплюева, «у них и наперед сего (рокового поединка) ссоры и драки были в Венеции, в Корфу сея зимы», — то есть стычка не была случайной, конфликт между участниками существовал давно, однако для его разрешения им, судя по всему, и в голову не пришло прибегнуть к формализованной процедуре поединка — драка была для них естественной формой разрешения конфликта. Надо сказать, что в России драки были, если так можно выразиться, национальной традицией.

Женский вопрос среди моряков парусного флота был всегда злободневен. Моряки женщин любили во все времена. При этом в силу малого времени нахождения на корабле, неустроенности жизни, недостатка средств для содержания семейства и неясности перспектив они зачастую долго не могли обрести своего дома.

Любопытна история решения судьбы двух малолетних дочерей-сирот умершего контр-адмирала Калмыкова. Сам контр-адмирал Калмыков остался известен в истории, прежде всего, как прототип знаменитого слуги-калмыка из хорошо известного фильма «Табачный капитан», произведенного Петром Захаровым за знания в офицеры. Вот решение

Адмиралтейств-коллегии от 1747 года по сиротам контр-адмирала Калмыкова: «Для содержания оставшихся от покойного контр-адмирала Калмыкова двух дочерей, девиц. Капитана Фангета жена объявила: оных девиц желает она содержать на своем коште на следующих кондициях: для житья ей с помянутыми малолетними в кронштадтском доме покойного контр-адмирала Калмыкова дать, без платежа денег, жилых 3 покоя; в том же доме в летнее время ей же Фангентше иметь огород; содержать ей тех малолетних сирот в добром смотреии и учить говорить по-немецки токмо одними разговором, шить платье белое и прочее, что принадлежит к женскому полу; оных малолетних двух девиц и одну при них служащую девку содержать ей капитанше на своем коште, кормить, поить и платье мыть, а платье и обувь как оными сиротам, так и девке иметь от себя; за обучение тех малолетних и за содержание их возьмет она с персоны по сто рублей в год... Приказали: с оною Фангентшею в содержании помянутых девиц на представленных от нее кондициях заключить контракт».

Глава пятая.

БЫТ МОРЯКОВ ПЕТРОВСКОГО ФЛОТА

Русский человек, как известно, все делает от души: работает, так работает, отдыхает, так отдыхает! Разумеется, что корабельная служба во все времена была и остается очень тяжелой. Однако и во время нее у моряков всегда были минуты отдыха. Как отдыхали, как проводили свой нечастый и недолгий досуг моряки российского парусного флота?

Что и говорить, отдыхать наши моряки умели! Помимо хорошей шутки русским людям вообще свойственна любовь к пению, как и к танцам. У моряков парусного флота тяга к прекрасному была выражена особо. Именно в песне можно было отвлечься от суровой обыденности службы, вспомнить отчий дом, почувствовать себя счастливым человеком. Импровизированные судовые оркестры в шутку сами моряки именовали «шваберными».

Песни на кораблях парусного флота пели разные, в зависимости от ситуации. Вечерами, собираясь на баке, матросы обычно пели обычно неторопливые и протяжные народные песни о родных местах, березках и дубравах. Это и понятно: оторванные от дома, они хотя бы в песнях на некоторое время могли перенестись мысленно в родные места. Поэтому если большая часть команды состояла из поморов, то вечерами пели большей частью поморские песни, если из ярославцев-то ярославские, если рязанцы-то рязанские.

Надо отметить, что матросы принципиально не любили солдатских песен, и если их заставляли, то пели они их только по сильному принуждению и без «огонька». Были в отношении матросов к песне и другие особенности. К примеру, широко известную песню «Нелюдимо наше море» матросы всегда петь отказывались, считая, что петь ее в море нехорошо.

Зато всегда с особым удовольствием пели песни, высмеивающие солдат и показывающие превосходство матросов над ними. Отражалась в матросских песнях и история флота, в частности морские деяния Петра Великого:

Ах, по морю, морю синему,
По синю морю по Балтийскому,

Что плывут тут, выплывают тридцать кораблей.
Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
Впереди бежит корабль, как сокол летит.
Хорошо больно кораблик изукрашен был,
Парусы на корабле были тафтяные,
А тетивочки у корабля чистого шелку,
А подзоры у кораблика рытого бархату.
На рулю сидел наш батюшка православный царь.
Что не золотая трубушка вострубила —
Да что говорит наш батюшка православный царь:
«Ах вы, гой еси, матрозы, люди легкие!
Вы мечитесь на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные,
Что далеко от Стокгольму!»

Отдельно следует выделить песни, которые пелись во время тяжелых работ, связанных, к примеру, с выборкой якоря, произносившиеся нараспев матросами при съёмке с якоря. Эти песни были сродни бурлацким (например, знаменитая «Дубинушка»), но часто отличались по сюжетам. По содержанию морские песни были полны грубого юмора. Имея одну и ту же цель — облегчить работу, — эти песни были различными. При выхаживании якоря ручным шпилем песня состояла из припева, заводимого одним и затем подхватываемого всеми в такт медленному шагу идущих на вымбовках вокруг шпиля людей. Вот типичная «шпилевая» песня:

Пошел шпиль — давай на шпиль.
Бросай все — пошел на шпиль.
Становися в круговую, на вымбовку дубовую.
Грудь упри — марш вперед!
Топай в ногу, давай ход!
Рядом встанет якорек, знай, посвистывай свисток!
Ай, ребята, ай, народ, лихо наш канат идет!
Ну, ребята, ходом, ходом!
Отличимся пред народом.
Встал наш якорь, якорь встал!
Поднимайте кливер-фал!

Вот пример еще одной из самых любимых матросских песен эпохи парусного флота. Примечательно, что в этой песне на краю гибели оказывается не матрос, а сам капитан корабля, то есть «полковничек». Поэтому, несмотря на все сострадание в песне к несчастному «полковничку», в ней все же чувствуется тайная отместка неизвестного сочинителя, хоть в песне, но у него куда более счастливая судьба, чем у начальника-аристократа! Да и финал песни весьма многозначителен. Матросики готовы спасти своего начальника при условии сокращения им срока службы!

Собирайтесь-ка, матросушки, да на зеленый луг.
Становитесь вы, матросы, во единый вы во круг,
И думайте, матросы, думу крепкую,
Заводите-ка вы да песню новую, которую пели вечор
Да на синем море.
Мы не песенки там пели — горе мыкали,
Горе мыкали, слезно плакали,
Тешили мы там молодого полковника.
Небывальщинка наш полковничек,
Да на синем море не видал он там
Не страсти, ужаси да Божей милости.
Сходилась погодушка да на синем море,
Помутилася да ключевая вода с желтым песком
И ударило морским валом да о царев корабль,
Порвало у корабля снасти все, крепости,
Снасти, крепости и тоненькие паруса.
И упал-то, упал наш полковничек да во сине море,
И вскричал он громовым голосом
«Уж как вы, братчики-матросики, берите деньги, да любви,
Еще берите да цветны платьеца и берите-ко полковника
Да из синя моря».
Отвечали-то ему матросы таковы слова:
«Нам не надобно, полковничек, денег — золотой казны,
Как еще не надобно нам цветных платицев,
Лучше сбавь-ка, сбавь да ты службы царские».

Что касается музыки, то судовая музыка на протяжении всего XVIII века находилась в самом печальном положении. Корабельный оркестр, как

правило, состоял только из трубачей и литаврщиков, назначаемых по три человека на каждый корабль и по два на фрегат. «Сколь недостаточна и даже отвратительна, — писали современники, — должна быть музыка из такого числа труб составленная, сие удобно всякому представить себе можно».

В свободное от плаваний время всех музыкантов объединяли в одну команду под началом капельмейстера. На корабле главнокомандующего полагалось иметь «хор трубачей» и «инструментальную музыку», тогда так на кораблях младших флагманов — только «хоры трубачей».

Если матросы довольствовались казенной чаркой, да редкими загулами в портовых кабаках, офицеры веселились в кругу своих сотоварищей.

С употреблением водки связано немало флотских легенд. До нашего времени дошла даже поэма-переписка Петра I со своим любимцем князем Меншиковым, описывающая нелегкие коллизии, сопровождавшие создание Балтийского флота:

Письмо Петра I Меншикову:

«Посылаем сто рублей на постройку кораблей
Напишите нам ответ: получили или нет!»

Ответ Меншикова Петру:

«Получили сто рублей на постройку кораблей.
Девяносто три рубли пропили и про...бли.
Остается семь рублей на постройку кораблей!
Напишите нам ответ, строить дальше или нет,
Ведь на эти семь рублей не построить кораблей?»

Письмо Петра I Меншикову:

«Как пили, и как е...ли, так и стройте корабли!»

Наш флот может по праву гордиться, что самый первый питерский трактир предназначался именно для моряков и по этой причине носил гордое наименование «Аустерия четырех фрегатов».

Если кто-то думает, что на парусном русском флоте матерились просто так, как кому заблагорассудится, то он глубоко заблуждается! Матерная ругань на старом флоте была возведена в ранг подлинного искусства. Разумеется, имелись и настоящие мастера своего дела, послушать которых в Кронштадте ходили, как в губернских городах ходили слушать оперу. При этом наряду с мастерами и ценители тоже были на должном уровне. Любую фальшь они распознавали сразу!

Дело в том, что в морской матерной ругани существовали свои незыблемые каноны, нарушать которые было не позволительно никому. Первый, низший, уровень мастерства включал порядка тридцати выстроенных в определенном порядке выражений. Умельцы русского слова осваивали более высокий уровень, так называемый «малый загиб Петра Великого», который состоял уже из шестидесяти матерных выражений. Ну а истинные мастера своего дела выдавали и «большой загиб Петра Великого», состоявший более чем из трехсот выражений, среди которых самыми невинными были «мандавошь Папы Римского» и «еж косматый, против шерсти волосатый».

Любой «загиб» конструировался как стремящаяся к бесконечности цепь многоэтажных ругательств, адресованных поочередно всему самому «статусному», что есть у собеседника. Однако по происхождению в «загибах» нет ничего непристойного и кощунственного, поскольку все они восходят, вероятнее всего, к магическим формулам, направленным против нечистой силы. Упрощенно говоря, это проклятия не в адрес Господа, а в адрес дьявола.

При этом порядок выражений и идиом был неизменен (знатоки утверждали, что он утвержден еще самим царем Петром!), не допускались и повторения выражений, какие бы то ни было запинания и паузы. Матерная брань произносилась мастерами как длинный поэтический монолог. При этом в искусстве овладения «загибами» имелась еще одна существенная особенность. Произносился «загиб» исключительно на едином выдохе, а поэтому, овладев «малым», не все были способны овладеть «большим загибом», так как попросту не хватало объема легких.

Высшим же шиком считалось сопровождение речитатива соответствующими жестами, так называемыми «показами», которые тоже были выстроены в определенном порядке в строгом соответствии с соответствующим «загибом» и не могли повторяться! Со стороны

непосвященным это, по-видимому, напоминало нечто среднее между плясками гвинейских папуасов и корчами эпилептика, но настоящие ценители высокого искусства получали от прослушивания и лицезрения этого действа истинное наслаждение!

Легенда приписывает «создание» так называемых «матерных загибов» Петру I. Число слов в них колеблется от 30 до 331. «Загиб» предполагал употребление определенного количества матерных слов и выражений, которые должны были быть построены определенным образом. Искусство «загиба» предполагало, что не «соленость» должна была определять оскорбительность и язвительность «загиба», а юмор — чем смешнее, тем оскорбительнее!

Умение материться не абы как, а с «загибами» и с «показами», почиталось и среди матросов, и среди офицеров. И весь российский адмиралитет, и офицерство, да и сами матросы всегда искренне считали, что «матерные загибы» были больше «искусством», нежели бранью...

* * *

История донесла до нас немало веселых и порой весьма поучительных историй, связанных с моряками российского парусного флота. Шутить на нашем флоте умели во все времена. Да и как иначе, когда порой именно соленая морская шутка помогала выжить в условиях той нелегкой и предельно жесткой службы. Начало российскому флотскому анекдоту положил сам родоначальник отечественного флота Петр Великий. Вот лишь несколько примеров петровского юмора:

«Осмотрев 60-пушечный корабль “Петр и Павел”, заложенный еще в 1697 году руками Петра в Голландии, — государь обратился к капитану со словами: “Ну, брат, в войске сухопутном я прошел все чины: позволь же мне иметь счастье быть под твоей командой”.

Изумленный капитан не знал, что отвечать.

— Что же вы, господин капитан, не удостоиваете меня своим приказом! С какой должности обыкновенно начинают морскую службу?

— С каютного юнги! — отвечал изумленный капитан.

— Хорошо! — сказал монарх. — Теперь я заступаю на его место.

— Помилуйте, Ваше Величество!

— Я теперь здесь не Ваше Величество, а начинающий морскую службу, в звании каютного юнги!

Капитан все еще думал, что государь шутит, и сказал:

— Ну, так полезай же на мачту и развяжи парус! Монарх, не говоря ни слова, побежал на мачту по узкому трапу. Капитан едва не умер от страха, и весь экипаж обомлел, увидев отважность совершенно неопытного еще в матросской службе молодого царя. Тот, кто некогда обтесывал мачту, находится теперь на ее вершине! Он ведь был на своем корабле, им самим построенном! Заткнув топор за пояс, бывало, прощался он вечером со своим творением, чтобы наутро вновь приняться за работу.

Если этот корабль и не был дедом русского флота, то, по крайней мере, его отцом.

Между тем ветер колыхал корабль. Одно мгновение — и государь, надежда целого народа, мог бы упасть на палубу или в волны морские! Эта мысль ужасала капитана и всех моряков, понимавших вполне опасное положение юного монарха. Ни один из старых матросов не отважился бы взойти на мачту, не подумав об опасности, ему предстоящей.

Все были в каком-то оцепенении, а государь между тем работал наверху. Вскоре конец развязанной веревки полетел на палубу, и государь, кинув орлиный взгляд на бесконечное пространство, покрытое седыми валами, сошел вниз. Капитан, видя, что государь был доволен его приказанием, но не желая подвергать его в другой раз столь очевидной опасности, велел новому юнге раскурить трубку и подать ее, что и было исполнено беспрекословно. Заметим, что капитан этот по имени Мус был некогда простым матросом в Голландии и понравился Петру во время пребывания нашего посольства в Амстердаме. Весьма естественно, что Мус, вспомнив прежнее время, когда он был товарищем и помощником царя в работе, так живо представил себе прошедшее, что тотчас же нашелся в роли повелителя и, постигнув вполне свой новый сан, взглянул гордо на Петра и сказал:

— Поскорее принеси мне бутылку вина из каюты! — Государь побежал вниз и явился с бутылкой и стаканом в руках.

Тогда капитан взглянул на Петра, ожидающего новых приказаний, призадумался, потом пристально посмотрел на юного монарха, будто не веря самому себе, и красноречивая слеза, слеза привязанности и умиления, оросила мужественное лицо его. Он вдруг приподнялся, схватив одною рукою стакан наполненный и кинув другою шапку вверх, воскликнул:

— Да здравствует величайший из царей!

Громкое “ура” раздалось на корабле и, достигши до берега, было ответом тронутых до глубины сердца матросов. Потом вновь все замолкли и смотрели на орла русского с изумлением. Все готовы были броситься в огонь и в воду по первому слову Петра!»

Из воспоминаний о Петре I: «Однажды очистилось вице-адмиральское место, которое по адмиралтейскому штату должно быть занято. Контр-адмирал Петр Алексеевич, то есть сам государь, подал в Адмиралтейскую коллегия челобитную, в которой прописал дотоле несенную им службу, просил о помещении на это место. Дело было там рассмотрено с надлежащим вниманием, и потом праздно место дано другому контр-адмиралу, а на его просьбу сделано решение, что коллегия вполне признает показанные им доселе заслуги и, надеясь, что он впредь будет с еще большим рвением стараться показать их, обнадеживает его в требуемом повышении, коль скоро опять представится к тому случай; ныне же, по сравнении доселе отправляемой им морской службы со службою другого контр-адмирала, нашла она, что тот долее служит морским офицером и многократно отличил себя на море. Поэтому Адмиралтейская коллегия, сообразуясь с справедливостью, не могла преминуть, чтоб не дать ему на этот раз преимущества и не произвести его в вице-адмиралы. Государь доволен был таким решением и, когда при дворе зашла речь о повышении, сказал:

— Члены коллегии справедливо судили и поступили надлежаще. Если бы они были столь раболепны, чтобы из ласкательства предпочли бы меня моему сверстнику, то действительно я заставил бы их в том раскаяться».

Петр любил своего воспитанника Ивана Головина и послал его в Венецию учиться кораблестроению и итальянскому языку. Головин жил в Италии четыре года. По возвращении оттуда Петр Великий, желая знать, чему выучился Головин, взял его с собою в Адмиралтейство, повел его на корабельное строение и в мастерские и задавал ему вопросы. Оказалось, что Головин ничего не знает. Наконец Петр спросил:

— Выучился ли хотя по-итальянски?

Головин признался, что и этого сделал очень мало.

— Так что же ты делал?

— Всемиловейший государь! Я курил табак, пил вино, веселился, учился играть на басу и редко выходил со двора.

Как ни вспыльчив был царь, но такая откровенность ему понравилась. Он дал лентяю прозвище «князь-бас» и велел нарисовать его на картине, сидящим за столом с трубкой в зубах, окруженным музыкальными инструментами, а под столом — валяющиеся навигационные приборы. Во время Каспийского похода Петр I решил, по старому морскому обычаю, купать не бывавших еще в Каспийском море. Подавая пример, царь первым прыгнул в воду. За ним последовали все остальные, хотя некоторые боялись, сидя на доске, трижды опускаться в воду.

Головина Петр стал сам опускать в воду, со смехом говоря:

— Опускается бас, чтобы похлебал каспийский квас! Один старый петровский ветеран любил вспоминать, как, будучи ребенком, был представлен Петру Великому в числе дворянских детей, присланных из семей для службы. Царь якобы, посмотрев на него, покачал головой и сказал:

— Ну, этот совсем плох! Однако записать его на флот, до мичмана, авось, дослужится!

Рассказывая эту историю, старик всегда с умилением прибавлял:

— И такой же был провидец, что я и мичмана-то получил только при отставке.

Когда известный острослов д'Акоста отправлялся по приглашению Петра I из Португалии морем в Россию, один из провожавших его сказал:

— Как не боишься ты садиться на корабль, зная, что твой отец, дед и прадед погибли в море!

— А твои предки каким образом умерли? — спросил в свою очередь д'Акоста.

— Преставились блаженною кончиною на своих постелях.

— Так как же ты, друг мой, не боишься еженощно ложиться в постель? — возразил д'Акоста

Сподвижник Петра I контр-адмирал Вильбоа спросил однажды д'Акосту:

— Ты, шут, человек на море бывалый. А знаешь ли, какое судно безопаснейшее?

— То, которое стоит в гавани и назначено на слом! — немедленно ответил ему д'Акоста.

* * *

Борьба с болезнями была во времена парусного флота труднейшей и почти нерешаемой проблемой, причем не только в море, но и во время нахождения моряков в порту. Простудные и желудочные, а также венерические болезни нередко приобретали характер настоящих эпидемий. Этому способствовала вопиющая антисанитария и тяжелые условия службы, сырой климат и обилие портовых проституток.

Вот как описывал корабельный быт наших моряков в начале царствования Екатерины II историк флота Ф.Ф. Веселаго: «Многочисленность заболеваний и ужасающая смертность между

нижними чинами считались делом неисправимым. При сравнительно лучших гигиенических условиях береговой жизни тогда и в кронштадтском госпитале ежедневно умирало до 20 человек: а на судах, вышедших в море, число заболеваний и умерших возрастало с каждым днем плавания... Несмотря на заботы Петра I о доставлении на суда провизии в бочонках или мешках, ее продолжали доставлять в рогожных кулях, гниющих от сырости и портящих находящуюся в них провизию. Солонина держалась в бочках больших размеров, которые, оставаясь продолжительное время откупоренными, заражали воздух, чему пособлял еще крепкий запах трески, употреблявшейся матросами в последние дни. Пресная вода, содержащаяся в деревянных бочках, после недолгого плавания портилась и приобретала отвратительный вкус и запах гнилых яиц. Зловоние в нижних палубах увеличивалось гниющей в трюме водой и отчасти раздаваемой на руки матросам недельной порцией сухой провизии и масла, которое хранили они в своих сундуках или в койках, постоянно остающихся внизу. Для нагрузки трюма употреблялся не чугунный, а каменный или песчаный балласт, в котором собирался и гнил сор, при недосмотрах иногда сметаемый в трюм и представляющий полное удобство для разведения крыс и различных беспокойных насекомых. Если к этому прибавить, что при неимении судовых лазаретов больные до перевоза на госпитальное судно не отделялись от здоровых и что вообще на судах не существовало порядочной вентиляции и темные уголки нижних палуб избавляли ленивых матросов от путешествия на верхнюю палубу, то огромная смертность совершенно объясняется антигигиеническим состоянием тогдашних судов».

Наиболее частой болезнью на русском парусном флоте была так называемая горячка, под которой подразумевались все простудные заболевания, от которых из-за постоянных сквозняков, холода и вечной сырости практически не было никакого спасения. Затем шла цинга-скорбут, вызываемая отсутствием свежей пищи и овощей, а также каждодневной тяжелой работой. Помимо этого весьма часты были всевозможные ревматизмы и чахотки. Конечно же, некуда было деться и от венерических заболеваний, прежде всего от триппера (именуемого моряками просто «насморком») и сифилиса. Больных венерическими заболеваниями старались все же при первой возможности изолировать от команды и убрать с судна. Лечили от триппера и сифилиса мышьяком, который, наряду с некоторым приостановлением воспалительных процессов, одновременно разрушал организм в целом.

Есть такая старая и хорошо известная поговорка: «Море любит сильных, а сильные любят хорошо поесть»! Здесь все правильно: хилому и тщедушному в море делать нечего, особенно это было актуально для парусного флота, где приходилось очень много тяжело работать физически. Данную аксиому флотские начальники понимали всегда, а потому исторически на флоте кормили всегда гораздо лучше, чем в армии (по крайней мере, так было положено по уставу).

В отличие от других флотов мира на русском всегда налегали на хлеб. Когда на судах имелся свежий ржаной хлеб — это было настоящим праздником не только для матросов, но и для офицеров. На втором месте по признанию после ржаного хлеба у матросов шла кислая капуста. Ее всегда заготавливали во множестве. В плавании она хранилась в больших бочках, пронзительно воняла, но при этом помогала от цинги-скорбута. Любили матросы погрызть и репку. Из каш матросы более всего обожали гречневую, когда же еще сдабривали топленным маслом и салом, то лучшего кушанья и желать было нельзя! Из жидких блюд наибольшей популярностью пользовались щи (из все той же кислой капусты), если же они были еще жирными и наваристыми — это считалось лакомством. Разумеется, свежее мясо всегда всеми было тоже любимо, но доводилось им питаться нечасто. Гораздо чаще приходилось довольствоваться осточертевшей всем солониной. Чтобы хоть как-то избавиться от соли и сделать ее несколько мягче, солонину перед употреблением вываривали в кипятке. На берегу матросам все же стремились давать свежее мясо, когда же его не было, старались разнообразить стол зеленью или ягодами. Для выращивания последних в Кронштадте заводи́ли многочисленные огороды. Любили моряки и сушеную да соленую рыбку, тем более что она помогала переносить качку. При этом если в Архангельске наибольшей популярностью пользовалась сушеная треска, в Кронштадте — корюшка, в Севастополе — черноморская султанка, то в Свеаборге — соленая салака и сельдь.

Так как же питались матросы и офицеры на берегу и в море? Вот уставная месячная норма питания матроса на судне российского парусного флота, установленная царем Петром: говядина — 5 фунтов (или в пересчете на нынешние меры веса — 2 кг), свинина — 5 фунтов (2 кг), сухари — 45 фунтов (18 кг), горох — 10 фунтов (4 кг), рыба — 4 фунта (1,6 кг), 15 фунтов (6 кг) различных круп (в т.ч. 5 гречневых и 10 овсяных),

масло — 6 фунтов (2,4 кг), пиво — целых 7 ведер (70 литров!), вина — 16 чарок, полкружки уксуса и полтора фунта соли. Для продовольствия морских команд некоторые предметы доставлялись из губерний «натурой», другие заготавливались на адмиралтейских заводах или поставлялись подрядчиками.

Вот установленное Петром Великим недельное матросское меню: воскресенье — мясо с кашей и чарка вина, понедельник — каша с горохом, вторник — каша с мясом, среда — каша с горохом и чарка вина, четверг — мясо с кашей, пятница — рыба с кашей и чарка вина, суббота — мясо с кашей и чарка вина. В горячее время помимо всего прочего выдавался еще и сбитень (своеобразный коктейль из воды, водки, меда и пряностей). Иногда сбитень заменяли так называемым «шотландским кофе» (горячий сухарный отвар с сахаром).

Из отчета о командировке гардемарин: «По прибытии 20 гардемарин 31-го марта 1716 года в Ревель, на учебу в Европу им выдано на дорогу парусинное платье и назначено на человека следующее месячное довольствие: денег по 2 рубля 40 копеек, сухарей по 2 пуда 10 фунтов, гороху 15 фунтов, круп 15 фунтов, соли $2\frac{1}{2}$ фунта, муки ржаной на квас по 1 четверти, вина по 25 чарок, уксусу по $1\frac{1}{2}$ кружки, рыбы вялой по 5 фунтов, ветчины по 19 фунтов».

Прием пищи осуществлялся два раза в день. И на берегу и в море матросы питались артелями по семь человек у котла. Делалось это для удобства расчета, так как, сколько полагалось еды семи матросам в один день, ровно столько же полагалось и одному человеку в неделю. Пищу варили в одном большом котле «по единому, а не по прихотям, в чем смотреть комиссару, под лишением чина», при этом поварам (кокам) категорически запрещалось что-либо принимать для приготовления пищи у команды, кроме свежего мяса и рыбы, да и то только в указанные дни.

При приготовлении горячей пищи в море была одна существенная трудность. Дело в том, что печи на судах российского флота традиционно складывали из кирпичей. Очень часто во время штормов кирпичные печи попросту разваливались, и команда на несколько дней оставалась без горячей пищи. Затем печь выкладывали заново, но с первым же штормом все повторялось. Проблему печей решили только к 70-м годам XVIII века, когда наконец-то отказались от кирпичей и начали устанавливать железные печи.

Матросская норма считалась одной порцией. От нее велся счет порциям всех должностных лиц команды, которые получали свои порции

деньгами. Они так и назывались — «порционные деньги». Эта практика просуществовала до самой революции, да и сегодня частично сохранилась в ВМФ, как пресловутый нынешний офицерский продпак, выдаваемый деньгами.

Согласно Морскому уставу, капитан-командор имел 6 установленных порций, капитаны 1-го и 2-го ранга — 4 порции, капитан-лейтенанты, лейтенанты, мичманы, секретари и лекари — по 2 порции, штурманы, шкиперы, боцманы — по полторы. Священнику, если он был из монахов, полагался отдельный котел, если же он являлся представителем белого духовенства, то питался вместе с офицерами.

Разумеется, определенная норма довольствия на практике соблюдалась далеко не всегда. Как и сегодня, часто практиковались замены одного продукта на другой, причем не всегда равноценные. В море капитаны судов имели право в случае нужды сокращать, по своему усмотрению, норму питания. Кроме этого часто матросы недоедали и по более прозаичной причине — из-за воровства, которое во все времена было настоящим бичом российского флота.

Иногда матросский стол разнообразили грибами и ягодами, которые собирали во время летних практических плаваний в финском заливе на островах. Перед уходом судов в морскую кампанию на каждое судно принимали бочки с солеными огурцами и квашеной капустой. Матросы, вчерашние крестьяне, их очень любили, к тому же огурцы и особенно капуста помогали от цинги-скорбута, бывшей тогда настоящим бичом всех флотов.

В Кронштадте всегда весьма популярна была свежая рыба. И офицерские, и матросские семьи с удовольствием добавляли ее в свой не слишком разнообразный рацион. Старались обеспечить себя рыбой и командиры кораблей, так как это позволяло экономить казенные продукты. Свежая рыба была намного приятней, чем надоевшая солонина Рыбу ловили летом с берега и со специально выделяемых для рыбалки корабельных шлюпок. При этом особо всегда ждали весну. Именно весной особо хорошо шла любимая всеми пахнущая свежим огурцом корюшка, которую ловили в огромных количествах. Об этом даже имелся немудреный стишок:

У Кронштадта треснул лед.
В гости корюшка плывет!

По-своему были рады корюшке всегда и снабженцы. Изобилие дармовой рыбы позволяло им наживаться на списываемых мимо кораблей продуктах. Впрочем, свежей рыбе радовались в Кронштадте вообще все.

Офицерский стол в русском флоте также отличался от матросского. Мало того, в первый период существования регулярного русского флота и офицеров в нем кормили «по чинам». Так, на питание генерал-адмирала казна расходовала в тридцать раз больше денег, чем на питание матроса; на адмирала, соответственно, в двадцать шесть раз; на капитан-командора — в восемь раз; на капитана 2-го ранга — в четыре раза; на питание всех прочих офицеров — в два раза.

Сейчас даже трудно представить, что до 70-х годов XVIII века на русском флоте отсутствовали, как таковые, кают-компании, а офицеры питались каждый сам по себе. У каждого офицера был свой собственный денщик, который был обязан накормить вовремя своего господина, а так как камбуз был на всех один, это приводило к постоянным недоразумениям. При этом зачастую драки между денщиками за место в очереди на камбуз выливались в скандалы между самими офицерами. Необходимо прибавить, что офицерская среда тоже была далеко не однородна: один офицер мог позволить себе весьма изысканные деликатесы, другой при этом не был в состоянии купить себе порой даже куска белого хлеба. Такое социальное неравенство среди офицеров тоже способствовало постоянным скандалам и взаимной неприязни. Из-за того, что каждый из офицеров хранил свои собственные продукты отдельно от других в собственных ларях под замком, повсеместно процветало воровство. Драки денщиков на камбузе и взаимные обвинения офицеров были почти ежедневны и не слишком способствовали сплочению офицерского коллектива. Материалы Адмиралтейств-коллегий 30–60-х годов XVIII века пестрят разборами бесконечных «камбузных» скандалов. Нередки были случаи, когда после взаимных обвинений офицеры хватались за грудки, а то и за кортики и шпаги... Что и говорить, порой обстановка на русских кораблях даже во время непродолжительных практических плаваний была весьма напряженная.

Особо жалкое зрелище представлял собой откомандированный на другой корабль офицер середины XVIII века. Он стоял на причале в ожидании шлюпки со своим денщиком, окруженный грудой мешков и кулей с мукой и крупой и вязанками дров. Даже дрова для топки печи корабельный офицер должен был иметь свои собственные! При этом сложившееся положение дел считалось флотскими начальниками вполне нормальным и на данную ситуацию адмиралы смотрели как на неизбежное

зло, к которому просто надо привыкнуть.

Историк российского флота Ф.Ф. Веселаго писал об этом так «Нельзя не упомянуть об одном, с первого взгляда незначительном, но, в сущности, весьма важном улучшении судовой жизни офицеров и нижних чинов. При прежних порядках матросам выдавалась на руки провизия на неделю, и пища готовилась в котлах в складчину. Остальные же высшие чины, до командира судна включительно, должны были заботиться каждый о своем пропитании, иметь отдельное хозяйство, свою посуду и заготавливать и сохранять во время плавания нужную для стола провизию. Некоторые офицеры, конечно, составляли артели, но другие питались отдельно. Такое положение, кроме увеличения на судах беспорядка, нечистоты и тесноты, заставляло в продолжение целого дня держать в камбузе неугасаемый огонь и служило источником беспрестанных ссор между прислугой, отражавшихся и на отношениях самих офицеров. Для устранения подобного беспорядка было постановлено: на руки матросам провизии не выдавать, а готовить им всем пищу в одном братском котле».

Не одно столетие главным ограничителем времени пребывания парусных судов в море была вода. Вопросы, связанные с поставкой воды, ее хранением и нормированным употреблением, всегда были головной болью капитанов парусного флота.

Прежде всего, большое значение имело то, откуда воду брали. Больше всего ценилась вода из ключей и родников, так как она более всего оставалась чистой и пригодной для питья. Однако по понятным причинам запастись такой водой доводилось весьма нечасто. На втором по качеству месте шла вода из колодцев, но и ею заполнить уходящие в плавание суда было практически невозможно, так как колодцы быстро осушались, а ждать, пока в них снова наберется вода, времени не было. Поэтому самым распространенным источником обеспечения воды уходящих в плавание судов были реки. Разумеется, что вода из рек была не слишком чистой. В XVIII–XIX веках еще не существовало понятия охраны питьевого водоема. Поэтому время хранения речной воды было не слишком продолжительным. Была и еще одна особенность. Когда воду брали из реки значительно выше от ее впадения в море, то там вода была все же более-менее пригодная для питья, если же в самом устье, то там она была уже в значительной мере перемешана с морской водой, а потому ее вкус оставлял желать много лучшего. Время же хранения такой воды было совсем небольшое. В больших портах имелись специальные баржи-водовозы; если барж не было, то за водой плавали в шлюпках. Иногда пресную воду прямо на месте наливали в шлюпки, а потом уже заполненные бочки загружали на

судно. Порой, если позволяла погода, воду наливали прямо в шлюпки «под планширь» и уже потом выкачивали из шлюпок в бочки шлангами. Если же учесть, что для забора воды использовались специальные водоналивные баржи, которые имели приличную осадку и заходить далеко вверх по реке не могли, то в большинстве случаев ее брали прямо в устье. Было немало случаев, когда не слишком добросовестные капитаны водоналивных барж вообще брали воду прямо в море рядом с реками. Заполнив трюмы, водовозка подходила к назначенному ей кораблю, и матросы помпами перекачивали из нее воду в бочки. Однако водовозок было мало, и часто командам самим надо было заботиться о доставке воды. Для этого в устье рек отправлялись корабельные баркасы, в которые воду наливали почти по планширь, а по прибытии также перекачивали в бочки. День заливки бочек водой считался у матросов чуть ли не праздником, потому что по установившейся традиции в этот день можно было пить воду, как говорится, от пуза. Но уже на следующий день и офицер, и матрос мог потреблять только строго определенную командиром норму. По этой причине, наверное, никто, кроме моряков, не относился к воде столь трепетно, даже будучи в глубокой отставке.

При погрузке продовольствия на корабль воду загружали в самую последнюю очередь, непосредственно перед самым отплытием. Для сохранности воды имел значение даже один день. В море вначале вскрывали бочки «малой руки», которые стояли в верхнем ряду трюмных запасов, затем переходили к бочкам «средней руки» и лишь потом к «большой». Поэтому обычно в последних, самых больших, 60-ведерных бочках вода бывала уже тухлой. Она имела грязно-желтый цвет и воняла тухлыми яйцами. Часто бочки в трюме давали течь, и тогда вокруг них образовывалось самое настоящее смердящее болото. В этом болоте валялись гниющие рогожные кули с мукой и крупами. По ним бегали полчища крыс.

Чтобы хоть как-то улучшить качество воды, бочки, по возможности, переворачивали, отчего тухлая вода несколько очищалась, затем в воду добавляли немного уксуса, иногда ее мешали с вином или водкой. Но все равно пить такую воду было не только противно, но и весьма опасно. Весь XVIII век и первые годы XIX именно тухлая вода была источником массовых заболеваний и смертей российских матросов.

Чем жарче была погода, тем быстрее вода в бочках превращалась в мутную зловонную жижу. Пить ее можно было не иначе, как зажав нос, но и такая вода выдавалась весьма ограниченно. Впрочем, в какой-то момент вся зловонная муть оседала на дно бочек и вода снова на некоторое время

становилась пригодной для питья, но это длилось недолго, после чего она уже окончательно становилась непригодной для питья. Недаром во время плаваний у офицеров и матросов главной мечтой было, придя в порт, до отвалу напиться свежей и холодной воды.

* * *

Непьющий моряк и сегодня вызывает определенное недоумение, в эпоху же парусного флота это было явление наиредчайшее. Про таких говорили: или больной, или умом убогий! Еще Петром Великим было завещано, что российскому матросу каждый день положена законная чарка вина, ценою в три с половиной копейки. Считалось, что водка и вино способствуют скорейшему восстановлению сил.

Из указа Петра I: «При даче команде по утрам горячего завтрака из кашицы, назначенную по положению чарку водки разделять на две части: $\frac{1}{3}$ чарки давать перед завтраком и $\frac{2}{3}$ перед обедом. Ром же или коньяк, заменяющие водку, всегда разбавлять на половину водою и отпускаются в две дачи: к обеду и завтраку, если сей последний состоит из кашицы, а то к ужину (одну чарку рому отпускать в виде двух чарок грога). Табак отпускать только курящим и заслуги на него не полагается». Вино матросам выдавали, как правило, не каждый день, а по четыре чарки в неделю: по воскресеньям, средам, пятницам и субботам Тем, кто не пил, ежемесячно уплачивалось по девять копеек за каждую невыпитую чарку.

Разумеется, что вина давали разные, когда покрепче, а когда и послабее. У заботливого командира давали хорошую крепкую водку, а у вороватого — разбавленную. От качества даваемой водки нередко зависел авторитет командира в глазах команды, при этом, как правило, матросы редко ошибались в своей оценке. Кроме водки или вина ежедневно выдавался еще один гарнец пива. Гарнец — мера немалая и равная 3,28 литра. Таким образом, помимо водки каждый матрос вполне законно мог выпить в день почти семь бутылок казенного пива. Это значило, что матросы (если им выдавалась вся норма водки и пива) фактически все время находились слегка «подшофе». Делалось это, конечно же, не из желания сделать матросскую жизнь веселей. Во-первых, пиво лучше и дольше сохранялось в море, чем вода. Во-вторых, оно было питательнее и вкуснее. Наконец, в-третьих, пиво неплохо предохраняло матросов от частых в ту пору простудных заболеваний, улучшало общее состояние и

поднимало общий тонус. Поэтому в осеннее и зимнее время пиво, по возможности, давали подогретым.

Очень часто водка служила и мерой поощрения. За быструю постановку и уборку парусов, за отличную греблю, меткую стрельбу и молодежавый вид — за все начальство с удовольствием поощряло матросов внеочередной чаркой. Эту награду матросы любили особо.

В разное время спиртные напитки, которыми потчевали матросов, тоже были разными. Все зависело от условий плавания и возможностей. В северных водах матросов, как правило, старались поить чем-нибудь покрепче. На родной Балтике давали особо любимое «хлебное вино», то есть современную пшеничную или ржаную водку, хотя и гораздо слабее нынешней, градусов по 25–30. На Черном море практиковали местные вина, крепленные спиртом, а в дальних плаваниях закупались местные вина, ром и так далее. Иногда вино, когда его оставалось мало, по приказу командира официально разбавляли водой или питательными соками. Но к данной процедуре матросы относились весьма отрицательно. В холодное ненастное время, по возможности, готовили горячий грог. Когда, к примеру, на борту имелся ром, то его разбавляли водой. Внеочередная чарка была самой распространенной наградой за быструю постановку или уборку парусов, за хорошую греблю, отличие на учениях и в бою. Церемония такого награждения на флотском сленге называлась «наложить сплесень на грота-брас».

Винные чарки имели огромное значение. Во-первых, вино поднимало настроение у матросов, оторванных от привычного уклада жизни, месяцами не видящих ничего, кроме неба и волн. Во-вторых, учитывая многочасовые работы на мачтах по постановке и уборке парусов на пронизывающем ветру, винная чарка просто согревала матросов. Наконец, в-третьих, учитывая затхлость и сырость внутренних помещений парусных кораблей, винная порция выполняла и санитарно-гигиеническую роль. Учитывая и вино, и пиво, получалось, что моряки в целом постоянно принимали горячительного намного больше, чем их сухопутные коллеги в армии. Если принять во внимание, что матрос почти ежедневно пил 100 граммов водки и 7 бутылок пива, то он почти все время находился под легким «шофе», что, в общем-то, и было нужно для профилактики болезней и поднятия настроения.

Именно поэтому в эпоху парусного флота в России и сложилось стойкое мнение, что все моряки горькие пьяницы. Разговоры эти, разумеется, были, как обычно в таких случаях, весьма преувеличены, но определенные основания для этого, как мы понимаем, имелись. Пили

моряки действительно больше, хотя бы потому, что вечно находились в сырости, холоде и на промозглом ветру, в оторванности от дома и земли, среди враждебной стихии и в ежеминутном ожидании смертельной кончины.

При этом запойных пьяниц на флоте не то что не уважали, их считали преступниками и наказывали без всякого снисхождения. Еще в начале XVIII века, когда русский флот находился в стадии зарождения, уже существовал документ «Инструкция и Артикулы военныя Российскому флоту», в котором было сказано: «Пьяным на кораблях не быть». Далее указывалось: офицеров, замеченных в пьяном виде, штрафовать, матросов — сажать в карцер. Кроме того, флотские власти использовали возможности православных монастырей с их строгими мерами по «смирению плоти». Впрочем, с монастырями дело особо не пошло, так как в этом случае многие бы предпочли пусть аскетическую монастырскую, но все же не столь тяжелую и опасную жизнь, как на флоте.

Глава шестая.

В ФИНСКИХ ЛЕСАХ

Несмотря на тяжкие поражения в 1713 году, занятие порта Або и потерю всей Южной и части Западной Финляндии, шведы по-прежнему не считали себя побежденными на море.

Академик Е.В. Тарле писал по этому поводу: «Они не могли, конечно, не видеть, что сделали капитальную ошибку, не выстроив вовремя достаточно гребных судов, оставшись поэтому в почти беспомощном положении при действиях русских моряков в шхерах. Но чем объясняли впоследствии шведы свой губительный промах? Именно своим высокомерным отношением к русским морским силам, самоуверенным убеждением, что они, будучи сильнее русских при единоборстве линейных кораблей, даже и не подпустят русских к шхерам, а потом потопят их в открытом море. Все это оказалось ошибкой и патриотической фантазией. Шведы даже и не заметили того, как стало меняться соотношение сил и в линейных флотах, они ничего в точности не знали не только обо всех постройках кораблей на русских верфях, но и о непрерывных покупках судов для русского флота за границей. Морская разведка у шведов была в те времена из рук вон плоха. Не весьма блестящей, впрочем, была она и у Петра. Единственной державой, у которой морской шпионаж (вспомоществуемый очень энергично шпионажем дипломатическим) всегда оказывался на высоте, была Великобритания. А затем нужно сказать, что даже в те годы, когда шведский флот еще был и в действительности гораздо сильнее русского, шведское командование как-то не сумело найти места, где можно было бы нанести русским серьезный удар.

Требовалось испытание, хотя бы в ограниченных размерах, чтобы обе стороны могли получить некоторый новый материал для сравнения относительной оперативности своих флотов и их общей боеспособности...»

Что касается Петра I и его соратников, то они были готовы, чтобы предоставить в этом году своим противникам наглядный урок боеспособности русского корабельного и галерного флотов. От войны сухопутной и войны за приморские крепости Петр был готов перейти уже непосредственно к войне морской, в классическом ее понимании.

Каковы же были планы противников на кампанию 1714 года? Перед

шведами стояла непростая задача не выпустить русский флот из Финского залива, не дать ему выйти на просторы Балтийского моря.

В этих целях в Стокгольме было решено блокировать наш флот в Финском заливе, для чего предполагалось сосредоточить главные силы шведского флота полуострова Гангут, расположенного в устье Финского залива и далеко выдающегося в море.

Поэтому, зная о приготовлениях русского командования к десантным операциям через Ботнический залив, тотчас после открытия навигации весной 1714 года шведы выслали к полуострову Гангут эскадру адмирала Ватранга, чтобы у Гангута она преградила путь русским галерам в Або-Аландский район. Данная позиция определялась стратегическим значением Гангута — если до мыса Гангута русский гребной флот продвигался вдоль берега среди мелких островов и проливов между ними, то у Гангута встреча с корабельным флотом противника становилась неизбежной.

Что касается нас, то план кампании 1714 года был следующим: переход галерного флота с десантом в Або, с последующим занятием Аланского архипелага и, в зависимости от дальнейшей оперативной обстановки, возможное вторжение на территорию Швеции. Одновременно корабельный флот должен был прикрывать гребные суда до входа их в шхеры и потом идти в Ревель, чтобы воспрепятствовать возможному проникновению шведского корабельного флота в Финский залив, а в случае необходимости — оказать содействие своему гребному флоту, если тот встретит препятствие со стороны неприятельских линейных кораблей.

К 1714 году русский флот уже представлял, несмотря на все свойственные молодым флотам болезни роста, впечатляющую боевую силу. И эту силу Петр желал использовать с максимальной пользой.

Из воспоминаний современника: «Чувствовалось всеобщее ожидание того, что текущим летом произойдет что-то чрезвычайное как по причине наказаний, наложенных за упущения двух предшествующих лет, так и вследствие увеличения флота, который усиливался кораблями, прибывшими в Ревель, чтобы соединиться с ним, а также решения царя принять командование лично на себя».

Что касается российских моряков, то они рвались в бой. Моряки желали заполучить свою Полтаву. Такие же настроения были и в окружении царя.

Разумеется, что никто не знал, как обернется дело в нынешнюю кампанию. Однако все понимали, что предстоящая будет отличаться от всех бывших прежде. Все пребывали в уверенности, что настает момент истины и должно произойти нечто чрезвычайное, что окончательно склонит чашу

весов в битве за Балтику в пользу одной из сторон. Среди адмиралитета была уверенность, что главные события должны произойти не в финских или шведских шхерах, а в открытом море, где состоится сражение между двумя корабельными флотами. К этому и готовились всю зиму. Долгое время Петр был уверен, что весной в Ревель придет сильная датская эскадра и уже объединенными силами они вместе смогут преподать хороший урок шведам. Если все получится именно так, то имелась возможность победно окончить войну в том же 1714 году. Линейный флот был последней надеждой Стокгольма, ибо в случае разгрома линейного флота у него не оставалось ни одного шанса сохранить в неприкосновенности свои берега. Успехами же гребного флота можно было добиться тактического и даже оперативного успеха, но никак не стратегического.

По этой причине Петр всю зиму с особым вниманием следил за подготовкой корабельного флота, вникая во все мелочи. Сам он предполагал лично возглавить объединенный русско-датский флот и повести его к победе под своим штандартом. Всю зиму и весну русские моряки провели в ожидании и, что греха таить, в предвкушении скорой решающей генеральной баталии за обладание Балтикой.

По этой причине всю зиму шли напряженные переговоры с Копенгагеном. Туда был послан умный и изворотливый Шафиров с задачей сделать все возможное и невозможное, чтобы заставить короля Фредерика IV выслать в Ревель эскадру. Канцлер Головкин не переставал запрашивать Шафирова о состоянии дел по союзной эскадре. Но тому особенно порадовать канцлера было нечем. Датчане отделивались лишь общими рассуждениями и туманными обещаниями. Время между тем шло, и надежды на союзническую помощь таяли с каждым днем.

Короче говоря, вот-вот должна была начаться сложнейшая шахматная партия на море, результат которой был еще совершенно неясен. Однако прежде начала боевых действий на море следовало закончить дела на сухопуте. Прежде всего, надлежало решить вопрос на правом фланге в Финляндии, где все еще располагалась достаточно сильная и боеспособная шведская армия. Начинать продвижение к шведским берегам, оставляя у себя в тылу вражескую армию, было бы непростительной ошибкой, за которую можно было очень дорого заплатить. Решение этой первоочередной задачи было поручено князю Михаилу Голицыну.

Зимой с 1713 на 1714 год именно он и был назначен командовать русскими войсками в Финляндии. Князь Михаил Голицын — один из талантливейших и самых колоритных военачальников Петровской эпохи. При этом Голицын с равным успехом сражался с врагом как на суше, так и на море. Именно Голицыну выпала честь первым начать боевые действия в 1714 году и, таким образом, создать условия для последующих успехов русского оружия в ту кампанию.

А потому нам следует познакомиться с князем Михаилом Михайловичем Голицыным поближе. Рядом с царем боярский сын Голицын был еще с 1689 года, начав службу в потешных войсках, когда ему не было еще и двенадцати. Затем в Переславле-Залесском строил корабли, служил солдатом в Семеновском полку, вначале барабанщиком, потом солдатом и прапорщиком. За храбрость в Первом Азовском походе, во время штурма земляного города, стал поручиком. Ездил с царем с Великим посольством, громил мятежных стрельцов. В 1699 году именно Голицын сопровождал царя в знаменитой демонстрации русского флага от Азова до Керчи, в результате которой Турция убедилась в силе нашего флота на Азове.

Все годы Северной войны Голицын всегда был в центре военных событий. В несчастном для нас сражении под Нарвой находился в составе гвардии и получил два ранения. В следующем году получил чины майора и подполковника. Во время штурма Нотебурга снова был среди солдат в первых рядах.

История сохранила сведения о храбрости Голицына в тот день. Когда шведы отбили наши штурмующие колонны и те начали отход от стен крепости, Петр отправил Голицыну приказ отступать. Однако тот приказал оттолкнуть от берега Невы лодки, чтобы солдаты не думали о бегстве. Царскому же посланнику ответил: «Скажи государю, что я теперь принадлежу не Петру, но Богу!»

После этого князь лично повел солдат на приступ и взял Нотебург после тринадцати часов кровопролитного боя. За эту победу растроганный Петр дал Голицыну чин полковника лейб-гвардии, триста душ крестьян, да три тысячи рублей.

В последующие годы Голицын участвовал во взятии крепостей Ниеншанц на Неве, Нарвы и Митава, дрался в Польше, оборонял Гродно. В 1706 году стал генерал-майором и командиром дивизии. В 1708 году нанес серьезный удар по шведскому корпусу под Добрым.

Особенно отличился Голицын в сражении при деревне Лесной, когда наш корволант под командованием Петра разгромил корпус Левенгаупта. После боя Петр произвел его в генерал-поручики, пожаловал свой портрет,

осыпанный бриллиантами, сказав при этом:

— Проси все, что ты желаешь! На что тот ответил:

— Прости Репнина!

Петр был удивлен. Дело в том, что генерал Репнин недавно потерпел поражение под Головчином и был разжалован в солдаты. При этом Голицын и Репнин давно ходили в недругах. Благородство и великодушие Голицына тронули царя, и тот исполнил его просьбу.

В Полтавской битве Голицын командовал всей гвардией. Он же после Полтавской победы преследовал отступающих шведов и первым достиг Переволочны, где, несмотря на свои небольшие силы, потребовал от Левенгаупта капитуляции.

Несмотря на столь интенсивную воинскую службу на сухопутье, Голицын успевал активно заниматься и галерным флотом, являясь ближайшим помощником генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Так, во время похода галер в 1713 году на Гельсингфорс именно он вместе с шаутбенахтом И.Ф. Боцисом командовал арьергардом И здесь, как всегда, Голицын оказался на высоте. Он не только справлялся со своими прямыми обязанностями, но еще «держал в узде» склочного и скандального Боциса. А едва закончились боевые действия на море, как генерал Голицын уже дерется на сухопутье. В октябре того же года, во время сражения при Пелькине, именно Голицын внезапно для противника переправил шесть тысяч солдат на плотах по озеру в тыл шведам, чем обеспечил полную победу.

* * *

Надо ли говорить, что по причине своей храбрости и неугомонности, возглавив зимой 1714 года наши войска в Финляндии, Михаил Голицын сразу же взял «быка за рога». Узнав от лазутчиков, что у деревни Лаппола расположился шведский 8-тысячный корпус генерал Армфельда, он немедленно двинулся в том направлении, чтобы дать шведам генеральную баталию, хотя и не имел в тот момент никакого преимущества в силах.

Узнав о приближении русских, Армфельд выбрал хорошую позицию — на равнине около финской деревни Лаппола, прикрыв свои фланги лесом. В центре шведы поставили пехоту, на флангах разместили кавалерию. Впереди боевых порядков выкатили пушки.

19 февраля (2 марта) 1714 года Голицын подошел к уже поджидавшим его шведам. Наши двигались к деревне Лаппола с востока, первоначально

продвигаясь вдоль замерзшей реки Кюро. Когда наши оказались в поле зрения шведов, стоявшая на правом крыле конница отошла на север, чтобы не попасть под огонь шведских пушек. При этом Голицын намеревался нанести главный удар полевому флангу шведов. Для этого он приказал искать проводников, чтобы те провели нашу армию через покрытые льдом болотистые леса севернее реки Кюро. В таком случае наша армия заняла бы очень выгодные позиции для атаки на левый фланг шведов.

Однако, несмотря на первоначальный успех шведов, Голицын все же сумел, отбиваясь от наседавших шведов, завершить перестроение войск и стабилизировать ситуацию на левом фланге. Что касается ситуации на правом фланге, то там шведскую атаку отразили сравнительно легко. Положение исправили направленные Голицыным из 2-й линии батальон Выборгского полка и два эскадрона вологодских драгун, которые заставили шведов остановиться. Видя это, Армфельд двинул было из резерва 2 эскадрона и часть финского ополчения, но эта новая атака окончилась полной неудачей: пехота начала отступать, а ополченцы попросту бежали. Более того, увлекшись атакой, шведская кавалерия была вначале остановлена, а потом окружена и разбита нашими драгунами и казаками. Разгром кавалерии обнажил тылы шведов на левом фланге, чем незамедлительно и воспользовался Голицын. Он спешил четыре драгунских полка, и те с тыла атаковали шведский центр. Армфельд попытался было помочь окруженным войскам левого фланга, но Голицын нанес нокаутирующий удар, атаковав центр шведской армии. В итоге левый фланг шведов был практически уничтожен, а правый начал быстро откатываться. Когда же Голицын приказал еще поднажать и наши «поднажали», шведская пехота бросилась бежать, бросая оружие и знамена. Более пяти тысяч солдат противника было уничтожено, более пяти сотен взято в плен вместе с двумя десятками знамен и десятком пушек.

Многие пленные истекли кровью или замерзли и погибли в ночь после сражения, тела их были оставлены лежать на поле битвы еще несколько недель. Наши, впрочем, также понесли большие потери — около полутора тысяч раненых и убитых.

Военные историки отметили как новинку размещение Голицыным в сражении при Лапполо артиллерии не по всему фронту, как это обычно тогда практиковалось, а двумя большими батареями на флангах. А в учебниках по истории военного искусства отдельно впоследствии всегда отмечалось отличное управление Голицыным ходом боя. Он прекрасно видел и чувствовал обстановку, быстро реагировал на меняющуюся

ситуацию, принимал единственно верные и оригинальные решения, отлично организовал взаимодействие всех родов своего корпуса.

В результате этого сокрушительного поражения шведская армия была полностью деморализована и в кампании 1714 года уже никакого участия не принимала. Стратегическое значение победы в Латгальской битве заключалось в том, что отныне Петр I мог фактически распоряжаться всей Финляндией и использовать ее как плацдарм для дальнейшей войны против Швеции. Больше достойного сопротивления шведская армия оказать не могла, тем более выбить русских из Финляндии.

Что касается Петра, то, узнав о новой блистательной победе Голицына, он был в полном восторге и тут же пожаловал его высшим генеральским чином — чином генерал-аншефа.

Для нас же победа князя Голицына при Лапполо является прологом всех дальнейших событий нелегкого, но победного для нас 1714 года.

Глава седьмая.

НАЧАЛО КАМПАНИИ 1714 ГОДА

Кампания 1714 года на Балтике началась с запозданием. Зимние холода держались в тот год весьма долго, и Нева очистилась ото льда лишь в двадцатых числах апреля. А так как в зимнее время гребные суда хранили на берегу, то спускать их на воду начали лишь с уходом льда. Впрочем, генерал-адмирал Апраксин старался наверстать упущенное время и уже спустя неделю хищные скампавеи уже покачивались на невской волне. Одновременно загружали провиант, ставили такелаж, грузили артиллерию, порох и другие припасы. Много мороки было с укомплектованием. Так как постоянных команд в галерном флоте не было предусмотрено, их в начале каждой кампании формировали заново. При этом настоящих моряков было — по пальцам пересчитать, поэтому приходилось комплектоваться солдатами петербургских и гвардейских полков. За весла усаживали все тех же солдат. С одной стороны, это было выгоднее, чем если бы гребли каторжане, только и думающие, чтобы отлынивать от работы, а во время боя — не только чтобы выжить, но и при случае поднять мятеж. Солдаты были и мотивированы, да и в бою могли бросить весла и взять в руки ружья. Однако коллективная гребля, как известно, дело весьма непростое. Гребля — это искусство, которое оттачивается годами. Здесь кроме физической силы нужна и техника владения веслом, а для того, чтобы ею овладеть, необходимо и время и тренировки. Разумеется, при экстренной подготовке галер к кампании 1714 года не было ни того ни другого. Впрочем, к устоявшемуся положению вещей все относились как к чему-то само собой разумеющемуся. Распределять солдат старались так, чтобы и с полка одного были, и с роты одной. Когда друг друга давно знаешь, и в походе, и в бою куда легче. Да и в начальство стремилось назначать своих же ротных начальников, ибо куда способнее вести в бой на смерть своих, чем чужих.

Однако армейские подпоручики и поручики были хороши в боевых делах, но в морских столь же неопытны, как и их подчиненные. По этой причине капитанами галер Петр назначал людей наиболее сведущих во флотских делах, хотя и без чинов офицерских. Комитами галер были назначены боцманы, а подкомитами, соответственно, боцманматы. Кроме того на каждую галеру определялся флотский унтер-офицер, каптенармус и

с дюжину матросов для управления парусами. Боцманы и подбоцманы по большей части были из сербов, греков и даже итальянцев, имевших за плечами большой опыт службы на итальянских, испанских, мальтийских, венецианских и далматинских галерах.

Уже 30 апреля команды заселились на суда. Капитаны наскоро обучали солдат своим обязанностям. Спасало то, что часть солдат уже сиживала на веслах в прошлые кампании, да и капитанами галерными назначали людей опытных. На мачтах подняли вымпелы — знак того, что галеры считаются вступившими в кампанию и в любой момент готовы выйти в море. Но перед самым выходом Петру доложили о скоропостижной смерти галерного шаутбенахта Боциса. Потеря была значительной, так как Боцис был опытейшим галерным капитаном, и равноценную замену ему найти было весьма проблематично. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает...

Обучение гребцов производилось непосредственно на галерах, для этого галеры вначале крепились кормовым фалинем за причальную стенку. Начинали с самого простого — отрабатывали посадку гребцов, вставку уключин, разбор весел, занос весел и правильное положение гребцов при гребле, затем переходили к более сложному — правильному гребку веслом и действиям по команде «Шабаш!» Только после усвоения гребцами этих начальных навыков шли дальше — учили уже отработке гребли на ходу, одновременно знакомя гребцов с выполнением всех основных команд. Разумеется, что в первые дни галеры шарахались по рейду так, что их капитанам приходилось все время быть начеку, чтобы не столкнуться друг с другом. То тут, то там истошно кричали:

— Легче гресть! Береги весла!

Но без столкновений все равно не обходилось, и тогда ломались как спички весла, трескали борта, а над гаванью разносился добротный русский мат.

Особо натаскивали рулевых:

— Объясняю в последний раз, что, правя по компасу, следует удерживать носовую курсовую черту на заданном отсчете картушки. Это ясно?

— Ясно! — шмыгали носами будущие рулевые.

— Хорошо! Идем дальше!

— Если курсовая черта будет отклоняться вправо от заданного курса, значит, нос шлюпки уваливается вправо, и наоборот.

— Что такое право?

Не тратя время на долгие объяснения, капитаны по испытанному

методу вешали справа от руля клок сена, а слева — клок соломы.

— Сено — это влево, а слома — это вправо. Теперь понятно?

— Теперь понятно! — кивали головами обучаемые.

— Значит так, если курсовая черта будет отклоняться от заданного курса к сену, — значит, и нос шлюпки уваливается к сену, и наоборот, если к соломе, — то к соломе. А потому для приведения галеры на заданный курс необходимо переложить руль в сторону, противоположную отклонению курсовой черты. Если клонится к сену, то перекладываем к соломе, а если клонится к соломе, то перекладываем к сену. Это понятно?

— Понятно! Понятно! — галдели будущие зейманы.

Отдельно обучали армейских офицеров, из которых предстояло в течение каких-то недель сделать моряков. Тут уже говорили о материях более высоких.

— Запомните, господа, что каждое резкое изменение курса ведет к потере скорости, а каждый зигзаг — к удлинению пути следования.

Старые галерные мореходы чертили свинцовыми карандашами бумажные листы:

— Управление по створу считается наиболее точным и удобным. В качестве створа можно использовать два отдаленных друг от друга береговых объекта, расположенных на одной линии с курсом шлюпки. Правят так, чтобы удерживать свою галеру на линии избранного створа. Если створные знаки или избранные в качестве створа предметы начнут расходиться, то нужно изменить курс в ту сторону, в которую отошел ближний знак от дальнего. Уразумели?

— Честно говоря, пока не очень! — чесали затылки Преображенские и семеновские поручики и прапорщики.

— Объясняю еще раз...

* * *

С приказом о выходе в море задержки тоже не было. 9 мая 1714 года галерный флот оставил Петербург. Вот на флагманской галере взвился подготовительный флаг, одновременно звонко грохнула сигнальная пушка.

Галерные капитаны разом прокричали в жестяные рупоры:

— Уключины вставить! Весла разобрать! Весла!

Равнясь по загребным, гребцы подняли свои весла и уложили в уключины. При этом лопасти весел развернуты не абы как, а гранью вверх с небольшим наклоном к воде.

Взоры всех снова сосредоточены на флагманской галере. Там взвивается новый флаг — на сей раз походный. Ну, кажется, поехали!

Капитаны кричат в рупоры:

— На воду раз!

Равняясь по загребным, гребцы наклоняют мускулистые тела, вытягивают руки вперед и синхронно заносят лопасти весел в сторону носа шлюпки.

— Два-а! — протяжно кричат капитаны.

Гребцы одновременно опускают лопасти в воду и, отклоняясь назад, с силой проводят лопасть в воде. Окончив гребок, весла разом, уходят обратно для следующего гребка. Со стороны казалось, что галеры, будто какие-то водоплавающие птицы, машут огромными крыльями, но никак не могут взлететь.

— Раз! Два-а! Раз! Два-а! — это уже кричат комиты в унтер-офицерском чине. По старой галерной традиции капитаны дают лишь первую команду к гребле — это их прерогатива и только их право.

Пока ритм гребли невысок, гребцы должны приноровиться и обвыкнуться, к тому же надо беречь и их силы.

На выходе все обошлось без происшествий. Капитаны маневрировали так, что никто никого не пропорол своим шпироном, а новоявленные гребцы работали если не слишком умело, то все же добросовестно. Авангард вывел в устье Финского залива сам корабельный шаутбенахт Петр Михайлов. Царский судовой штандарт подняли на галере «Святая Наталья». Арьергардом должен был командовать галерный шаутбенахт И.Ф. Боцис, но он скончался на борту галеры в ночь перед выходом. Над флагманской скампавеей кордебаталии трепетал флаг генерал-адмирала Апраксина

С Федором Матвеевичем Апраксиным у Петра были отношения не только слркебные. Дело в том, что генерал-адмирал российского флота был не просто близким и преданным сподвижником русского царя, но приходился ему сводным родственником — сестра Апраксина была супругой покойного царя Федора Алексеевича, брата Петра по отцу. Удивительны гримасы истории! Если в начале своего жизненного пути Федор Апраксин был всего лишь братом царицы, то сейчас, по прошествии трех веков, кто упомнит царицу Марфу? Имя же первого генерал-адмирала российского флота и сегодня помнят все, кому дорог российский флот.

По свидетельству современников, не отличался выдающимися способностями, но был добрым и правдивым человеком, веселым, гостеприимным и радушным хозяином-хлебосолом. В служебной

деятельности отличался усердным и точным исполнителем предначертаний царя, хотя и не всегда их приветствовал. По собственному выражению Апраксина, он исполнял службу «по силе ума своего радостным сердцем и чистой совестью». Из обширной переписки Апраксина можно видеть, что он обладал добрым сердцем, мягким и миролюбивым характером.

Еще во время знаменитого плавания в Керчь в 1699 году Петр определил Апраксина в морские офицеры. А затем, видя его интерес и склонность к морскому делу, поставил его во главе Адмиралтейского приказа. Несколько лет спустя Апраксин был пожалован в адмиралы и определен президентом Адмиралтейства, чуть позже — и в генерал-адмиралы. По облику и натуре Апраксин был настоящим русским барином, дородным телом, весьма обстоятельным в делах и неторопливым в действиях, благоразумным и благонравным.

Каждое решение Апраксин всегда тщательно взвешивал и обдумывал, чем порой выводил из себя импульсивного и нетерпеливого Петра. Однако на деле оказывалось, что генерал-адмирал почти всегда оказывался прав.

— Прыткость надобна лишь при ловле блох да тараканов! — всегда говорил подчиненным генерал-адмирал, назидательно поднимая указательный перст.

Достаточно любопытными были и служебные отношения между Петром и Апраксиным. С одной стороны, Апраксин был верноподданным своего государя и был предан ему телом и душой. Однако в рамках флота Петр, имея всего лишь чин шаутбенахта (контр-адмирала), официально подчинялся генерал-адмиралу, поэтому подчинялся своему кузену. Оба при этом старались соблюдать субординацию. При этом мудрый Апраксин всегда знал свое место и, принимая особо важные решения, всегда советовался с Петром; что же касается стратегических вопросов, то там он беспрекословно исполнял волю царя. Петр ценил деликатность Апраксина и искренне его уважал. Любопытно, что Апраксин был один из немногих, кому на своих шумных пирах царь не наливал обязательный убойный «кубок большого орла». Да и о тех или иных решениях царь обычно говорил во множественном числе: «мы стали думать», «мы решили», имея в виду себя и Апраксина.

Впрочем, не всегда дипломатичность Апраксина достигала цели, и эмоциональный Петр порой все же срывался. Тогда невозмутимый Апраксин говорил ему прямо:

— Государь, когда я как адмирал спорю с Вами по своему флагманскому званию, я никогда и ни за что не поступлюсь заботой о пользе дела. Но когда Вы предстаете царем, я всегда исполню свой долг!

И Петр сразу отступал...

Сейчас, облокотившись на фальшборт, Петр смотрел, как мерно вздымаются весла, как, искрясь на солнце расплавленным серебром, стекает с лопастей вода. Мысли его были сейчас далеко. Думалось и о европейской политике, и о том, удастся ли в этом году если не принудить шведов к миру, то хотя бы приблизить оный. Петру всегда хорошо думалось на корабельной палубе. Море и тишина радовали сердце и упорядочивали его мысли.

С постепенным ослаблением Швеции на Балтике одновременно усиливалось влияние России на соседние прибрежные Польшу и Пруссию. К примеру, город Данциг, сочувствовавший изначально Швеции и бывший на стороне признаваемого ею польского короля Станислава, теперь по необходимости подчинился союзному Петру королю Августу. При этом Данциг не только прекратил все сношения со Швецией, но обязался вооружить против нее несколько каперов и допустил русского агента к осмотру всех приходящих в Вислу купеческих судов. Такой же надзор был установлен и в Травемюнде. А прусский город Кенигсберг уже вооружил четыре капера, которым прусский король, с ведома Петра, выдал каперские патенты. Сказывалось и увеличение нашего флота. Теперь русские суда беспрепятственно крейсировали по Балтийскому морю и забирали шведские коммерческие суда. Хорошо складывалось и в Финляндии, где войсками Голицына неприятельские войска вытеснены окончательно в Швецию.

...Море и тишина.. Только плеск весел да скрип уключин... На галерах русского флота всегда соблюдается образцовый порядок. Гребцам на ходу запрещается ходить по банкам, облокачиваться о планширь, выставлять руки и локти за борт, сидеть развалившись на кормовом сиденье или решетчатом люке, разговаривать и шуметь.

— Ваша галера — ваш отчий дом, а потому и вести себя здесь надлежит так же, как вы ведете себя в отчем дому: не кричать криком, не бегать взад-вперед да не сквернословить! — наставляли своих подчиненных капитаны.

Впрочем, сегодня праздник — день начала морской кампании 1714 года, а потому, отвлекшись от своих мыслей, царь обернулся к стоявшим поодаль офицерам:

— День сегодня особый, а потому надлежит для поднятия духа при выходе на галерах беспрестанно палить холостыми зарядами из фальконетов да бить в барабаны и трубить в трубы. А гребцам и команде от меня по лишней чарке к обеду!

Прогрохотали пороховыми зарядами пушки, ударили барабаны, затрубили трубы, разгоняя в стороны дремавших дотоле на волнах чаек.

Все 99 скампов и полугалер были разделены на три эскадры, образующие авангард, кордебаталию (центра) и арьергард. Везде ровно по 33 галеры. В свою очередь, каждая из частей гребного флота разделялась на три дивизии по одиннадцать галер в каждой. В дивизиях же галеры объединены в роты и батальоны. Сделано это было для удобства. Так было привычно и армейским офицерам, и солдатам. К тому же ротные командиры стали теперь во главе галерных рот, а батальонные — во главе галерных батальонов. Зачем что-то придумывать, когда все уже придумано до нас!

* * *

Уже на следующий день галеры подошли к Котлину. В Кронштадте также время не теряли. Там готовился к кампании и корабельный флот. Там распоряжался капитан-командор В. Шельтинга. 8 мая зимовавшие в Кронштадте корабли и суда вытянулись на рейд. Сила была собрана достаточно впечатляющая: девять линейных кораблей, полдесятка фрегатов и столько же шняв.

Едва оба флота сошлись, как Петр Михайлов произвел смотр корабельному флоту. После этого галеры вошли в Котлинскую гавань. В Кронштадте занялись переформированием галерных команд. Не способных к качке и слабосильных убрали, заменили на более здоровых и крепких.

Вечером за столом у царя вспоминали события одиннадцатилетней давности, когда в устье Большой Невы напротив Гутеньевского островка капитан-бомбардир Михайлов со своим другом семеновским поручиком Алексашкой Меншиковым дерзко в абордажной схватке отбили у шведов 10-пушечную шняву и палубный бот. Дело было действительно отчаянное, так как атаковали на лодках без пушек, имея под рукой лишь ружья, гренадерские гранатки да шпаги с кортиками.

К тому давнему бою у Петра всегда было отношение особое, почти мистическое. Сам он тогда одним из первых взобрался на палубу шнявы «Астрильд» и едва уцелел в абордажной резне. Удачный же исход той дерзкой атаки Петр впоследствии всегда считал неким знамением, явленным ему свыше, указывающим на правильность его морских устремлений. С тех пор немало воды утекло. Были и штурмы крепостей приморских — Нотебурга-Орешка, Дерпта и Нарвы, были и генеральные

виктории сухопутные — лесная и Полтава, но тот сумасшедший ночной бой на скользкой от крови палубе Петр запомнил на всю свою оставшуюся жизнь.

За ту победу Петр с Меншиковым были отмечены орденами только что учрежденного ордена Святого Андрея Первозванного. Под впечатлением от воспоминаний и в раздумьях о ближайшем будущем Петр вечером начертил в письме петербургскому генерал-губернатору Меншикову «Поздравляю Вас с сим днем, в который мы оба получили орден Святого Андрея. Дай, Боже, чтоб Господь Бог вящее даровал ныне такого дела». Что и говорить, нелегки были раздумья у русского царя в мае 1714 года.

На следующий день Апраксин ездил делать смотр на корабельный флот. Что касается Петра, то он вступил в командование галерным флотом, отдав авангард под начало генералу Вейде. Выбор начальника передового отряда был стоящим. Адам Вейде состоял при Петре еще с потешных. Майором Преображенского полка он дрался под Азовом в первом неудачном и втором удачном походах. В несчастной для русского оружия битве при Нарве в 1700 году, будучи командиром дивизии, Вейде прикрывал отступление армии и был взят в плен, где пробыл долгих одиннадцать лет, пока не был обменен на шведского генерала. Затем храбро дрался в не менее печальном Прутском походе. О себе Вейде мрачно шутил, что более всего ему удастся отличаться в самых неудачных кампаниях...

С пришедших с моря судов сообщили, что к западу Финский залив еще далеко не полностью очистился ото льда. Это значило, что снова надо ждать, так как идти в лед было для деревянных судов смертельно опасно. Петр нервничал, так как время уходило. Возможно, именно тогда-то он и сказал свою знаменитую фразу. «Деньги дороги, люди ценнее денег, но время — дороже всего». Понять Петра было можно. На морскую кампанию 1714 года он возлагал особые надежды. Впервые Россия выставляла на Балтике столь мощный корабельный и гребной флоты. Это было очень и очень нелегко.

Все стоило огромных денег, усилий и нервов, грандиозными были и планы на саму кампанию, которая, по мысли Петра, должна была стать решающей в вытеснении шведов из финского залива И вот теперь приходилось сидеть и ждать у моря погоды!

Только 20 мая, когда море наконец-то освободилось от ледовых полей настолько, что можно было не опасаться за сохранность судов, парусный и гребной флоты оставили Котлин за своей кормой. Корабельному флоту предстояло вначале прикрывать галеры, а затем следовать к Ревелю для

встречи со шведским флотом. Вступать в сражение с неприятелем Петр решил только в случае, если русский флот по численности судов будет не менее чем на треть превосходить противника. Такое решение, возможно, и было оправданным, поскольку русский флот еще не имел опыта ведения сражений в открытом море. Петр рассчитывал на помощь датского флота. Но события развивались не так, как этого хотел Петр. Датчане с помощью не спешили, а шведы особой активности на морском направлении не проявляли.

Однако Петр не бездействовал. Во время стоянки у Ревеля он усиленно занимался боевой подготовкой. Корабли часто выходили в море, где проводили учения по эволюциям и применению артиллерии. Петр строго взыскивал за нерадивость. За несоблюдение места в строю в походе или при экзерциции с виновного вычитывали сумму месячного жалованья.

Вскоре Котлинскую эскадру постигло несчастье: начались массовые заболевания личного состава. Экипажи кораблей пришлось перевести на берег и приступить к обкуриванию судов, что в те годы было единственным и далеко не эффективным средством борьбы с распространением инфекций. Неожиданно перед Ревелем появилась шведская эскадра из шести кораблей. Но шведы не подозревали об отсутствии на русских кораблях команд, поэтому не решились дать сражение. В этих условиях Петр совершенно оправданно перенес главное направление с морского (от Ревеля) на приморское, где действовал галерный флот во главе с Апраксиным.

Переход галер проходил в сложнейшей ледовой обстановке. Сказывались слабая подготовка гребцов и незнание навигационной обстановки. К тому же между морскими и армейскими начальниками из-за разного рода пустяков часто возникали ссоры. В этих условиях 29 мая 1714 года Петр I вынужден был подписать «Указ о разграничении власти морских и сухопутных начальников на кораблях»: «Понеже происходят некоторые противности между морских и сухопутных офицеров, того для сим указом объявляется.

1. Понеже каждой корабль отдан в команду одному офицеру морскому, и для того повинные его как во управлении морском, так и во время баталии слушать сухопутные, как офицеры, так и солдаты, кто б какого ранга ни был (разве явно себя кто покажет противным указом, о чем будет другой указ объявлен), понеже на нем то дело положено и на нем спрсят.

2. Ежели что преступит солдат, то капитану велеть наказать его их офицеру; буде же какая ссора между матрозов и солдат будет, разыскать капитану, или кто кораблем командует, самому с офицером сухопутным, кто

старшее. А порутчикам и протчим чинам морским нижним не разыскивать и солдат не бить, разве во время бою, которые в своем деле, где они поставлены, не будут исправлять, тогда оных порутчикам и подпорутчикам тростию или шпагою бить велено.

3. Провиант иметь вместе, и о всем сухопутным офицерам спрашивать командующего кораблем офицера. Сей указ на каждом корабле публиковать, дабы неведением никто не отговаривался.

Петр. Дан на корабле “Святой Екатерины” мая 29 де(нь) 1714 году».

* * *

Курс русских галер был проложен к недалеким Березовым островам, что вблизи Выборга Флоты двигались параллельно: ближе к берегу галеры, мористее — линейные корабли и фрегаты. Последние должны были прикрывать гребной флот от возможной атаки шведского флота в открытом море, где галеры могли стать легкой добычей для многопушечных шведских линкоров.

И снова неудача! У Березовых островов выяснилось, что дальше опять двигаться нельзя, так как весь шхерный фарватер вплоть до Гельсингфорса еще плотно забит льдом Петр нервничал.

На генерал-адмиральской галере «Святая Наталья», названной Апраксиным, не без умысла, в память матери Петра, был созван консилиум флагманов. Помимо Петра и Апраксина в нем приняли участие генералы Михаил Долгорукий и Вейде. Решали, как действовать далее. Так как гребной флот уже достиг опушки шхер и надобность в парусных кораблях прикрытия отпала, решено было отправить линейные корабли с фрегатами под началом Петра в Ревель. Никто не знал, где сейчас шведский флот. Было лишь известно, что зимой шведы усиленно занимались его вооружением, что говорило о том, что в нынешнюю кампанию он будет использоваться самым активным образом. Учитывая же, что у Карлскруны лед сошел гораздо раньше, чем в устье Невы, это значило, что шведы имели большую фору перед нашим флотом во времени для отработки своих команд и действий на опережение. По этой причине пересечение Финского залива к Ревелю не представлялось безопасным.

После жарких споров было решено, что вступать в бой со шведами в открытом море следует лишь в том случае, если мы будем на треть сильнее

противника по числу линейных кораблей. Таким образом, предполагалось дать бой шведам, если эскадра тех не будет превышать шести линейных кораблей.

Но почему было принято столь осторожное решение? Разумеется, на то были свои основания. И дело здесь вовсе не в том, что Петр с Апраксиным робели перед противником. Однако надо было смотреть правде в глаза. А правда была такова, что молодой российский флот делал еще только свои первые шаги. И сами корабли и те, кто на них плавали, готовились непосредственно во время текущей войны, в то время как за спиной шведского регулярного флота были уже столетия. И качество кораблей, и выучка команд у нас, разумеется, на тот момент еще уступали шведам, и, хотя с каждым годом дистанция сокращалась, рисковать созданным с таким трудом флотом Петр, вполне разумно, просто не желал, стремясь свести риск потери кораблей к минимуму. Слишком много было поставлено на кон!

Что касается галерного флота, то ему предписывалось следовать далее финскими шхерами до порта Або, где уже стояли главные силы нашей армии в Финляндии под началом недавнего победителя при Лапполо генерала Михаила Голицына. Оттуда галеры должны были взять курс в Ботнический залив к Аландским островам, а оттуда уже непосредственно к берегу самой Швеции.

Апраксин, раскатав карту залива Финского, заявил следующее:

— Относительно возможного противодействия шведов гребному флоту прикидывали, где шведам сподручнее будет перехватить наши галеры. Таких мест было два. Это, прежде всего, плес на восточном берегу мыса Гангут у рыбацкой деревни Тверминне и у самого мыса Гангут, уже в западной части того же полуострова.

Поглядели в карту, прикинули штангенциркулем дистанции. Согласились, что сии места самые опасные. Петр, качая головой, высказался так:

— Ежели благополучно проскочим мимо Гангута, то шведы вполне могу перехватить нас в проливе, что разделяет острова Аландские от стокгольмских шхер!

— Что же делать тогда станем? — оторвался от карты князь Долгоруков.

Все посмотрели на царя. Тот вздохнул:

— Полагаю, что надлежит устроить нам порт и крепость на островах Аландских и с сего порта уже делать диверсию на берега шведские.

— Набеги же лучше совершать на норд-вестовый берег Ботнического

залива от городка Ваза, чтобы линейный флот шведский дотянуться до нас не смог, ну а с галерами ихними мы уж как-нибудь сами справимся, — высказал свою мысль Апраксин.

Немногословный Вейде, по своему обыкновению, больше молчал, чем говорил. Помалкивал и присутствовавший на совете и генерал-майор Иван Головин. Для нас Головин памятен не только как сподвижник Петра, но и общий предок А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Был Головин боярского рода из стольников, участвовал в Азовских походах, состоял денщиком при царе, сопровождал Петра в поездке в Амстердам, где работал на верфи. Затем учился в Венеции строить галеры и итальянскому языку. Вернувшись оттуда, за свой громкий голос получил от Петра шуточный титул «князя-баса» с жалованьем в 60 алтын в год за то, что не знал ни итальянского языка, ни кораблестроения. Несмотря на это, ФХ Вебер в своих «Записках» писал, что Головин все равно был «очень любим царем за то, что во многих случаях доказал ему свою верность и храбрость». В годы Северной войны Головин командовал Ростовским пехотным полком, участвовал в Полтавской битве, где за храбрость заслужил чин бригадира. Генерал-майорский чин он получил от Петра авансом буквально перед самым выходом гребного флота из Петербурга и теперь горел желанием оправдать перед государем оказанное доверие. Забегая вперед, скажем, что скоро доверие Петра он оправдает с лихвой.

...Итак, в конце концов на совете решено было, что в случае, если гребной флот все же будет остановлен у Гангутского полуострова шведским флотом, заперев дорогу на Або и Аланды, то Апраксин незамедлительно известит об этом Петра, который намеревался к этому времени уже отплыть в Ревель.

Ледовая обстановка в финских шхерах задержала корабельный флот у Березовых островов до последнего дня мая. Пока извилистые фиорды не станут доступными для галер, он не мог оставить в одиночестве свой гребной флот. В этом случае он мог стать легкой добычей шведов, так как спрятаться в забитых льдом шхерах от огня шведских линкоров было нельзя.

Разумеется, царь не просто сидел у опушки шхер в ожидании таяния льдов. Все дни вынужденного стояния на якоре Петр был деятелен как никогда. К флоту то и дело приходили и уходили шнявы и палубные боты, на которых доставляли не только грузы, но и почту, и царь отсылал и получал корреспонденцию, в том числе и дипломатическую. Одновременно во все стороны были разосланы фрегаты и шнявы, которые искали в море шведский флот. И здесь Петр действовал по известному принципу:

предупрежден — значит вооружен! Уже 16 мая к флоту доставили первое тревожное письмо от капитан-поручика Наума Сенявина. Он писал, что к Ревелю подошла шведская эскадра в составе 4 линейных кораблей, 3 фрегатов и шнявы. Разумеется, что это были еще не главные силы неприятеля, а всего лишь разведывательный отряд, присланный с целью выяснить наш состав и дислокацию. Однако это значило, что шведы не собираются отсиживаться в Карлскруне, а стараются перехватить инициативу.

* * *

Русская разведка работала весьма неплохо, и еще задолго до начала кампании было известно, что шведский флот будет вооружаться в числе 16 линейных кораблей. Это значило, что для того чтобы вступить с ним в генеральное сражение, надо было иметь в боевой линии не менее двух десятков кораблей. Такого количества молодой Балтийский флот России выставить просто был не в силах. Да, формально боевой состав линейного флота в 1714 году насчитывал уже шестнадцать линейных кораблей. Однако в реальности часть из них была неисправна, к тому же даже для остальных не хватало опытных офицеров и подготовленных матросов. Именно поэтому взор желавшего и мечтавшего о победной морской баталии Петра была устремлен в сторону Дании, единственного союзника, обладавшего пусть небольшим, но вполне боеспособным флотом.

О том, что в предстоящей кампании шведы не будут отсиживаться в портах, говорили и последние назначения в Стокгольме. Так, во главе шведского флота в 1714 году был поставлен опытный и грамотный адмирал Густав Ватранг. В службе этот скромный выходец из семьи обычного лекаря всего всегда добивался сам. Службу Ватранг начинал матросом Толковый и расторопный, он быстро сделал карьеру. Уже в 29 лет стал капитаном, что для шведского флота было достаточно редким явлением. В 1694–1695 годах Ватранг отличился, конвоируя торговые суда в голландские порты и обратно. При этом всегда весьма удачно отбивался от атаковавших конвои каперов. Храбрый и удачливый капитан пришелся по душе молодому Карлу XII, и тот вначале пожаловал Ватранга контр-адмиральским, а затем и вице-адмиральским чином. В 1710 году Ватранг командовал в Финском заливе эскадрой, и, хотя ему так и не удалось обеспечить с моря безопасность взятого русскими Выборга и пленения двух с лишним десятков судов в Риге, король счел его действия

правильными и два года спустя произвел в полные адмиралы. В декабре того же года Ватранг предпринял попытку провести в Германию транспортные суда, однако из-за противодействия датского флота она не удалась, и он был вынужден в январе 1713 года вернуться в Карлскруну. И вот теперь он был назначен командовать всем шведским флотом. Король ждал от своего выдвиженца только победы, и тот клялся оправдать оказанное ему доверие.

Вторым флагманом и командиром авангардии в кампанию 1714 года был назначен вице-адмирал Лиллье. Год назад под Ревелем Лиллье, будучи командиром отдельной эскадры, неосмотрительно выслал вперед три корабля, которые были внезапно обнаружены и атакованы нашим отрядом под началом вице-адмирала Крюйса. Тогда шведов спасла случайность — преследовавшие их русские корабли выскочили на не обозначенную на карте мель.

Наконец, младшим флагманом и командиром арьергарда являлся контр-адмирал Нильс Эреншельд. Морскую карьеру он начал достаточно поздно для того времени — в восемнадцать лет. Однако в двадцать шесть был уже капитаном, встретив на шканцах начало Северной войны.

Впрочем, современники считали, что своей стремительной карьерой Эреншельд в определенной мере был обязан не только своим талантам, но и родственным связям, так как являлся зятем главнокомандующего шведским флотом адмирала Анкаршерна. Последний возглавлял эскадру, прикрывавшую в 1700 году высадку Карла XII на Зеландию, а затем переправлял короля в Лифляндию. Впрочем, в 1705 году Анкаршерн не слишком удачно атаковал остров Котлин, был по всем пунктам оттуда отбит, после чего попал в опалу. Что касается самого Эреншельда, то он вполне заслуженно имел репутацию не только храбреца, но и везунчика. Причиной тому была история, когда его корабль «Норрчепинг» в 1708 году потерпел кораблекрушение на камнях возле острова Даго. Тогда, несмотря на критическую ситуацию, Эреншельду удалось после двух суток пребывания на разбитом острове спасти команду от верной гибели.

Если шведские линейные корабли, как и подобает старшим товарищам, держались в отдалении, то шнява подошла предельно близко для рекогносцировки русского флота. Как установили позднее, флагманом шведского флота был 74-пушечный «Верден», а шустрая шнява (в некоторых источниках ее числят бригаантиной) именовалась «Гейей».

По итогам рекогносцировки командующий шведским корабельным флотом адмирал Ватранг писал королю Карлу XII: «Ввиду такого преимущества, по-видимому, невозможно напасть на них (русских). —

В.Ш.) врасплох и причинить им какой-либо вред, даже если бы у нас имелся брандер...»

При этом у Ревеля каким-то чудом шведам не удалось в мае захватить 1714 года весьма ценный приз. Дело в том, что как раз в это время к Ревелю подходил, заканчивая свой переход из Голландии, купленный там линейный корабль «Перл». На счастье, его капитан сумел вовремя заметить шведскую эскадру у Ревеля и, воспользовавшись попутным ветром, укрыться в недалеком Пернове. «Перл» спас счастливый случай и расторопность капитана, так как никакого сопротивления корабль с небольшой перегонной командой из голландцев шведам бы не оказал. Скорее всего, голландцы вовсе бы сдали «Пернов» без боя — Голландия ведь со Швецией не воюет! Но, как говорится, пронесло.

Впрочем, шведы получили то, что хотели. Теперь они знали, что Ревельская гавань серьезно укреплена береговыми батареями, которые наши поставили прямо на молах, а потому пытаться атаковать русских там — дело проигрышное. Что касается флота, то противнику удалось рассмотреть мачты четырех наших линейных кораблей из отряда Сенявина

Заметим, что в 1714 году командующий шведским флотом адмирал Ватранг поступил куда более здраво и осмотрительно, чем спустя много лет, в 1790 году, командующий шведским флотом герцог Карл Зюдерманландский, решившийся все же атаковать русскую эскадру на Ревельском рейде и потерпевший сокрушительное поражение.

Впрочем, оперативная обстановка для нашего флота после появления разведывательной эскадры шведов у Ревеля была непростой. Петр I по-прежнему рассчитывал привести в Ревель Кронштадтскую эскадру, чтобы объединить весь корабельный флот в единый кулак.

* * *

Историки отмечают, что в начале кампании Петр I действовал весьма неторопливо, если даже не медлительно. Причиной такому поведению царя были предельная осторожность и желание во что бы то ни стало исполнить все свои стратегические замыслы, сведя к минимуму все возможные риски.

Здесь мы видим уже совсем иного Петра, чем в первые годы Северной войны. Тогда он был молодым и увлекающимся. В кампании же 1714 года Петр предстает уже не просто талантливым тактиком, но и мудрым стратегом, для которого достижение конечной цели гораздо важнее сиюминутных частных успехов.

Поэтому гребной флот оставил за кормой Березовые острова лишь 31 мая, когда царь лично убедился, что тот готов к долгой и трудной кампании. Направились же русские галеры в финские шхеры, которые к тому времени уже очистились от ледяной каши. Одновременно корабельный флот под флагом Петра переместился к юго-востоку, к урочищу Гаривалдай, что на южном берегу Финского залива, недалеко от мыса Серая Лошадь. Там флот попал в полосу штиля и был вынужден отстаиваться на якорях в течение четырех суток. Впрочем, несмотря на это, в разные стороны были отправлены несколько фрегатов и шняв. Петр делал все, чтобы не допустить внезапного появления шведского флота.

К Гогланду корабли Петра подошли только вечером 5 июня. На подходе царь решил отработать совместное маневрирование кораблей. Вышло не слишком здорово. Отдельные капитаны вываливались из общего строя, кто-то не так читал передаваемые сигналы и поворачивал не туда, куда следует. Лишь после отеческого внушения Петра дело более-менее наладилось. Собрав у себя капитанов, царь сообщил им следующее:

— Изъявляю всем вам свое недовольство, за то что уже в другой раз плохо исполняете мои ордера. А дабы впредь вы строго держали строй и мои сигналы исполняли, отныне за каждое нарушение порядка плавания буду вычитать с вас месячное жалованье. Желает ли кто что мне сказать по сему поводу?

Желающих дискутировать с царем не нашлось. На прощание Петр пожелал своим капитанам;

— Да смотрите у меня зорко, чтобы при составлении боевой линии промежутки меж кораблями были одинаковы. При этом, чтобы оные были не большими, а то линия разорвется, да и не малыми, дабы не мешать один другому. Поняли ли вы мысль мою?

— Поняли, государь, поняли! — дружно затрясли париками господа капитаны и поспешили к своим шлюпкам.

Там они снова стали на якорь. Вновь в разные стороны были посланы шнявы. При этом погода была солнечной, и на горизонте со шканцев петровских кораблей был хорошо различим гребной флот, двигавшийся почти параллельно вдоль северного берега Финского залива. Между двумя флотами беспрестанно сновали мелкие суда — Петр постоянно обменивался имеющейся информацией с Апраксиным.

Только утром 10 июня, получив сведения, что шведский флот в ближайших водах не наблюдается, Петр велел выбирать якоря, и уже на следующий день русский корабельный флот прибыл на рейд Ревеля в целости и сохранности.

Прибывший флот орудийной салютацией встречала не только крепость, но и стоявшие в гавани линейные корабли сеньявинской эскадры. Теперь, собранный в кулак, Балтийский флот насчитывал уж 16 линейных кораблей, 5 фрегатов и 3 шнявы. Всего более тысячи орудий и почти семь тысяч офицеров и матросов в командах. За время почти месячного пребывания в море подтянулись команды, была отработана как повседневная, так и боевая организация. Несмотря на это, непрерывно игрались учения. И пусть пока корабли еще не могли держать идеальную боевую линию, да и на походе периодически то тот, то другой капитан вываливались из колонны. Однако сдвиги в лучшую сторону были, и сдвиги весьма значительные. Нам неизвестны мысли Петра I в те дни, однако думается, что он был счастлив, впервые собрав под своим началом столь мощные военно-морские силы. Впрочем, скорее всего, царь все больше обретал уверенность в силе своего флота, а потому, рассуждая о возможной встрече со шведами в открытом море, уже говорил твердо:

— С Божией милостью, попытаться одержать викторию мочно!

Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Буквально на второй день прихода в Ревель на корабле «Святая Екатерина» обнаружили бившегося в лихорадке матроса. Осмотревший его доктор обнаружил в паху воспаленные лимфатические узлы — бубоны. Сняв очки, он лишь покачал головой:

— Ручаться пока не могу, но по признакам наружным сие есть моровая язва!

Моровая язва — это не что иное, как чума — болезнь, от которой вымирали целые государства. Известие о возможном появлении на флоте чумы буквально подкосило Петра.

Еще бы — столько сил вложено в нынешнюю кампанию, и вот теперь, возможно, ничего не состоится из-за страшной болезни! Но расслабляться было нельзя. И хотя доктора пока ничего однозначно не утверждали, а лишь предполагали, но сидеть сложа руки было бы преступлением. В тот же день по приказу царя на берегу разбили карантинный лагерь, куда свезли почти полностью команды кораблей. Ежедневно доктора со всем вниманием осматривали людей, не разрешая при этом командам разных кораблей общаться между собой. На самих кораблях и фрегатах остался лишь минимум людей, которые чистили палубы и окуривали трюмы дымом. Каждое утро Петр просыпался с одним и тем же вопросом:

— Что в карантине?

— Пока тихо, явных больных не выявлено! — докладывали ему доктора. — Но торопиться не стоит, надлежит еще подождать, ибо с чумой

шутки плохи!

— Что еще надлежит мне сделать, чтобы спасти людей? — спрашивал царь.

— Ждать и молиться! — было ему ответом.

А вскоре представилась возможность проявить боеспособность корабельного флота в деле. Вечером 17 июня наблюдатели с башни ревельского собора усмотрели паруса шведов. То опять была все та же передовая эскадра вице-адмирала Лиллье. Петр немедленно велел готовить корабли к выходу. Между тем обнаружилось, что шведы приближаются к Ревелю в составе шести вымпелов. Неприятель явно решил провести доразведку Ревельского порта и выяснить, прибыли ли туда основные силы русских.

Державший флаг на «Святой Екатерине» шаутбенахт Вейбрант Шельтинг получил записку царя с приказом немедленно сниматься с якоря, вступить под паруса и гнать на пересечку шведам.

Сам Шельтинг был из тех двух десятков голландских капитанов, что в результате поездки адмирала Крюйса в 1703 году первыми согласились служить России. Четыре года службы капитан Шельтинг достойно откомандовал различными кораблями в эскадре Крюйса, и в основном крейсировал по Финскому заливу. В 1711 году некоторое время управлял в Таврове делами Адмиралтейства, но уже весной следующего года возглавил отряд транспортов, назначенных снабдить провиантом Выборг. За успешное исполнение этого важного поручения награжден был чином капитан-командора. Затем успешно командовал отрядом бригантин в галерной эскадре графа Боциса, да так, что взял с боя в шхерах три шведских бота, шняву и пару мелких судов. В 1713 году, находясь в эскадре вице-адмирала Крюйса, командовал кораблем «Выборг», который во время погони за шведами к Гельсингфорсу выскочил на подводный камень. Течь оказалась настолько сильна, что, не имея надежды спасти корабль, Шельтинг снял с него пушки и такелаж, а затем, по приказанию Крюйса, сжег свой корабль. По окончании кампании Шельтинг недолго исполнял должность командующего флагмана на острове Котлине. А затем в январе 1714 года его отозвали в Петербург. За неудачную погоню за шведами и «потеряние линейного корабля» Шельтинг, вместе с прочими капитанами и адмиралами, был отдан под суд, в числе судей которого состоял и сам Петр. В решении суда было сказано: «Хотя капитан-командор Шельтинг заслуживает жестокое наказание, но поелику он не имел обстоятельных повелений, то написать его в младшие капитаны». Впрочем, в младших капитанах опытейший моряк пробыл всего ничего. Царь Петр был

отходчив, да и опытных флагманов было у него — по пальцам пересчитать. Поэтому вскоре Шельтингу вернули прежний командорский чин, а с началом кампании 1714 года он стал и шаутбенахтом, сравнявшись, таким образом, в чине с самим царем.

Теперь голландскому моряку предстояло оправдать оказанное ему доверие и выданные авансы.

Посему, получив записку Петра о выходе в море, он не стал терять ни минуты. Однако быстро выйти в море было сложно. Корабли стояли на якорях за молами гавани, где почти не было ветра. Кроме того, свезенные на берег из-за возможной моровой язвы команды еще обратно не вернулись.

— Никого ждать не будем, с кем есть, с теми в бой и пойдем! — решил Шельтинг.

Вскоре после полуночи 18 июня линейные корабли были отбуксированы скамповеями на внешний рейд. Ветер был тих и здесь, но все же его силы уже хватало на то, чтобы дать ход. Теперь противников отделяло около десятка миль. За ночь дистанцию удалось несколько подсократить, однако с рассветом вице-адмирал Лиллье, обнаружив наши корабли, начал отходить в море. Рисковать Лиллье не желал. Понять его было можно, ибо против шести его линейных кораблей у Шельтинга было 11 линкоров, 5 фрегатов и одиннадцать мелких судов. На шняве «Принцесса» вдогонку флоту вышел и сам Петр, не утерпевший, чтобы не принять участия в столь интересном мероприятии.

Ветер был по-прежнему крайне слаб, и противники едва двигались, прилагая огромные усилия, чтобы поймать в свои паруса слабые порывы ветра. Наше преимущество состояло в данном случае даже не в количественном перевесе, а в том, что семь галер, предусмотрительно взятых Шельтингом, поочередно буксировали линейные корабли. Впрочем, дистанция между противниками сокращалась крайне медленно. Только после 6 часов пополудни несколько посвежело, и дело пошло веселее. Обрадованный Шельтинг велел галерам тащить лишь семь кораблей. Таким образом, российская эскадра вскоре распалась на два отряда. Передовой — состоящий из семи линейных кораблей, буксируемых галерами, и второй — состоящий из всех остальных кораблей, которые шли только под парусами. После этого дистанция между передовым отрядом и шведами начала быстро сокращаться.

Из воспоминаний участника погони Яна Дена, служившего поручиком на одном из линейных кораблей: «В 5 часов вечера около семи российских кораблей и два фрегата настолько приблизились, что со следующим галсом или через три четверти часа времени им предстояло непременно завести

дело со сзади идущим кораблем».

На шканцах флагманского 66-пушечного «Вестманланда» нервно расхаживал Лиллье. Вице-адмирал с тревогой поглядывал на корабли под Андреевскими флагами. Русские подбирались все ближе и ближе, а малочисленной команды едва хватило бы для обслуживания пушек одного борта. Ладно, если русские не станут брать в два огня, а если попробуют зайти с обоих бортов, что тогда? Опытному Лиллье было очевидно, что от русских ему уже не уйти, не вызывал сомнений и исход уже почти неминуемого боя. Теперь вопрос для Лиллье и для его офицеров и матросов состоял лишь в том, чтобы до конца исполнить свой долг перед Швецией и королем.

Невдалеке чернел лесами остров Нарген. На передовом нашем «Архангеле Рафаиле» капитан-поручик Барш вытащил и потрогал указательным пальцем лезвие. Остро ли? Как знать, может быть, все придется завершать сегодня абордажной схваткой? На шканцах «Архангела Рафаила» царило оживление. Шедшие сзади него линкоры уже сомкнули линию баталии. При этом благодаря мастерству Шельтинга наша эскадра ювелирно выиграла ветер у неприятеля, и теперь наши корабли уже спускались на противника с целью решительной атаки. В орудийных деках давно были подняты порты, а сами пушки заряжены. Подле них замерли комендоры с зажженными фитилями в руках. Последние томительные минуты перед началом схватки. Вот-вот начнется! И в этот момент над шнявой «Принцесса», на которой держал свой флаг Петр I, был поднят сигнал о немедленном прекращении погони и возвращении в Ревель.

Нетрудно представить, как отнеслись к этому приказу не только на шканцах, но и на орудийных палубах наших передовых кораблей. Но делать нечего, ибо приказ есть приказ! Причины столь неожиданного приказа Петра выяснились несколько позднее. Разумеется, что Петр, как и все остальные участники погони, был полон азарта и желания скорого победного боя. В том, что этот бой будет победным, ни у кого никаких сомнений не было. Однако в самый последний момент, когда на выходе из залива в открытое море наши уже почти настигли концевые шведские корабли, произошло нечто такое, что и заставило Петра принять нелегкое решение.

— Ваше величество! Извольте глянуть! Над Наргеном дымы! — подал царю зрительную трубу капитан «Принцессы».

Тот с явной неохотой взял трубу. Какие еще сигналы с острова, когда вот-вот начнется первый в его жизни настоящий линейный бой его флота со шведами! Однако увиденное Петром не на шутку его испугало. Над

Наргеном поднимались столбы черного дыма, причем не просто дыма, а явно сигнального. Дым мог означать, прежде всего, то, что наблюдатели видят на горизонте главные силы шведского флота, которые пока скрыты островом от глаз наших моряков.

Если все обстояло именно так, то получалось, что шведы вовсе не случайно оказались под Ревелем, а специально выманили нашу эскадру под Нарген, за которым их уже поджидали главные силы шведского флота, готовые к тому, чтобы, навалившись, разом покончить с более слабым русским корабельным флотом.

Что должен был делать в данной ситуации царь Петр? Продолжать преследование? Да, в случае если шведов за Наргеном не окажется, то он вполне может одержать тактическую победу. Это, разумеется, было бы здорово. Ну а как шведский флот окажется за Наргеном? Тогда уже шведы получали вполне вероятную победу, причем уже не тактическую, а стратегическую, которая одним махом меняла всю обстановку на Балтийском море и отбрасывала Россию сразу на несколько лет назад.

И царь принял нелегкое, но единственно правильное в данной ситуации решение. Рисковать своим флотом он просто не имел права. По свидетельству участников событий, после возвращения эскадры в Ревель «во флоте сделалось великое от всех роптание, что упустили неприятеля».

Но Петр вернуть в гавань корабли не разрешил. Их оставили на рейде. С берега доставили находившихся на карантине матросов. Слава Богу, чума не подтвердилась! И теперь Шельтинг с рассвета до глубокой ночи беспрерывно занимался как выучкой команд, так и эскадренными экзерцициями.

Что касается самого царя, то он все еще продолжал надеяться на приход датской эскадры, которая давала такое прибавление в силе, что после этого можно было решиться и на генеральный бой с Ватрангом.

Однако реалии были иными. С горечью прочел Петр письмо от своего «брата» датского короля Фредерика IV, в котором тот извещал российского монарха, что с тяжелой душой решил все же воздержаться от посылки своего флота в неблизкий Ревель. Раздраженный Петр незамедлительно ответил своему не в меру робкому союзнику. Суть письма заключалась в том, что подобными действиями Фредерика шведов никогда склонить к миру не удастся. Петр писал и с такой силой водил пером по бумаге, что чернила брызгали во все стороны: «Он (неприятель. — *В.Ш.*), получа себе таким образом время к отдохновению, паче от того отдален будет».

Снова и снова убеждал Петр своего визави преодолеть осторожность и прислать ему хотя бы если не весь флот, то семь или даже каких-то пять

кораблей. Впрочем, особой надежды на это уже не было. Король Фредерик демонстративно заявлял, что в нынешнюю кампанию он принципиально не будет вести никаких боевых действий ни на суше, ни на море. Союзника вполне устраивало, что Швеция напрягает все свои силы в схватке с Россией и поэтому фактически оставила Данию в покое.

Ни о каком благородстве разговора не было, исключительно голый расчет. Увы, Европа всегда относилась к нам только с позиций собственной выгоды, даже традиционно союзническая нам Дания, даже в «галантном» XVIII веке.

Разумеется, Фредерик понимал, что одному русскому корабельному флоту крайне сложно будет в одиночку сражаться против куда более многочисленного шведского. В свое оправдание король Фредерик говорил, глаза потупив:

— Вооружение моего флота оставляет желать много лучшего, и не я тому виной. В казне пусто и последняя мышь повесилась. Да, я могу снарядить шесть кораблей, но смогут ли они доплыть до города Ревеля, когда всюду хозяйничает шведский флот? Если же шведы потопят посланную эскадру, то наши берега окажутся беззащитными перед шведским нападением! А потому из двух зол я выбираю меньшее. Что касается царя Петра, то, может быть, он и сам как-нибудь отобьется!

Отказ датчан в помощи вызвал ликование в стане врагов и разочарование среди своих.

Так, сидевший в Константинополе заложником после неудачного Прутского похода 1711 года вице-канцлер Шафиров, которого регулярно извещали о всех политических коллизиях, получив соответствующее письмо, горестно восклицал:

— По состоянию дел наших на Балтике не чаю, что кампания нынешняя каких-то нам хороших плодов принесет!

Такого же мнения был и наш посол в Голландии Куракин, бывший в курсе всех европейских дел

— Скажу откровенно, что шведы сильны на море как никогда! — говорил он в узком кругу. — А потому в нынешнее лето ни на море, ни на сухопутье ничего знатного учиниться просто не может.

Увы, как показали последующие события, не всегда и самые умные дипломаты бывают провидцами.

Глава восьмая.

В ФИНСКИХ ШХЕРАХ

Пока российский корабельный флот держался у Ревеля, флот гребной 11 июня подошел к Гельсингфорсу, где задержался на девять дней. Дел хватало. Разгружали провиант для корпуса князя Голицына, а чтобы облегченные галеры не перевернуло на волне, в трюмы грузили камни. Врачи были обеспокоены тем, чтобы те были сухими и не замшелыми, иначе это могло привести к обильной плесени. Но поди уследи за всеми! Одновременно что-то чинили: визжали плотницкие пилы, стучали топоры.

21 июня гребцы снова взялись за весла и галеры, вытянувшись друг за другом, снова двинулись на запад по лабиринту шхер. Впереди был самый опасный участок пути до финского порта Або — мыс Гангут (по-фински — Хаанкониemi, по-шведски — Гангэ-удд). Впрочем, Гангутом наши моряки станут называть мыс позднее, уже после окончания кампании 1714 года. Пока же они звали его просто Ангут-мыс

Гангут с двух сторон окружен большим количеством мелких скалистых островков, берега ж его песчаны и пологи. Гангут расположен на северном берегу Финского залива Балтийского моря на юго-западе Финляндии и является ее самой южной материковой частью. Гангут имеет важнейшее стратегическое значение, так как, «нависая» над входом в Финский залив, фактически контролирует подступы к нему. Владеющий гангутской позицией — владеет ключом к Финскому заливу. Это позднее российские моряки будут знать назубок все подступы к знаменитому мысу. Тогда же они подошли к нему впервые.

Спустя три дня после оставления Гельсингфорса Апраксин ввел свой флот в небольшой залив среди шхерных островов в районе Пой-кирки. Идти далее было уже опасно, так как прямо за Пой-киркой начинался выдающийся в море Гангутский полуостров, а значит, была большая вероятность, что там уже находится шведский корабельный флот, стерегущий наши галеры. Кроме этого в Пой-кирке была удобная, закрытая от ветров стоянка с хорошим песчаным грунтом и пологий берег, что давало возможность выгрузить остававшийся на борту галер провиант для действовавшего в Финляндии корпуса Михаила Голицына. Здесь же Апраксина ждала приятная неожиданность. В прибрежных скалах были обнаружены два шведских матроса.

— Кто такие? — строго спросил доставленных к нему генерал-адмирал.

— Мы матросы с «Бремена», — отвечали те через переводчика.

Наши переглянулись — 64-пушечный «Бремен» был флагманским кораблем адмирала Ватранга. Сразу стало ясно, что дезертиры весьма ценны как источник информации.

— А чего в камнях сидите? — поднял кустистую бровь Апраксин.

— Мы бежали, так как подрались с боцманом, и нам грозила веревка.

На последние слова генерал-адмирал неодобрительно покачал головой. Война войной, а нарушение чинопочитания он одобрить никак не мог. В ходе последующего допроса удалось выяснить, что на шведском флоте все обстояло далеко не столь благополучно, как казалось из Петербурга. Дезертиры рассказали, что шведские корабли испытывают трудности как с вооружением, так и с комплектованием. Но главное, они подтвердили, что Ватранг стоит со своими кораблями мористее Гангута и стережет позицию.

Сведения были чрезвычайно важными, и Апраксин немедленно отписал письмо Петру, где, проинформировав его обо всем услышанном, просил демонстрацией отвлечь шведские линейные корабли от Гангута, дав тем самым ему возможность проскочить это опасное место.

— Без знатной диверсии противу флота неприятельского прорыв галер наших к Або почитаю зело сомнительным! — мрачно заявил он, передавая написанное письмо секретарю.

Понимая, что демонстрация у Петра может и не получиться, просил Апраксин в виде крайней меры разрешения поставить ему в течение лета у Пой-кирки небольшую крепостицу, в которой затем зимовать всем галерным флотом, а следующей весной, упредив шведов, проскочить мимо Гангута в западные шхеры.

Там же, у Пой-кирки, к Апраксину явился и командир Финляндского корпуса генерал-поручик Михаил Голицын. При этом явился со всем своим личным скарбом

— Сам знаешь, Федор Федорыч, что я и в море и на суше пригожусь, а потому чего мне сидеть в лесах финских, когда война там уже закончилась. Не откажешься от такого помощника, как я?

— Я-то не откажусь, а вот как государь? — покачал головой Апраксин, сняв парик и промокая вспотевшую лысину батистовым платочком.

— Не бойсь! Он только рад будет. Сам знаешь, что от меня Отечеству только польза великая!

Через несколько дней галеры Апраксина уже прибыли в бухту Творминне, которую еще в мае покинул адмирал Ватранг.

Проведенная рекогносцировка показала, что шведский корабельный флот в двадцать восемь вымпелов стоит у Гангутского мыса, перекрывая прибрежный фарватер, и мимо него галерам просто так вдоль берега не прорваться. Настроены шведы были, судя по всему, серьезно и свою позицию покидать в ближайшее время не собирались. Выгодная позиция, занятая шведами, не только препятствовала дальнейшему движению нашего галерного флота, но могла сорвать успех всей кампании и принудить к отступлению и нашу армию, находящуюся в Финляндии.

На следующий день Апраксин вместе с генералом Вейде ходил на шлюпках для разведки. В донесении Апраксин известил Петра, что у Гангута стоят 15 линейных кораблей, 2 бомбардирских судна, прам, 8 галер и вспомогательные суда. А кроме этого в море крейсируют еще 5 кораблей и одна шнява. Апраксин запрашивал у царя указаний, что ему делать дальше.

* * *

Спустя неделю посыльная бригантина доставила письмо Апраксина в Ревель. Прочитав послание, Петр немедленно созвал совет флагманов, где обсудил просьбу и предложения Апраксина. Сам царь поначалу склонялся к тому, чтобы исполнить просьбу генерал-адмирала, но более опытный в морском деле Шельтинг умерил пыл царя. Старого голландца поддержал и Наум Сенявин.

— Ежели не подходить к шведскому флоту на малую дистанцию, а держаться на горизонте, то толку от такой диверсии не будет никакой. — приводил свои документы Шельтинг, попыхивая голландской трубкой. — Ежели же попытаться подойти вплотную, то можем на прибрежных камнях корабли свои потерять, так как фарватеров тамошних мы совсем не знаем, а карт вообще не имеем

— Разумею, государь, что без лоцманов нам там делать нечего! — соглашался с голландцем и Сенявин.

Помня о прошлогодней нелепой гибели на камнях корабля эскадры Крюйса, Петр вынужденно согласился. В конце концов решили флагманы послать к Апраксину штурманов, которые бы вымерили фарватер для корабельного флота вдоль финских шхер. Прямо к Гангуту, впрочем, послать поостереглись. Шведы могли легко захватить одинокое судно. Штурманам надлежало плыть к Апраксину в Пой-кирку, а уже оттуда под прикрытием его галер начинать свою рекогносцировку.

Что касается самого Апраксина, то ему было велено ждать, когда подойдет корабельный флот. Затем сообщая обоим нашим флотам должны были осторожно придвинуться к оконечности мыса и ждать полного штиля. Когда же штиль наступит, атаковать шведский флот, буксируя свои линейные корабли галерами, чтобы выбить Ватранга с занимаемой им позиции, и затем, не теряя времени, прорываться галерами в Або-Аландские шхеры, где шведские корабли Апраксина уже бы никак не достали.

— Ежели в безветрие Ватранга сообщая отгоним, то галерам нашим дорога всюду откроется! — повеселел Петр.

— Ну а как фарватер прибрежный так и не будет найден? — добавил свою ложку дегтя Шельтинг.

— Тогда поставим на берегу батареи и оными отгоним шведов от Гангута, после чего под прикрытием оных батарей Апраксин все одно прорвется на запад, — недовольно ответил ему Петр и, помолчав, прибавил: — Или предпримем какие иные действия, по-тамошнему смотря!

На поиск столь необходимого гангутского фарватера были направлены самые опытные — капитан корабля «Леферм» капитан-командор Питер Сивере и капитан корабля «Рига» капитан 3-го ранга Маркус Грис. Последний был из любекских капитанов и многие годы плавал под флагом Ганзы на купеческих судах, а потому в деле штурманском был одним из лучших. Первый — за командира отряда, второй — командир флагманского корабля. В распоряжение их решено было уже дать не одно судно, а небольшую эскадру, чтобы в случае чего могли от неприятеля отбиться.

Как только в Ревеле установился попутный ветер, линейный корабль «Рига», пара фрегатов с бригантиной да две скампавеи поспешили к Гельсингфорсу, чтобы оставить шведские дозоры вне пределов видимости.

Сам Петр, не утерпев, также отправился вместе со штурманами, оставив остальной флот на опытного Шельтинга. На прощание ему было сказано:

— В случае нападения неприятельского ему добрый отпор чинить, а ежели шведы снова явятся с малыми силами, как в прошлый раз, то атаковать их самому, да так, чтобы в другой раз дорогу сюда позабыли!

Шельтинг заверил царя, что именно так все и сделает.

Однако на сей раз свидеться с Апраксиным Петру было не суждено. Уже на подходе к Гелингфорсу ветер резко изменился на противный. Корабли стало относить на запад. Чтобы не попасть в лапы шведам, пришлось возвращаться к острову Нарген, где и встали на якорь.

Там Петра ждало новое письмо Апраксина. Генерал-адмирал писал, что, выйдя из Пой-кирки, он подошел к приморской деревеньке Тверминне, что расположена у восточного выступа в море Гангутского полуострова, и встал на якорь в безопасном от шведского флота месте и в безопасной дистанции. После этого Апраксин вместе с генералом Вейде на шлюпках ходили для рекогносцировки шведского флота.

Генералу Адаму Вейде к этому времени было уже под пятьдесят, возраст для начала XVIII века весьма и весьма солидный. Был выходцем из лефортовских немцев-аптекарей. Аптекарем пытались сделать и его, но вопреки воле родителей он бежал в потешных войсках, тогда же был замечен и приближен Петром. Храбрости Вейде было не занимать, дрался с турками в двух Азовских походах, формировал пехотные и драгунские полки. Сам Вейде всю свою жизнь придерживался им же разработанных правил: «Всякому должность свою исполнять; ничего не пренебрегать, но все, что к воинскому изготовлению прибыточно будет, учреждать, дабы заранее благое изготовление против неприятеля учинить...» В сражении под Нарвой в 1700 году Вейде не повезло, и он на долгих десять лет оказался в плену, откуда не был обменен на шведского коменданта Риги генерала Штромберга. Вернувшись, он был с радостью принят царем и снова нашел свое место в строю. Граф П.Г. Брюс писал в своих воспоминаниях, что «в армии... его (Вейде. — *В.Ш.*) обожали, несмотря на строгую дисциплину» и порядок в войсках, которых он всегда добивался, не унижая подчиненных

...Разведка Апраксина и Вейде прошла вполне успешно. У шведов же генерал-адмирал насчитал полтора десятка линейных кораблей, два бомбардирских судна, прам, восемь галер и несколько провиантских судов. Весь флот был расположен в линии на прибрежном плесе, надежно перекрывая проход мимо мыса, как раз вдоль галерного фарватера Ватранг расположил свой флот столь грамотно, что русские галеры, решись они на прорыв, должны были проходить вдоль всего шведского флота, непрерывно избиваемые его артиллерией. Нетрудно представить, что бы произошло с галерным флотом, решись он на такой самоубийственный прорыв. Помимо главных сил мористее белели паруса еще пяти линейных кораблей и шнявы. Эта отдельная эскадра, по всей видимости, сторожила возможное появление русского корабельного флота. В конце письма Апраксин спрашивал разрешения на прорыв мимо шведского флота при благоприятных обстоятельствах.

Но царь есть царь, и в письме ему всего не расскажешь. С генералом Вейде Апраксин был откровеннее и вечером после рекогносцировки за

бутылкой вина говорил о своих сомнениях:

— Видели мы днем, что флот неприятельский положил свою линию поперек нашего курса, а потому даже в самую тихую погоду я сильно рискую, ежели буду пытаться его обходить.

— Согласен с вами, — покачал бучьями Вейде. — Уж не знаю как, но шведские корабли следует от берега отогнать, а то нам тут и зимовать придется.

— Хитрость здесь одна! — в сердцах ударил кулаком по столу Апраксин. — Флот Ревельский должен приплыть и вызвать шведов на бой. Сила у Ватранга, конечно, больше нашей будет, но не столь гораздо. К тому же у него и матросов кот наплакал! Как только бы наши с моря подошли, тут бы и мы от берега ударили в абордаж. Двумя руками бы Ватрангу и придушили.

— Все это так, — вздохнул Верде. — Но все сие есть теория, а что покажет практик, того пока не знает никто.

— И чего государь датчан в подмогу не призовет! Да король Фредерик скупердйй отменный. Но ведь дело нынешнее больших свечей стоит, стало быть, надо, не жалея денег, отсыпать золота в его сундуки, пусть подавится, лишь бы корабли свои нам в подмогу прислал. Тогда бы уж всем миром у нас и практик сложился как надо.

* * *

Тем временем Петр тоже не сидел сложа руки. Отступать от своих замыслов он не привык. Едва отряд Сиверса вернулся в Ревель из неудачного плавания к Гельсингфорсу, как он снова отправил капитан-командора, на этот раз с инженером Люберасом и несколькими толковыми штурманами, на фрегате «Святой Павел» и шняве «Наталья» к Гельсингфорсу. На этот раз плавание было удачно, и штурмана прибыли к Апраксину в Тверминне.

Сам же Петр с главными силами пока выходить в море не рисковал, полагая, что пока прибрежный фарватер для кораблей не разведан, у Гангута ему делать просто нечего. В ожидании известий от Апраксина Петр осматривал залив Рогервик, что к западу от Ревеля, самолично мерил там глубины на предмет будущего возможного базирования там кораблей. Залив Петру понравился. Пройдет совсем немного времени, и на берегах безлюдного залива Рогервик будет основан Балтийский порт (ныне эстонский порт Палдиски). Лишь утром 18 июня, когда у Петра исчезла

последняя надежда на приход датской эскадры, он передал командование корабельным флотом капитан-командору Шельтингу, а сам на фрегате «Святой Павел» в сопровождении шести линейных кораблей и шнявы отправился к противоположному берегу Финского залива. Петр понимал, что именно у Гангута развернутся главные события всей нынешней кампании. С собой он никого не взял, кроме генерал-адъютанта Ягужинского.

Павел Ягужинский оставил в российской истории достаточно яркий свет, а потому на его личности следует остановиться поподробнее. Происхождение у Ягужинского было самым темным. Родом он был из литовцев, начинал карьеру чистильщиком сапог, потом был в пажах у Ф. Головнина, денщиком у Меншикова, а потом и у Петра. Отличался сметливостью и исполнительностью. В петровских кругах Ягужинский имел репутацию храброго малого (но этим в царском окружении трудно кого удивить!), а кроме того веселого собеседника, весельчака, неугомимого танцора и «царя всех балов», который зорко следил за посещением ассамблей и составлял для царя списки отсутствовавших придворных. Ни одна ассамблея в бытность Ягужинского в России не обходилась без его присутствия, и если, подвыпив, он пускался плясать, то плясал до упаду. Славился Ягужинский и тем, что мог залпом осушить 1,5-литровый «кубок Большого орла», а потом еще и плясать. Любя веселую, праздничную жизнь, Ягужинский вел ее на широкую ногу, тратясь на обстановку, на слуг, выезды и т.п. Интересно, что сам Петр I, нуждаясь в роскошных каретах для торжественных приемов, не раз временно брал их именно у Ягужинского. При этом Ягужинский был, безусловно, предан царю.

...Достигнув опушки финский шхер, царь велел подать ему шлюпку, чтобы перебраться к Апраксину.

— Весла на вале! — скомандовал шлюпочный старшина, увидев у борта фигуру царя.

Гребцы, не вставая с мест, разом вынули весла из уключин и поставили их вертикально, развернув лопасти вдоль шлюпки. Так на малых гребных судах традиционно приветствуют прибывших начальников. Петр, а за ним Ягужинский, спустились в шлюпку по веревочному штормтрапу. Петр нетерпеливо дернул головой:

— Отваливай!

На отходе от галеры шлюпочный старшина скомандовал:

— Протянуться!

Загребной и баковый матросы привычно протянули шлюпку

отпорными крюками вперед. Когда же та начала движение, старшина переложил руль от борта галеры и крикнул:

— Оттолкнуть нос!

Баковый матрос, продолжая протягиваться отпорным крюком, с силой оттолкнул нос, гребцы налегли на весла, и шлюпка устремилась вперед.

Шли ходко, и вскоре шлюпка уже подошла к флагманской галере Апраксина

При подходе к борту нетерпеливый Петр сам скомандовал гребцам:

— Шабаш!

И не дожидаясь, пока шлюпка замедлит ход, перепрыгнул на борт галеры.

В тот же день Петр отправил обратно к Ревелю все парусные суда, чтобы корабельный флот был в едином кулаке.

В те дни в Петербурге канцлер Головкин, получая лишь отрывочные известия, терзался неизвестностью. На вопрос Меншикова, что нового известно с моря, он ответил философски:

— Какие действия на хлябях будут чиниться и вскоре там приключатся, только время нам покажет. Пока же дай Боже нам всем счастья!

...Прибытию царя на галерном флоте радовались все, а более всех Апраксин. Понять генерал-адмирала было можно, ибо теперь всю власть, а следовательно, и всю ответственность за происходящее, брал в свои руки шаутбенахт Петр Михайлов, а генерал-адмирал превращался в его помощника. Что касается Петра, то он первым делом отправился на еще одну рекогносцировку шведского флота, памятуя, что лучше раз самому все увидеть, чем сто раз услышать. Для прикрытия разведки царя загодя ночью за последний из гряды остров перед плесом был выдвинут сторожевой галерный отряд в полтора десятка вымпелов. Осмотрев флот Ватранга с моря, Петр и этим не удовлетворился, а потому на следующий день в сопровождении небольшого конвоя съехал на берег и уже оттуда не торопясь осмотрел весь неприятельский флот. Судя по флагам, помимо адмирала Ватранга в начальствовании шведами состоял еще один вице-адмирал и два шаутбенахта, то есть весь командный состав неприятеля. Потом опять совещались.

— Как бы нам ни мечталось о лучшем, но ныне именно Ватранг хозяин положения. Мы же принуждены к бездействию и созерцанию сильнейшего! Но бездействовать и созерцать в виду неприятеля есть преступление перед Отечеством!

— Так что же нам предпринять при столь невыгодном раскладе? — поднял голову Апраксин.

— Нужно решение, — подумав, ответил Петр. — Причем сие решение должно быть столь неординарным, чтобы у адмирала шведского челюсть отпала!

— Сказать легко, трудно сделать, государь! — подал голос уже старый вояка Вейде.

Царь блеснул глазами:

— Ничего, не боги горшки обжигают, найдем и на шведскую хитрость свою хитрость — русскую!

Историк пишет «Для отвлечения неприятеля предполагалось сделать нападение на него нашим корабельным флотом, но после “консилиума”, созванного Петром, это было найдено крайне рискованным, так как у нас все корабли, кроме двух, не отличались ходкостью и в случае вероятного отступления могли быть взяты шведами. По численности русский корабельный флот не уступал шведскому, но по качеству судов, артиллерийскому вооружению, подготовке экипажей он не мог сравниться с противником. Так, на шведских кораблях насчитывалось 980 орудий, на русских — 832. Наш флот еще не представлял собой боевой тактически подготовленной силы. Но главное, у нескольких моряков обнаружили признаки чумы, и команды почти всех кораблей были переведены на берег».

Присутствию Голицына царь, вопреки всем опасениям, оказался даже рад:

— Кашу маслом не испортишь, а войско опытным воеводой только прибывает! У нас после смерти Боциса как раз нет командира арьергардии. Ее и возглавишь! Оставайся!

Тогда же нашли и само неординарное решение — строить поперек полуострова Гангутского переволоку, чтобы по ней перетащить скампаваи на другую сторону полуострова, минуя, таким образом, шведский флот и оказаться у неприятеля в тылу.

* * *

Нетерпеливый Петр немедленно лично отправился осматривать самое узкое место Гангутского полуострова — низкий песчаный перешеек. Вместе с ним — и верный Ягужинский с двумя заряженными пистолетами. Местные жители утверждали, что когда-то в этих местах уже перетаскивали через полуостров рыбацкие лодки, потому даже само место у них зовется «драгет», что по-фински так и значит — переволока

— Будем готовить сани «на две скампавей» каждые для перетаскивания судов по бревенчатому помосту! — объявил царь. — Дело нам знакомое, вспомните, как мы с Белого моря на Балтику сухим путем по «государевой дороге» протащили две яхты да другие гребных судов. Пота тогда было пролито немало, но и результат был — разгрызли тогда неприступный Орешек

— Все это так, но там, государь, неприятель рядом не стоял. Тут же все придется делать у него на глазах! — заметил всегда основательный в делах Апраксин.

— Без риска воевать нельзя, — хмуро ответил Петр. Но одно дело — перетащить утлую лодчонку, как это

делали местные финны, и совсем иное — тащить боевые скампавей. Замер длины перешейка, соединявшего полуостров с материком, составил около тысячи двухсот трехаршиновых сажений (по сегодняшним меркам, около 2520 метров). Сразу стало понятно, что построить волок вполне возможно, хотя дело это и многотрудное, и по времени и усилиям затратное. Но другого выхода из создавшейся ситуации просто не было.

Решено вначале положить толстые бревна-лежни, поверх которых выложить бревенчатый настил. По настилу и предполагалось тащить скампавей.

Для удобства организации строительства и контроля Петр разделил всю длину переволоки на три участка. За первый отвечал командир авангарда, за средний — лично Апраксин, и за третий, наиболее отдаленный, — командир арьергардии.

Помимо этого одновременно сооружали и особые сани с полозьями. Каждые из таких саней предназначались для перетаскивания сразу двух скампавей. Для легкости перетаскивания предполагалось смазывать полозья саней салом и воском.

При этом все работы, в том числе и рубку леса, надо было производить по возможности тихо и скрытно, чтобы шведы не разгадали нашего замысла. Это уже сама по себе была задача многотрудная, ибо неприятель стоял совсем рядом. Особую тревогу вызывали в этом плане жители Тверминне, которые не слишком дружелюбно встретили русских. А потому на время строительства всех жителей переписали поименно, им запретили до конца постройки покидать околицу, а вокруг деревни на всякий случай выставили крепкий караул.

Вечером того же дня на строительство переволоки были отправлены по сотне человек от каждого полка, да по полсотни от каждого гвардейского батальона. Застучали топоры, завизжали пилы. Работа началась.

Впрочем, Петр вовсе не предполагал перетаскивать в залив Норр-фьерден через переволоку весь галерный флот. Во-первых, это было бы слишком долгое дело. Во-вторых, перетаскивание сотни галер и полусотни транспортов просто невозможно было бы скрыть от шведов, не говоря уже о том, в каком измотанном состоянии были бы люди к концу столь грандиозной переволоки. Какая там гребля, когда им впору было месяц на сене отлеживаться. А потому царь решил иначе.

— Перетащим через перешеек несколько легких галер и тем самым введем неприятеля в изрядное изумление. Узнав, что в тылу наши галеры, но не зная, сколько их, Ватранг начнет нервничать, разделит флот, и тогда мы бросаемся на пробой и проскакиваем мимо него в шхерные щели, аки мыши юркие.

Над удачным сравнением Петра флагманы посмеялись, а обстоятельный Апраксин прибавил:

— Стало быть, дернем шведского кота за хвост!

— Сия провокация предерзкая вполне может иметь успех! — согласились с царем остальные.

«Дабы несколько легких галер перетащить и пропустить для действий и тем бы неприятеля привести в конфузию...» — написано в документе.

Итак, решение было принято. Теперь надо было засучивать рукава.

В тот же день для устройства настила было выделено около полутора тысяч солдат. Одновременно для наблюдения за флотом Ватранга был выдвинут сторожевой отряд из 15 галер, ставший под прикрытием группы малых островов в миле от шведов.

Глава девятая.

ПРОРЫВ АВАНГАРДИИ

Прибытие нашего флота к Гангутскому мысу, разумеется, не осталось без внимания шведов. Местные жители тут же известили шведов о появлении русских. «Я поставил им (своим офицерам. — В.Ш.) на вид, — писал Ватранг, — необходимость величайшей бдительности и осторожности». Адмирал постоянно посылал разведывательные суда на восток от Гангута, обязывая остальных командиров «держатъ корабли наготове, чтобы в любой момент выйти в море».

С прибытием русского гребного флота в бухту Тверминне Ватрангом был разработан и план его атаки в этой бухте.

Что и говорить, план Ватранга был весьма разумным. Оставив у мыса Гангут лишь несколько линейных кораблей и фрегатов, он решил с остальной эскадрой атаковать галеры Апраксина. Деваться в тесной бухте от ураганного огня сотен шведских орудий было бы просто некуда.

— Я верю, что Тверминне станет для русских не только каменной западней, но и общей могилой! — так шведский командующий объявил своим капитанам.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Возможно, что у шведов все бы и вышло, как они мечтали. Но, как оказалось, русские тоже не сидели на своих галерах, на море глядячи. И 25 июля Ватранг получил неожиданное сообщение от местных рыбаков, что на «переволоке» неумолимые русские сооружают настил, чтобы перетащить по суше свои галеры. Это известие ставило крест на замыслах шведского командующего. «Мой план, — признавался впоследствии откровенно Ватранг, — оказался совершенно расстроеным, и нам пришлось подумать о других способах, чтобы воспрепятствовать осуществлению пагубных намерений неприятеля, ибо если бы ему удалось переправить свои суда, то он тем самым приобрел бы господство в шхерах».

Поэтому Ватранг принимает новое решение — разделить свою эскадру уже не на два, а на три отряда. Сам он оставался на позиции у Гангутского плеса, имея под началом шесть линейных кораблей и три фрегата. Контр-адмиралу Эреншельду было велено с прамом «Элефант», тремя шхерботами и всеми галерами, что были при флоте (таких набралось шесть), идти к западному берегу Гангутского полуострова, чтобы

уничтожить русские галеры в момент их спуска с «переволоки».

Третий же отряд вице-адмирала Лилье в составе 12 вымпелов должен был, как и предполагалось ранее, атаковать главные силы Апраксина в бухте Тверминне. И снова в решениях Ватранга мы видим и расчет, и логику. Однако в этом плане был серьезный изъян — он был рассчитан на то, что русские будут пассивно дожидаться своей участи, а не предпримут каких-либо ответных действий. Почему Ватранг был столь уверен в пассивности нашего флота, так и осталось загадкой. Но ясно одно — в этом была его большая ошибка.

В полдень 25 июля отряд вице-адмирала Лилье, снявшись с якоря, направился от Гангута к бухте Тверминне. Спустя два часа поднял паруса и отряд Эреншельда.

В это время на нашем флоте в Тверминне все было спокойно. Командам гребных судов был предоставлен воскресный отдых. Петр I, Апраксин и Голицын обедали на флагманской галере, когда неожиданно вдалеке услышали пушечные залпы. Как оказалось впоследствии, это была салютация, которой обменялись между собой уходившие в разные стороны шведские эскадры. Выстрелы встревожили обедавших. Петр с Апраксиным «много размышляли, для чего такая стрельба». Вскоре с дозорных судов (это был выдвинутый вперед сторожевой отряд в полтора десятка галер) доложили о разделении шведского флота на три эскадры. Однако цель этого разделения пока оставалась неизвестной. Затем, исходя из курса кораблей, предположили, что они направляются к Ревелю, где еще находился наш корабельный флот, или же к Тверминне для атаки наших галер. Но предположения предположениями, а нужна была полная ясность.

Поэтому для уточнения обстановки Петр лично с 20 галерами в тот же вечер поспешил из Тверминне к дозорному отряду, который к этому времени находился уже всего в двух милях от шведского флота. На столь малой дистанции можно было хорошо разглядеть, что у Гангутского мыса осталось лишь 6 шведских линейных кораблей и 3 фрегата. Увидев, что 14 судов отделились от флота и, по всей вероятности, идут в Тверминне, чтобы запереть там наш галерный флот, Петр не на шутку встревожился.

— Мы не можем рисковать всем, что имеем, а потому надлежит тотчас перевести галеры к Гангуту и часть их послать в обход шведского флота, как бы рискованно это ни было!

Ситуация на самом деле была весьма тревожной. Но затем все переменилось. Большой удачей для нас было и то, что движение шведов к Тверминне серьезно замедлилось, т.к. к вечеру ветер стих и наступил полный штиль. Таким образом, мы получили хорошую фору во времени,

которую теперь надо было использовать с максимальной выгодой для себя. При этом, если ранее, когда все силы шведов стояли у Гангута, большая часть залива перекрывалась их огнем, теперь шведские корабли уже не могли держать под огнем подступы к Гангуту. Seriously ослабило силы шведов и разделение неприятельской эскадры на три отряда, а внезапный штиль и вовсе сковал на время их маневр. Помимо этого, опрос местных рыбаков показал, что такие полные штили — весьма обычное явление для Гангутского плеса в это время года. При этом обычно полный штиль стоит с раннего утра до полудня, после чего появляется ветер. Это сообщение было для Петра и Апраксина чрезвычайно важным, так как позволяло приурочить действия галер как раз ко времени полного отсутствия ветра а следовательно, и полного бездействия шведского парусного флота.

Тактическая ошибка адмирала Ватранга и штилевая погода неожиданно дали нашим хороший шанс на успех. И этим шансом следовало немедленно воспользоваться. Не теряя времени, Петр отдал командирам гребных судов приказ приготовиться к прорыву.

* * *

25 июля днем дул слабый юго-восточный ветер, к вечеру он затих. На флагманскую галеру для получения последних указаний прибыл капитан-командор Змаевич, по своему обыкновению при длинном белом напудренном парике и в позолоченных сверкающих латах. «Человек благородный и хороший солдат», — так характеризовал его один из современников. Происхождением Мато Змаевич был из рагузских галерных капитанов. Гордился своим дворянством и отличался храбростью в бесконечных морских схватках с барбарийскими пиратами. В 1709 году он повздорил из-за местной красавицы с другим известным капитаном — Буровичем — и заколол того шпагой на дуэли. Спасаясь от суда и мести родственников убитого, он бежал в Константинополь к русскому послу Толстому. Но и там галерному капитану снова не повезло — началась война России с Высокой Портой, и Змаевича заодно с послом посадили под замок в печально знаменитый Семибашенный замок. Освобожденный оттуда лишь два года спустя, Змаевич поспешил в Карлсбад в Чехии, где пребывавший тогда там Петр после двухчасового экзамена принял его капитаном в галерный флот. Капитан-командорский чин Змаевич получил в следующем году, уже за отличия в финляндском походе галерного флота.

Итак, вечером авангард гребного флота под командованием капитан-

командора Змаевича в 20 скампавей перешел из бухты Тверминне к месту стоянки сторожевого отряда. Главные силы были также приведены в готовность к переходу.

В ночь с 25 на 26 июля, как и обещали рыбаки, установилась штилевая погода. Шведская эскадра стояла на Гангутском плесе так близко к берегу, как это позволяли глубины. Однако оставшихся кораблей было уже явно недостаточно для того, чтобы перекрыть весь Гангутский плес и не допустить прорыва наших гребных судов. Впрочем, Ватранг, серьезно обеспокоенный приближением нашего авангарда, приказал своим кораблям ночью перейти под парусами поближе к противнику. Но начавшийся штиль нарушил ордер шведов и вынудил их корабли вновь стать на якорь.

К утру 26 июля Петр принял окончательное решение — авангарду идти на прорыв, причем обойти шведский флот мористее, вне дальности его огня.

Командир авангардного отряда Матвей Змаевич получил приказ «объехать неприятельский флот морем», то есть прорваться мимо шведской эскадры. Два десятка галер авангарда, выдвинутые еще накануне на исходную для прорыва позицию, были давно в полной готовности к бою. Перед их командами стояла нелегкая задача — прорваться вокруг Гангутского полуострова мимо шведской эскадры и укрыться в шхерах к западу от Гангута. Предстояло пройти на веслах более полутора десятков миль на веслах при максимальном темпе гребли и с большой вероятностью боя со шведами. Но иного выбора не было.

В 8 часов утра галеры Змаевича начали движение. Пока авангард проходил шхеры, шведы пребывали в неведении о начале прорыва.

Но едва наши суда вышли из-за островов и начали обход шведского флота, Ватранг немедленно сыграл «алярм», но было уже поздно.

Внезапность и штиль сделали свое дело. Парусные корабли были лишены возможности двинуться под парусами. В отчаянии Ватранг приказал буксировать корабли шлюпками и идти наперерез русским галерам, но было уже поздно. «Мой корабль, — писал шведский командующий, — был взят на буксир тремя шлюпками и одним шхерботом, но все же я не мог подвергнуть галеры серьезному обстрелу, хотя я стрелял в них из пушек. Чем ближе, однако, я со своим кораблем, находившимся на главном пункте, и другие наши суда подходили к ним, тем дальше они уходили в море».

Несмотря на обстрел шведов, галеры продолжали прорыв. Большинство шведских ядер падало с недолетом, неприятель не успевал выйти на дистанцию эффективного огня. Отряд Лиллье, повернувший по

сигналу Ватранга на соединение с главными силами, также не смог продвигаться из-за штиля.

— Навались! — не кричали, а буквально молили офицеры истекающих потом солдат на веслах

Впрочем, эти призывы были напрасными. Те и так гребли на пределе своих сил, прекрасно понимая, что цена их гребли — это их жизнь.

К 10 часам утра авангард Змаевича успешно обошел Гангутский полуостров и уже приближался к шхерам.

Однако едва галеры миновали Гангут, навстречу им с запада показалось несколько шведских кораблей. Это был отряд контр-адмирала Таубе (фрегат, галера и 6 шхерботов), дополнительно вызванный Ватрангом с Аландского архипелага для усиления. «Слышана была в шхерах из пушек многая пальба», — отметил в своем журнале Федор Апраксин, находившийся в это время в Тверминне. Когда противники сблизились, началась перестрелка, но она была недолга. Не приняв боя, контр-адмирал Таубе повернул вспять и, отказавшись от присоединения к эскадре, предпочел скрыться в шхерах. «Я принужден был повернуть немедленно назад, чтобы не быть взятым», — оправдывался впоследствии Таубе.

Тем временем, убедившись в успешности прорыва авангарда, Апраксин сразу же отдал приказ о выходе следующего отряда 15 галер пошли тем же курсом, что и отряд Змаевича. Однако к этому времени шведским кораблям буксировкой удалось отойти от берега и занять более выгодную позицию.

В ответ наши галеры взяли курс еще дальше в море и с успехом вновь миновали шведскую эскадру. «Хотя неприятель, — отмечал Апраксин, — корабли свои буксировал, к тому же начался быть малый ветер и шли к нашим скампавеям лавирами и из пушек довольно стреляли, однако же наши, несмотря на то, шли в гребле зело порядочно и в шхеры вошли».

Успех отряда Змаевича позволил Петру, не откладывая в долгий ящик, послать вслед за ним на прорыв сторожевой отряд Петра Лефорта (15 скампавей).

Петр Лефорт был племянником покойного учителя Петра Франца Лефорта, которого последний вызвал в свое время из Женевы. Отсвет привязанности царя к дяде падал и на его племянника. По этой причине Петр Лефорт сделал к 1714 году неплохую карьеру. Что касается личных качеств Петра Лефорта, то он был человеком, лишенным инициативы, нерешительным, самолюбивым, лицемерным, мстительным, к тому же постоянно стремившимся к наживе. Но и коммерческими делами он не желал заниматься серьезно; долгое время имел намерение поехать в Китай,

где думал разбогатеть, однако мысль о поездке, которая должна была длиться три года, пугала его. В России же тоже боялся обосноваться, мечтая заработать и вернуться в Европу. Смелостью он также отнюдь не обладал. Сохранилось одно из его писем: «Сегодня я отправляюсь сражаться с татарами, которых, я надеюсь, мы никогда не увидим». Впрочем, будем честны — при Гангуте Лефорт-младший показал себя если не блестяще, то вполне достойно.

...И снова удача! Лефорт также прорвался, держась мористее шведского флота. Прорыв всех 35 галер был завершен как раз к полудню, когда должен был появиться ветер, и занял всего около трех часов.

К 11 часам утра оба наших галерных отряда, соединившись, направились в глубь Абоских шхер.

Между тем как раз во время прорыва сторожевого отряда Петр получил донесение о появлении у строящейся переволоки отряда Эреншельда. Задача была выполнена — шведы клюнули и выслали часть флота для блокирования переволоки. Надобность в перетаскивании судов по сухопутью в связи с прорывом судов и с появлением шведского отряда у переволоки сразу отпала. Петр приказал прекратить сооружение деревянного настила, а солдат немедленно вернуть на галеры.

Одновременно он велел передать Змаевичу приказ заблокировать и атаковать отряд Эреншельда. Но с ходу атаковать шведский отряд русские галеры не могли, поскольку солдаты были до крайности вымотаны долгим ускоренным прорывом. К тому же Эреншельд, увидев превосходящие силы русских в устье шхер, немедленно отошел на северо-запад в Рилакс-фьорд, где он был заблокирован Змаевичем.

* * *

В полдень 26 июля погода быстро стала меняться. Наконец-то подул столь ожидаемый шведами слабый зюйд-ост, и адмирал Ватранг немедленно принял меры, чтобы объединить свою эскадру. С «Бремена» ударила сдвоенная пушка — сигнал кораблям Лилье ускорить возвращение к Гангуту.

Вскоре эскадра была вновь собрана в кулак и заняла позицию, которая исключала возможность прорыва оставшихся в Тверминне галер так, как это было сделано двумя первыми отрядами. Положение нашего гребного флота сразу осложнилось. Теперь уж не шведы, а мы оказались разделенными на две части. 35 галер находились теперь к западу от

Гангутского полуострова, а остальные 64 все еще остались у его восточного берега.

Впрочем, у шведов еще оставалось одно слабое место. Дело в том, что когда Лилье повернул к Гангуту, адмирал Ватранг сам двинулся ему навстречу, чтобы ускорить объединение. Его корабли отошли от полуострова и переместились мористее.

Большинство историков считает, что Ватранг решил отбуксировать свои корабли мористее для того, чтобы русские уже не смогли повторить свой маневр с обходом шведского лота со стороны моря. О том, что они могут рискнуть и поступить совсем по-другому, шведский командующий почему-то не подумал. В конечном итоге шведский флот построился в две линии мористее, на месте прорыва русских гребных судов. Проход же под берегом остался совершенно неприкрытым. Это была серьезная ошибка, ведь теперь неприкрытым оказывался уже прибрежный фарватер. Позиционная борьба все больше напоминала многоходовую шахматную партию. Шведы сделали очередной ход, и теперь ответ был за нами. И он не заставил себя долго ждать.

К вечеру 26 июля слабый юго-восточный ветер снова, как и сутки назад, перешел в штиль. Это позволило русскому командованию вывести главные силы гребного флота из бухты Тверминне и укрыться за островами, где накануне стоял сторожевой отряд, готовясь к новому прорыву. Ночью район шхерный затянуло туманной дымкой, что еще более благоприятствовало прорыву нашего флота. Военный совет, созванный около 3 часов ночи, принял решение о прорыве. На этот раз решено было обойти вражеский флот уже не со стороны моря, а фарватером между шведским флотом и берегом. Вначале, для скрытности, решено было прорываться ночью. Однако из-за множества подводных камней этот план пришлось изменить, ибо в противном случае вряд ли удалось бы избежать посадки галер на рифы. Поэтому прорыв был назначен на утро следующего дня.

Гребные суда должны были в строю кильватера идти как можно ближе к берегу. Из-за предутреннего тумана шведы не видели подготовки и самого момента начала прорыва.

* * *

Еще только прибыв с флотом к Гангуту, Ватранг собрал капитанский консилиум. На нем адмирал взвесил все «за и «против» выгоды

позиции на прибрежном фарватере, вспомнил о возможности перетаскивания легких судов через Гангутский перешеек. Для того чтобы лишить русских этой возможности, первоначально было даже решено назначить позицию несколько восточнее, у деревни Тверминне, чтобы лишить противника возможности воспользоваться переволокой. При этом Ватранг лично несколько раз плавал на шлюпке, для осмотра позиции у Тверминне. Однако в конце концов она была признана весьма тесной и неудобной для корабельного флота. Особенно неудобен и слишком узок был вход на местный рейд, который изобиловал подводными камнями и скалами, грозя большими неприятностями для больших и плохо управляемых в узкостях линейных кораблей. К тому же стоянка у Тверминне могла вообще превратиться для шведов в западню, если бы русский галерный флот внезапно появился. Быстро выйти с закрытого рейда на его перехват через узкий проход было бы просто нереально. А потому от стоянки у Тверминне отказались. Своих капитанов Ватранг успокоил словами:

— Гангутский драгет не кажется мне слишком опасным для нынешней кампании. Пусть русские даже его соорудят, что это им даст? При нашей позиции, переташенные царем суда все равно окажутся отрезанными от остального флота и легко будут нами уничтожены.

Со здоровой мыслью главнокомандующего согласились все.

Однако на самом деле мысль о гангутской переволоке Ватранга все же тревожила. Чтобы подстраховаться на всякий случай, он даже упомянул ее в письме Карлу XII, оговаривая, что в случае если русские попробуют перетаскивать свои суда через полуостров, он не в силах будет этому помешать. Однако мимо Гангута он русских никогда не пропустит. В ответ король промолчал.

19 июля Ватранг вызвал к себе в салон капитана Акселя Сунда.

— Берите две галеры и два шхербота и следуйте в шхеры на норд от мыса Гангэ-удда. Опросите местных финнов, что они знают о перетаскивании русскими галер через драгет, заодно и сами высадите людей, глянуть, что и как.

Чрез два дня капитан Сунд вернулся обратно и браво доложил, что местные крестьяне о кознях русских ничего не знают. Ничего подозрительного не увидели и высаженные на берег солдаты, которые, впрочем, далеко от берега не уходили.

Однако 25 июля на «Бремен» шлюпкой пришли четыре местных рыбака и заявили, что у них к господину адмиралу важная новость.

— Ну что там еще у вас? — недовольно поднял голову от бумаг

Ватранг, когда ему ввели в салон пахнущих треской рыбаков.

Те сняли парусиновые зюйд-вестки:

— Хотим сообщить вам, господин адмирал, что имеем важную новость!

— Я слушаю, — склонил голову Ватранг.

Рыбаки помялись, явно намекая на вознаграждение. Адмирал намек понял и высыпал на стол горсть серебряных талеров. Лица рыбаков сразу повеселели.

— Мы видели, как русские строят деревянный помост через драгет и собираются перетащить свои галеры.

Новость была и неожиданной, и неприятной.

— В каком состоянии находится помост?

— Уже заканчивают. Думаем, день-два, и все будет готово.

Оставшись один, Ватранг задумался. Положение и вправду складывалось затруднительное. То, что русским следовало помешать перетащить галеры, было само собой разумеющимся. Если бы им удалось переправить суда, они сразу получили бы господство в северных шхерах и стоянка флота у Гангута сразу теряла свой смысл.

На срочно созванном консилиуме флагманов Ватранг предложил отправить к месту переволоки достаточно сильный отряд, чтобы тот произвел разведку намерений противника и в случае необходимости воспрепятствовал планам русских. Мнение командующего присутствующие приняли единогласно.

Командиром шхерного отряда был назначен шаутбенахт Эреншельд. Под его начало Ватранг отдал все, что только могло действовать в шхерах, понимая, что ситуация там может сложиться по-разному. Помимо прама «Элефант» Эреншельду были выделены два шхербота и все бывшие при эскадре галеры.

Одновременно второй флагман вице-адмирал Лиллье с эскадрой в 8 линейных кораблей, двух бомбардирских судов и шнявы также отделился от основного флота, начав движение на восток с задачей атаковать галерный флот у Тверминне, если тот только попытается высунуть нос из шхер. Линейные корабли должны были, по замыслу Ватранга, пушечным огнем уничтожать галеры, бомбардирские суда — навесным огнем громить русские постройки на берегу, шняве же отводилась роль судна связи между двумя адмиралами.

Что и говорить, в создавшейся ситуации действия адмирала Ватранга были вполне разумными и адекватными. Итак, шведы сделали первый ход в начавшейся сложнейшей шахматной партии, переместив при этом сразу две

фигуры. Теперь ответ был за противной стороной, и этот ответ не заставил себя ждать.

* * *

Как ни старался Ватранг скрыть от наших разделение своего флота, это не получилось. Спрятавшийся за ближайшим к мысу островом сторожевой галерный отряд это разделение обнаружил. Озадаченный происходящим, Петр решил получше выяснить, что за перемещения происходят у неприятеля. Известив Апраксина о своем намерении и спросив у него формального разрешения, как у генерал-адмирала, Петр, взяв с собой два десятка галер, вышел к островам, подле которых расположился наш сторожевой отряд. Там он перебрался на галеру М. Голицына. Особенно волновало царя отделение эскадры Лиллье, и Петр желал выяснить, куда же она собирается направиться: к Ревелю или к Тверминне. Оба варианта были нехороши, но второй особенно.

— Губа здешняя для стоянки хороша, но не стала бы нам нынче клеткой, из которой не вырваться, ежели шведы нападут! — делился он своими тревогами с Голицыным. — Выход отсюда всего один, и куда деваться, когда шведы дверцу сию запрут?

Вместе с Голицыным рядом и Иван Бутурлин — сын ближнего царского стольника, да внук окольничего при царе Алексее Михайловиче. Родословная для начала XVIII века весьма знатная! Поэтому еще в 1687 году был произведен Иван Бутурлин в премьер-майоры в только что сформированном Преображенском полку. Сражался под Нарвой, попал в плен. Попытка его в 1703 году бежать из плена вместе с генералом Вейде и князем Трубецким не удалась. Они были пойманы, «зело обруганы, бесчещены градодержавцем» и заключены в тюрьму. Заключение окончилось в 1710 году обменом его на шведского генерала. В 1711 году Бутурлин успешно командовал войсками, оберегавшими Украину от крымских татар, затем действовал в Финляндии, у Гельсингфорса, в котором, после взятия, оставлен был с отрядом. В октябре того же года, уже в чине генерал-лейтенанта, под начальством князя Михаила Голицына Бутурлин участвовал в победных сражениях на реке Пелкуне и у деревни Лагшоле.

Шведы между тем весьма внимательно следили за всеми нашими перемещениями. И когда в азарте Петр подошел к ним достаточно близко, они для острастки даже дали несколько залпов.

В тот день адмирал Ватранг записал в своем личном журнале: «К вечеру ветер совершенно затих, причем мы заметили, как масса галер числом около 20 надвигалась с восточной стороны, по которым наши корабли открыли огонь».

Так состоялся первый обмен залпами морской кампании 1714 года, положив начало открытию боевых действий.

Наблюдения с близкого расстояния подтвердили факт того, что теперь у Ватранга, перекрывающего приморский фарватер у Гангута, осталось всего лишь шесть линейных кораблей и три фрегата. При этом было ясно, что отделившаяся часть флота под флагом Лиллье соединяться с оставшимися у Гангута в ближайшее время не собирается.

Налицо было ослабление шведов в их центральной позиции. Наряду с этим все еще остававшиеся в Тверминне шестьдесят четыре галеры Апраксина находились теперь под угрозой атаки превосходящих сил. Впрочем, для этого шведам надо было серьезно рискнуть, подводя свои линейные корабли вплотную к подводным скалам.

Оценив обстановку, Петр попросил Апраксина прибыть к нему, посоветоваться. Не теряя времени, тот поспешил в сторожевой отряд на шлюпке. Едва же генерал-адмирал прибыл к Петру, и они обменялись приветствиями, как увидели, что эскадра Лиллье развернула форштевни своих кораблей на Тверминне. Сомнений больше не было — шведы решились на диверсию против остававшихся в шхерах галер.

Теперь дорога была каждая минута. Надо было действовать быстро и решительно, пока тверминская ловушка не захлопнулась.

К оставшимся в шхерах галерам была послана шлюпка, гребцы налегали на весла так, что те гнулись дугой. Приказ Петра был краток: «Выходить из узкого места, где стояли, дабы неприятель не запер».

Чтобы не допустить ошибки, которая в данной ситуации могла оказаться роковой, Петр собрал подле себя всех самых опытных — капитан-командора Змаевича, бригадиров Волкова и Лефорта, галерного капитана Дежимона, капитанов Гриса и Бредаля.

Капитаны — настоящий интернационал, но все весьма опытные и знающие, да и России преданы не на словах, а на деле. Норвежец Питер (Петр) Бредаль — из пасторских детей, ранее плавал в датском флоте, дослужившись там до младшего штурмана. В 1703 году, по рекомендации вице-адмирала Крюйса, был принят на службу в русский гребной флот унтер-лейтенантом. В 1705 году назначен командиром одного из бомбардирских судов, тогда же стал известен Петру I, который не только отличал, но и следил за карьерой толкового офицера. Затем командовал

бригантиной, фрегатом и линейным кораблем «Выборг». Бредадь был отозван в гребной флот по личному распоряжению царя для усиления. Капитан Иван Дежимон — из французов, ранее служил на Азовском море в чине капитана 3-го ранга. Сейчас Дежимон был поставлен во главе отряда в 11 скамповей в чине капитана 2-го ранга. Капитан 3-го ранга Маркус Грис — родом из Любека, плавал торговым штурманом, обошел полмира. В русском флоте вот уже одиннадцать лет, командовал линейным кораблем «Рига». В гребной флот Грис прислан буквально на днях, как опытный штурман, для промера шхерных фарватеров.

...Все давали советы, как быть и что делать. Мысль о том, что стоит попробовать прорваться мимо ослабленного шведского флота, воспользовавшись наступившим безветрием, первым высказал капитан-поручик Петр Бредадь.

Мысль его была столь здрава, хоть и дерзка, что с ней все в конце концов согласились. Да, впрочем, другого выхода и не оставалось. Надо было идти вперед, причем идти самым решительным образом.

* * *

Прорыв галер начался около 9 часов утра. Перед этим, по старой галерной традиции, гребцов сытно покормили горячей пищей.

Передовой отряд галер под началом Змаевича и бригадира Волкова, взяв курс мористее, чтобы обойти стоявшие вдоль фарватера шведские линейные корабли на дистанции полета ядра, рванул на прорыв. Чтобы ход был более скорым, галеры, которые и так шли весьма ходко, дополнительно буксировали шлюпками, отчего скорость прорыва была еще выше. Со шведских кораблей, разумеется, немедленно открыли огонь, но он мало что дал. Ядра падали в воду. Взбивали чахлые фонтанчики, не долетая. Из-за полного отсутствия ветра паруса на шведских кораблях висели беспомощными тряпками, а все галеры, которые так бы сейчас имгодились, давно ушли с шаутбенахтом Эреншельдом в западные шхеры.

В бессилии Ватранг приказал спустить на воду все, что у него только было: боты, шлюпки и гребные катера. Все они пытались хоть немного оттянуть огромные линейные корабли мористее. Первым буксировался флагманский 64-пушечный «Бремен», за ним, пытаясь держать хоть какую-то линию, 56-пушечный «Поммерн», сильнейший 76-пушечный «Принц Карл-Фредерик», 66-пушечный «Сконе» и концевым — 56-пушечный «Стокгольм». Несколько в стороне плелся под буксирами 36-пушечный

фрегат «Ревель». Однако при буксировке шлюпками держать боевую линию было чрезвычайно трудно, а потому она вскоре почти распалась. Впрочем, сейчас Ватранг на это уже не обращал внимания, главное было добраться до этих наглых русских и всадить им несколько хороших залпов, чтобы навсегда отбить охоту дерзить перед королевским флотом

Но было уже поздно. Передовой галерный отряд прорвался, причем пройдя мимо шведов без всяких потерь.

— В шхеры счастливо прошли! — доносил об итогах прорыва Змаевич.

— Наши-то, проскочили! — радовался Петр, обнимая и целуя Апраксина

Тот только улыбался:

— Лиха беда начало!

Не теряя времени, Петр распорядился немедленно послать вдогон первому отряду следующие полтора десятка галер авангардии. Во главе этого отряда пошли Лефорт, Дежимонт и Грис, у каждого под началом по пять галер.

Уже на отходе Апраксин кричал им в медный рупор:

— Ежели шведы опомнились и прорыв станет невозможен, то возвращайтесь, судьбы не испытывая!

Но вошедшие в раж капитаны кричали в ответ весело:

— Черта с два, прорвемся!

Ко времени прорыва второго отряда обстановка несколько изменилась, и не в нашу пользу. Задул ветер, и, пусть он был еще весьма слаб, все же это был ветер, и опытные шведские капитаны умудрялись ловить его в свои паруса. Теперь шведские линейные корабли шли на пересечку нашим галерам уже не только на буксире шлюпок и баркасов, но и лавируя парусами. Одновременно шведы вели и яростный огонь, надеясь, что поврежденные галеры станут их легкой добычей. Однако и на сей раз все их усилия оказались напрасными. О прорыве второго отряда Апраксин записал в своем журнале так: «Шли на гребле зело порядочно и в шхеры вошли и с первыми случились благополучно».

Позднее Ватранг честно признал, что, несмотря на все его усилия, он так и не смог подвергнуть русские галеры серьезному обстрелу.

В полном смятении шведский командующий черкал гусиным пером по бумаге: «Чем ближе... я со своим кораблем... и другие наши суда подходили к ним (т.е. к русским галерам. — *В.Ш.*), тем дальше они уходили в море и скрывались за острова, проходя мимо нас Тотчас вслед за ними явилась вторая флотилия галер из 15 штук, которая держалась еще дальше

в море, и, несмотря на то, что я и другие корабли стреляли по ним, они все-таки прошли мимо нас».

Был полдень, когда к западу от мыса Гангут прогремело русское «ура», означавшее, что и второй отряд добился успеха. Гремело «ура» и к востоку от мыса. Напротив самого Гангутского мыса, наоборот, царило полное безмолвие — шведы приходили в себя от происшедшего.

Что и говорить, прорыв первых двух отрядов был просто классическим. Все было сделано быстро, сравнительно легко и даже элегантно. Теперь обстановка около Гангута изменилась кардинально. Треть русских галер была уже за мысом, а остальные две трети — в готовности повторить успех своего авангарда. Но до полного успеха было еще далеко. Основная масса наших галер по-прежнему оставалась к востоку от мыса Гангут, и как все сложится дальше, было пока не ясно.

Глава десятая.

ОШИБКА АДМИРАЛА ВАТРАНГА

Едва флотилии Змаевича и Лефорта рванули на прорыв, к галере Петра подскочила шлюпка, с нее на галеру перепрыгнул поручик Анастас Лихудьев и без всяких предисловий выложил:

— В конце переволоки усмотрены шведские суда!

— Сколько вымпелов, и какие суда именно? — спросил царь.

— Видели один прам, шесть галер и пару шхерботов. Петр наморщил лоб и, отойдя к борту, задумался.

— Что делать намерен, государь? — спросил Апраксин выжидающе.

— Отпиши письмо Змаевичу, чтобы потрудился сей отряд атаковать и с помощью Божией учинил над ними воинский промысел!

— А справятся ли? — поднял бровь осторожный Апраксин.

— Попытка — не пытка! — ответил Петр сурово.

Больше у генерал-адмирала вопросов не было. Доставить письмо к Змаевичу было поручено тому же поручику Лихудьеву.

После этого Петр с Апраксиным, пересев на шлюпку, вернулись к Тверминне, к оставшимся там галерам. Неподалеку от Тверминне по-прежнему держалась эскадра вице-адмирала Лиллье, готовая в любой момент с усилением ветра атаковать наши галеры.

— Что будем делать? — спросил Апраксин, когда шлюпка, гонимая мощными гребками солдат-преображенцев, устремила к рыбацкой деревушке.

— Пока будем ждать ответного хода шведов. Посмотрим, чем они ответят, и, ежели допустят ошибку, сразу же повернем все в свою сторону.

Тем временем за мысом Гангут едва не началось серьезное сражение. Дело в том, что 3 5 прорвавшихся наших галер едва не столкнулись нос к носу со шведской шхерной флотилией шаутбенахта Таубе.

Еще с утра Таубе повел свои гребные суда, чтобы поддержать свой корабельный флот при наступившем штиле. О том, что русские собираются прорываться, шведы, разумеется, ничего не знали. Однако опыт есть опыт, и на всякий случай Таубе решил придвинуть свою флотилию поближе к линейным кораблям. Но не успел. Около полудня, находясь еще на переходе, он услышал орудийную канонаду, а потом увидел огибающие Гангутский мыс русские галеры. По силам шведы практически не уступали

нам, и шведские офицеры с надеждой смотрели на своего начальника, не прикажет ли он начать драку. Но Таубе был иного мнения.

— Посмотрите на направление ветра! — показал он тростью на галерную мачту.

Офицеры подняли головы. Косицы вымпела едва колыхались, показывая, что дует легкий ветерок зюйд-остовой четверти. Ничего не поняв, они перевели взгляд на шаутбенахта Тот пояснил для недогадливых:

— Для русских этот ветер самый попутный, и, если мы продолжим движение, то неминуемо будем окружены и отрезаны от чистой воды галерами противника.

— Но при чем ветер, когда он едва колыхает вымпела? — недоумевающее переглянулись офицеры. — Ведь мы идем на веслах!

— Не надо меня учить! — огрызнулся Таубе. — Кто здесь командует, я или вы?

Между тем дистанция между спешащими навстречу флотилиями уже составляла не более полумили. И тогда, понимая, что промедление смерти подобно, Таубе развернул свою флотилию на обратный курс и рванул что было сил наутек. Впоследствии он оправдывал сей свой хитрый маневр тем, что проделал его для того, чтобы «не быть взятым».

То, что русские не смогут его преследовать, шведский шаутбенахт сообразил быстро — после гребли на пределе сил при прорыве мимо кораблей Ватранга силы наших гребцов были на исходе.

Однако моральная победа в данном эпизоде была на нашей стороне. При практически равных силах и наших измотанных командах шведский контр-адмирал откровенно трусил ввязываться во встречный маневренный бой, предпочтя показать свою корму. И если реальных боевых последствий данный эпизод не имел, то после столь откровенного бегства шведов наши пребывали в полной эйфории, тогда как шведы, наоборот, — в полном унынии.

Академик Е.В. Тарле писал относительно сложившейся ситуации: «... Что было делать? Вызвать из Ревеля весь линейный флот и сразиться с Ватрангом в открытом море? Риск был слишком велик. Лучшие суда противника были налицо, и их артиллерия была очень велика. Решено было лучше уж рискнуть галерами, чем линейным флотом. И тут Петр (прибывший из Ревеля на галерный флот 20 июля) и Апраксин (главнокомандующий) обнаружили большую находчивость. Они пошли на совсем необычное дело: решили в узком месте Гангутского полуострова устроить “переволоку” и перетащить часть галер через эту переволоку к западу, чтобы создать в стане противника замешательство.

Соответствующие работы рке делались и приходили к концу, когда Ватранг, узнав об этом, отделил 25 июля фрегат, 6 галер и 2 шхербота, отдал их под команду шаутбенахта Эреншильда и направил его к западной части Гангутского полуострова, именно туда, где кончалась русская “переволока” и где можно было ждать спуска перетащенных по суше русских галер в море. Уже это раздробление сил оказалось роковой неосторожностью шведского адмирала Ватранга. Но в тот же день Ватранг допустил и другую, еще худшую неосторожность: он отрядил 8 линейных кораблей, фрегат и 2 бомбардирских судна под командованием адмирала Лиллье к Тверминне, где стояли русские суда. Петр, выследив первым это движение, принял дерзкое решение: пользуясь ослаблением сил Ватранга и наступившим мертвым штилем, когда парусные корабли не могли двинуться с места, он приказал 26 июля отряду из 20 скампавей, под командованием капитан-командора Змаевича, идти на прорыв с обходом шведского флота мористее его расположения. Отряд Змаевича немедленно тронулся в путь. Адмирал Ватранг, заметив движение русских скампавей, приказал сняться с якоря и буксировать свои корабли шлюпками к проходившим скампавеям Змаевича. Одновременно шведы открыли сильный артиллерийский огонь, не причинивший, однако, нашим судам никакого вреда, так как скампавей шли вне дальности пушечной стрельбы.

Видя успех своего замысла, Петр направил по тому же пути еще 15 скампавей под командованием бригадира Лефорта, которые так же успешно прошли мимо шведского флота. Прорвавшиеся скампавей по приказанию Петра обошли Гангутский полуостров и заблокировали шведский отряд кораблей шаутбенахта Эреншильда».

* * *

Однако приказ об атаке подошедших к переволоке шведов Змаевичу вовремя передать так и не удалось. Три попытки Лихудьева прорваться мимо шведов к ушедшим за Гангут галерам успехом не увенчались. Шведы были уже настороже и всякий раз стремились его перехватить, так что он насилу отрывался, уходя обратно.

Над грот-мачтой флагманского «Бремена» Ватранг велел поднять белый флаг и палить из пушки. То был сигнал эскадре Лиллье как можно скорее возвращаться обратно из-под Тверминне и соединяться с главными силами. Ватранг сильно опасался возможного нового прорыва, а потому спешил нарастить свои силы. Но сделать это было не такого легко. Ветра

по-прежнему не было, и корабли Лиллье оставались недвижимы.

И здесь опытный Ватранг допускает ошибку, да еще какую! Понимая, что Лиллье быстро подойти не может, он испугался, что русский царь не успокоится на достигнутом и следующим его шагом будет всеобщая атака его эскадры, которая все так же стояла с обвисшими парусами. Опасность атаки галерами линейных кораблей была сильно преувеличена. Почему столь испугался шведский адмирал, мы, наверное, никогда так и не узнаем. Даже в своем личном журнале он не оставил на сей счет никаких записей. Вместо этого там значится: «Мертвый штиль и туман».

Ближе к вечеру 26 июля он велел поднять сигнал «Всем кораблям отбуксироваться мористее». Ватранг полагал, что чем дальше от берега, тем в большей безопасности он будет.

Но, отойдя от берега и освободив прибрежный фарватер, Ватранг серьезно рискнул и обманулся. Его ошибка была сразу же замечена Апраксиным. Самого же Петра уже в Тверминне не было. Съехав на берег, он отправился к концу деревянного настила, чтобы лично убедиться в силе шведского отряда, блокировавшего нашу переволоку.

До позднего вечера Петр и Апраксин обменивались записками. Генерал-адмирал писал, что необходимо воспользоваться оплошностью шведов и немедленно, пока не поднялся ветер, прорываться мимо Гангутского мыса, но уже впритирку к берегу, чтобы оставить далеко в море шведскую эскадру. Записки возил безраздельно преданный Петру его кабинет-секретарь Алексей Макаров, работник умный и расторопный.

Из походного журнала царя: «...Понеже генерал-адмирал с шаутбенахтом корабельным... между собой были не в близком расстоянии, а наипаче разлучила их темнота ночная, того ради в тою ночь против 27-го числа июля между помянутыми флагманами была пересылка тайного кабинет-секретаря Макарова, и по той пересылке положено с галерным флотом пробиваться сквозь неприятеля».

Итак, Апраксин воспользоваться оплошностью шведов предложил, а Петр сие предложение утвердил.

Уже в полной темноте с флагманской галеры Апраксина «Святая Наталья» был произведен выстрел из пушки — сигнал всем галерам, стоявшим у Тверминне, начинать движение к позиции начала прорыва. Вытянувшись в длинную кильватерную колонну, галеры медленно (сберегая силы гребцов!) потянулись к небольшому каменному островку, за которым было уже открытое пространство. На острове еще несколько дней назад были посажены наблюдатели, постоянно информировавшие Петра о том, что делается у шведов.

Около полуночи галеры собрались за островом. Апраксин желал прорываться немедленно.

— Надо идти вперед! Пока швед не опомнился, проскочим!

Однако бывший рядом с ним на галере князь Голицын высказал иное мнение:

— Разумеется, в темноте большая часть галер и прорвется. Однако потери могут быть все же слишком большие. Темнота и подводные камни — плохие союзники при таких делах!

Подумав, рассудительный Апраксин согласился.

— И на самом деле весьма ночь темная! — сказал он — Никак нельзя разглядеть, где сейчас в точности одна эскадра шведская и где другая. Не будем торопиться. Как говорится, утро вечера мудренее.

А вскоре с проскочившей под берегом шлюпки доставили сообщение Змаевича.

Тот извещал генерал-адмирала о том, что ближе к вечеру атаковал отряд шведов у переволоки. Вначале Змаевич попытался было атаковать отряд шаутбенахта Эреншельда и сбить его с позиции, но силы шведов были очень велики. Дело в том, что артиллерия на галерах весьма немногочисленна — всего пара небольших пушек в носу и столько же в корме. А потому атаковать отбивавшиеся бортовыми залпами шведские суда было весьма сложно. По этой причине Змаевич просто произвел демонстрацию. При этом он все же попытался окружить шведские суда. И хотя полного окружения не получилось, шведов все же удалось оттеснить в глубь фиорда, где они и были блокированы.

— Желаемый успех малой силой достигнут! — воскликнул он на радостях, когда стало ясно, что шведский шхерный отряд окружен и вряд ли уже сможет вырваться на чистую воду.

* * *

В третьем часу ночи Апраксин и Голицын пригласили на флагманскую галеру генерала Вейде. Втроем они уселись в кормовой надстройке и, попивая чай, держали совет, как быть дальше. После недолгих обсуждений решили, что однозначно следует прорываться под берегом, так как шведы отошли в море столь далеко, что обходить их мористее будет весьма опасно для галер. Сам прорыв же был назначен на предрассветное время, с тем расчетом, чтобы с первыми лучами солнца уже быть в пути. Да и бдительность у шведских наблюдателей должна быть в это время

притуплена. Пока глаза продерут, пока протрут их кулаками, глядишь, мы уже и проскочим!

В четвертом часу утра, когда горизонт едва-едва начал светлеть, наши пошли на прорыв. Галеры двигались так же, как и раньше, — вытянувшись длинной-предлинной гусеницей. Каждая из галер строго держала в корму впереди идущей, так было меньше риска напороться на каменные скалы, в изобилии торчавшие то там, то тут совсем рядом с бортами. На самой передовой галере шел генерал Вейде. Рядом с ним — самые опытные штурманы и взятые в деревне в качестве лоцманов местные рыбаки. Галеры кордебаталии вел сам генерал-адмирал, и, наконец, арьергард возглавлял князь Голицын.

Конечно, шведы быстро заметили шедшие на ускоренной гребле наши галеры. Конечно, на палубах их кораблей сразу же началась суета и беготня. Шведы поднимали все возможные паруса, а их шлюпки и баркасы, словно бурлаки на реке, пытались подтянуть огромные линейные корабли поближе к месту прорыва. Но из этого мало что получалось. На море царило полное безветрие, и лишь иногда безжизненно свисавшие вымпела слабо шевелили косицами от нордового ветерка. Да и тот был шведам никак не попутный, а, наоборот, противный.

Ценой невероятных усилий трем ближайшим к берегу корабля после отчаянной буксировки все же удалось сблизиться на дистанцию пушечного огня. Едва шведам стало ясно, что их ядра достигают фарватера, они открыли столь яростный огонь, какой только могли выдержать их орудия.

Позднее наши подсчитают, что неприятель сделал более двухсот пятидесяти залпов. Впрочем, хоть шума от этой пальбы было премного, но толку не слишком. Практически все ядра летели в волны. Галера — сама по себе цель весьма небольшая, к тому же наши галеры неслись столь стремительно, что шведы просто не успевали наводить орудия и стреляли больше наудачу, чем прицельно. Результат у них получился соответствующий.

Из всех ядер лишь одно поразило цель. Но как! Внушительное 24-фунтовое ядро ударило в палубу возле стоящего у планширя поручика Нижегородского пехотного полка Иоганна де Колера и... оторвало ему оба каблука и подошвы на ботфортах. При этом ноги поручика остались невредимыми, если не считать сильной контузии, от которой, по его позднейшим воспоминаниям, впоследствии много мучился.

Когда прорыв уже был закончен, генерал-майор Иван Головин взял у Колера остатки голенищ его ботфортов и преподнес их в виде сувенира Апраксину, чему тот долго дивился. Так и отделались наши от

неприятельского огня контузией ног у поручика Колера да двумя испорченными сапогами.

Впрочем, шведам все же удалось захватить одно из вспомогательных судов, шедших в хвосте колонны. Небольшая полугалера вывалилась из строя и сразу выскочила на камни, с которых сняться уже не удалось. Часть команды удалось снять шлюпкой, но часть так и осталась на судне. В это время к неподвижной полугалере, торчащей на камнях, как жук на булавке, уже прибуксировались сразу два шведских линейных корабля. Под огнем пушек шлюпкам пришлось от нее отойти. Шведы захватили несколько офицеров, около двухсот солдат Шлиссельбургского полка, попа и мешок с деньгами. Задерживаться же из-за одной галеры, а тем более вступать в невыгодный бой никто не стал. Такое решение было правильным, ибо потеря одной вспомогательной галеры ровным счетом ничего не меняла.

Из записей генерал-адмирала Ф.М. Апраксина о Гангутской баталии: «В 27-й день, в 3-м часу, призваны гг. генералы Вейд и князь Голицын и имели совет, каким образом удобнее неприятельский флот обойти... Онный всеми кораблями, а именно более 30 парусов, тот курс, где наши скампавеи первые шли, заступил... За благо определили, чтоб идти от внутренней стороны, не огребая неприятеля... В 4-м часу пополуночи пошли от того острова, где был наш караул, все скампавеи одна за другою: в авангардии шел г. генерал Вейд, за ним следовал г. генерал-адмирал (о себе Ф.М. Апраксин пишет в третьем лице. — *В.Ш.*), потом в ариергардии генерал князь Голицын. И когда неприятель наши скампавеи усмотрел, тот час с адмиральского — (со шведского) — корабля учинен сигнал из двух пушек... Дальние их корабли, распуская свои паруса, трудились, чтоб приблизиться, но за наступающею тишиною не могли скоро прибыть... Три корабля их... буксировались к нашим скампавеям шлюпками и ботами зело скоро и, приближаясь надмеру, стреляли из пушек жестоко... Могли счесть 250 выстрелов. Однако ж... наши скампавеи прошли счастливо и так безвредно, что только одна скампавея стала на камень... Несколько людей с оной шлюпками сняли, а остальных неприятель взял, понеже их один линейный корабль к оной скампавее зело приблизился. К тому же 2 неприятельских бота и несколько шлюпок атаковали, так что отстоять скампавею с остальными людьми было не мочно... Прочие все, как суда, так и люди, без вреда прошли, только у одного капитана ногу отбили. В половине 10-го часу, когда, прошед неприятельский флот, вошли в шхеры, получили ведомость, что капитан-командор Змаевич с первыми скампавеями атаковал неприятельскую эскадру и не далее мили обретається...»

Что касается самого Петра, то он в прорыве Апраксина не участвовал. В это время царь находился в конце переволоки, наблюдая за отрядом шаутбенахта Эреншельда. С берега он наблюдал, как храбро атаковали шведов галеры Змаевича, как они блокировали противника в дальнем углу Рилакс-фиорда. Там же на берегу Петр ждал и наблюдал соединение главных сил с передовым отрядом. Причем не просто наблюдал, а детально продумал план атаки шведского отряда.

* * *

Было 4 часа 27 июля утра, когда российский генерал-адмирал размахисто перекрестил галеры:

— Весла! На воду!

Главные силы гребного флота под флагом Апраксина начали движение в сторону Гангутского мыса. Предраассветная туманная дымка некоторое время скрывала наши суда, крадущиеся вдоль берега. Но вскоре шведы их обнаружили. На флагманском «Бремене» палили уже двумя пушками, обозначая боевую тревогу.

Наши галеры шли в стройном порядке, следуя одна за другой при совершенном штиле. При этом галеры держась так близко к берегу, как только позволяла глубина. Авангард вел генерал Вейде, кордебаталию — сам Апраксин, а в арьергарде шел генерал Михаил Голицын.

Шведские линейные корабли по отчаянному сигналу своего адмирала стремились под всеми парусами и с помощью буксировки шлюпками подойти к месту прорыва. Однако на море царило полное безветрие, и лишь иногда дул легкий ветерок с севера, противный шведам. Бывшие несколько ближе к берегу три корабля сумели буксировкой ботами и шлюпками подойти на расстояние выстрела и открыли огонь. Шведы произвели более 250 выстрелов, но благодаря малым размерам галер, быстрой ходьбе и большой дистанции выстрелы не достигали цели.

«Мы опять увидели, — писал шведский командующий, — большое количество галер, числом в 60, под берегом; они старались со всеми силами пройти со стороны берега линию наших кораблей к Гангеуду. Некоторые из наших кораблей, которые находились поближе, с помощью буксировки пустились им вдогонку».

Теперь ответ был уже за шведами, т.к. они имели сейчас значительно больше кораблей, чем при прорыве первых двух отрядов. Ватранг торопился, и передовые шведские корабли сблизались на дистанцию

эффективного артиллерийского огня. Всего было выпущено более 250 ядер. Но, несмотря на обстрел, прорыв продолжался. Только одна галера, шедшая слишком близко к побережью, села на камни и была пленена шведами. Все остальные галеры успешно прорвались и обошли Гангутский мыс «К нашему величайшему огорчению, — отмечал Ватранг, — и эта масса галер прошла мимо нас, несмотря на то, что наши корабли довольно близко подошли к ним и обстреливали их из пушек».

Из хроники событий: «В 27 день по утру господин наш Адмирал со всем при нем будущим флотом, с полуночи подошед, и тогож утра приближаться к неприятелю, и указ дал пробиватца сквозь оног, не огребая кругом, что с помощью Божиею и учинено. И так безвредно, что только одна скампавея стала на мель, которую неприятель взял. А протчие все как суды, так и люди без вреда прошли. Хотя со всего флота стреляли по наших над меру жестоко, от которой стрельбы у одного капитана только ногу отбили».

...Вот последняя галера миновала прибрежный фарватер. С ее кормы кто-то из молодых офицеров, озоруя, показывал шведам конец каната в знак того, что якобы готов и сам взять шведов на буксир. В ответ со шведских кораблей зло палили из пушек, но ядра, не долетая, падали в воду чохлыми фонтанчиками.

Наконец и последняя галера скрылась среди каменных шхер. Всё, пока небольшая передышка. На галерах командовали:

— Суши весла!

Гребцы жадно пили воду, приходя в себя от бешеной гребли.

На палубах радовались офицеры:

— Господа! Даже не верится! Мы проскочили!

Что и говорить, первоочередная задача русского флота была выполнена блестяще: 98 галер с 15-тысячным десантом прорвали блокаду шведов и вышли из Финского залива «С нашим гребным флотом, — с гордостью отмечал Петр датскому королю, — сквозь весь авантажно стоявший у Гангута неприятельский флот, несмотря на жестоко учиненный от неприятеля огонь, пробились!»

С прорывом русских галер мимо шведского флота была решена первая и наиболее важная задача кампании 1714 года: отныне собственно шведские земли, до того недостижимые, ставились под угрозу вторжения — немаловажный стимул для заключения Швецией мирного договора на условиях оставления России требуемых ею Лифляндии, Эстляндии, Ижорской земли и Западной Карелии — широкого выхода на Балтику.

Теперь на повестке дня была вторая задача — запереть и захватить

эскадру Н. Эреншельда, зашедшую далеко в шхеры к северу от полуострова Гангут, что до крайности затрудняло возможность оказания ей помощи со стороны находившегося у мыса Гангут корабельного флота адмирала Г. Ватранга.

Глава одиннадцатая. К БОЮ ГОТОВЫ!

Что и говорить, переволока, хотя по ней так и не удалось перетащить ни одного судна, свою роль все же сыграла, став приманкой для шведов, разделив их флот на части. Теперь же, после прорыва всех галер за Гангут, выделенная для блокирования переволоки эскадра шаутбенахта Эреншельда оказалась в самой настоящей ловушке.

Утро 27-го дня июля месяца 1714 года было сырым и прохладным. Поеживаясь, Петр в какой уже раз рассматривал в зрительную трубу стоявший в глубине залива шведский отряд.

— Что и говорить, зело умело расположил сей Эреншельд свои суда для нашего отражения, — обратился он к вышедшему на палубу генерал-адмиралу Апраксину.

— Да, уж, малой кровью не обойтись! — кивнул тот. — А бить все одно надо!

Шесть галер с праом «Элефант» в центре по-прежнему вытянулись вогнутой линией, фланги которой (по три галеры на каждом) упирались в два острова. Сзади боевую линию поддерживали шхерботы. Для маневра ни места, ни возможности не имелось. Атаковать можно было только с фронта под перекрестным огнем десятков орудий.

Отряд шаутбенахта Эреншельда состоял из флагманского 18-пушечного прама (иногда именуемого в документах и фрегатом) «Элефант», шести галер, вооруженных 12 и 14 пушками малого калибра и имевших по две пушки 18- или 36-фунтовые. Эти галеры, с фрегатом посредине, стояли в глубине Рилакс-фьорда, в линии, фланги которой упирались в маленькие островки, за серединой линии находились три шхербота, имевшие от 4 до 6 пушек малых калибров (от 1 до 3 фунтов). Всего шведы имели 116 орудий, из которых одновременно против наших могли стрелять до сотни орудий. Что и говорить, боевая мощь шведской эскадры была весьма внушительной.

Общая ситуация осложнялась еще и тем, что небольшая ширина Рилакс-фиорда не позволяла нашим развернуть весь гребной флот. Поэтому для атаки можно было одновременно выделить лишь некоторую часть гребного флота, а не весь флот. В противном случае галеры бы просто сталкивались между собой и, переломав весла, стали бы легкой мишенью

для шведских пушек. По этой причине из сотни галер для атаки противника был выделен лишь авангард из 23 скамповей, который и занял позицию в полумиле от противника. Авангард разделили на три части. В центре были поставлены 11 скамповей под командованием Б.П. Лефорта и капитана 3-го ранга Я.А. Дежимона. На правом фланге уступом вперед построилась в две линии группа из шести скамповей генерала А.А. Вейде и М.Х. Змаевича. На левом фланге в таком же порядке стояла группа из шести скамповей бригадира М.Я. Волкова и капитана 2-го ранга А.М. Демьянова

При этом наши могли одновременно поддерживать огонь по противнику из 95 пушек. Авангардом, а следовательно, и сей предполагаемой атакой был назначен командовать генерал Адам Вейде, но фактически руководство боем взял на себя сам Петр I, расположившись на галере, стоящей сразу за авангардом

..Левым флангом назначенных к атаке галер командовал бригадир Волков, так как бригадир был хоть воином и многоопытным Бригадир Михаил Волков был еще из петровских «потешных». В чине майора был дважды ранен в сражении при Лесной. А так как бригадир был офицером армейским и тонкостей дел морских не знал, при нем был поставлен опытейший капитан Лука Демьянов. Опыт у Демьянова был таков, что и в шведском флоте равных ему не имелось. Сам Лука был «греческой веры города Славони цесарского владения» и почти три десятка лет служил на венецианских галерах в Средиземном море, все это время с успехом сражаясь с варварийскими пиратами. В 1699 году Демьянов был принят капитаном в наш гребной флот. Командуя галерой «Александр Македонский», в июне 1705 года участвовал в отражении атак шведского флота на остров Котлин, а 18 августа того же года провел успешный бой со шведским кораблем у Кроншлота. В 1707 году, «как добрый и искусный человек», был послан во главе отряда из 9 бригантин в крейсерство к острову Готланд и вернулся с успехом, захватив несколько торговых судов, а год спустя участвовал в походе гребного флота и захвате финского порта Борго. У Петра опытейший галерный капитан всегда пользовался особым уважением. И вот теперь ему вместе с бригадиром Волковым была оказана огромная честь — возглавить левый фланг атаки, но одновременно и большая ответственность. Выслушав указания царя, Волков с Демьяновым переглянулись, и бригадир сказал Петру:

— О, том как все на деле случится, того мы с Лукой знать не можем. Но знаем одно — во имя виктории нашей животы свои положим не моргнувши!

— Животы свои вы для будущих баталий поберегите, — усмехнулся

государь, — а вот викторию мне сегодня добудьте!

— Добудем! — дружно вскинули головы русский бригадир и славонский капитан.

Из записей генерал-адмирала Ф.М. Апраксина о Гангутской баталии: «Генерал-адмирал рассудил за благо и трудился, чтоб со всеми скампавеями идти и случиться с ними... Прибыли о полудни и увидели неприятельский атакованный фрегат, стоящий на якоре, и при нем, но обе стороны в линии по одному шхерботу и по три галеры... Г. генерал-адмирал учредил флот к бою последующим образом: от авангардии, под командою г. шаутбенахта корабельного и генерала г. Вейда, с правой стороны для абординирования неприятельских галер на 9 скампавеях помянутый г. генерал Вейд и капитан-командор Змаевич; с левой стороны столькими ж скампавеями генерал-адъютант Ягужинский...»

Помимо всего прочего Петр в последний момент особенно усилил солдатами по сравнению с отрядом центра галеры левого и правого флангов. Сделано это было по той причине, что, по замыслу царя, атакующие должны были начинать захват шведских судов именно с фланговых, продвигаясь оттуда к центру, чтобы уже стоящий в середине шведской позиции сильнейший «Элефант» атаковать в последнюю очередь и сразу со всех сторон. Именно поэтому он включил во фланговые отряды и некоторое число полугалер с более сильной, чем у скампавей, артиллерией. Помимо атаки с фронта в обход острова, к которому примыкал фланг шведской позиции, то есть в тыл отряду Эреншельда, Петр послал четыре скампавей под командой подполковника Лефортовского полка Даниила Порецкого. По замыслу Петра, они должны были зайти «вкруг острова в тыл швецких судов», а потом неожиданно атаковать противника с тыла, тем самым облегчив нашу фронтальную атаку.

Из четырех командиров галер, отряженных в обход, самым опытным и толковым был Семен Мозалевский, воспитанник генерала Вейде, начинавший службу сержантом в Лефортовском полку. Мозалевский прошел всю войну, начиная с поражения под Нарвой, участвовал и в Полтавской битве, и в Прутском походе. Вейде инструктировал своего любимца лично.

— Ты, Семен, уж меня не подведи перед государем! — говорил генерал на прощание. — Вдарь шведу в спину, да так, чтобы труха из него посыпалась.

— Обещаю! — мотнул головой Мозалевский. — Вдарю так, что враз всех своих мамок забудут!

Главные же силы нашего гребного флота расположились на некотором расстоянии от авангарда, образуя, таким образом, как тактический резерв. К 14 часам пополудни все приготовления к бою были закончены.

* * *

Скампавеи авангарда под общим началом Петра заняли позицию для атаки в полумиле от противника. Командиры фланговых отрядов Змаевич и Дамиани из-за узости фиорда расположили свои галеры в два ряда. Это было неудобно, но что поделать! Остальные семьдесят пять галер под начальством Апраксина представляли собой резерв, расположившийся позади.

Как было впоследствии выявлено по документам, Петр сумел обеспечить 4-кратный перевес в численности личного состава на атаковавших шведов с фронта 23 полугалерах и скампавеях. Документально подтверждено участие в сражении 3925 сухопутных и морских чинов. Можно предположить, что еще некоторое небольшое число участников баталии по разным причинам оказались не учтенными в документах. Созданное Петром столь значительное преимущество в людях сыграло решающую роль и на заключительном этапе баталии, когда неприятельские суда брались на abordаж.

Несмотря на полное общее превосходство в силах, из-за узости фарватера в бою с нашей стороны могли участвовать не более двадцати трех скампавеи. Это означало, что сотне шведских орудий мы могли противопоставить всего двадцать три носовые пушки, притом куда более мелкого калибра, чем шведские.

Перед тем как дать сигнал к атаке, Петр вызвал к себе генерал-адъютанта Ягужинского.

— Поезжай на «Элефант», предложи, от моего имени, шаутбенахту шведскому почетную сдачу. Хотя я в сие и не слишком верю, но попытка, как говорится, не пытка.

Ягужинский обернулся скоро, сообщил, что Эреншельд от сдачи отказался наотрез, заявив, что его люди свою жизнь отдадут задорого.

— Ну и ладно, — только и кивнул Петр, велел созвать всех командиров авангардного отряда на флагманскую галеру.

Прибыли капитан-командор серб Змаевич, Яков Волков (из потешных), командир галеры «Красотка» Тихон Булатов, капитан Ингерманландского полка Бакеев, да галерный капитан Федотов. Все

серьезные и напряженные.

Речь Петра не была долгой. Напомнил капитанам о былых ратных делах от Азова до Полтавы, призвал освятить славу русского флота перовой большой победой.

— Не посраим знамени русского! — отвечивал ему бригадир Волков.

— Били на земле, побьем и на воде, экое дело! — поддержал Волкова капитан Бакеев.

— Смерть примем, а сраму не бывать! — заверили остальные.

— Тогда будем с Божией помощью начинать! — перекрестился царь, отпуская капитанов по галерам.

Получив от Эреншельда отказ от капитуляции, Апраксин велел поднять на тринкетовой рее своей флагманской полугалеры «Святая Наталия» синий флаг, с холостым выстрелом из пушки. Тринкетовая рея — это рея на передней, меньшей по размеру, мачте, которая на галерах в отличие от корабельной фок-мачты именовалась тринкетом. Синий флаг являлся сигналом немедленной атаки галерам авангардии. Из записей генерал-адмирала Ф.М. Апраксина о Гангутской баталии: «Было направлено предложение к командиру... шведскою эскадрою шаутбенахту Эреншельду, чтоб... отдался без пролития крови, но онный отвечивал, что того учинить не может. Тогда, видя их упорство, г. генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей, поднятием синего флага... с единым выстрелом из пушки, оного атаковать...»

Об историческом сигнале Ф.Ф. Апраксина подробно написал в свое время историк П.А. Кротов: «Значение вышеназванного сигнала раскрывается в изданной в Петербурге накануне открытия кампании 1714 г., 7 апреля, для офицеров галерного флота карманной книжке “Генеральные сигналы, которые чинены будут во флоте его царского величества Всероссийского Петра Первого от генерала-адмирала на весь флот гребных судов”. Седьмой пункт книги гласит “Когда адмирал-генерал похочет, дабы авангардии итить или послать по рассмотрению на обдордирунг к неприятелю, тогда будет поднят один флаг весь синей у тринкетовой андривели (то есть на канате, закрепляющем косую рею передней мачты. — П.К.), и райна тринкетовая к баталии поднята будет, и выстрелит из одной пушки”. Описание этого сигнала было включено и в приложение к “Морскому уставу” (1720 г.). Выяснение точного смысла сигнала с полугалеры “Св. Наталия” также дает еще одно доказательство того, что атака шведской эскадры проводилась силами одного авангарда, а не всего галерного флота, как утверждали К.Г. Торнквист, Ф.К. Росваль и другие

историки. Если бы генерал-адмирал хотел дать приказ, чтобы “все три генералные эскадры пошли на приступ к неприятелю”, он дал бы другой сигнал — поднял царский штандарт на флагштоке тринкетовой мачты, распустил при этом генерал-адмиральские флаги, приказал бы бить в барабан и литавры сигнал “в поход”, играть на трубах и одновременно дать 3 пушечных выстрела».

Фланги боевого построения своего флота Петр усилил артиллерией и людьми за счет введения в их состав полугалер. Так на шести галерах левого фланга русского боевого порядка находилось 1273 офицеров и солдат. Командовал ими бригадир М.Я. Волков. Кроме этого на галерах находились еще и несколько десятков моряков.

Историк П.А. Кротов пишет: «Исходя из штатной численности экипажей скамповей того времени в 150, а полугалер в 250 сухопутных и морских чинов, следует полагать, что на левом фланге из шести судов четыре или пять являлись полугалерами, одна или две — скамповеями. На шести галерах правого крыла под командой генерал-майора И.И. Бутурлина находился 1461 человек лишь сухопутных чинов. Учитывая присутствие на этих галерах еще некоторого количества моряков, следует весьма уверенно предполагать, что правый фланг россиян образовывали шесть полугалер, штатная численность экипажей которых равнялась именно 1500 человек. На 11 скамповеях среднего отряда, вытянутых в линию между двумя выдвинутыми вперед фланговыми отрядами, находился неполный комплект личного состава. Такое сознательное “ослабление” команд этого отряда объясняется той ролью, которую отводил ему в предстоявшем сражении Петр I, — артиллерийский обстрел прижатого к горе Рилакс отряда Н. Эреншельда и в дальнейшем абордаж силами всех 11 скамповей одного прама “Элефант”.

Атака началась 2 часа пополудни и продолжилась до 5 часов. В своем походном дневнике Араксин записал: “... хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однако ж по зело жестоком супротивлении первой галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили; однако ж так крепко стояли, что ни единое судно без абордирования от наших не отдалось”».

Итак, все сомнения и переживания уже остались позади — впереди был бой, который должен был решить, кому победить, а кому погибнуть.

Глава двенадцатая.

БАТАЛИЯ ПРЕЖЕСТОКАЯ

После того как на генерал-адмиральской полугалере прозвучал пушечный выстрел и на тринкетовой рее взвился синий флаг, начался первый этап сражения — артиллерийский бой. Пока галеры окончательно выходили на рубеж атаки, перестрелка сделалась всеобщей и весьма ожесточенной. Это и понятно: если наши стремились в ходе артиллерийского боя выбить как можно больше орудий противника с тем, чтобы обеспечить себе успех последующей атаки, то шведы, наоборот, пытались нанести здесь как можно больше повреждений нашим галерам и если не сорвать готовящуюся атаку, то по крайней мере максимально ее ослабить. В целом историки считают, что начальная артиллерийская перестрелка со шведами хотя и не привела к их сдаче, но тем не менее создала лучшие условия для абордажа на заключительной стадии сражения, чем это могло бы быть при отсутствии артиллерийской поддержки, и сократила число потерь с нашей стороны.

Точных данных о повреждениях наших судов от неприятельского огня в начальной стадии сражения мы не имеем. Относительно шведов известно, что уже в ходе перестрелки от русских ядер дважды возникали пожары на шведском флагмане праме «Элефант». Данный факт говорит о том, что, во-первых, огонь был весьма действенным. А во-вторых, стреляли наши не абы как, а сосредоточились на вполне конкретной цели — неприятельском флагмане.

Так как ветра не было, черный пороховой дым буквально стелился над водой, мешая и маневрированию, и прицельной стрельбе. Местами он был столь густым, что нельзя было даже разглядеть шлюпки рядом с галерами. «Был от стрельбы дым великой», — писали очевидцы. Впрочем, и это было нашим на руку, так как при сближении галер с противником дым в какой-то мере прикрывал от прицельного огня.

При этом уже в ходе атаки огонь все равно не прекращался. Гребные суда, не выделенные для атаки, продолжали весьма частый огонь до момента сближения атакующих с обороняющимися. Причем этот огонь был достаточно эффективен. Так, по свидетельству очевидцев, уже перед самым абордажем «пламя... вспыхнуло на праме в третий раз».

Итак, одновременно с началом артиллерийского боя шесть

авангардных скампавей, стоявших на флангах, одновременно двинулись в атаку на фрегат «Элефант». Налегая на весла, гребцы-преображенцы и семеновцы разгоняли суда, чтобы как можно скорее проскочить простреливаемое расстояние до шведов. Вслед за фланговыми устремились сквозь густой дым, обволакивающий Рилакс-фиорд, и остальные семнадцать галер.

Сблизившись со шведскими кораблями, наши канониры открыли артиллерийский огонь. Солдаты абордажных партий непрерывно палили из ружей.

Разумеется, что контр-адмирал Эреншельд прекрасно видел все действия русских, но не открывал огня до тех пор, пока атакующие суда не вышли на дистанцию огня.

Едва первые скампавеи достигли дистанции полета ядра (300–400 метров), как тридцать шведских пушек «Элефанта» ударили одновременным залпом. Чтобы нанести как можно большее опустошение, неприятель бил картечью. Свинцовые пули нашли щедрую поживу среди сидящих за веслами гребцов. Чтобы не терять темпа хода, убитых и раненых сразу же заменяли солдатами абордажных партий.

Вслед за прамом стрельбу начали галеры «Лаксен», «Геден», «Валфиш» и «Эрн», а за ними — все остальные шведские суда. Более 50 орудий в упор расстреливали приближавшиеся галеры. Несмотря на ожесточенный обстрел, наши гребные суда продолжали идти вперед, ведя ответный огонь.

Увы, артиллерийское превосходство противника сказалось очень быстро. Шведские ядра причиняли большие повреждения русским галерам. С каждым выстрелом увеличивалось количество убитых и раненых. На одной из передовых галер был тяжело раненный бригадир Волков, командовавший правым флангом авангарда. Были убиты капитаны Иван Ерофеев и Иван Полтинин.

Следует отметить, что Петр I сумел создать превосходство в силах на главном направлении, сосредоточив против флагманского судна противника сразу одиннадцать галер, а ударами по флангам исключил из действия часть артиллерии противника. Эреншельд решил, что со стороны русских последует фронтальный удар, но просчитался. Петр и тут переиграл шведского флагмана

Да, шведы наносили нам немалый урон. Но отвечали и наши, причем видно было, как на шведских судах рушатся реи и мечутся люди. Урон противник тоже потерпел немалый.

Видя происходящее, к царю подступили советчики:

— Может быть, дать сигнал к абшиду? Тот лишь зло сверкнул глазами. Обернувшись же к стоявшим поодаль барабанщикам и трубачам, крикнул:

— Бить и трубить атаку беспрестанно!

Снова ударили в барабаны, затрубили в трубы. Скампавеи по-прежнему продолжали свой бег навстречу несущимся ядрам. Чтобы скампавеи не сбились с пути, флотские и армейские начальники сошли в шлюпки и, лидируя, с обнаженными шпагами, повели их в атаку на фланговые суда противника.

Разумеется, Эреншельд сразу же понял новый замысел. Увы, в данном случае шведы уже ничем не могли помочь своим фланговым судам. Нарушить же установленный строй было для Эреншельда верной гибелью.

Когда первые скампавеи в бешеной гребле подскочили к двум фланговым шведским галерам, наши матросы и солдаты со всей яростью кинулись на abordаж. Шведы пытались защищаться. Слов нет, сражались они храбро, но русского натиска выдержать им было не суждено.

А наши уже перескочили на вражеские палубы. Там они сразу начали вовсю орудовать штыками и тесаками, отбивая одну сажень за другой. Резня была сумасшедшей. И наши, и шведы дрались отчаянно. Место павших тут же заступали новые и новые. Впереди остальных храбрец бригадир Яков Волков, уверенно орудуя шпагой, пробивался к кормовому помосту, где метался шведский капитан. Но дойти до помоста Волкову не удалось. В очередной схватке он получил удар кинжалом и раненный упал на палубные доски.

Взбешенные раной своего любимого командира, наши еще прибавили, и вскоре шведы запросили пощады. Но остановить удалось не всех и не сразу. В результате живыми остались лишь девятнадцать раненых и насмерть перепуганных шведов, успевших в самый последний момент спастись шлюпкой на соседний шхербот. Все остальные были уничтожены.

Еще несколько минут, и вот уже на втором фланговом судне Эреншильда взвизгивает Андреевский флаг.

А дальше началось то, чего шведский контр-адмирал не мог представить и в страшном сне. От флангов русские скампавеи начали перемещаться к следующим ближайшим судам и атаковать их на abordаж, практически не подвергаясь пушечному огню, так как те продвигали вдоль линии дуги. Вот и следующие шведские галеры уже взяты на abordаж.

Впрочем, оправившись от неожиданной русской тактики, шведы теперь дерутся все более и более отчаянно, превращая каждое судно в настоящий бастион. Артиллеристы наконец-то развернули пушки, которые в упор поливают картечью наших храбрецов.

Дистанция пальбы была столь ничтожна, что преображенцев и семеновцев разрывало даже не ядрами, а пороховым духом! Зрелище это было ужасное — был человек, мгновение, и его уже нет! В походном журнале Петра Великого осталась следующая запись: «Воистину нельзя описать мржество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны». Таков был накал этого сражения!

Самым кровопролитным для нас был именно начальный период атаки, когда галеры мчались к шведским судам под их ожесточенным огнем. Когда до неприятельской боевой линии осталось совсем немного, наши начали палить из ружей и пистолетов, чтобы выбить как можно больше противника перед неизбежным абордажем. Командиры галер в узком фиорде уверенно вели свои суда, направляя их к крайним шведским кораблям, отчаянно маневрируя под выстрелами.

Вскоре передовые суда сблизились со шведами вплотную. Сквозь дым, огонь и грохот можно было уже различить крики шведов. В начале пятого часа пополудни сразу несколько галер вплотную сошлись галерами левого фланга шведской линии. На шведскую галеру «Транан» перескочили первые солдаты-преображенцы. Все они тут же были перебиты. Но вслед за ними на палубу вражеского корабля уже врывались новые и новые. Натиск был так стремителен, что команда «Транана», не выдержав боя, сложила оружие. Первое шведское судно спустило флаг.

И все же наши нажимали и нажимали! Вот еще две захваченные галеры выкинули русские флаги, а шлюпки с гвардейцами уже атакуют следующие в линии суда.

В окуляры зрительной трубы генерал-адмирал Апраксин отчетливо видел, что, потеряв надежду на успех, шведы, уже во все большем количестве, бросали свои галеры и уходили на шлюпках соседние суда, но лишь для того, чтобы затем бежать дальше и дальше...

Когда же шведская дуга, усеченная с флангов лихой абордажной атакой, укоротилась более чем вдвое, повеселевший Петр махнул рукой:

— Бить общую атаку!

На галерах этого только и ждали. Меньшую часть скамповей многоопытный Змаевич направил против двух последних еще оставшихся на флангах галер, остальные бросил в атаку на «Элефант». Наступил апогей сражения.

Вслед за «Трананом» одна за другой были взяты на абордаж галеры «Эрн», «Грипен», «Лаксен», «Геден» и «Валфиш».

— Правая табань! Левая на воду! — кричали на наших скамповеях, стремясь сманеврировать так, чтобы подойти вплотную к неприятельским судам и при этом не столкнуться между собой.

— Береги весла, мать твою!

Но вот еще одна скампавея ткнулась носом в борт шведской галеры:

— Шабаш!

А офицеры уже выхватили шпаги и первыми перепрыгнули на вражеские палубы:

— Вперед, ребята! На абордаж!

На палубах шведских галер отчаянно дрались как солдаты Семеновского, Нижегородского, Великолуцкого, Галицкого, Гренадерского и других полков, так и бросившие весла гребцы — тоже солдаты. «Воистину нельзя описать мужества российских войск как начальных, так и рядовых», — говорил Апраксин. «Абордирование так жестоко чинено, — отмечается в журнале Петра, — что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны».

Вскоре все прикрывавшие фрегат «Элефант» суда были захвачены. Но Эреншельд сдаваться не собирался. Часть шведских матросов перебралась с галер на флагман и продолжили сопротивление во главе с контр-адмиралом Эреншельдом и капитаном Сундом.

* * *

Десяток наших скампавей на самой предельной гребле, какую только могли выдержать мускулы и сердца гребцов, рванулись к флагманскому праму Эреншельда. На праме бушевал пожар. Отчаянные попытки шведов не допустить абордажа не удались. К этому времени фрегат был полностью окружен галерами. Затем начался ожесточенный рукопашный бой. «Элефант», как настоящий слон, отбивался всеми своими восемнадцатью орудиями. Впереди на утлых шлюпках, каждый ведя свои суда, стояли под пулями и ядрами командиры. Первый же залп неприятеля был на редкость точен. Сразу две скампавеи резко сбавили ход. Там творилось страшное — ядра и картечь буквально смели столпившихся на палубе солдат. Палубы были залиты кровью. Надрывно кричали раненые и покалеченные. Но даже отстав от остальных, поврежденные скампавеи продолжили свой дерзкий бег.

Пока шведские бомбардиры перезаряжали свои пушки, все десять скампавей уже врезались в борт «Элефанта». Офицеры и солдаты кинулись

яа борт неприятельского судна. За ними следом, бросив осточертевшие весла, — и гребцы.

Солдаты забрасывали на борт фрегата особые абордажные лесенки с крючьями и, пока шведы их не отцепили, карабкались наверх. Первых, как правило, тут же расстреливали в упор, поднимали на пики, рубили палашами, но уже лезли вторые, третьи, четвертые...

Одним из первых бросился на приступ «шведского слона» бывший адмиралтеец Наум Сенявин, но был тут же сброшен вниз и, упав на палубу скампавей, сильно расшибся.

Первым взобрался на борт фрегата молодой капитан Бакеев.

За плечами капитана ингерманландцев С.Г. Бакеева — весьма достойный послужной список. Служить он начал еще в 1697 году, причем в кавалерии, и только потом был переведен в Ингерманландский полк. В его составе Бакеев участвовал в Полтавской битве и в осаде Риги и в Прутском походе, осаждал крепости Тоннинг, Штеттин и вот теперь Гангут.

Рядом по соседней лесенке уже лез друг и соперник Лешка Федотов, капитан галеры «Азов».

— Виват, Бакеев! — увидев капитана, крикнул он, карабаясь вверх.

Но переговариваться было недосуг. Сверху мимо пролетел убитый солдат, следом еще и еще. Вот полетели сразу двое — сцепившиеся насмерть русский и швед — и над обоими сомкнулись волны. Шведы по-прежнему дружно стояли вдоль борта и упорно оборонялись, отбрасывая канатные крючья, поражая карабкавшихся наверх из фузей и пистолетов. Особенно настырных били уже холодным оружием.

Но Бакеев уже перебрался на палубу, где с несколькими солдатами защищал от нападавших шведов верхний конец своей лесенки. А наверх выбирались все новые и новые преображенцы и матросы, которые тут лезли в общую драку.

Ближе к корме шведам все же удалось отбросить атакующих, но ненадолго. Но почти сразу последовала новая, еще более яростная, атака.

Взбираясь по канатам, цепляясь за каждый выступ, они все же пробивались наверх. Но всякий раз шведы сбрасывали их назад, то в воду, то на палубу скампавей, нанося им тяжкие увечья, а иных поражая насмерть. На смену поврежденным тотчас же лезли новые бойцы, в еще более яростном стремлении овладеть шведским фрегатом

Опять отличился капитан-командор Змаевич, особенно спешно атаковавший шведов своими галерами на правом фланге. Командовавший на левом крыле отрядом из трех скампавей (что соответствовало батальонному рангу) подполковник Нижегородского полка Яков Бордовик

уже было изготовился к началу атаки, когда к нему на галеру прибыл полковник Рязанского полка Иоганн фон Равенштейн.

— Надлежит вам немедленно сойти в шлюпку и дать последние указания капитанам двух своих скампавей, чтобы оные в бою шли порядочно! — велел Равенштейн. — И поторапливайтесь! Скоро атака!

— А кто же будет командовать здесь? — поджал плечами Бордовик.

— Вот офицер, он и будет командовать! — кивнул полковник на стоявшего поодаль капитана Камола.

Не слишком охотно, но Бордовик все же спустился в шлюпку, и та отошла от борта, чтобы обойти остальные две галеры. Однако едва подполковник покинул галеру, как прозвучал сигнал к немедленной атаке. Учитывая скученность галер, медлить было уже никак нельзя. Если не дать команды идти вперед — значит, создать неразбериху, так как стоявшие сзади галеры уже забирали ход. Если же приказать идти в атаку, значит, самому остаться вне боя. Впрочем, Бордовик не растерялся.

— Не теряй времени! Давай, правь прямо на шведский корабль, что стоит в центре! — крикнул он капитану Камолу. — Я же нагоню тебя на шлюпке и перескочу на борт!

Однако дальше же события развивались таким образом, что в дыму, пальбе и неразберихе боя Бордовик смог вернуться на свою галеру только перед самым абордажем. Впрочем, стоя на носу шлюпки с обнаженной шпагой, он, как мог, все же командовал своими галерами.

Разумеется, что отсутствие командира на борту галеры сказалось на управлении, и та подошла к «Элефанту» несколько позднее остальных. К моменту ее подхода вся палуба шведского прама была уже буквально забита дерущимися людьми, «утеснение» было таково, что многие не могли забраться, ожидая своей очереди вступить в драку. «От тесноты многие падали с фрегату в воду», — писал очевидец. По этой причине в абордажном бою с бордовиковской галеры успели принять участие не более двух десятков человек.

Как оказалось, во время сближения кто-то увидел, что Бордовик находится не на своем судне, а в шлюпке, которая идет позади самой галеры, и после боя об этом доложили Петру. Царь велел разобраться, а не трус ли этот подполковник Бордовик. Расследование провели быстро. Опросили и полковника Равенштейна, капитана Камола и бывшего на той же галере поручика Нижегородского полка Нетельгорста. Опросили даже гребцов со шлюпки, в которой находился Бордовик. Последние, кстати, показали следующее: «В шлюпке поехал к скампавеям команды своей и, обнажа шпагу, стал управлять и приказывать скампавеям, чтоб шли

порядочно и поспешали к делу, а как стали приставать, из мелкого ружья первая стрельба зачалась, и тогда господин подполковник взошел на скампавею...» После этого все обвинения с подполковника Бордовика были сняты.

Что касается галер подполковника Порецкого, то они до конца своей задачи так и не выполнили. Впрочем, вины самого Даниила Порецкого в том не было. Дело в том, что посланные в тыл шведам четыре галеры, огибая остров, перед которым расположилась шведская эскадра, продвигались в лабиринте шхер практически вслепую, так как никаких лоцманов у Порецкого не было и в помине, а местные воды на галерах никто из наших, разумеется, не знал. Боязнь потерять на многочисленных подводных камнях галеры заставила Порецкого идти самым малым ходом, порой высылая вперед промерщиков, буквально на ощупь, пробираясь по узкому и извилистому шхерному фарватеру.

Впрочем, передовая галера его отряда под началом капитана галерного флота Миющика и капитана Лефортовского полка Мозалевского все же успела к финалу сражения и приняла участие в общей свалке у «Элефанта», атаковав его с тыльной стороны. Как и обещал Мозалевский, он не подвел! Другие же «к потребе не успели». Таким образом, пусть не полностью, но посыл четырех галер в тыл шведам все же себя в определенной мере оправдал.

...Вот на палубу «Элефанта» взобрался и сам шаутбенахт Петр Михайлов, не привыкший быть в стороне от жаркого дела. Вместе с верными преображенцами Петр пробился к корме, привычно орудуя шпагой. Рядом с ним, прикрывая царя, — верный Ягужинский.

Смерти в бою Петр никогда не боялся. Во всяком случае, он никогда не демонстрировал страха перед ней перед подчиненными. К примеру, когда вице-адмирал Крюйс в 1713 году посоветовал царю не идти в опасный поход от Котлина в Ревель из-за находящегося в Финском заливе шведского флота. На это Петр раздраженно ответил Крюйсу, что люди и без морского боя легко погибают. Крюйс убеждал, что где-то взорвался и погиб корабль со всеми людьми, на это Петр отвечал:

— Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили.

Крюйс рассказывал, что шведский корабль «Трекрунор» некогда «порохом подорвало». На это Петр сыронизировал:

— Окольный Засекин свиным ухом подавился. Крюйс цитировал царю знаменитого адмирала Тромпа:

— Счастье и несчастье в баталии часто состоит всего в одной случайной пульке!

На это Петр твердо отвечал:

— Бояться пульки — не идти в солдаты. А кому деньги дороже чести, тот оставь службу!

И вот теперь, при Гангуте, Петр снова не утерпел сидеть на скамповее в тылу и лично возглавил своих солдат.

* * *

... А на «Элефанте» шаг за шагом наши уничтожали и теснили шведов. Раненый Эреншельд защищался мечом, стоя у трапа Видя, что все кончено, он бросился за борт, но был спасен все тем же неутомимым капитаном Бакеевым.

Тем временем один из наших матросов, вскарабкавшись на мачту «Элефанта», сдернул с нее сине-желтый шведский флаг. Не видя флага, шведы начали бросать оружие.

Взятый на абордаж шведский фрегат «Элефант» сдавался на милость победителю.

Надо отдать должное шведскому флагману. Эреншельд дрался во главе со своими матросами. Когда в один из моментов боя наши было подожгли фрегат, он лично возглавил тушение пожара, первым бросившись в огонь.

Едва верхняя палуба оказалась в наших руках, Петр велел найти живым или мертвым шведского контр-адмирала, потушить пожар, перевязать раненых, обезоружить пленных и приставить к ним охрану.

Оглянувшись на стоявшие позади шведской боевой линии три последних шведских шхербота Там тоже уже затихал бой и по фалам ползли вверх победные русские флаги.

Над заливом еще клубились облака порохового дыма. В воздухе остро пахло потом и кровью, но Гангутская баталия уже стала достоянием истории.

А затем нашли и шведского командующего. По одной из версий, раненого Эреншельда верные офицеры спустили в шлюпку и попытались в неразберихе боя прорваться к основным силам Ватранга Но не случилось. Шлюпку заметили, остановили и шведского контр-адмирала пленили. Кривясь от боли, он отдал свою шпагу гордому и счастливому Петру.

История с пленением шаутбенахта Эреншельда весьма мутная. По официальной шведской версии, контр-адмирал «дрался аки лев» и, будучи уже раненым, в обгоревшей одежде, поспевал всюду, руководя обороной прама и вселяя храбрость в сердца подчиненных. В разгар боя, когда

русские галеры уже окружили одинокий «Элефант» и вот-вот должен был начаться абордаж, в котором у шведов не было уже ни одного шанса устоять, один из офицеров якобы не выдержал и бросился к стоящей с тылового борта шлюпке, чтобы бежать на берег. Увидев это малодушие, Эреншельд побежал к фалреп-трапу, чтобы задержать труса. Но у трапа, получив еще две раны в левое бедро и в руку, упал. Но упал Эреншельд не просто так, не на палубу, а почему-то перевалился через фальшборт, да еще вниз головой. Впрочем, и до воды он не долетел, а остался висеть между небом и водой, запутавшись в оборванном такелаже. Так он и бился, как пойманная муха в паутине, пока его не вытащили оттуда наши солдаты. Что и говорить, картина не слишком героическая...

Из хроники сражения: «В ту самую минуту, как Эрен-шилль, готовясь отразить сей новый напор, хотел схватить одного из своих подчиненных, который думал бежать на шлюпке, он вдруг упал за борт, пораженный картечью в левую руку и ногу. Смятение быстро сообщилось по всему отряду шведов, русские бросились и овладели судами. По взятии прама нашли шведского адмирала до половины в воде, истекшего кровью, но по счастью, запутавшегося ногой в веревку, не допустившую его утонуть».

При этом, несмотря на столь героическое падение шаутбенахта в тенета, есть определенные подозрения, что Эреншельд на самом деле не гнался ни за каким мифическим офицером, а сам пытался спастись от неизбежного плена на шлюпке, да не успел и попал в сети...

Ф.М. Апраксин о пленении контр-адмирала Эреншельда написал в своем дневнике следующее: «Шаутбенахт, опустья флаг, вскочил в шлюпку с своими гренадеры и хотел уйти, но от наших пойман, а именно Ингерманланского полку от капитана Бакеева с гренадеры». Эта версия полностью противоречит легенде о храбром шведском шаутбенахте, который возвращал в строй трусов и сам попал в плен лишь тогда, когда не имел уже никакой возможности сопротивляться. При этом важная деталь — по шведской версии, «Элефант» был пленен без участия повисшего в такелаже Эреншельда, который, надо понимать, никакого отношения к сдаче прама не имел. По версии же Апраксина, все выглядело совсем иначе — и флагман свой сдал, и, пытаясь удрать, был пойман отважным капитаном Бакеевым и его гренадерами.

Что и говорить, приемы информационной войны весьма эффективно использовались еще в начале далекого XVIII века. Как было на самом деле, для истории так и осталось загадкой.

Весьма любопытно, как отнесся к привезенному к нему плененному шведскому контр-адмиралу Петр I. Из хроники сражения: «Замертво

привезен был Эреншилд на галеру Вейде, где государь сам употребил все усилия возвратить жизнь храброму своему пленнику. Первый предмет, представившийся взору адмирала, был государь со слезами на глазах, расточающий о нем нежнейшие попечения, и первое движение государя в радости было расцеловать окровавленное чело героя».

Что и говорить, велик был царь Петр не только по своему историческому эпитету, но был и велик, и благороден в отношении к своим противникам. Ценил царь Петр людей достойных и храбрых, по той причине, что и сам являлся таковым.

...Итак, после трехчасового боя стрельба стихла. Наши овладели последними шведскими судами — «Элефантом», шхерботами «Мартан», «Симпан» и «Флюндран». В плен было захвачены сотни и сотни шведов во главе с самим Эреншельдом Это была несомненная победа

Только бросив палаш в ножны и утерев пот и копоть с лица, Петр вспомнил, что сегодня день памяти святого Пантелеймона-целителя.

— Отныне сей день будем праздновать, как день первой нашей виктории морской! — объявил счастливый победой царь.

Из записей генерал-адмирала Ф.М. Апраксина о Гангутской баталии: «Атака началась 2-го часа пополудни и продолжалась... до 5-го часа... Хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однако ж по зело жестоком сопротивлении перво галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили... Однако ж... крепко стояли... Что взято от неприятеля людей и судов и артиллерии, також сколько побито и ранено, при сем — реестр: фрегат “Олифант”, на котором был шаутбенахт; галеры “Эрн”, “Трана”, Трипен”, “Лаксен”, “Геден”, “Вальфиш”; шхерботы “Флюндран”, “Мартан”, “Симпан”. Пушек — 116».

Из хроники событий: «Того же числа, кой час оная баталия окончилась, без всякого медления, г. генерал-адмирал учинил сигнал идти со всеми судами к Гангуту, дабы неприятель не мог в том месте флотом своим заступить... Ночевали близ Гангута, где наш был караул, куда и завоеванные суда все приведены... Послан указ капитан-командору Сиверсу, чтобы со всеми оставшимися судами в Твермине и с людьми и с провиантом шел к кирке Экенес и прамы и шняву с собой взял, дабы неприятель флотом своим не отрезал».

* * *

Во всех традиционных трудах историков, где подробно рассматривался

ход боя 27 июля 1714 года, говорится, что первые две лобовые атаки русского флота были отбиты мощным перекрестным огнем шведской артиллерии и только третья атака, направленная из-за боязни огня прама «Элефант» на фланговые галеры шведов, завершившаяся последовательным абордажем шведских судов, принесла победу русскому флоту. Говоря более откровенно — наши просто задавили своей массой храбрых, но малочисленных шведов.

Можно вполне понять шведских историков, которые сочинили легенду про три атаки, так как это хоть как-то скрашивало для них позорное поражение шведского флота. Однако трудно понять наших историков, которые вот уже на протяжении почти трех веков слепо повторяют шведскую версию, не только принижая, но и унижая при этом подвиг своих пращуров. Трудно понять почему, но, веря шведскому коллеге, наши историки почему-то совершенно проигнорировали походные журналы Петра и Апраксина, где однозначно говорится об одной атаке.

Первым, документально доказавшим всю нелепость легенды о трех атаках, был доктор исторических наук П.А. Кротов, обосновавший в своей монографии «Гангутская баталия 1714 года» (СПб.: Лики России, 1996) всю бездоказательность шведской версии.

Впрочем, шведская версия, может быть не слишком выражено, но все же игнорировалась рядом отечественных историков и ранее. Так, академик Е.В. Тарле писал о ходе Гангутского сражения следующее: «Бой начался в 2 часа дня страшной артиллерийской стрельбой с обеих сторон. Русские пошли на абордаж. Петр находился в центре боевых действий. Через 3 часа боя, кончившегося рукопашной на палубах шведских судов, шведы сдались. Тяжко раненный, истекающий кровью шаутбенахт Эреншильд был взят в плен. Вся эскадра Эреншильда попала в руки русских». Ни одного слова о мифических трех атаках, как мы видим, в его описании нет.

Однако именно П.А. Кротов, детально разобравшись в хитросплетениях Гангутского сражения, первым сделал для многих доказательный вывод, что при Гангуте не было никаких трех последовательных атак шведского отряда, а имела место всего лишь одна генеральная атака, которая и завершилась победой. Я извиняюсь перед читателями за последующую длинную цитату, но без нее нам просто не понять развития событий при Гангуте. К тому же я не считаю возможным не привести всей логической цепи рассуждений П.А. Кротова, которая имеет принципиальное значение для пересмотра наших взглядов на Гангутское сражение в преддверии его 300-летия.

Итак, историк пишет «Помимо описаний Гангутской баталии в

походных журналах Ф.М. Апраксина и Петра I есть еще доказательства того, что шведы не отражали 2 атак российских галер. Хорошо осведомленный Я. де Би так писал парламенту Голландии 9 августа 1714 г. из Петербурга о действиях россиян после получения от Эреншельда отказа сдаться: "... со стороны русских началась атака, горячо продолжавшаяся до того времени, когда русские, приблизившись к неприятельским судам, окончательно всеми ими овладели". Это ценное свидетельство, поскольку получено оно было Я. де Би непосредственно от А.Д. Меншикова, которому, как уже было сказано, детали боя были известны из уст З.Д. Мишукова, прибывшего в Петербург с места сражения по поручению царя.

Кроме того, в походных журналах Ф.М. Апраксина, Петра I, в показаниях участников сражения упоминается только один сигнал для атаки шведов силами авангарда галерного флота (поднятие синего флага на тринкетовой рее с выстрелом из пушки) ... По нашему мнению, заявление Торнквиста, что шведам удалось отразить 2 лобовых атаки российских галер, — фальсификация. Она вписывается в круг тех сильных преувеличений, которые содержатся в его описании Гангутской баталии, согласуется с общей направленностью шведских сочинений на возвеличивание подвигов шведов в сражениях и одновременное принижение российской стороны. Любопытно, что с такой целью в «воспоминаниях» шведских пленников в России нередко применялся прием утращения. Д.М. Шарыпкин привел пример одного из сочинений такого рода: русские якобы трижды предлагали шведам сдаться под Переволочной в 1709 г., и лишь после троекратно повторенного предложения последние решились на сдачу, хотя в действительности это произошло по первому требованию. В "Экстракте о службах" командовавшего в 1714 г. арьергардом русского гребного флота генерала М.М. Голицына о действиях вверенных ему галер сказано: "...как у посланного на абординг генерала Вейде с неприятелем началось дело, и в то время по сигналу он с шквadroю ариергардии пригреб в сикурс, и неприятельские суда отдались". В "сказках" офицеров Второго гренадерского полка Г.Б. Нетесева и Т.М. Штока тоже имеются одинаковые записи: "в 1714-м году... во время взятия фрегату был командрован в сикурс в команде господина генерала и кавалера князя Михаила Михайловича Голицына". Однако в данном случае не подразумевается вступление в бой каких-либо галер, не входивших в состав авангарда под командованием Петра I. Приближение эскадры арьергарда к месту сражения было лишено даже демонстративного воздействия на неприятеля: шведы, скорее всего, его и не заметили, потому что густые клубы порохового дыма резко

уменьшали видимость. Кроме того, перед эскадрой арьергарда, ближе к месту боя, стояла еще эскадра кордебаталии под непосредственной командой Апраксина Действия этой части галерного флота кратко и ясно отражены в офицерских “сказках” 1720 г.: “когда обордировали фрегат и галеры швецкие, в то время стоял в линии на якоре, а на обордирунге не был” (бригадир И.А. фон Менгден), “в Ашуге при атаке швецкого фрегата и до взятия его был же и стоял с галерою во флоте в шквadre... генерала-адмирала графа Апраксина” (подполковник Вологодского полка П.И. Засецкий), “пришли швецкой карабелной флот и стояли под фрегатом”, “прошли швецкой флот и стояли под фрегадом”, “прошли швецкой карабелной флот и стояли у швецкого фрегата” (поручик А. Учителев, полковые профос С. Филатов и писарь Г. Зернов из Воронежского полка) и т.д. На гравюрах от 9 августа 1714 г., с изображением щита-транспаранта во время фейерверка 12 сентября 1714 г. и “План с прешпектом о бывшей акции...” тоже показано, что галеры кордебаталии во время сражения стояли в линию за местом боя (на них изображена лишь их первая линия).

В существующей литературе в качестве главной задачи россиян выдвигается захват шведских судов в абордажном бою, поскольку артиллерия галер авангарда якобы значительно уступала шведской. К примеру, Н.В. Новиков писал: “Обе первые атаки, после которых русские скампавеи вынуждены были отходить в исходное положение, показали, что фронтальная атака на неприятеля не обеспечивает возможности сойтись для абордажа, который являлся основной целью атакующих”.

...Сам ход атаки шведской флотилии, его тактическая организация требуют внимательного изучения. А.З. Мышлаевский, к примеру, высказал такой взгляд на тактику Гангутского сражения: “О маневрах или поддержке тыловыми эшелонами не могло быть и речи по недостатку места; было несложное фронтальное столкновение, в котором не могло быть применено тактическое искусство ни тою, ни другою стороною. Под жестоким огнем ядер и картечи два раза подходили скампавеи Вейде к противнику и два раза были отбиты. Наконец, подпираемые с тылу прочими судами, отчасти охватив противника с флангов, суда двинулись на абордаж”. Изучение документов, свидетельств участников баталии дает возможность по-иному оценить тактику российской стороны. Во-первых, как выше было показано, единственную атаку шведской флотилии галеры центра и флангов начали одновременно, что лишало шведов выгодной возможности сосредоточить огонь всех своих орудий только на том отряде, который попытался бы атаковать первым. Во-вторых, по словам уже упоминавшегося капитана Нижегородского полка М. Камола, после того как “из пушки выпалили

лозон (лозунг. — П. К.) до приступа”, то есть сигнал идти в атаку, всем 11 галерам центра было “повелено идти на фрегат” (фланговые отряды атаковали галеры шведов). Это принципиальная черта тактического замысла Петра I — ударить превосходящими силами, сразу же 11 скамповеями, по флагманскому кораблю противника, имевшему наиболее сильную артиллерию и высокие борта.

В-третьих, как ранее было документально доказано, Петр I особенно усилил личным составом по сравнению с отрядом центра левый и правый фланги. По нашему мнению, он включил во фланговые отряды определенное число полугалер с более сильной, чем у скамповей, артиллерией.

В-четвертых, как удалось выяснить, в ходе боя в Рилакс-фиорде в тыл эскадры Эреншельда по приказу Петра I были посланы 4 скамповей под командованием подполковника Лефортовского полка Д.А. Порецкого. Одна из них (командиры: капитан галерного флота А.Ф. Миющик и капитан Лефортовского полка С.С. Мозалевский) вступила в бой на завершающем этапе сражения, 3 же других “к потребе (бою. — П.К.) не успели”. Этот обходной маневр 4 скамповей, согласно найденному документу, был совершен “вкруг острова в тыл швецких судов”.

В существующей литературе вплоть до 1990 г. факт обходного маневра 4 российских скамповей в тыл шведам не был отмечен. Считалось, что расположение эскадры Эреншельда лишало россиян такой возможности. А. Мюнте, например, писал: “Эта позиция, бесспорно, была хорошо выбрана, ибо эскадра не могла подвергнуться нападению, как в обход флангов, так и с тыла, но только с фронта, где подобно настоящей крепости лежал прам”.

Описание маневра скамповей в тыл противника обнаружено нами в архивном документе — “ведении” А.А. Вейде от декабря 1714 г. В этом документе Вейде представлял к награждению золотыми медалями штаб- и обер-офицеров той скамповей, которая успела завершить обходной маневр и атаковать шведов с тыла. Приведем ниже текст этого важного источника “Ведение от дивизии моей Лефортовского полку и морского флоту офицерам, которые были на скампавее с подполковником Парецким во время потребы на море с швецкими судами сего 1714-го году июля 27-го числа в которую команду был послан с четырьмя скампавеями по указу царского величества вкруг острова в тыл швецких судов чрез генерал-адъютанта Павла Ивановича Егозинского (П.И. Ягужинского. — В.Ш.), о чем вышепомянутый господин генерал-адъютант засвидетельствует письменно за своею рукою. А протчие 3 скампавеи ево, Парецковой, команды к потребе не успели, и на оных обретающиеся офицеры здесь

никто упомянуты суть: морского флота капитан Миющик, Лефортовского полку капитан Сава Мозалевской, порутчики Борис Третьяков, Василей Конищев, прапорщик Яков Воинов”.

В марте 1720 г. названные офицеры Лефортовского полка в рассказах о своей службе (“сказках”) писали об этом примечательном эпизоде Гангутского сражения: “в 714-м году был на службе на галерах и командирован был к швецкому фрегату и галерам на приступ” (С.С. Мозалевский), “был на галере полку нашего с подполковником Порецким, и, как фрегат и галеры швецкия брали, и я на галере был в сикурстве” (Б.М. Третьяков), “в 714-м году командирован был к швецкому фрегату и галерам на приступ” (ВА Конищев), “как брали фрегад и галеры швецкие, и я при том был” (Я.Ф. Воинов).

Находившиеся на других скампавеях посланного в тыл шведам отряда ДА Порецкого офицеры также говорили о своем участии в этом обходном маневре: “галеры швецкие атоковали, и командирован я был з галерою в сикурства з господином подполковником Порецким” (Иван Федоров сын Чириков, в 1714 г. капитан, командовал скампавеей), “как фрегад и галеры швецкие отоковали, и я при том был, и камандрован я был з галерою в сикурс з господином подполковником Порецким” (Илья Федоров сын Чириков, в 1714 г. произведен в капитаны), “того ж числа взят швецкой фрегат и галеры, и я при том был и на той галере, которая была командирована в сикурс с капитаном Чириковым” (Г.Ф. Жемчужников, в 1714 г. аудитор), “я в команде был при отаке у господина подполковника Порецкова, и были в сикурсе, когда штурмовали фрегад, галеры швецкие” (Петр Федоров сын Чириков, в 1714 г. прапорщик).

Итак, свидетельства обходного маневра 4 скампавей в тыл противника в ходе боя 27 июля 1714 г. в Рилакс-фиорде весьма многочисленны.

Изучение тактического построения Гангутского сражения заставляет отказаться от взгляда на него как на “несложное фронтальное столкновение”, единственной хитростью которого являлся abordаж шведских галер, начиная со стоявших крайними на флангах, причем этот прием был якобы применен только после 2 отбитых шведами атак русских галер.

В сражении гребных флотов в Рилакс-фиорде Петр I предвосхитил главные черты маневренной тактики, созданной применительно к корабельному флоту великим русским флотоводцем Ф.Ф. Ушаковым в конце XVIII в. Расположение флотилии Эреншельда в одной из бухт Рилакс-фиорда с прикрытыми сушей флангами и тылом, казалось бы, не давало россиянам возможности употребить какие-либо тактические

приемы, навязать противнику невыгодный ему ход сражения, но Петр I блестяще справился с этой задачей».

* * *

Учитывая мощную доказательную базу П.А. Кротова, его версия представляется мне наиболее вероятной. Косвенно ее подтверждает и место, где состоялось само сражение. Даже неискушенному читателю понятно, что в узком пространстве, ограниченном со всех сторон каменными скалами, большая масса атакующих галер могла следовать лишь в одном направлении — только вперед. При малейшей попытке изменить вектор движения, не говоря уже о том, чтобы начать движение вспять, немедленно был бы нарушен весь боевой порядок, который в условиях малого водного пространства и огромной скученности быстро привел бы к всеобщей неразберихе. Мало того, галеры, как известно, управляются веслами, а потому сближаться вплотную друг к другу им весьма опасно, так как это вызовет уничтожение весел и как следствие этого потерю хода. Теперь только представим себе, что в реальности могло произойти, если бы атаковавшие галеры на самом деле повернули назад под огнем противника, тогда как сзади уже подходили галеры резерва? Пусть отходящие галеры даже не пытались при этом разворачиваться, так как, описывая циркуляцию, они вообще бы таранили друг друга, а отходили, работая веслами, кормой вперед, все равно и в этом случае они управлялись бы намного хуже, а при имеемой плотности боевого порядка нетвердо держащие курс галеры (да еще под сильным шведским огнем!) неминуемо начали бы сталкиваться, ломая друг другу весла. При этом, столкнувшись подобным образом хотя бы несколько галер, это сразу привело бы к всеобщей неразберихе, так как с потерявшими управление галерами начали бы сталкиваться новые и новые. В конечном счете образовалась бы лишенная хода и совершенно беспомощная масса дрейфующих галер, которую безнаказанно бы расстреляли шведы. Какая уж тут вторая, а тем более третья атака! Тут впору думать, как бы спасти погибавших! Разумеется, если бы подобное произошло при первой атаке, то ни о каких последующих вообще не было бы и речи, так как налицо было полное поражение. Заметим, что практически все крупные поражения галерных флотов во время сражений в узкостях всегда имели своей первопричиной именно первую неудачную атаку и последующий неорганизованный отход, который неминуемо вел к полному расстройству боевых порядков с

последующим разгромом. Именно так обстояли дела во время Саламинской битвы в морском сражении между греческим и персидским флотами в ходе греко-персидских войн, произошедшем в 480 году до н.э. близ острова Саламин в Сароническом заливе неподалеку от Афин. Тогда после первой неудачной атаки персы попытались на отходе перегруппировать свои силы, но сбившиеся в кучу их гребные суда были истреблены. Так обстояли дела и в битве при Акциуме в последнем морском сражении Античности между флотами Древнего Рима на заключительном этапе гражданских войн в 31 году до н.э. вблизи мыса Акциум (на северо-западе Греции) между флотами Марка Антония и Октавиана Августа. Тогда после первой неудачной атаки корабли Антония попытались перестроиться на отходе и были немедленно сметены атакой триер Агриппы. Именно так все произошло и в знаменитом сражении при Лепанто, в морской битве, произошедшей в 1571 году в Патрасском заливе у мыса Скодрофа между флотами Священной лиги и Османской империи. И тогда первая же отбитая атака турецкого флота на объединенный европейский флот вызвала полную дезорганизацию управления и как следствие этого разгром.

Кстати, историкам и читателям можно посоветовать обратиться и к описанию двух генеральных галерных сражений нашего флота на Балтике при Роченсальме, состоявшихся соответственно в 1789 и в 1790 годах. Если в первом случае, несмотря на ожесточенное сопротивление шведов, русские галеры упорно шли вперед, не считаясь с тяжелыми потерями, и тем самым вырвали победу, то во втором случае все вышло иначе.

В 1790 году наш гребной флот снова атаковал шведов при Роченсальме. Но на этот раз при попытке отхода под неприятельским огнем в узком пространстве и попытке перегруппировки своих сил возникший беспорядок, усиленный ненастной погодой, привел наш флот к фактическому разгрому. И все это лишь из-за того, что галеры повернули вспять и тем самым оказались совершенно беззащитными перед врагом.

Ситуация при Гангуте была практически аналогичной. А потому самое страшное, что могли сделать капитаны галер, — это пытаться под огнем противника отходить к главным силам, смешивая боевой порядок.

Сегодня трудно судить однозначно, но создается впечатление, что именно на такое развитие событий и рассчитывал Эреншельд. Логика его была проста: сосредоточенным огнем остановить атаковавшие галеры и заставить их начать отход, в ходе которого расстреливать сбившиеся в кучи гребные суда противника. После этого шведский шаутбенахт мог считать себя уже победителем. Диспозиция шведской эскадры говорит именно за то, что замысел шведского командующего был близок к нашей версии.

Однако заметим, что при Гангуте и у нас было весьма много опытейших галерных капитанов средиземноморских держав, прекрасно понимавших сложившуюся ситуацию и знавших тактические возможности своих судов, их сильные и слабые стороны. А потому и Петр, и Апраксин, и младшие флагманы с капитанами прекрасно понимали, что обратного хода галерам нет и идущие в атаку обязаны или победить, или погибнуть, так как, даже будучи взорванными или затонув, они расчищают место для атаки резервных отрядов.

А потому на назначенных в атаку галерах знали, что им надлежит победить или погибнуть, так как третьего просто не дано. Воистину, идущие на смерть приветствуют тебя, цезарь! Именно поэтому план Эреншельда провалился и вместо нашего избиения под раздачу попали сами шведы.

И если наши с П.А. Кротовым рассуждения верны (а сомнений в этом быть уже практически не может), то Гангутская битва выглядит на самом деле совершенно иначе, чем это было традиционно принято. Гангут — это не рядовая победа над загнанным в угол более слабым противником, а победа русского духа, русской готовности к самопожертвованию над европейским рационализмом и педантизмом.

Глава тринадцатая.

ОКОНЧАНИЕ КАМПАНИИ 1714 ГОДА

Сразу же по окончании сражения начались приготовления к празднеству в честь одержанной победы. Впрочем, радость победы нисколько не опьянила осторожного Апраксина, и он сразу принял меры против возможного проникновения вслед за нашими галерами шведских кораблей, хотя это многим и казалось маловероятным. Первой была отправлена к выходу из шхер «для караула» галера поручика Копорского полка Данилы Сумина, затем в помощь ей двинулись еще несколько галер бригадира Лефорта. В своем морском журнале Апраксин записал: «...осой час она баталия окончалась, без всякого медления... учинил сигнал итти со всеми судами паки к Ангуту, дабы неприятель не мог в том месте флотом своим заступить, и ночевали близ Ангута, где наш был караул, куды и завоеванные суды все приведены».

В течение двух последующих после Гангутской баталии дней наш гребной флот находился к северо-западу от мыса Гангут. Люди отдыхали, приводили в порядок побитые ядрами галеры, одновременно велось и наблюдение за движением шведского корабельного флота.

Надо ли говорить, как была воспринята победа при Гангуте теми, кто своим потом и кровью ее добыл? И Петра, и Апраксина, и всех остальных офицеров, солдат и матросов переполняли радость и гордость за совершенное ими. Еще бы, ведь им с минимальными потерями удалось добиться победы над главными силами шведского флота, решить все свои задачи, к тому же еще уничтожив попутно часть шведского флота!

Однако вначале отдали должное павшим. На ближайшем к месту боя островке Рилакс-фиорда в братской могиле захоронили погибших товарищей. Отслужили панихиду, склонили знамена, дали ружейный салют... И только отдав почести павшим, занялись делами победными, делами радостными.

Для этого галеры отошли от места боя на более широкий плес. Захваченные у шведов суда были поставлены полумесяцем, так, как они располагались во время баталии. Пленные суда образовали часть дуги, вокруг которой уже выстроились полукружьем все галеры российского флота — целый плавучий город. Над трофейными судами распустили Андреевские флаги, под которыми висели приклоненные книзу флаги

шведские. Первой справа от шведских галер стояла скампавея самого Петра, потом остальные суда авангарда, после них галеры кордебаталии и арьергарда. Посередине, прямо напротив «Элефанта», заняла место празднично украшенная сигнальными флагами галера генерал-адмирала «Святая Наталья». Она же стала и центром празднества. Вначале на «Святой Натальи» состоялся благодарственный молебен. Отслужив молебен, священники убрали аналой, вместо которого тут же был накрыт праздничный стол. Прежде чем сесть за стол, Петр потребовал себе фитиль и сам поднес его к затравке ближайшей пушки, затем ко второй и третьей. Эхо трехкратного залпа вспугнуло задремавших было на волне чаек. А затем загрохотали уже сотни и сотни пушек. Вслед пушкам защелкали и «мелкие ружья», пистолеты с мушкетами — это отводили душу солдаты, те, на кого легла вся тяжесть и нынешнего похода, и прорыва и абордажа.

Только окончив пальбу, офицеры, матросы и солдаты направились к праздничным столам, уставленным вином и всем, что нашлось у баталеров. На «Святой Наталье» собрались флагманы, генералитет, бригадиры, да полковники. По правую руку от царя сел генерал-адмирал, по левую — генерал Михаил Голицын. Гуляли на сей раз с размахом, от всей русской души. «И тако с сим триумфом толь преславная виктория окончилась», — записал в своем морском журнале Апраксин.

А на следующий день после празднования гангутской победы в Рилакс-фиорде новое радостное известие — корабли Ватранга окончательно скрылись за линией горизонта, причем в западном направлении.

— Небось, побрел плакаться своему Карле о тяжелой доле! — смеялись на наших судах. — То-то Карла ему за это дело холку-то намылит!

Прибыла посыльная шебека с бумагами из Ревеля. Среди бумаг — подарки и письмо царю от жены Екатерины Алексеевны: «Друг мой сердешный господин контр-адмирал, здравствуй на множество лет, — читал вполголоса, усмехаясь, генерал-адмирал, — посылаю к вашей милости пол пива и свежепросоленных огурчиков; дай Бог вам оное употребить во здравие. Против 27-го числа сего месяца довольно слышно здесь было пушечной стрельбы, а где она была: у нас или где инде, о том мы не известны, того дня прошу уведомить нас о сем, чтобы мы без сомнения были».

Обратно с шебекой с первой реляцией о виктории был отправлен капитан-поручик Захар Мишуков. Из Гангутской реляции Петра I: «Из флота от Гангута 1714 года, июля 29, коим образом Всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо по многодарованным победам на

земле ныне и на море венчати благоволил, ибо сего месяца в 27 день шведского шаутбенахта Нильсона Эреншильда с одним фрегатом, шестью галерами и двумя шхерботами, по многом и зело жестоком огне у Гангута, близ урочища Рилакс-фиорд взяли; правда, как у нас в сию войну, так и у алиртов с Францией много не только генералов, но и фельдмаршалов брано, а флагмана не единого, и токо с сею, мню, николи у нас не бывавшею, викториєю вас поздравляем, а сколько с помянутым шаутбенахтом взято офицеров, матросов и солдат и прочего, також что наших убито и ранено, тому при сем посылаем реестр и реляцию купно с планом, который извольте немедленно напечатать и с сим посланным довольное число отправить к Москве и по губерниям, о чем он сам скажет».

Затем подошел и плавучий тыл, который привел капитан-командор Сиверс, — груженные припасами одномачтовые ялки — грузовые транспортные суденышки с непомерно широкой кормой.

— Слава Богу, теперь у нас всего в достатке, а потому нынче рацион полный командам выдать, — обрадовался Петр. — Да от меня еще по чарке сверх праздничной!

Последнее распоряжение царя было принято флотом «на ура».

Всю последующую ночь перегружали привезенный провиант на скампавеи. Праздники закончились, и гребному флоту предстоял поход на север, к порту Або. Там ждали припасы, а главное, первые русские суда. Следовало осмотреться в этой нашей новой базе десантных войск и по возможности разведать, что и как дальше.

Часть пленных было решено отправить в столицу, часть же свезли на берег в Тверминне. Там, на всякий случай, оставили двухтысячный гарнизон. Пленных же решили использовать на постройке новой крепости, которую решено было заложить на оконечности полуострова у деревеньки Ганге.

В полдень снялся с якорей и направился к Гангуту и дальше обратно в Гельсингфорс транспортный отряд Сиверса. Девять скампавеи вели на буксире захваченные шведские суда

— Зря не рискуй, в открытое море не вылезай, пробирайся шхерами, ежели шторм, прячься в закрытых бухтах и становись на якорь, — инструктировал капитан-командора Петр.

А затем по сигналу пушки снялся с якорей и весь гребной флот. Растянувшись на несколько миль, одна за другой, двинулись на север скампавеи с десантом. Десять тысяч солдат направились под началом генерал-адмирала Апраксина в Або, чтобы оттуда потом двинуться и

далее — к Аландским островам. Никто не загадывал наперед, но как знать, быть может, уже в эту кампанию им доведется впервые ступить на шведскую землю...

* * *

Ну, а что же происходило во время Гангутского боя на эскадре адмирала Ватранга? Как только последние российские галеры прошли мимо Гангутского мыса и скрылись в северных шхерах, Ватранг созвал «общее совещание для обсуждения вопроса, как... следует поступить с флотом». Участники этого капитанского консилиума, как сказано в журнале шведского адмирала, «единогласно признали необходимым оставить Гангеудд и отправиться на защиту шведских шхер». Но так как на море был по-прежнему штиль, сразу же отправиться в назначенный путь шведский флот не мог. Находясь у Гангутского мыса, Ватранг слышал лишь отдаленную канонаду, не имея возможности даже узнать, что же произошло с его блокирующим отрядом. Заметим, что правила войны тогда были все же куда более «джентльменскими», чем в позднейшее время. Поэтому Ватранг отправляет к Апраксину лейтенанта Энгельгольма с письмом сообщить ему о судьбе фрегата и галер «и, если таковые перешли во владение царя, то-просил об обмене шаутбенахта Эреншельда».

Поздним вечером 27 июля адмирал Ватранг при свете фонаря закончил свое послание королю о печальных событиях минувшего дня. Вручив письмо капитану «Вердена», который должен был доставить послание в Стокгольм, адмирал, страдая от бессонницы, снова вооружился гусиным пером, но на этот раз — чтобы заполнить свой походный дневник, которой он вел со свойственной ему скандинавской пунктуальностью: «На 4-й склянке “собачьей вахты” “Верден” снялся. Но я отправил лейтенанта Эльгенгольма с письмом к русскому генерал-адмиралу Апраксину с просьбой сообщить мне о судьбе нашего блокшифа и галер, и если таковые перешли во владение царя, то я просил об обмене шаутбенахта Эреншельда и капитана Сунда на взятых ныне с галеры “Конфай” в плен русских».

Не улучшил настроения шведскому командующему и следующий день. Из дневника Ватранга: «Среда, 28-го числа. Полный штиль. Из Кимото на шверботе прибыл лейтенант, чтобы справиться о положении вещей здесь, у нас, причем он не имел ни малейших сведений о том, что случилось с галерами; вчерашнюю стрельбу они тоже слышали, но из этого ничего определенного не могли заключить. Я его немедленно опять

отправил обратно с письмом к шаутбенахту Таубе с изложением положения вещей и моим мнением о том, что шаутбенахту при этих обстоятельствах следовало бы предпринять. Утром вернулся посланный мною лейтенант, однако без ответа на мое письмо или сообщения, что они приняли русские письма и отправленные для шаутбенахта вещи... Лейтенант донес, что шаутбенахт жив и ранен в левую руку, а равно, что блокшиф и галеры вчера после тяжелого боя были взяты неприятелем и что он их видел у русских. О других же офицерах он не мог получить никаких сведений, а равно, как выше упомянуто, русские также не хотели принять посланные для шаутбенахта и капитана Сунда вещи. Но изъявили согласие по получении ими верных сведений об убитых и пленных сообщить мне таковые. Эти сведения затем и были сообщены, из коих выяснилось, что четыре обер-офицера были убиты...» Разумеется, что ни о каком обмене пленного Эреншельда также не могло быть и речи. Думается, что абсурдность просьбы была понятна и самому шведскому адмиралу, который даже не упомянул об этом отказе Апраксина в своем дневнике.

По сигналу с «Бремена» корабли один за другим начали сниматься с якорей и лавировать к югу для выхода на рейд полуострова Гангут. Вначале вытянулись корабли Ватранга, затем двинулась и эскадра вице-адмирала Лилье.

29 июля, уже оставив за кормой Гангут, Ватранг снова созвал на своем флагманском корабле капитанский консилиум для решения вопроса. На нем снова обсуждали, казалось бы, уже решенный вопрос куда идти?

— Русские рискнули и получили все! — мрачно заявил вице-адмирал Лилье. — А ведь нападение на Эреншельда не было для них необходимостью. Более того, оно было даже крайне опасным!

Присутствовавшие на консилиуме капитаны разом повернули головы в сторону вице-адмирала.

— Поясните! — кивнул Ватранг.

— Ведь стоило только во время этого боя подняться хотя бы небольшому ветру, и, увлеченные сражением, русские сразу же оказались бы запертыми в глухом заливе нашим корабельным флотом. Русские поступили очень неразумно! На их месте я бы после прорыва сразу же ушел далее в Абосские шхеры и к Аландским островам, не ввязываясь в драку с отрядом Эреншельда.

— Увы, вы не русский адмирал, а их Апраксин вовсе не шведский флагман, в этом весь ответ на ваш вопрос! — невесело усмехнулся Ватранг. — К тому же мы просто не смогли бы, даже при хорошем ветре, с нашими глубокосидящими кораблями пройти по сложному и узкому фарватеру за

Гангутом и запереть для русских тамошние проходы. Ну а удержать русских от их очередного прорыва к Аландам мы тоже теперь бессильны. Если они сумели без потерь прорваться мимо нас у Гангута, то за мысом у них куда большие возможности, ведь фарватер там шириной уже не в милю, как здесь, а почти в пять. А потому мы никого блокировать не будем. Сейчас речь идет уже о другом — о спасении самой Швеции!

Тот факт, что Ватранг дважды собирал совет для обсуждения одного и того же вопроса, говорит только об одном — шведский командующий находился в полной растерянности и слабо понимал, что ему надлежит делать. Капитаны кораблей опять решали, надо ли им отправиться на поиски русского корабельного флота к Ревелю или же встать на защиту шведского побережья от российских галер. Как следует из морского журнала шведского адмирала, на совете «были взвешены все доводы за и против, но мнение большинства было за защиту шведских берегов». Этому мнению Ватранг и последовал, предпочтя оборону собственно шведских земель от возможных десантов с галер поискам сражения с русским корабельным флотом у Ревеля. Думается, что в данной ситуации Ватранг поступил все же правильно: лучше иметь синицу в кармане, чем журавля в небе.

Самое любопытное состояло в том, что четвертый шведский флагман шаутбенахт, Таубе, узнав о трагедии Эреншельда в Рилакс-фиорде, не стал дожидаться указаний Ватранга, он самовольно бросил на произвол судьбы Аландские острова, уведомив старшего флагмана короткой запиской: «Должен всепокорнейше высказать, что для предупреждения обычной коварности нашего врага и его быстрого движения вперед было бы целесообразно обосновать свои позиции на шведской стороне близ Фурузунда... Предполагаю, что вы, по всей вероятности, не будете иметь ничего против, если я при первом благоприятном ветре уйду отсюда, тем более, что жители всей этой местности уже бежали».

* * *

Что касается начальника тылового отряда капитан-командора Сиверса, то на обратном пути в Гельсингфорс его ждало небольшое приключение.

В наступающих сумерках на подходе к Гангуту неожиданно для себя капитан-командор обнаружил лежащий в дрейфе неизвестный фрегат. При приближении тот оказался шведским. Однако уходить в шхеры Сиверс не стал. Судно одинокое, и при слабом ветре против его десяти скамповей ему

не выстоять при любом раскладе. Между тем с судна спустили шлюпку, которая ходко побежала в нашу сторону.

Капитан-командор, глядя подзорную трубу, недоумевал:

— Сказать что хотят, али попросить о чем?

Как оказалось, капитан шведского фрегата «Карлскрона» Христофоре прибыл к Ватрангу с почтой из Стокгольма, но, разминувшись с ушедшим от Гангута адмиралом, ничего не знал о событиях 27 июля. Увидев же «Элефант» и шведские галеры вместе с русскими судами, Христофоре решил, что это шведы ведут пленных русских, а потому и послал шлюпку, дабы поздравить Эреншельда с успехом.

Отправляемому лейтенанту Гольму он велел:

— Поздравь господина шаутбенахта, да разузнай у него все обстоятельства столь знатного боя!

Тем временем Сиверс приготовился встретить гостей. Одну скампавею он послал на перехват шведкой шлюпки. Со скампавеи спустили шлюпку с солдатами. Когда лейтенант Гольм приблизился к отряду Сиверса и разобрал, что над беднягой «Элефантом», как и над всеми другими шведскими судами, развеваются русские флаги, он было повернул обратно, но было поздно. Шведскую шлюпку перехватили.

Лейтенант Гольм был препровожден в выгородку, где коротали время пленные шведские офицеры во главе с шаутбенахтом Эреншельдом, который, думается, и рассказал посланцу любопытного фрегатского капитана «все обстоятельства столь знатного боя». Сопровождавшие же Гольма девять матросов также пополнили число шведских пленных.

— Этак, мы пока до дому дойдем, весь свейский флот к себе в полон позабираем! — переговаривались, смеясь, гребцы-солдаты.

— А чего их в полон забирать, когда они сами со всех сторон к нам так и плывут, что никаких харчей не настачишься! — отвечали им латавшие на куршее парус матросы.

Намеревался затем капитан-командор взять на абордаж и шведский фрегат (а чем черт не шутит!), но капитан Христофоре, поняв, с кем имеет дело, поставил все паруса и ушел в море.

«Карлскроне» поспешила в Стокгольм, обогнав посыльное судно Ватранга. Поэтому именно капитан Христофоре оказался первым гонцом, принесшим в шведскую столицу печальную весть. Он первым объявил королевскому совету, что у Гангута, скорее всего, произошло что-то очень нехорошее, так как часть шведского флота уже пленена русскими, тогда как другая просто исчезла.

Одновременно Христофоре начертал и донесение королю:

«Настоящим доношу до сведения Вашего Величества, что после того, как 26 июля я послан был с фрегатом “Карлскрона” на усиление эскадры Ватранга, я прибыл на Ганге, нашел перед собою вместо эскадры Вашего Величества часть неприятельских галер и корабль, а потому был вынужден искать эскадру на шведской стороне».

* * *

Надо ли говорить, что в Стокгольме началась паника. Состоятельные бюргеры спешили уехать в свои поместья или куда-нибудь подальше. На улицах кричали, требуя защиты от московитов, толпы горожан и ремесленников, к самой столице стягивались полки. Впервые за несколько столетий шведской метрополии грозила опасность реального вторжения врага. А о небывалой победе еще вчера никому не ведомого русского флота уже говорила вся Европа, говорила с опаской, понимая, что гангутский гром — это лишь преддверие будущих морских побед России.

А в королевском совете уже в который раз вслух зачитывали донесение Ватранга: «Какую глубокую душевную боль причиняют мне эти несчастные события, наилучше знает Всевышний, которому известно, с каким рвением и с какими усилиями я старался выполнить возложенные на меня обязанности и как я усиленно старался разыскать неприятельский флот... к нашему великому прискорбию и огорчению, пришлось видеть, как неприятель со своими галерами прошел мимо нас в шхеры, причем огорчение наше усугубляется еще тем, что мы находимся в полной неизвестности о судьбе эскадры шаутбенахта Эреншильда... Неприятель, по-видимому, уже овладел Абоскими и Аландскими шхерами, и так как, вследствие недостатка лоцманов, нам представляется невозможным занять позицию в Аландских шхерах, то я не вижу более осторожного исхода, как направиться со всей моей эскадрой в такое место в шведской стороне, откуда наилучшим образом было бы защитить себя от пагубных намерений противника против столицы государства».

Принцесса Ульрика-Элеонора (замещавшая короля, все еще обитавшего после полтавского погрома где-то в турецких Бендерах) собрала ближайших советников: Арведа Горна, Рейнгольда фон Ферзена и Ника Тиссена и других. Думать было над чем: королевский флот — последняя опора державы — потерпел постыдное поражение от слабейших. Все понимали, что отныне над столицей нависла реальная угроза русского десанта. Надо было что-то предпринимать, причем

предпринимать срочно.

Члены государственного совета уговорили принцессу выйти с ними в море на яхте, чтобы найти флот и вместе с адмиралом Ватрангом разработать план «для предотвращения дальнейших успехов неприятеля и вернейшей защиты государства».

Королевской яхте не пришлось долго плутать по морю. Эскадра Ватранга крейсировала в сотне миль от столицы в проливе Фурузунд, отделяющем Аландские острова от Скандинавии.

4 августа под пушечную салютацию принцесса поднялась на палубу флагманского «Бремена». Впервые в истории Швеции королевский совет собрался не в столичных апартаментах короля, а на борту линейного корабля, да еще в открытом море. Два дня заседал совет на борту «Бремена». Ватранг отчитался о своих действиях у Гангута, которые были одобрены и принцессой, и членами госсовета.

Обмахиваясь веером от спертого трюмного духа, принцесса заявила:

— Милый Ватранг, я прекрасно понимаю, что при столь необычайном штиле, который Господь сотворил у Гангута, вам совершенно невозможно было предотвратить проход неприятеля и его дальнейший успех! Посему я, как и прежде, пребываю к вам в полнейшей своей милости. Прошу же только об одном — защитите наши берега от хищных московитов.

Тогда же было решено, что Ватранг с 12 лучшими линейными кораблями должен крейсировать между островами Готланд и Даго (ныне Хийумаа), препятствуя торговле европейских государств с Россией, а заодно и прикрывая страну от возможного нападения датского или российского флота. Одновременно младший флагман вице-адмирал Лиллье с остальной частью корабельного флота и галерами должен начать крейсирование в проливе Седра-Кваркен, что между Аландскими островами и стокгольмскими шхерами, чтобы галерный флот России не форсировал пролив и не «беспокоил самое сердце и столицу государства».

Не задерживаясь и лишнего часа на дурно пахнувшем корабле, Ульрика-Элеонора поспешила на яхте в Стокгольм.

— Какие будут просьбы, адмирал? — спросила принцесса, уже сходя с борта «Бремена».

— Просьба одна, ваше высочество, — склонил увенчанную париком голову Ватранг. — У меня катастрофически не хватает матросов!

— Мы подумаем! — кивнула Ульрика. Настроение у принцессы было самое отвратительное.

Не далее как пару месяцев назад она была заочно помолвлена с сыном ландграфа Касселя Фридрихом Гессенским, известным красавцем и

галантнейшим из всех европейских кавалеров, и теперь жила лишь ожиданием скорого приезда жениха в Стокгольм. А тут эти русские с каким-то Гангутом! Согласитесь, было от чего расстроиться.

* * *

Ради защиты столицы шведское правительство объявило сбор ополченцев (горожан и сельских жителей) на случай высадки русского десанта. Лагерь для ополченцев был создан на морском побережье у города Норртелье, близ которого шел шхерный путь к Стокгольму. Но толку от ополченцев было немного, так как они ничего не умели, да и воевать совершенно не желали, а при каждом удобном случае старались разбежаться по домам. Для усиления флота по распоряжению принцессы Ульрики (слово, данное Ватрангу, она сдержала) на кораблях собирали матросов. Вначале хватали столичных ремесленников и мастеровых людей, потом бродяг, затем арестантов, ну а когда и те кончились, принялись за больных и увечных. Капитаны принимали такое пополнение, плевались: то разбойники отпетые, то хромые да кривые. Но делать нечего, других-то вообще не было.

Защищать материковую Швецию надо было, прежде всего, со стороны Аландских островов. Именно оттуда к Стокгольму был самый близкий, а значит, самый удобный путь для русского флота и русского десанта. Но укрепить местные крепости шведы уже не успели — русские продвигались слишком стремительно.

Небольшой городок Або располагался на юго-западном берегу Финляндии у Ботнического залива. Местные обыватели жили мелкой торговлей, да рыбалкой. Никаких крепостных стен, ни фортов у Або не было и в помине — просто большая прибрежная деревня.

Немудрено, что, осмотрев городок, Петр сразу же распорядился строить оборонительные сооружения.

— Шведы не упустят случая изгнать нас отсюда при первой же возможности.

Царь знал, что говорил. На севере Финляндии еще бродили разбитые Голицыным, но еще не сложившие оружия полки генерала Армфельда.

Самого же Петра уже влекло дальше на запад, к берегам Швеции, туда, где еще не ступала нога русского солдата, но где она обязательно должна была ступить, чтобы положить конец этой кровопролитной и бесконечной войне.

5 августа наш галерный флот двинулся к Аландам. Тысячи больших и мелких каменистых островков и островов разбросала природа посреди Ботнического залива. Ко всеобщему удивлению, Аланды пали без единого выстрела. Шведские гарнизоны просто заходя оставили все острова, а большинство местных жителей покинули жилища, бросив хозяйство и скот на произвол судьбы. На Аланде, к удивлению наших, не оказалось ни одного шведского корабля или даже галеры. Так велик был страх, внушенный шведам нашей победой.

Два дня Петр и Апраксин на скамповеях обходили архипелаг. Заходили в многочисленные шхеры. Двигались только днем, боясь ночью налететь на каменные рифы.

Поскольку, по мысли Петра, наш корабельный флот без поддержки датской эскадры все еще не мог без риска атаковать в открытом море адмирала Ватранга и открыть галерам прямой путь на Стокгольм, на военном совете у Аландских островов было решено предпринять поход вдоль финского побережья Ботнического залива на север с целью полного вытеснения войск генерала Армфельта из Финляндии.

Решено было, что флот останется пока на Аландах, где укрепит острова и подготовит базу для последующего броска непосредственно к шведским берегам. Небольшой же отряд под началом генерал-майора Головина было решено послать к Швеции на пробу, чтобы и попугать, и пути на будущее разведать. Кампания 1714 года была уже, по сути, выиграна, и личное присутствие при флоте Петра становилось необязательным, так как со всем вполне мог справиться уже и сам Апраксин.

Поэтому Петр решил вернуться в Петербург, чтобы заняться накопившимися государственными делами, а заодно и по-настоящему отпраздновать гангутскую викторию.

Провожая Петра, Апраксин сунул ему в руку гербовую бумагу:

— Сие, государь, реляция моя князь-кесарю о твоих делах при Гангуте. Не обессудь за прошлое, что забаллотировали мы твой чин вице-адмиральский. Ныне же все будет по достоинству.

В ответ Петр демонстративно раскланялся:

— Благодарствую вас, господин генерал-адмирал, за доверие, моей скромной персоне оказанное!

Позвал секретаря Макарова:

— Гляди, сию бумагу храни как зеницу ока, в Петербурге доложишь.

В последний раз обойдя весь флот, Петр отправился на восток. Галеры же двинулись шхерами вдоль западного берега Финляндии на север, чтобы,

развивая успех, овладеть городком Баса, а затем выдавить еще дальше на север шведские полки генерала Армфельда.

Баса пала без всякого сопротивления. Гарнизон бежал еще загодя. Отцы города во главе с бургомистром вынесли на атласной подушке золотые ключи.

— Сдаемся на милость и молим о пощаде!

— Трогать никого не станем, но провиантом поможете! — кивнул им Апраксин, ключик золотой в руках крутя.

— Премного благодарны, премного благодарны! — склонились в поклоне отцы города.

Там же, в Весе, Апраксин составил отряд скампавей под началом генерала Ивана Михайловича Головина. Генералу велел строго:

— Грузи припасы, экипируйся. Даю тебе девять сотен служителей. Пойдешь к шведскому берегу, есть там неприметный городишка Умео. Сбрось там десант, пошуми побольше, наведи на шведов страх и трепет, так чтобы позабыли, как мамку родную кличут. В пути, будет случай, умыкай все суда купеческие. Всюду отыскивай лоцманов, знающих ихние места. Записывай берега и фарватеры, ибо, надеюсь, не в последний раз к шведским берегам подаемся. Разорь все, что только можно, покуда припасы дозвоят.

Одиннадцать скампавей генерал-майора Ивана Головина двинулись в демонстративный поход «на шведскую сторону» через Ботнический залив к городу Умео. Отряду Головина пришлось несладко. Переход через Ботнический залив был труден, но наши и это преодолели. Успех сопровождал Головину. На пути к Умео он, захватив десяток шведских шхун, отыскал лоцманов и удачно высадил десант на материковом берегу. Так война впервые была перенесена непосредственно на территорию Швеции.

Хлипкие отряды шведского генерала Рамзо, «пометав кафтаны и ранцы», будто ветром сдуло. Страх обуял и местных жителей, которые убежали в горы. Перед тем как отступить, гарнизон подпалил город, но наши его быстро затушили.

— Всегда бы так воевать, — радовались наши солдаты, по улицам разгуливая. — Ни противника, ни жителей, а все лавки раскрыты: пей-ешь, не хочу!

Но пьянства не было, у Головина дисциплина была крепкая. В небольшом порту стояло с десяток бригов и шхун. Пришлось их уничтожить.

Весть о высадке русских на побережье Швеции достигла Стокгольма.

Далеко, за тысячу верст от столицы, небольшой городок Умео, но у страха глаза велики. Завтра, быть может, русские появятся в стокгольмских шхерах.

Все бы ничего, да на обратном пути в финских шхерах октябрьский шторм разметал скампавей Головина. Буря разбила в щепки пяток галер. Море похоронило семь десятков солдат и матросов...

23 сентября галерный отряд Головина возвратился к Васе. Шведам было наглядно продемонстрировано, что их ждет в недалеком будущем

* * *

А главные силы галерного флота между тем продолжали медленно, шхерными фарватерами пробираться к северу. Идти стало веселее, так как теперь вдоль берега скампавей сопровождала подоспевшая конница генерал-лейтенанта Брюса. Версту за верстой по каменистым кручам двигались войска по берегу, галеры шли рядом вдоль каменистых берегов. Боев и потерь не было, потому как шведы всюду спешно ретировались при нашем приближении. Хотя на севере Финляндии находилось еще до пяти тысяч шведов, но Апраксин, не имея кавалерии, запоздавшей в дороге, не надеялся на то, что шведов удастся быстро выковырнуть из северных чащоб. На это надо было время, а времени-то как раз было в обрез. До конца навигации остались уже считанные недели, а сделать на море предстояло немало.

— Идем вперед! — решил Апраксин. — А что касается шведов на севере, то, как ударят морозы, то и сами оттуда сбегут. Чего ж нам на них время попусту тратить?

Так и оказалось: опасаясь приближавшегося российского галерного флота и наступающей зимы, генерал Армфельт поспешно покинул Финляндию с остатками своих войск. Отныне вся Финляндия была свободна от шведских войск. Решив, таким образом, эту задачу, гребной флот двинулся в обратном направлении вдоль побережья Ботнического залива.

А время, и правда, истекало катастрофически, а потому, дойдя до города Нкжарлеби, Апраксин был вынужден возвратиться к Ништадту и там расположиться на зимовку. Встречные осенние ветры сбивали галеры с курса, шквалы несли плохо управляемые при шторме скампавей на скалы, разбивали их вдребезги, погибали люди. Когда галерный флот вернулся в Ништадт, в строю недосчитались полтора десятка галер и скампавей. Море

навечно похоронило в своих водах две сотни солдат и матросов. Что касается нашего корабельного флота, то часть его осталась зимовать в Ревеле, остальные же у Котлина и в Петербурге.

Осень подходила к концу. Хлопья первого снега укрыли скалистые холмы шхерных островков, прибрежные каменистые отмели. Соприкоснувшись со свинцовыми волнами, снежинки тут же исчезали.

Генерал-адмирал заканчивал кампанию, собирался в дальнюю дорогу в Петербург по суше.

— Принимай, Михаил Михалыч, под свою руку галерный флот. — Апраксин перелазал бразды правления князю Голицыну. — Пospеть бы в столицу, небось, там уже справили викторию.

31 октября 1714 года, передав командование российскими силами в Финляндии генералу М.М. Голицыну, Апраксин отбыл в Петербург. Кампания 1714 года была закончена, и закончена блестяще.

Глава четырнадцатая.

СЛАВА И ГОРДОСТЬ ГАНГУТА

После первых торжеств в честь одержанной победы, которые прошли 31 июля 1714 года в Рилакс-фиорде с благодарственным молебном, с троекратным салютом из всех орудий и ружей, на следующий день все захваченные у шведов суда были отправлены в Гельсингфорс, а затем и в Петербург. Галерный же флот, не теряя времени, ушел в сторону Аландских островов для продолжения боевых действий.

Первый решил пышно отметить первую крупную победу российского флота в новой столице. Подготовку к торжеству возглавил любимец императора Александр Данилович Меншиков. Как явствует из «Журнала или поденной записки Петра Великого», 6 сентября пленные шведские суда в сопровождении русских галер вошли в устье Невы и стали на якорь вблизи Екатерингофа. Но из-за противного ветра, дождя и тумана они простояли на якорях двое суток, снялись только утром 9 сентября. Что касается самого Петра, то он, покинув на Аландах гребной флот, на скампавеях перешел в Гельсингфорс. Затем, командуя Ревельской эскадрой, попал в жестокий шторм у Березовых островов. Но моряки выстояли, обошлось без потерь. И вот теперь он также прибыл в свою новую столицу, чтобы возглавить торжества по гангутской победе.

В тот же день 9 сентября трофейные суда были введены в Неву. Три месяца минуло с того дня, как Захарий Мишуков доставил губернатору Меншикову весть о гангутской виктории. И наконец долгожданное торжество состоялось!

Впереди плыли три позолоченные галеры, празднично расцвеченные флагами и разукрашенные коврами. За ними следом шли три плененных шведских шхербота, каждый о трех пушках. Далее следовало еще шесть галер шведских, каждая о 14 пушках, вслед за ними — шведский прам «Элефант», на котором находился пленный контр-адмирал Эреншельд. И, наконец, замыкающей шла флагманская галера под императорским штандартом, на которой стоял, приветствуя петербуржцев, сам Петр Михайлов.

Оба берега Невы были заполнены народом, приветствовавшим победителей криками «ура». С Петропавловской крепости при входе флота в Неву безостановочно гремели пушечные салюты, на которые наши

галеры также отвечали таким же количеством залпов. Когда шествие подошло к Адмиралтейству, «оттуда, равно как из крепости, победители были приветствуемы 151 выстрелом, а когда были брошены якоря и победители стали сходить с судов на берег, то с Адмиралтейской и Петропавловской крепостей раздалась пальба из всех имевшихся пушек».

На главной в Санкт-Петербурге Троицкой площади были сооружены триумфальные ворота, через которые прошли победители и побежденные. На воротах был изображен сидящий на слоне орел и надпись: «Русский орел мух не ловит». В данном случае орел символизировал победительницу Россию, а слон — побежденных шведов, поскольку название судна «Элефант» в русском переводе означало «слон».

Затем состоялось и торжественное шествие победителей по Невской перспективе. Петр от всей души праздновал свой первый морской триумф. Впереди маршировала гренадерская рота гвардии Преображенского полка, предводимая генерал-майором Головиным. Следом — две роты Астраханского полка. За ними следом везли двенадцать захваченных шведских пушек, шестьдесят шведских знамен и три штандарта, взятых у шведов в Финляндии генералом Голицыным. Далее понуро шли пленные шведские морские офицеры, матросы и солдаты. Вслед за ними четыре унтер-офицера торжественно несли флаг шаутбенахта Эреншельда, а за унтер-офицерами брел и сам Эреншельд в новом, специально сшитом для него по этому случаю с серебром мундире.

По свидетельству очевидца, ганноверского дипломатического секретаря в России Ф.-Х. Вебера, строем прошли «шведские морские унтер-офицеры, солдаты и матросы в числе 200 человек» и несколько позднее — еще 14 шведских морских офицеров. Это были все шведы, которые смогли принять участие в шествии, остальные не могли этого сделать по причине ранений или болезней. К примеру, сам Эреншельд, получивший в сражении семь ран, все же нашел в себе силы во время парада идти пешком.

Торжественное шествие заключал сам Петр во главе нескольких рот Преображенского полка.

Шведские знамена поместили в Петропавловский собор, там же отслужили благодарственный молебен. Затем под пушечные залпы царь направился в Сенат и, поклонившись, подал князю-кесарю Ромодановскому рапорт о морской победе и реляцию генерал-адмирала. Прочитав вслух рапорт и реляцию, князь-кесарь встал и произнес

— Здравствуй, вице-адмирал, — и торжественно вручил царю патент на новый чин.

Приняв от князя-кесаря патент, Петр взволнованно отвечал:

— Господь Бог Россию прославить изволил, ибо, по многим дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благоволил. Сия виктория Полтаве подобна, токмо морская.

Выслушав поздравления присутствующих, новоиспеченный вице-адмирал почти бегом вернулся на свою галеру, стоявшую у берега. Легко взбежал по сходням. Тотчас на мачте взвился его вице-адмиралский флаг. Сразу же раздались и залпы приветственного салюта в честь нового флагмана российского флота.

Дальнейшие празднества продолжились на торжественном обеде во дворце Меншикова. Рядом с собой Петр усадил своего почетного пленника Эреншельда. От внимания иностранных послов не ускользнула доброжелательность царя к шведу. Один из них, голландский посланник барон де Би, заметил, что «трудно описать, до какой степени царь хвалил Эреншельда за его геройское сопротивление и старался утешить его в несчастье, несколько раз пытаясь уверять его в своем уважении и повторяя ему, что он не будет терпеть у него ни малейшего стеснения».

Не забыл царь и пленных шведских офицеров, пригласил их на обед, усадил за отдельный стол. Впрочем, думается, что у шведов за этим обедом и кусок в горло не лез.

Народ веселился на улицах, площадях, в кабаках. Наступил вечер, и берега Невы расцвели фейерверками. Празднование продолжалось несколько дней. На четвертый день на Неве был устроен грандиозный фейерверк, во время которого на шведских судах горела надпись: «Уловляя уловлен». Этой надписью подчеркивался тот факт, что шведы хотели было запереть наш галерный флот в устье Финского залива, но сами оказались в ловушке, потеряв при этом часть своего флота.

Радость Петра по поводу гангутской победы была поистине безмерна. Он ликовал, так как впервые был взят в плен командующей целой эскадры. Вот как царь сообщал об этой гангутской победе князю Борису Куракину, своему послу в Голландии и одновременно в Англии: «Объявляем вам, коем образом всемогущий господь бог Россию прославить изволил, ибо по многим дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благословил: ибо сего месяца (июля. — *В.Ш.*) в 27 день шведского шаутбейнахта Нилсона Эреншелта с одним фрегатом и шестью галерами и двумя шхерботами, по многом и зело жестоком огне у Ангута (Гангута. — *В.Ш.*) близ урочища Рилакс Фиель, взяли. Правда, как у нас в сию войну, так и у алиатов (союзников. — *В.Ш.*) с Франциею, много не только генералов, но и фельдмаршалов брано, а флагмана ни единого. И тако сею,

мню, николи у нас бывшею викториєю вам поздравляем».

В столице было объявлено, а затем и разнеслось по всей державе: «Государь пожелал почитать Гангутское сражение наравне с Полтавским».

Очень скоро весть о победе, одержанной молодым Балтийским флотом, распространилась по всей России, вызывая всеобщее ликование. В целях пропаганды первой серьезной морской победы Петр I специальным указом разослал во все уголки России особые грамоты и гравюры, воспроизводившие реалии Гангутской баталии. Отныне и навсегда Гангут входил в историю России.

Помимо всего прочего в своем указе Петр I повелел ежегодно 27 июля отмечать день гангутской победы. В честь дня победы церковь по просьбе царя объявила 27 июля днем святого Пантелеймона. Отныне эта дата навсегда вошла в церковные праздники России... Одновременно этот же день стал и праздником нашего дореволюционного Военно-Морского Флота. Первое время празднование победы ограничивалось только торжественным молебном, но с середины XIX века традиция времен Петра Великого возродилась. Ежегодно 27 июля стали проводиться парады расцвеченных флагами кораблей и звучать орудийные салюты. До середины XVIII века в Петербурге, у Кронверка, существовал мемориал русской морской славы, где хранились первые трофеи, в том числе и прам «Элефант». Затем вместо сгнивших кораблей сделали модели в память о первых победах русского флота. Все они и по сей день бережно хранятся в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге. Среди этих реликвий — прам «Элефант», фрегат «Данск-Эрн», шнява «Астрильд» и бот «Гедан».

* * *

Уже 9 сентября 1714 года сенат постановил наградить всех без исключения участников славной гангутской победы медалями: «Штаб и обер-офицеры за ту службу награждены медалями, каждый по пропорции своего чина, а рядовые серебряными медалями и деньгами».

Право на получение наградной медали за Гангут обеспечивалось участием в бою, засвидетельствованным начальниками. Медали получали все, кто входил в состав авангарда галерной эскадры, независимо от личных боевых подвигов. Даже те, кто отличались более других, не выделялись особо при награждении медалями.

В отличие от матросов и солдат офицеры получили золотые медали.

На лицевых сторонах всех медалей был изображен портрет Петра I, а на оборотных — изображение морского боя и надпись: «Прилежание и верность превосходит сильно июля 27 дня 1714». Вес золотых медалей и их диаметр различны, серебряные же все соответствуют по диаметру и весу рублевикам того времени.

Первоначально было изготовлено для раздачи 193 золотых и 1000 серебряных медалей. Уже через четыре месяца после победы, в ноябре 1714 года, были розданы и первые награды: три «бригадирские» медали бригадирам МЛ. Волкову, П.Б. Лефорту и капитан-командору М.Х. Змаевичу. Одну «полковничью» медаль с цепью вручили генерал-адъютанту царя П.И. Ягужинскому. Кроме этого были вручены четыре «подполковничьих» (они же «майорские») с цепями, две «капитанские» и цепи к ним гвардейским офицерам и офицерам галерного батальона и девять медалей без цепей гвардейским унтер-офицерам и младшим офицерам армейских полков. Одновременно было роздано 226 серебряных медалей «Преображенского полку капралам и гренадерам и солдатам и другим чинам». Награждение было произведено из кабинета (личной канцелярии) Петра.

Награждение офицеров медалями производилось в течение двух лет, с декабря 1714 года по декабрь 1716 года, а урядников (унтер-офицеров) и солдат затянулось на еще более долгий срок. Общее число солдат и урядников, принимавших участие в бою, доходило до 3500 человек, первоначально же было заготовлено лишь 1000 медалей. Первыми получили награды, как уже указывалось, в 1714 году солдаты Преображенского полка, матросы и солдаты морского флота и галерного батальона, и в начале 1715 года — солдаты Семеновского, Лефортовского и частично Ингерманландского полков. В течение 1715 года в Москве было отчеканено еще 1000 медалей. Из этого числа в 1716 году выдано было еще 500 медалей для Ингерманландского полка, в котором общее число участников боя составляло 739 человек. Однако и этого было все еще недостаточно, и 10 октября 1716 года генерал-майор Дюпре обратился к Апраксину с просьбой о выдаче на Ингерманландский полк еще 122 медалей на «наличных урядников и солдат», подлежащих награждению. В то же время в канцелярию генерал-адмирала стали поступать засвидетельствованные командирами частей личные ходатайства от матросов и солдат галерного батальона о том, что они «во время взятия швецкого фрегата и галер на приступе были, а медалей не получили». По поступившим прошениям была составлена сводная ведомость и всем бывшим налицо при частях роздано 75 «жалованных серебряных монет».

Участники Гангутской баталии, по каким-либо причинам обойденные при награждении, подавали челобитные с просьбами о выдаче им медалей. Все челобитные самым внимательным образом рассматривались и ошибки исправлялись. Многочисленные просьбы матросов и солдат показывают, что они весьма дорожили Гангутской медалью, и каждый желал иметь ее, как подтверждение своего подвига. Так, солдат галерного батальона Дементий Игнатьев, имя которого в списках по недосмотру было написано неправильно, просил: «Державнейший Царь Государь Милостивейший, служу я, раб твой, тебе великому Государю в морском флоте в галерном батальоне в солдатах и в прошлом, Государь, 1714-м году был я нижепоименованный при взятии неприятельского фрегата и шести галер на баталии с русским подкомитом Андреем Плотниковым на галере, которой убит на той баталии, а которые моя братья баталионные солдаты такожде и матрозы были на той баталии и те получили твои государевы манеты, а я раб твой не получил, понеже... по списку, Государь, написано по которому манеты даваны, Дементий Лукьянов, а имя мое Дементий Игнатьев... Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего Величества, да повелит державство ваше мне рабу твоему за вышеописанную баталию против моей братьи Свой Государев манет выдать и о том свой Государев милостивейший указ учинить...»

В октябре 1716 года, к примеру, шкипер генерал-адмиральской шлюпки боцман Евстигней Захаров сын Соловьев и его гребцы обратились с просьбой наградить и их медалями за Гангут, поскольку их уже до этого получили все гребцы шлюпок других флагманов. 26 декабря 1716 года боцман Соловьев собственноручно расписался в получении золотой медали весом в 7 червонцев. Остальные гребцы его шлюпки получили серебряные медали.

Право на получение наградной медали за Гангут обеспечивалось участием в бою, засвидетельствованным начальниками. Медали получали все, кто входил в состав авангарда галерной эскадры, независимо от личных боевых подвигов. Даже те, кто отличались более других, не выделялись особо при награждении медалями. Такая система награждения, при всей кажущейся новизне воинских наградных медалей петровского времени, а в особенности солдатских, самым непосредственным образом связывается с военным бытом допетровской Руси. Известно, что на протяжении XVI–XVII веков существовала твердо установившаяся традиция жаловать за ратные подвиги золотыми и вызолоченными серебряными монетами, причем постоянно наблюдаются, с одной стороны, случаи массового награждения, а с другой — разделение степеней наград

по чинам награждаемых. Таким образом, Петр лишь умело использовал, в обновленной форме, русские воинские традиции прошлого. Установленный им порядок награждения медалями всех участников сражений сохранялся в течение всего XVIII века.

Всего было награждено золотыми медалями 144 человека, причем к медалям было выдано 55 цепей; 3125 солдат и унтер-офицеров (последние — только армейских полков) получили серебряные медали. Более всего награжденных участников боя было в Ингерманландском полку — 622 человека. По остальным полкам число награжденных составляло: в Лефортовском полку — 311 человек, в Преображенском — 252, в 1-м Гренадерском — 233, во 2-м Гренадерском — 211, в Новгородском и Великолуцком по 196 человек, в Галерном батальоне и Галицком полку по 183 человека, в Семеновском полку 174 человека, в Копорском — 114, в Московском — 92, в Шлиссельбургском — 88, в Вологодском — 71 и в Воронежском — 53 человека. Две медали были выданы денщикам Петра I, двенадцать — гребцам шлюпки генерал-адмирала, четыре — гребцам шлюпки генерала Вейде.

Последним годом вручения наград за Гангутский бой был 1717 год.

Разные размеры медалей и большое число их, особенно серебряных, потребовали изготовления нескольких пар штемпелей. Имена мастеров-медальеров установить не удалось. В документах нет никаких упоминаний о них. На сохранившихся экземплярах медалей имена или монограммы мастеров отсутствуют, за исключением двух офицерских медалей, на которых стоит имя медальера С. Гуэна, работавшего в Москве в первой четверти XVIII века. Художественное значение медалей за Гангутский бой не очень велико, хотя портреты Петра I разных типов исполнены довольно тщательно и не повторяются на других нумизматических памятниках эпохи. На оборотной стороне всех медалей дано одинаковое схематическое изображение боевого построения русских галер и шведских парусных судов в решающий момент боя. Резчики штемпелей руководствовались при этом той же схемой, которая легла и в основу гравированного плана, приложенного к реляции о победе и напечатанного в «Книге Марсовой». Известную схематичность и небрежность исполнения можно объяснить, с одной стороны, новизной сюжета и трудностью помещения на маленьком кружке медали точной копии схемы морского боя, а с другой — крайней спешкой, с которой производилось изготовление штемпелей.

На настоящий момент в собрании Эрмитажа находятся четыре золотые медали за Гангут и несколько серебряных. Получили награды за Гангут и высшие начальники.

Победой у полуострова Гангут 26–27 июля 1714 года Россия обеспечивала прочное занятие всей Финляндии, причем отныне для нападения русских открывалось все балтийское побережье Швеции. Теперь наш галерный флот мог без особых помех занять Аландские острова, перерезать коммуникации по Ботническому заливу метрополии с войсками генерала К.Г. Армфельта на севере Финляндии и заставить их отступить к Торнео, на территорию собственно Швеции.

Победа способствовала и окончательному закреплению за Санкт-Петербургом статуса новой столицы России. Военная угроза Санкт-Петербургу с этого момента была практически снята. Помимо этого исход противостояния между главными силами шведского корабельного флота и русской галерной флотилией у Гангута привел к тому, что, напротив, реальностью стала русская военная угроза непосредственно самому Стокгольму. Гангутская победа открыла российским галерам путь в шхеры Аландского архипелага и Ботнического залива.

Блестящая победа при Гангуте была во многом предопределена флотоводческим гением Петра I. Здесь и устройство переволоки, и искусные прорывы галерных отрядов мимо шведов, и, наконец, глубоко продуманный тактический рисунок сражения в Рилакс-фиорде. Петр исключительно грамотно использовал в сложившейся обстановке преимущества галер (ход на гребле в безветрие, малая осадка для маневров на мелководье, быстроходность, большая численность абордажных партий — солдат-гребцов), не дав шведам ни малейшей возможности воспользоваться сильными сторонами их корабельного флота во время прорыва русских галер мимо Гангутского мыса.

Отдельно следует сказать и о тактическом искусстве Петра непосредственно в сражении в Рилакс-фиорде. Это и усиление обоих флангов (артиллерия и абордажные партии) за счет использования полугалер, и создание более чем полуторного превосходства в артиллерии, четырехкратного перевеса в личном составе, и длительность стадии артиллерийского боя, подготовившего в немалой степени успех абордажа шведских судов, и решительный характер атаки, и обходной маневр четырех скампавей в тыл шхерному отряду Н. Эреншельда. При всех остальных составляющих, именно флотоводческое искусство Петра I позволило победить в упорном сражении хорошо подготовившегося к бою неприятеля малой кровью.

Историк П.Л. Кротов на вопрос о новаторстве Петра I в Гангутском сражении ответил следующим образом: «В чем же проявилось флотоводческое искусство Петра I в Гангутской баталии — наиболее ярком примере его военной деятельности на море?

Петр I разделил галеры своей эскадры на 3 отряда, поставив каждому из них особые задачи. Выделение в средний отряд 11 галер, которые должны были атаковать флагманский и самый мощный корабль шведской позиции — прам “Элефант”, позволило создать перевес в силах на этом направлении. В отрядах левого и правого крыла Петр I сосредоточил непропорционально многочисленные по сравнению с центром боевого порядка отряды пехоты, что должно было обеспечить эффективный и быстрый захват шведских галер путем abordaja, начиная со стоявших крайними и постепенно продвигаясь к середине боевого построения шведов, где стоял прам. Это давало россиянам перевес в числе атаковавших шведов судов при взятии каждой галеры, а шведам мешало использовать всю их артиллерию для отражения этой фланговой атаки.

Полнейшей неожиданностью для шведов стал обходной маневр по указу Петра I “вкруг острова в тыл шведских судов” 4 российских скамповей, из которых одна успела принять участие в сражении.

Если взглянуть на действия русского авангарда в баталии в Рилакс-фиорде в целом, то понятным становится и общий тактический замысел сражения: шведской эскадре был нанесен одновременный удар по сходящимся к середине ее позиции направлениям с флангов, центра и тыла, завершившийся последовательным abordajem, причем на abordаж прама “Элефант” пошли, уже овладев всеми галерами. Осуществление такого плана баталии дало возможность обеспечить решительное превосходство в силах для abordaja и флагманского корабля шведов, и каждой из галер.

Важно отметить, что действия российского флота, шедшие по избранному плану, отличались слаженностью и четкой последовательностью, отсутствием спешных, неподготовленных бросков и отбитых шведами атак.

Успех сражения во многом был подготовлен предшествовавшим этапу abordaja длительным артиллерийским боем. Во время сближения со шведскими судами с целью их последующего abordaja немалый период времени россияне, используя многократный перевес в числе ружейных стволов, вели сильнейший обстрел неприятеля из ручного оружия (только семь сотен пехотинцев Ингерманландского полка сделали до 20 000 выстрелов). Следует выделить также такие черты сражения, как

непрерывный характер атаки, использование в ходе боя общего резерва (для тылового обхода противника), постоянное творческое управление боем Петра I (именно в ходе баталии для атаки противника с тыла “по указу царского величества” были посланы 4 скампаеи). Инициативой в сражении при Гангуте целиком владели россияне: со стороны шведов, суда которых стояли на якорях, борьба носила позиционный характер, с русской же, наоборот, являлась ярко выраженной маневренной.

Блестящая победа русского флота в Рилакс-фиорде была во многом следствием именно глубоко продуманной тактической организации сражения. Осуществленное Петром I руководство морским боем близ урочища Гора Рилакс и его большая роль в проведении всей операции в целом позволяют поставить его имя первым в ряду великих русских флотоводцев эпохи парусных и гребных флотов: Г. Спиридова, Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина, П.С. Нахимова».

А вот мнение о значении гангутской победы такого авторитетного отечественного историка, как академик Е.В. Тарле: «...Морская победа, заставившая говорить о себе всю Европу. Петр любил сравнивать ее с Полтавской битвой. Увлеченный восторгом, царь, конечно, преувеличивал, но все же Гангуту суждено было впервые дать понять упорному врагу, что рано или поздно, но именно русский Балтийский флот довершит то, что начала Полтава. Наступали времена, когда шведы с каждым годом все более убеждались в том, что Балтийское море не является уже тем “ручьем, через который русское войско не перепрыгнет”, как иронически выразился торжествующий Густав-Адольф в 1617 г., подписывая Столбовский договор и сообщая о его условиях в шведском сейме. Гангут в свете дальнейших событий оказался, в самом деле, первым грозным предзнаменованием».

Настоящий моряк, адмирал Ватранг понимал лучше кого бы то ни было, какой тяжкий не только материальный, но и моральный ущерб потерпели шведы под Гангутом. Вот конец донесения Ватранга королю Карлу XII, который, сидя в Бендерах, лишь спустя долгие месяцы получал деловые бумаги из Стокгольма: «Какую глубокую душевную боль причиняют мне эти несчастные события, наилучше знает всевышний, которому известно, с каким рвением и с какими усилиями я старался выполнить возложенные на меня обязанности и как я усиленно старался отыскать неприятельский флот». Ватранг честно сознается королю, что русские, проявив разумную дерзость и необычайную активность, благополучно прошли мимо шведской эскадры: «К нашему великому прискорбию и огорчению, пришлось видеть, как неприятель со своими галерами прошел мимо нас в шхеры». Как пишет дальше Ватранг, его

особенно огорчает, что он совершенно ничего не знает об участии шаутбенахта Эреншильда. Но по этому поводу капитан 1-го ранга Н.В. Новиков в своей работе о Гангуте, совершенно справедливо и приводя неопровержимые доказательства, замечает, что Ватранг на самом деле уже на другой день после боя, т.е. 28 июля, хорошо знал о взятии Эреншильда в плен. Слишком горько Ватрангу было говорить об этих тяжких для шведского самолюбия подробностях славной русской победы, когда «военное творчество, воля к победе и мужество “вышних и рядовых” дали образец высокого искусства, против которого грозная сила, находившаяся в руках Ватранга, оказалась парализованной и не способной к противодействию».

Недавно историком А.А. Никитиным была выдвинута версия, что сражение 27 июля 1714 года произошло в схожем по конфигурации берегов проливе между островами Кадермо и Бюен на обычном корабельном фарватере от мыса Гангут к месту строившейся переволоки. Как представляется, этому новаторскому предположению в корне противоречат однозначные утверждения Петра I, что баталия состоялась «у Ангута, близ урочища Рилакс-фиель». Урочище Гора Рилакс (по-шведски: Рилакс-фиель) ощущается особо примечательным местом (именно урочищем) только в непосредственной близости от этой поросшей лесом гранитной скалы, а именно: водное пространство в несколько сотен метров к востоку. Его оппонент и доктор исторических наук П.А. Кротов не согласен с версией А.А. Никитина, считая, что «окрестные берега, острова с высоким лесом скрывают гору Рилакс из виду на более удаленных расстояниях и с других направлений обзора С водной поверхности пролива, где по предположению АА. Никитина состоялось сражение, гора Рилакс вообще не видна. Кроме того, еще в 1869 г. было выявлено устное предание, что по-иному скала Рилакс именовалась местным населением, в память бывшего здесь давным-давно между русскими и шведами сражения Гора (или Скала) мертвых с бухтами рядом с показательными названиями: Залив убитых и Залив мертвых».

Что ж, тема Гангутского сражения по-прежнему волнует отечественных ученых, а это значит, что нас ожидают в еще новые находки и открытия в истории первой морской победы России...

Глава пятнадцатая.

ДОБРЫЙ ПОЧИН КОРАБЕЛЬНОГО ФЛОТА

Если при Гангуте нами была окончательно выиграна битва за Финский залив, то теперь же предстояло новое сражение — уже за Балтийское море. Неплохое начало этому было положено в столь же победной морской кампании 1714 года у Аландских островов. Затем же Петр I начал активные боевые действия уже и на открытых морских просторах Балтики.

Если Швеция, испытывая все большие и большие трудности, была вынуждена оказывать поэтому своему флоту все меньше и меньше внимания, то Россия, наоборот, наращивала темп и спускала на воду корабль за кораблем. Гангутская победа буквально воодушевила Петра. При этом он придумал оригинальный способ экономить деньги на строительстве кораблей. Царь... дарил новые корабли своим проворовавшимся вельможам.

Из воспоминаний английского посла Джорджа Мекензи, присутствовавшего в октябре 1714 года при спуске линейного корабля «Шлиссельбург»: «Как только корабль сел на воду, его величеству угодно было объявить, что он дарит его князю Меншикову, который хорошо понял смысл такого подарка; его светлость, как я слышал, чтобы отблагодарить за оказанную милость, тут же обещал не жалеть издержек на снабжение корабля и экипажем и украшениями и заявил, что постарается сделать его лучшим из 54-пушечных кораблей русского флота».

Весною 1715 года шведский флот, разделенный на эскадры, стремился не только защитить свои берега, но и препятствовать выходу наших судов из гаваней. Однако прежде чем шведы успели объявиться в наших водах, Петр уже выслал из Ревеля в море под начальством капитана Петра Бредаля три фрегата

— Искать и хватать шведских каперов, появившихся у берегов герцогства Курляндского! — велел он.

Храбрый Бредаль с успехом выполнил это поручение и, взяв один капер после сильного сопротивления, а еще два, сдавшиеся без боя, привел их в Петербург. Итог похода был весьма неплох — три шведских судна и 157 человек команды.

После этой удачи Петр решил послать того же Бредаля, но уже с

четырьмя фрегатами и тремя шнявами, на поиски неприятельских торговых судов к острову Готланд. На сей раз задачу царь ставил куда более серьезную:

— На Готланде захватишь языков, наипаче морских людей, и если будет возможно, дойти до входа в стокгольмские шхеры, да пошуми там, чтобы и в Стокгольме слышали! — велел он.

Бредаль и это рискованное поручение выполнил с успехом. На Готланде он захватил несколько пленных, навел шорох, побывал и у стокгольмских шхер, пошумел и там, при этом так и не встретив нигде неприятельского флота. Что касается шведов, то они, со своей стороны, совершили нападение на Ревель. Впрочем, нападение это было ничемным и бездарным 29 мая сразу 12 шведских кораблей и несколько мелких судов подошли к Ревельской гавани, в которой стояла наша эскадра под флагом капитана Фангента. После двухчасовой перестрелки, не сделавшей ни гавани, ни судам никакого вреда, шведы ушли с рейда.

Тем временем гребной флот, остававшийся под начальством генерала Михаила Голицына, выходил к Аландским островам и вместо Ништадта вернулся на зимовку в Або, в который удобнее было доставлять из России провиант, и от которого скорее можно было перейти к стокгольмским шхерам.

Если в 1715 году на море не было одержано новой большой победы, то Петру все же выпало событие, о котором он давно мечтал, — встретить в русском порту два лучших европейских флота — английский и голландский, под общим командованием английского адмирала Нориса, которые 19 июня пришли в Ревель, конвоируя торговые суда. Вместе с ними пришли и купленные в Англии два новых линейных корабля и фрегат. Сам Петр пришел на Ревельский рейд во главе Балтийского флота. Такое событие не могло не порадовать Петра, имевшего теперь возможность воочию сравнить собственный флот с лучшими иностранными. 16 августа англо-голландский флот ушел из Ревеля, конвоируя торговые суда.

Победы русской армии и флота высоко подняли международный авторитет России. Теперь в союз с ней вошли Пруссия и Ганновер, а чуть позднее и Мекленбург. Северному союзу стали оказывать поддержку и Англия с Голландией. Но при этом они преследовали собственную цель — обеспечение торгового судоходства на Балтийском море. Той же осенью в Померании прусские, саксонские и датские войска захватили важную приморскую крепость Штральзунд. Теперь на южном берегу Балтики в руках шведов остался только Висмар.

Что касается нашего робкого союзника датского короля, то он,

убедившись в успехах русского оружия, согласился наконец-то совместно с нашими полками произвести решительное нападение на Швецию. План кампании 1716 года состоял в том, чтобы союзным русско-датским войскам высадиться на южный берег Швеции, а Апраксину с гребным флотом одновременно атаковать шведов со стороны Ботнического залива. Для исполнения этого на галеры капитан-командора Змаевича было посажено пять тысяч солдат, после чего флотилия Змаевича в августе 1715 года перешла на зимовку в Либаву. Туда же были направлены и транспортные суда, запоздавшие в пути и зазимовавшие в Риге. Одновременно в Мекленбурге был собран русский 26-тысячный корпус, который предполагалось перевезти на остров Зеландию и оттуда, под прикрытием объединенного датского и русского флотов, и непосредственно на шведский берег.

В результате всех перемещений к концу мая 1716 года в Зунде у Копенгагена собрались все наши новые корабли, построенные в Архангельске, а также и купленные за границей. В июне подошли и галеры, которые привел к Копенгагену сам Петр. На галерах находились 37 батальонов пехоты и три полка кавалерии фельдмаршала Шереметева. В июле туда же подошла из Ревеля и эскадра из семи линейных кораблей, трех фрегатов и трех шняв под началом капитан-командора Сиверса. Таким образом, общее число наших судов, собравшихся в Зунде, дошло до 22 вымпелов. К высадке совместно с датчанами десанта на южное побережье Швеции в Сконии все было готово.

Академик Е.В. Тарле писал: «В 1716 г. Петр твердо решил высадить свои войска в Швеции и там продиктовать ей условия мира. Высадку решено было вместе с датчанами произвести на южный берег Швеции — в Скании. Одновременно, для отвлечения неприятельских сил от главного театра военных действий, Петр приказал Апраксину с галерным флотом и войсками высадиться в Швеции со стороны Ботнического залива. Для выполнения намеченного плана Петр передвинул войска в Померанию, а морем в Росток пошла русская галерная эскадра, которая двинулась сюда из Либавы. Либавская эскадра сначала явилась в Данциг. Если в Данциге и происходили нередко неполадки между немцами и поляками, то в одном данцигское купечество было согласно: в неприязни к русским и в стремлении всякими правдами и неправдами вести контрабандную торговлю со Швецией. Появление русского флота мгновенно привело Данциг к полному повиновению. Из Ростка Петр лично повел свою эскадру в Копенгаген: датчане, как уже было указано, должны были участвовать в предполагаемой высадке. Ревельская эскадра 19 июля 1716 г.

тоже явилась в Копенгаген. Сюда же, по спешному повелению Петра, подтянулись и корабли, построенные в Архангельске, а также купленные в Англии».

В августе 1716 года Петр, подняв флаг на своем любимом «Ингерманланде», вступил в командование объединенным флотом, в составе которого было 20 русских, 19 английских, 17 датских и 25 голландских кораблей. Это был звездный час Петра как моряка!

Еще раз обратимся к Е.В. Тарле: «Русская эскадра, находившаяся в Копенгагене, состояла из 22 вымпелов, в числе которых было 14 линейных кораблей. К русским кораблям присоединилась датская эскадра. Подоспели в Копенгаген одновременно и голландцы и англичане. Английский адмирал Норрис имел задание вместе с голландцами ограждать в ближайшие месяцы большую флотилию английских и голландских торговых судов от настойчивых нападений шведских каперов, да и королевских шведских фрегатов (ведь Англия все-таки формально числилась в Швеции неприятельской державой). Четыре флота стояли рядом на копенгагенском рейде. Датский адмирал не желал подчиняться англичанину Норрису, а голландцы не желали подчиняться ни тому, ни другому. Решено было избрать верховным командиром всех четырех флотов русского царя, как единственного монарха, находившегося на месте. Петр всегда с тех пор с гордостью вспоминал, как ему между Копенгагеном и Борнгольмом в 1716 г. привелось командовать в качестве первого флагмана четырьмя первоклассными флотами: русским, английским, датским и голландским. В честь этого события даже была выбита медаль, на одной стороне которой находилось изображение бюста государя, а на другой Нептун на колеснице, с русским штандартом и тремя союзными флагами. На этой же стороне медали была подпись: “Владычествует четырьмя. При Борнгольме”».

5 августа союзная армада вышла из Копенгагена в Балтийское море для генерального сражения со шведским флотом. 8 августа соединенный флот прибыл к острову Борнхольм. Но сражения не случилось. Шведы, извещенные о столь серьезном приготовлении союзников, избегали столкновений с явно превосходящими силами, предпочитая отстаиваться в гаванях под защитой фортов. Когда к 14 августа стало очевидным, что никакого генерального сражения не будет, Петр спустил свой штандарт и с небольшим отрядом ушел в Данию для подготовки десанта в Швецию.

Однако, несмотря на все требования Петра, высадка десанта, которая могла разом положить конец затянувшейся войне из-за нерешительности датского короля, была отложена на неопределенное время. «Бог ведает, что за мученье с ними, — писал в отчаянии Петр Апраксину, — самое

надобное время упускают и как будто чужое дело делают». Задержка позволила шведам подготовиться, укрепить берега, там же шведы собрали и 20-тысячный корпус во главе с Карлом XII.

2 октября наш гребной флот с войсками на борту покинул Копенгаген и направился в Россию. Трусость и подлость союзников, неготовность их войск так и не позволили осуществить смелый стратегический замысел — нанести Швеции смертельный удар. Можно только представить состояние Петра, можно только представить, что говорили о союзниках царь и его приближенные между собой за штофом вина. Не тогда ли именно и возник знаменитый «большой загиб Петра»?

— Все, что я хотел получить от Швеции, я с помощью своей армии и флота уже получил. Теперь мне нужен лишь мирный трактат, который окончательно утверждал бы за нами наши приобретения. Но мир опять и опять не дается мне в руки! — с горечью говорил в те дни в ближайшем окружении Петр.

К этому времени наш флот уже господствовал на просторах Балтики от устья Невы до Копенгагена, от Гельсингфорса до предместий Стокгольма.

Между тем Петр по-прежнему продолжал неустанно работать над усилением флота. В июле 1718 года был спущен на воду 90-пушечный корабль «Лесное». Причем в постройке этого корабля царь принял личное участие. Помимо «Лесного» в том же году были спущены на воду 70-пушечный корабль «Нептунус», прам «Олифант» и несколько галер.

Кампанию 1718 года наш флот начал в составе 25 линейных кораблей, трех фрегатов и двух бомбардирских судов. Помимо этого в готовности находился и многочисленный гребной флот, готовый к перевозке десантов, подвозу боезапаса и провианта

Тем временем начались переговоры на Аландских островах. Шведы не упорствовали и не желали мириться со своими поражениями, требовали возвращения Выборга, Лифляндии и Эстонии. Наши уполномоченные держались твердо, и все претензии напрочь отвергали. Постепенно твердость шведов истаяла, и они стали быстро сдавать свои позиции. Возможно, мир между нашими державами был бы тогда и подписан, если бы не козни Англии.

Интрига Лондона привела к тому, что Россия была вынуждена продолжить войну, чтобы в конце концов все же принудить Швецию заключить мир на условиях, предложенных Петром. При этом Англия, еще вчера бывшая нашим союзником, почти мгновенно переменила курс и уже всеми силами стремилась мешать нам, помогая Швеции.

— Отныне я не чувствую никакого доверия к вашему кабинету! — открыто заявил русский царь английскому послу. — А потому буду добиваться своих целей собственными силами!

— Я извещу о вашей тревоге Лондон! — расшаркался посол Мекензи.

— Лучше известите о моих наирешительных намерениях! — поправил его Петр.

Приготовления флота к новой кампании продолжались всю весну 1719 года. Царь готовил новый поход против Швеции.

А ближе к лету на Балтике произошло событие, которое заставило шведов по-иному оценить возможности русского флота, а англичан — начать принимать реальные меры по нейтрализации его растущей мощи.

* * *

...Весна 1719 года на Балтике была жаркой. Русский флот переходил к активным действиям. Только что вернувшегося из европейской командировки капитана Конона Зотова в Ревеле встречал Наум Сенявин — капитан корабля «Портсмут». Не видевшиеся столько лет друзья обнялись. Конон, назначенный капитаном 52-пушечного «Девоншира», сразу же взялся за дело со всей серьезностью.

— Наш Конон во всем силен! — шутил Сенявин, видя, как терпеливо учит Зотов своих канониров банить пушки, офицеров точно и без помарок вести счисление да помнить назубок все флажные сигналы.

Наум Акимович Сенявин начал службу солдатом бомбардирской роты Преображенского полка, участвовал в Керченском походе, состоя матросом на корабле «Отворенные врата» под командою Петра Михайлова В октябре 1706 года участвовал и был тяжело ранен в знаменитом абордажном бою пяти русских лодок со шведским ботом «Эсперном» под Выборгом

В августе 1708 года получил поручение охранять с двумя бригаantinaми переправу через Неву. Когда шведский генерал Любекер подошел к переправе, то Сенявин встретил его сильным огнем из пушек, так что «привел неприятеля в конфузию». Шведы оправились и огнем с батареи в 12 пушек пробили в двух местах одну из бригаantin, сломав на ней мачту. Тогда Сенявин сошел на берег и овладел шведским укреплением. В 1710 году во время ледового похода Балтийского флота находился на шняве «Мункер».

В 1712 году получил поручение от Петра I, начавшего закупку за границей военных судов для русского флота, снарядить и привести в Ревель

из Кенигсберга три первых купленных в Голландии корабля. Наскоро исправив повреждения в судах, найдя офицеров и матросов, Сенявин избег крейсировавшего в Балтийском море шведского флота и 2 марта 1713 года достиг ревельского рейда, за что получил чин капитан-поручика и должность командира одного из трех купленных кораблей — «Рандольфа». В 1715 году получил от Петра I поручение вооружить корабль «Ингерманланд», в постройке которого Петр сам принимал участие и на котором затем в первый раз поднял свой вице-адмиральский флаг.

В августе того же года Петр отправил Сенявина в Англию и Голландию на корабле «Страфорд» с поручением купить пушки и шлюпки, нанять матросов и людей, «которые в воду ходят под колоколом».

В апреле 1716 года он вторично посетил Англию, а затем отправился в Копенгаген, где принял в команду корабль «Девоншир» и фрегат «Самсон». В Копенгагене у него вышло с любимцем Петра, Девьером, крупное столкновение. Генерал-адъютант Девьер, придя на судно Сенявина, сделал какие-то резкие замечания на его счет и был им за это жестоко избит. Девьер жаловался: «Мне сказать, что никакой шельмы, который достоин ругания, не можно так ругать, как он надо мною делал, я лежал более недели на постели, что поворотиться от побой не можно».

Выйдя в море на кораблях из Копенгагена, Сенявин смог отстоять честь военного флага, поднятого на корабле, когда голландский капитан хотел подвергнуть осмотру его корабль «Девоншир», как торговое судно. Когда голландцы стали грозить арестом судна, он решительно писал нашему торговому агенту Соловьеву: «Разве и весь голландский флот на мя подвигнется и тот добровольно осматривать не может, разве силою; правда, мы здесь только сильны одним флагом и вымпелом, для чего не боимся и всего их флота; а за оные его такие непотребные слова вашей милости бы надлежало бы донести кому подлежит, понеже, хотя бы на бударе был поставлен флаг и вымпел Е.Ц. В-ва, то уже стал военный, а не торговый, которому на море всегда голландский военный корабль мусит (обязан. — *Примеч. ред.*) салютовать и вымпел свой спустить, что мы сколько раз видели и впредь будем».

Под стать старшему другу был и командир «Девоншира». Конон Зотов являлся сыном воспитателя Петра Никиты Зотова. Когда юноше исполнилось четырнадцать лет, его в числе других недорослей-дворян отправили в Англию для обучения всяческим наукам.

Оказавшись за границей, Конон прилежно взялся за науки. Он учил языки и медицину, математику и военное дело. Все было интересно, но душу не волновало: едва выпадала свободная минутка, Конон бежал в порт.

Долго боролся Зотов с собой; наконец не выдержал и отписал в Москву отцу, чтоб тот попросил царя разрешить ему учиться на моряка. Прочитал Никита Моисеевич сыновнее послание и понес его Петру.

— Вот, — сказал, — государь, полюбуйся, что шельмец мой пишет. В моряки ему захотелось. Ну не дурень ли!

— Не твой ли Конон за неполных три года языками многими овладел крепко?

— Мой, государь! — с гордостью молвил Никита Моисеевич.

— А не твой ли Конон книжку бурбонскую о науке фортификации на язык наш переложил весьма складно?

— Мой! — Старик Зотов не понимал, куда клонит его воспитанник.

Подойдя к столу, Петр молча наполнил вином до краев здоровенный кубок.

— Пью здоровье первого российского «охотника», на моря идущего, — Конона Зотова! Виват!

В тот же вечер написал Никита Моисеевич ответ сыну: «...Что просишь меня с письменным ответом, дабы позволено было тебе от меня в Англии служить на кораблях? Которое письмо изволил великий государь вычесть и... тебя похвалить и за первого охотника на... его государевом любимом деле вменить и десницею своею по письмам благословить и про твое недостойное такой... милости здоровьишко пил кубок венгерского, а потом изволил к тебе с великой милостью писать своею государевою десницей».

Письмо же самого Петра было более конкретно. Царь давал понять юному волонтеру, что ему надлежит учить и на каких судах следует плавать. С этого времени между ними завязалась многолетняя переписка, вошедшая сегодня в отечественную историю как важная часть русской культуры начала XVIII века. К чести Конона, по яркости письма он мало в чем уступал своему венценосному учителю.

Четыре года провел Зотов на британских кораблях, многому научился у бывалых мореходов.

В 1711 году, испытывая острую нужду в опытных моряках, Петр вызвал Зотова в Россию. Несколько дней на встречу с родными — и Конон получил назначение на одно из судов зарождавшегося Балтийского флота.

— Наум Сенявин, капитан сей шнявы! — представился ему высокий молодой офицер.

— Зотов, из волонтеров! — пожал его руку Конон.

Так началась дружба, пронесенная через долгие годы и многие испытания...

Три кампании провели Сенявин и Зотов в непрерывных плаваниях. В один из выходов в море случилось несчастье — работавший на мачте с парусами Конон поскользнулся и упал за борт в штормовое море. Спасла Зотова лишь расторопность Сенявина: он отважился на очень смелый маневр, и матросы успели выхватить Конона из кипящего водоворота...

Вскоре приспело Зотову и первое серьезное поручение — перевести из Пернова в Ревель купленный за границей корабль «Перл». Несмотря на ветхий такелаж, необученную команду и свежую погоду, Конон выполнил это задание. В том же 1714 году он получил высокое по тем временам звание капитан-поручика. Казалось, карьера царского любимца складывалась весьма успешно. Однако судьба готовила Конону тяжелое испытание. Дело в том, что отец Конона граф Никита Моисеевич (сам Конон графского титула не носил) занимал при Петре двусмысленное положение всешутейшего патриарха и президента всепьянейшей коллегии. Это обстоятельство не могло не сказаться и на отношении при дворе к его сыну.

Предоставим слово историку: «Он (Конон Зотов. — *В.Ш.*) недаром учился в чужих краях, был человеком... с умом живым и увлекающимся. Можно себе представить теперь его положение при дворе, где отец его, по царскому желанию, разыгрывал роль начальника над компанией известных пьянчужек... И вдруг ко всему этому старик Зотов решил жениться, и при дворе задолго начали делать приготовления к свадьбе, которая должна была отправляться шутовским образом».

И Конон не стерпел обиды. Не убоясь царского гнева, он написал Петру резкое письмо. Послание это задело самолюбие Петра.

— Зарвался сын твой! — кричал он на Никиту Моисеевича — Уже меня поучать начал!

В тот же день последовал указ: «Ехать ему (Конону. — *В.Ш.*). Франции в порты морские, а наипаче где главный флот их. И там буде возможно и вольно жить».

Так началась вторая заграничная командировка Зотова. Царь Петр бывал скор на расправу, но был и отходчив. Скоро между ним и Зотовым вновь завязалась оживленная переписка. «Все, что ко флоту надлежит на море и в портах, сыскать книги, — писал царь, — также чего нет в книгах, но... от обычая то помнить и все перевести на славянский язык нашим штилем; только храня то, чтоб дела не проронить, а за штилем их не гнаться».

Конон поспевал всюду. Его видели в библиотеках и в портах, в университетах и в арсеналах. Интересы Зотова были поистине

безграничны.

Энергичный моряк не удовлетворялся тщательным исполнением поручения. В письмах к Петру он предлагал иметь постоянного представителя в Париже (вскоре таковым был назначен И. Лефорт), считал необходимым обучать за границей юриспруденции офицеров, назначаемых для работы в Адмиралтейств-коллегий. Еще пример: брату Василию Конон Зотов написал из Парижа о важности должности генерал-ревизора во Франции. Содержание письма стало известно Петру I и послужило основанием для введения в России столь важного поста, как генерал-прокурора

Еще одной из обязанностей Конона Зотова во время его второй заграничной командировки было руководство и контроль за всеми обучающимися в Европе нашими гардемаринами. Особенно же ценной для России была деятельность Зотова, как наиболее подготовленного военноморского разведчика. Петра очень волновали военные приготовления Турции, и Конон под видом торгового человека отправился на купеческом судне в Константинополь, где собрал все необходимые сведения, а также произвел съемку крепостей и гаваней. Заведя необходимые знакомства, Конон занялся дипломатической работой. Здесь первому «охотнику» доводилось особенно нелегко: приходилось бороться не только с чужими, но и со своими. Чего стоило одолеть находившегося во Франции Лефорта (племянника знаменитого сподвижника Петра), который добивался подчинения всей русской торговли одной из влиятельных французских торговых компаний. Независимость отечественной торговли удалось отстоять, но неугомонный Зотов нажил себе немало врагов в России. Сдержанный в эмоциях, все обиды он хранил в себе. И лишь иногда, когда терпеть оскорбления и несправедливость было совсем невозможно, он в отчаянии хватался за перо: «...Мне теперь встотеро пуше, нежели бы я с пятью кораблями неприятельскими в огне горел...»

В редкие минуты отдыха, в основном ночами, переводит Зотов и переправляет на Родину в большом количестве морскую и техническую литературу, руководит обучением русских волонтеров за границей, среди которых был и В.И. Суворов (отец А.В. Суворова). Для пользы общего дела Конон не жалел ничего. В одном из своих писем из Бреста на имя секретаря царя Макарова он писал так: «Я от своей ревности все, что имел при себе, им роздал: парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги, одним словом, себя разорил...» Дело в том, что французское Адмиралтейство, которое отвечало за обеспечение русских гардемарин, словно в издевку удерживало у себя присылаемые им на учебу деньги, выдавая в день

каждому по двенадцать копеек. Голодные гардемарины целыми днями рыскали по городу в поисках какой-либо черной работы. Ведь даже мундир стоил пятьдесят ефимков. Где уж тут думать об учебе! Конон делал для этих «нищих хлебоядцев» все, что было в его силах.

— Так мне прискорбно поведение французское, — выговаривал он в сердцах русскому посланнику в Париже, — что лучше видеть смерть перед глазами своими, нежели такую срамоту Отечеству нашему!

В конце концов Зотов добился своего, и гардемаринам стали аккуратно выплачивать деньги.

Ранней весной 1719 года Конон Зотов возвратился в Россию. С собой он привез богатые материалы по иностранным флотам. Петр встретил своего «охотника» радушно. От царя Конон вышел уже капитаном корабля «Рандольф». А спустя еще некоторое время перешел на 52-пушечный корабль «Девоншир».

* * *

...В конце апреля, как только сошел лед с Ревельского рейда, в море вышла крейсерская эскадра капитан-командора Якова Фангофта в составе трех линейных кораблей, трех фрегатов и пинка. Целью ее похода была разведка расположения и числа вражеских кораблей и войск, высадка на остров Эланд для захвата языков. В море корабли захватили несколько призов. От шкипера одного из них командир фрегата «Лансдоу» узнал, что в районе Пиллау находятся несколько шведских кораблей, прибывших для конвоирования в Стокгольм транспортов с зерном.

Эти сведения немедленно были направлены в Адмиралтейство. Счастливый случай нельзя было упускать, и 10 мая генерал-адмирал Ф.М. Апраксин дал указ капитану 2-го ранга Науму Сенявину немедленно отправляться в Ревель и, приняв под свое командование семь кораблей, идти в море. В указе Апраксин предписывал:

«1. Когда пройдете Наргин и Оденсгольм, объявить капитанам, которые будут с вами на кораблях, для чего и куда посланы, дабы, когда штормом или туманом разлучатся, знали б где друг друга найти.

2. Идти к Пиллау и искать шведских кораблей, которые там стоят для провожания хлеба оттоль в Стокгольм, а буде там нет идти к Данцигу и в обоих местах об них осведомляться, и ежели найдете, то чинить над ними промысел, так как доброму и верному офицеру надлежит.

3. В сем курсе далее не быть двух недель». Прочитав письмо, Сенявин

вызвал к себе капитанов.

— Выходить нам, не мешкая, в море, — сказал, сурово брови хмуря.

— Когда выходим? — поинтересовались капитаны.

— Немедля, швед ждать не будет!

Под команду к капитану 2-го ранга поступили шесть кораблей и шнява. Неся всевозможные паруса, они устремились на поиск неприятеля. Затем отряд разделился: два корабля остались крейсировать у Ревеля, остальные пошли дальше. Пройдя остров Сааремаа, «Портсмут» и «Девоншир» сошлись бортами. Сенявин, свесившись за перила, советовался с Зотовым, как быть далее.

— Ни к Стокгольму, ни к Пиляву нам плыть не с руки, — делился он своими сомнениями с другом — Стеречь надо где-то посередке! Как мыслишь?

— Мыслю так же, Наум. Надо следовать на Борнхольм, да поджидать шведа там! — отвечал Конон после минутного раздумья.

Прибавив парусов, отряд устремился на север. В ночь на 24 мая между островами Борнхольм и Готска-Сандо с передового «Портсмута» обнаружили неизвестные суда. По сигналу Сенявина корабли устремились в погоню. Через несколько часов к весту от острова Эзель стали различимы беглецы: то были линейный корабль, фрегат и шхуна Флагов на судах не было. Но было очевидно, что это шведы.

В свою очередь, командовавший шведским отрядом капитан-командор Врангель, правильно оценив ситуацию и поняв, что расклад сил явно не в его пользу, повернул свой отряд на норд-вест в попытке укрыться в Сандгамне. Наши же, все еще до конца не определив национальную принадлежность кораблей, начали преследование.

Вскоре вперед вырвались два головных линейных корабля — флагманский «Портсмут» и «Девоншир» капитана 3-го ранга Конона Зотова. Не дожидаясь подхода всей русской эскадры, они начали преследование, заняв подветренную сторону и набирая ход всеми парусами.

К пяти утра Сенявин сблизился на дистанцию артиллерийского боя и дал два предупредительных выстрела, чтобы заставить командиров кораблей поднять свои флаги. После второго выстрела на кораблях взвились шведские флаги и брейд-вымпел капитан-командора Врангеля. Шведы принимали бой.

— Флагманским никак 52-пушечный «Вахмейстер», в струе у него 32-пушечный фрегат «Карлус-Кронвапен» о 32-х пушках, да 12-пушечная бригантина «Бернгардус» о двенадцати! — уже определяли силы противника наши офицеры. — Недурно, кто толк понимает!

Не теряя времени, по сигналу Сенявина наши корабли открыли огонь.

«Портсмут» при поддержке «Девоншира» сразу же решительно вступил со шведским флагманом в яростную перестрелку, стремясь отрезать его от фрегата и бригантины. Противники «стояли друг против друга от пятого часа и даже до девятого», — гласит хроника. Шведы сопротивлялись отчаянно, целя в рангоут и такелаж наших кораблей, в чем в итоге он преуспел, перебив штаги и сбив марса-реи на «Портсмуте».

— Вот ведь гадство какое! — ругался Сенявин, понимая, что, теряя ход, он из охотника сразу же сам становится добычей.

Видя беспомощное положение русского флагмана, шведские суда немедленно атаковали «Портсмут», стремясь помочь Врангелю оторваться и выйти из боя. Однако положение дел спас Конон Зотов. Храбро подвернув свой «Девоншир», он перенес весь свой огонь на «Вахмейстер». Дистанция была минимальной, и русские ядра находили себе щедрую поживу.

Отогнав шведский флагман от Сенявина, Зотов, искусно маневрируя, погнал неприятельский фрегат прямо под пушки «Портсмута». Поняв намерение друга, Сенявин успел развернуть свой корабль и расстрелял фрегат продольными картечными залпами. После недолгого сопротивления тот выкинул белый флаг. Вслед за фрегатом сдалась Зотову и попавшая под огонь его корабля бригантина

Из шканечного журнала линейного корабля «Девоншир»: «8 часов. Палили с командорского корабля по шведским кораблям и с пушки с ядром. Потом они подняли свои шведские флаги, и палил их комендор по нашему командиру и с пушке с ядром, и наш командор для баталии поднял на форстенге красной флаг, а на крюйс-стенге — штандарт, и стала баталия. Наш командор Сенявин пошел против шведского командора, а наш капитан Зотов шел против шведского фрегата, а шведской гукор был между командорским и нашим кораблями, и была баталия с 5 часа, и потом перебили у нашего командора грот-марсель-фал, и поворотился наш командор поперек пути шведского гукора... А наш капитан пошел к фрегату на борт, и потом в 8-м часу оной фрегат спустил флаг и вымпел, и послали с нашего корабля на фрегат поручика на шлюпке, и привезли 1 капитана, 2-х поручиков, 1 подпоручика и от солдат прапорщика, и потом послали с нашего корабля на фрегат гардемарина и с ним матрос и солдат, и подняли на фрегате наш русской шаутбенахтской флаг. Потом и гукор сдался. А оной гукор называется “Борнгардус”, а фрегат “Карлускронавапен”... А за комендором шведским пошли в погоню наши корабли “Рафаил”, и “Ягудиил”, и “Уриил”. А в баталию на нашем корабле

перебили фардун-грот-штак, фока-топонант, форсель-тали и пробili у нас парусы грот- и фоксели и марсели».

* * *

После того как сдалась бригантина, Врангель поначалу хотел было прийти к ней на помощь, но, видя, что что-то изменить уже поздно, попытался вырваться из боя.

Однако и здесь ему не повезло, так как к месту схватки уже подходили «Ягудиил», «Рафаил» и «Наталия».

— Сигнал Деляпу и Шапизо немедленно гнать в погоню за шведом и лупить его, пока не запросит пардону! — распорядился Сенявин.

На фалах «Портсмута» взлетели и рассыпались на ветру флаги. «Ягудиил» и «Рафаил» устремились в погоню, в то время как Зотов с кораблем «Девоншир» и шнявой «Наталия» остался подле плененных фрегата и бригантины. Наскоро исправивши повреждения в такелаже, в погоню за шведским флагманом поспешил и Сенявин.

В двенадцатом часу дня преследователи вышли на траверз «Вахмейстера», и сражение возобновилось. Теперь неприятельский корабль атаковал уже «Рафаил», но, имея больший ход, капитан Шапизо не убрал вовремя паруса и проскочил вперед. У шведов снова появился шанс. Но к шведскому флагману уже подходил «Ягудиил». При этом храбрый капитан Деляп сманеврировал столь дерзко, что подошел к шведу вплотную, так что наши матросы начали забрасывать шведов ручными гранатами. Барабанщики уже били «абордажный бой», а матросы, вооружившись тесаками и мушкетами, целовали нательные кресты. Еще минута-другая и начнется рукопашная. Шведская команда также вывалила на палубу и, сгрудившись у борта, готовилась к достойной встрече русских. И тут Деляп обманул противника. В самый последний момент «Ягудиил» отвернул от «Вахмейстера» и произвел по нему залп всем бортом. Наши стреляли картечью! На палубе «Вахмейстера» творилось что-то невообразимое... А тут еще и подошедший «Рафаил» приложил шведский корабль. Упал на шканцах тяжелораненый барон Врангель.

— Снесите командора в лазарет! — распорядился капитан Тролле, известный храбрец. — Мы продолжаем бой!

Вновь загремели пушки, снова полилась кровь...

Только когда к трем часам дня к месту боя подошел «Портсмут» и остальные наши корабли, оставшийся к этому времени без всех мачт, весь в

пробоинах, «Вахмейстер» спустил флаг.

Из письма командира «Ягудиила» Джона Деляпа, написанного через день после Эзельского боя: «...44-пушечный корабль (речь идет о «Вахмейстере». — В.Ш.) был атакован капитаном Шапизо за полчаса до того времени, как я мог к нему приблизиться; а когда я подошел к нему на такое близкое расстояние, что мог с марсов своих бросать на его палубу гранаты, капитан Шапизо ушел так ему вперед, что не мог дать по нем ни одного выстрела. Я был так близко к нему, что такелаж мой пострадал до такой степени, что для завладения призом я не мог спустить своей шлюпки так же скоро, как капитан Шапизо, что дало ему право приписывать себе честь завладения призом. После этого я могу сказать, что я срубил куст, а он зайцем убежал. Потеря моя в людях состоит из убитых комиссара, гардемарина, трех матросов и двух солдат и девяти раненых. На корабле капитана Шапизо не было никакой потери в людях, кроме лейтенанта Китера, который был смертельно ранен и того же дня умер...»

Весьма любопытное описание Эзельского сражения оставил любимец Петра I адмирал Федор Соймонов: «Капитаны Деляп и Шипизов, хотя не в малом расстоянии от Сенявина, шведский корабль догнали, и первым, будучи под ветром, Шепизов стрелять начал, а Деляп, будучи в ветре, не палил, и, хотя немало от шведского корабля выстрелов претерпел, однако ж больше трех человек у него не убито. По той же причине, что оной стрелял по мачтам и такелажу Деляпову, уповая по тому ж, что и у Сенявина снасти повредил, чтоб только способному идти ему возможно было. Но, как Деляп к нему подошел, тогда немалой вымысел учинил, а именно, во-первых, приказал своим офицерам и всем своего приказу не слушать, а исполнить всякому свою должность в пушечной стрельбе. Потом закричал в трубу по-англицки и по-русски, чтобы все люди шли наверх для абордажа неприятеля. Тогда шведский капитан-командор, приняв то за истинную (команду), что Деляп хочет для абордажа сцепиться с его кораблем, действительно приказал своим людям оставить пушки, идти для сопротивления абордажу, и, как оные наверх выбрались, тогда с Деляпова корабля по первому его приказу набитыми пушками по ядру и по картечи высалили одним залпом, от которого убито шведов восемьдесят пять человек, от чего шведы в такую конфузию пришли, что того ж моменту флаг спустили. Такою радостью российские офицеры и матросы объаты были, которой больше быть невозможно. И сказывали те, которые притом были, что все люди кричали “Виват!”».

Показания шведского капитан-командора Врангеля об Эзельском сражении: «В 1719 году 24-го мая, между Готско-санде и Дагерорда поутру,

увидел я шесть Е.И.В. кораблей и одну шняву... В 5-м часу пустились ко мне их два корабля, на которых были на одном командор Сенявин, а на другом капитан Зотов и бились они со мною 5 склянок... и отрезали от меня фрегат и барк; сколь скоро я того увидел, поднял я все свои парусы, чтоб мне уйти, а часу в 11-м или 12-м дня и другие 4 корабля меня нагнали, из которых на переднем был капитан Шапизо, и он меня атаковал на лювартную сторону, и как мы несколько времени друг с дружкой бились, атаковал меня капитан Деляп на анлей и бакборт сторону, и выпалил по моему кораблю всем лагом в корму, и я тогда стал между двух кораблей: один на лювартную, а другой на анлей сторону, и как мы несколько времени на беспрестанном пушечном бое бились, и капитан Деляп ко мне придвинулся ближе, и хотел абординовать, и я потому послал всех своих людей на верх, чтоб сдержатъ такой бортный бой, и как он капитан Деляп то увидел, паки немного от меня отворотил и выпалил на меня всем лагом по моему кораблю; и тогда он у меня испортил много такелажа, тако ж и руля, что мне невозможно было корабль свой править, понеже, что оный мой корабль с такой жестокой пальбы со всех сторон весьма поврежден; и как я всех своих людей паки послал на низ к пушкам, увидел я что и другие два корабля задние стали гораздо ко мне приближаться, один на люварт, а другой на анлей, и корабль мой, как выше было объявлено, весь был поврежден от такой непрестанной и долгой пальбы; так я приказал спустить флаг для отдачи своего корабля, и понеже флаг-штак-фалы избиты были и мой флаг на половину флагштока висел, приказал я белый флаг поднять под бизань-рею и покамест что я такой сигнал учинил и приказал людям моим перестать палить из пушек от помянутого капитана Деляпа еще лаг получил, в котором и меня ранили. Что прочее учинено мне неизвестно, понеже что я велел себя принести на низ к лекарю, чтоб перевязать раны мои. А меня взяли на корабль к капитану Шапизо».

Победа была полной. В плен попали все три шведских судна, почти четыре сотни матросов, десяток офицеров и раненный Врангель. Потери у шведов тоже были впечатляющими — полсотни убитых и полтора десятка раненых.

Наши потери, несмотря на всю ярость сражения, были минимальными — убитыми 3 офицера и 6 матросов, да еще десяток раненых.

Узнав о результатах первой победы корабельного флота, Петр радостно воскликнул:

— Сие есть добрый почин моего флота!

Известие о победе у острова Эзель Петр получил в день святого Исаака. Этим именем он повелел назвать один из новостроящихся

кораблей, и в состав флота вскоре вошел линейный корабль «Исаак-Виктория».

По итогам Эзельского сражения была отчеканена и наградная медаль, «известная в пяти вариантах». Большой серебряной были награждены унтер-офицеры, а малыми — матросы и солдаты. Для офицеров были изготовлены золотые медали в зависимости от их ранга. На реверсе медали был изображен морской бой с надписью: «ПРИЛЕЖАНИЕ И ВЕРНОСТЬ ПРЕВОСХОДИТЬ СИЛНО», а под обрезом; «МАЙЯ 24 ЧИСА 1719». На аверсе был изображен в профиль портрет Петра. Носить медаль полагалось на андреевской голубой ленте.

* * *

Тем временем англичане ввели в Балтийское море эскадру адмирала Ноульса, Едва английские корабли вошли в Зунд, Петр вызвал к себе Зотова — Боюсь, как бы Ноульс сей не образовал со шведами единого флота противу нас, ибо успехи наши громкие многим не по нутру! А посему надлежит тебе, Конон Никитич, вступив в капитанство над фрегатом «Самсон», плыть на нем к оному Ноульсу с моею декларацией, — поделился он своими тревогами.

— Исполню, государь, все в точности! — отвечал Зотов. Через несколько часов «Самсон» уже резво бежал по волнам, держа курс к датским проливам.

Передав английскому адмиралу петровскую декларацию, в которой значилось, что Россия не возражает против свободного плаванья коммерческих судов всех наций по Балтике, однако будет препятствовать всякому доставлению шведской контрабанды, Зотов успел еще и разведку произвести. Хорошо зная британский флот, он сразу оценил боевые возможности и мощь английской эскадры. В обратный путь он отправился с письмом адмирала Ноульса. Тот сообщал Петру, что пришел в балтийские воды лишь с целью защиты своих коммерческих судов, а также для того, чтобы оказать дружественное содействие в заключение мира между Швецией и Россией.

— Врет, подлец! — заключил царь, прочитав послание. — Изворачивается! А тебе, Конон, мое благодарение за содеянный тобой подвиг!

В руках Петра был сделанный Зотовым обстоятельнейший отчет об английской эскадре. Там были даже характеристики британских капитанов.

И когда только успел!

Не поверив ни единому слову Ноульса, Петр приступил к активной подготовке возможной борьбы с англичанами. В то время Ф.М. Апраксин высадил десант на шведском берегу севернее Стокгольма. Швеция была в панике.

А Зотов меж тем получил новое поручение Петра — подготовить к возможной обороне от англичан Ревельский порт. Конон, как всегда, взялся за дело основательно. Он не только укрепил оборону, но и разработал оригинальный план противодействия неприятелю с применением брандеров и изобретенных им специальных бонов «с тройными спицами для защиты». Стенки гавани Конон предложил вымазать на французский манер негорючими смолами. Но англичане так и не решились выступить на стороне Швеции. Мощь российского флота была слишком очевидной, а решимость Петра I бороться до конца не вызывала сомнений.

Если Гангут стал победой нашего галерного флота, то Эзель стал первой победой нашего корабельного флота. Отныне шведы уже не то что не пытались оспорить наше превосходство на всем Балтийском море, но боялись даже вывести свои корабли из гаваней. Сражение за Балтику было с блеском выиграно. Теперь дело было за малым — надлежало поставить последнюю точку в битве за Балтику. И эта точка (скорее даже восклицательный знак) была вскоре поставлена.

Глава шестнадцатая.

ПОБЕДНЫЕ ЗАЛПЫ ГРЕНГАМА

После побед российского флота при Гангуте в 1714 году и при Эзеле в 1719 году боевые действия на Балтике продолжились. Теперь наш гребной флот уже всю опустошал побережье Швеции, высаживая десанты в прибрежных селениях, а парусный господствовал в открытом море. Что касается шведов, то их армия и флот были деморализованы. Теперь предстояло нанести последний сокрушающий удар по изможденному противнику.

В конце июня 1719 года наши парусный и гребной флоты соединились у полуострова Гангут и направились к острову Лем-ланд, входящему в состав Аландского архипелага 132 галеры, 100 лодок, на борту которых находилось 26 тысяч десанта, прибыли к Лемланду. Тогда же прибыл к острову и наш парусный флот, в составе которого находился 21 линейный корабль. На острове Лемланд была оборудована временная база флотов. К западу и югу от Аландских островов были высланы дозорные корабли под командованием Н.А. Сенявина, но шведский флот, потрясенный поражением при Эланде, не показывался.

Затем русский соединенный флот двинулся к берегам Швеции. Между тем международная обстановка накалялась до предела. В конце июня английская эскадра адмирала Д. Норриса в составе 12 линейных кораблей и двух фрегатов прибыла в Зунд, якобы для охраны своих торговых судов.

Петр немедленно послал к адмиралу Норрису капитана К. Зотова, который объявлял, что Россия не препятствует английскому мореплаванию по Балтийскому морю с условием, чтобы на торговых судах не перевозилась контрабанда. Англичане дали неопределенный ответ, т.к. Норрис имел приказ соединиться со шведским флотом и действовать совместно.

Появление английской эскадры в Балтийском море, впрочем, не повлияло на действия нашего флота. Русское командование приступило к исполнению задуманного плана Галерный флот адмирала Ф.М. Апраксина встал на якорь перед Стокгольмом у острова Капельпер, находившегося на стокгольмском фарватере от моря к матерiku. На другой день Апраксин направил отряд генерал-майора П.П. Ласси в составе 21 галеры и 12 островских лодок с 3,5 тысячи человек войска для разведки и высадки

десанта севернее Стокгольма. По пути следования им были захвачены три шведа, в том числе лоцман. Они срочно были доставлены в отряд Апраксина

После проведенной разведки главные силы гребного флота в составе 96 галер, 60 островских лодок, свыше 20 тысяч направились вдоль стокгольмских шхер. В середине июля флот Апраксина подошел к крепости Даларе, расположенной на материке в 30–35 км юго-восточнее столицы Швеции. Было решено послать берегом отряд казаков и 500 человек на островских лодках. Отряд на лодках должен был исследовать фарватер. Отрядам приказывалось продвигаться к Стокгольму вплоть до пригородов, но в «азарт себя не давать», а посеять панику, настолько это будет возможно.

Выяснив обстановку, генерал-адмирал Апраксин с главными силами обошел крепость Даларе и достиг городов Нечипенг и Норчепинг. В их окрестностях были уничтожены литейные заводы. Шведские отряды разбегались при приближении наших отрядов. При отступлении шведы сами подожгли Норчепинг, бросив много бронзы и меди, купеческих судов и более 300 пушек различного калибра. Одновременно наши галеры полностью парализовали морские сообщения шведов, захватив более десятка груженных товарами судов.

В это время Ф.М. Апраксин получил от Петра I указание идти к Стокгольму и, выбрав удобное место для стоянки, производить высадку десантов с целью создания угрозы нападения на шведскую столицу, «дабы тем неприятелю отдыха не дать и не почаял бы, что конец кампании».

Тем временем гребной флот Апраксина подошел к фарватеру Стекзунд, и на оба берега пролива были высажены отряды И. Барятинского и С. Стрекалова по три батальона пехоты каждый. Вскоре они были атакованы шведской армией в 17 тысяч человек. После полуторачасового боя шведы бежали.

На другой день для разведки был выслан небольшой отряд русских. Он обнаружил значительные силы шведов, а фарватер — перегороженным затопленными судами. Для разведки других проходов был послан отряд под командой шаутбенахта М.Х. Змаевича на 21 галере и 21 лодке. Основные силы флота Апраксина стояли, дожидаясь возвращения разведывательного отряда. Змаевич, не дойдя до крепости Ваксхольм, остановился и, несмотря на пушечную пальбу, обследовал на шлюпках крепость. Под крепостью было обнаружено 5 линейных кораблей и 5 прамов. На одном из кораблей развеивался адмиральский флаг. Фарватер к Стокгольму был перегорожен железными цепями. На обратном пути отряд Змаевича, невзирая на

присутствие шведской пехоты и кавалерии, при поддержке огня с галер высадился на берег и сжег береговые постройки.

Затем отряд соединился с флотом генерал-адмирала Апраксина. На следующий день русский галерный флот двинулся к острову Лемланд, где в 10 часов вечера был встречен самим Петром I у вновь построенной батареи.

Столь же успешно севернее Стокгольма действовал отряд генерал-майора П.П. Ласси. Энергичный и предприимчивый Ласси шел северным фарватером вдоль берега, высаживая десанты в Эстхаммаре и Эрегрунде, уничтожая литейные заводы и вступая десантными силами в бои с неприятелем на побережье.

Экспедиция 1719 года русского галерного флота была весьма успешной. Она нанесла шведской военной промышленности значительный урон посредством уничтожения большого количества металлургических заводов. Были обследованы и пути в шхерах к столице Швеции. Моральное значение похода также было огромно. Шведы же, наоборот, были потрясены беззащитностью своей территории.

Готовясь к кампании 1720 года, Петр I заявил:

— Надлежит построить столько судов, чтобы оные могли взять на борт 30 тысяч десантников. Кроме того надо построить 10 конных галер, 12 шхерботов, увеличить количество до 150 островских лодок

Надо ли говорить, что такое массовое строительство, да еще в столь сжатые сроки, было делом чрезвычайно трудным, но иного выхода у Петра в тот момент просто не было.

Решение диктовалась чрезвычайно усложнившейся международной обстановкой. Англия стремилась поддержать клонящуюся к упадку Швецию и нейтрализовать растущую мощь России. А потому, планируя боевые действия на будущий год, Петр должен был быть готовым к тому, что их придется вести уже не только против Стокгольма, но и против Лондона.

* * *

Между тем англичане были настроены весьма воинственно. Под влиянием британской дипломатии начавшиеся было русско-шведские переговоры на Аландских островах преднамеренно затягивались. В Портсмуте готовилась к походу на Балтику линейная эскадра адмирала Норриса. Петр был всем этим раздражен и в сердцах не раз говорил:

— Я пошлю сорок тысяч вооруженных уполномоченных, которые подкрепят то, что говорится на Аланде!

Что касается наших солдат и матросов, то именно тогда среди них возникла популярная впоследствии присказка:

— Гличанка, она завсегда русскому человеку гадит!

21 января 1720 года Англия подписала союзный договор со Швецией, гласивший, что английский король пошлет эскадру в распоряжение шведского правительства, чтобы отразить нападение «москвитов на Швецию».

Но военные приготовления Англии не обескуражили Петра. Новый 1720 год начался с громкой победы российского флота на Балтике. В январе отряд в составе шнявы «Наталия», галиота «Элеонора», пинка «Принц Александр» и двух гукаров под командованием капитана 3-го ранга Франца Вильбоа захватил шедшие из Стокгольма в Данциг два шведских судна, груженных артиллерией. На взятых судах находились пушки, потерянные нашими войсками под Нарвой в самом начале Северной войны.

В 1720 году произошло важное событие в становлении российского флота — был принят первый Морской устав под заглавием «Книга устав морской, о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море». 13 января 1720 года был объявлен указ об издании Морского устава, а 13 апреля опубликован сам документ. Во введении к уставу Петр определил значение флота в системе вооруженных сил страны, записав ставшую впоследствии знаменитую формулу: «Сие дело необходимо нужно есть государству (по оной пословице, что всякий потентант, который единое войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет...)»

С началом кампании адмиралу Ф.М. Апраксину было предписано подготовить парусный флот. В марте 1720 г. Апраксин дал инструкцию капитан-командору В. фон Гофту провести поиск у берегов Швеции. Предписывалось и внимательно следить за приходом английских военных кораблей.

14 (25) апреля 1720 года эскадра Гофта в составе семи кораблей и фрегата вышла на поиск к берегам Швеции. В конце апреля галерный флот из 105 галер, 110 островских лодок, 8 бригантин и десант численностью в 24 тысячи человек вышел из Або к западным островам Аландского архипелага. Русское командование решило действовать, опережая противника. Петр I уже 11 (22) апреля 1720 года дал указание адмиралу Апраксину о подготовке десантов к боевым действиям. Пока английский флот в составе 21 линейного корабля и 10 фрегатов начал свое движение к

Швеции, к неприятельскому побережью, начал действовать и командующий нашим гребным флотом князь Михаил Голицын.

К этому времени он уже сконцентрировал галерный флот и силы десанта на западных островах Аладского архипелага. Как только позволила ледовая обстановка, Голицын направил 35 галер с десантом в 6 тысяч человек на территорию Швеции. Этот отряд под командованием бригадира Мангдена пересек Ботнический залив, подошел к шведскому побережью и высадил десант. При этом на сей раз наш десант действовал не так, как раньше. Мангден не ограничился действиями лишь на побережье — десант прошел в глубь Швеции, практически не встречая никакого сопротивления, на 30 верст, сжег два города и 41 деревню, захватил несколько каботажных судов. Ужас опять овладел всей Швецией. Обыватели приморских селений бросали дома и убегали в глубь страны. Крик «Русские идут!» был слышен всюду. В полном отчаянии Стокгольм слал сигналы бедствия своей последней надежде — объединенному английскому флоту.

Что касается английского флота, то он только 12 (23) мая прибыл в Швецию и, соединившись со шведским флотом, двинулся к берегам России, не подозревая, что русский флот уже хозяйничает за его спиной на побережье Швеции. Экспедиция русского отряда показала шведскому правительству, что защита англичан не может избавить Швецию от десантов русского флота. Набег отряда вынудил шведское командование отказаться от активных действий против русских военных портов.

18 мая на острове Котлин Петр I подписал знаменитый указ: «... Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело». К концу месяца к Ревелю подошла объединенная англо-шведская эскадра в составе 35 вымпелов, в том числе 25 линейных кораблей. Но эта демонстрация не испугала русских, наоборот, они стали действовать еще активнее.

В конце мая 1720 года англо-шведский флот появился у Ревеля, где все было готово к защите. Помимо гарнизона население города вооружилось не только ружьями, выданными губернатором, но и личным оружием. Вскоре англошведский флот приблизился и стал на якорь в трех милях от города. Атаковать Ревель шведы с англичанами так и не решились. Простояв три дня, они ушли в Стокгольм. Тем временем Петр продолжал подготовку к действиям на море. Англичан он несколько не испугался и отменять активных боевых действий на Балтике не собирался.

12 июня эскадра под командованием Гофта отошла от острова Котлин и приступила к крейсированию между Гангутом и Рогервиком. Галерный флот под командованием М.М. Голицына переместился из гавани острова

Лемланд к финским берегам залива.

Русское командование считало необходимым сосредоточить галерный флот и десантные войска в одном месте под прикрытием парусного флота впредь до выяснения направления дальнейших действий соединенного англошведского флота. Но это решение не означало отказа от активных действий.

После ухода русского галерного флота от острова Лемланд там появились разведывательные шведские галеры. Петру донесли, что три шведские галеры захватили одну из семи русских лодок, севшую на мель. Несмотря на то что никто не попал в плен, Петр I выразил недовольство потерей лодки. Он приказал М.М. Голицыну провести разведку и очистить Лемланд и все Аландские острова от неприятеля.

— Непользнего мира не учиним! — заявил он со всей решимостью.

24 июля русская флотилия под командованием Голицына в составе 61 галеры, 29 лодок, на которых находилось 11 тысяч десанта, вышла к Або, намереваясь достичь Аландского архипелага. Недалеко от острова Лемланд уже находились две шведские эскадры: под командованием К. Шеблада (линейный корабль, 2 фрегата, 2 галеры, галиот и 2 шхер-бота), вторая эскадра под командованием К. Вахмейстера (3 линейных корабля, 12 фрегатов, 8 галер, 2 бригантины, 3 шхербота, галиот, шнява и брандер).

26 июля русские галеры подошли к проливу близ Лем-ланда и у острова Фрисберг обнаружили эскадру Шеблада. Сильный ветер и большие волны помешали ее атаковать. Русские галеры стали на якорь у берега в затишье и выжидали удобного момента для атаки. Однако ветер не стихал. На следующий день было решено отойти к более удобной стоянке у острова Гренгам и, «когда погода будет тихая, а оные суда далече не отступят, чтоб абордировать».

План Голицына был и прост и гениален. Ввязываться в бой с корабельной шведской эскадрой на «большой воде» было бы безумием, а потому Голицын решил пойти на хитрость.

— Дадим сражение у острова Гренгам, где место для наших галер способное! — объявил он свое решение младшим флагманам.

Гребная флотилия начала медленно отходить к тесному плесу острова Гренгам, демонстрируя шведам свою «слабость». Хитрость удалась, и вице-адмирал Шеблуд потерял осторожность.

Как только наши галеры начали отходить к Гренгаму, эскадра вице-адмирала Шеблада, усиленная кораблями из другой эскадры, снялась с якоря и устремилась в погоню за «убегающим» русским гребным флотом. Между тем наши галеры втянулись в узкий пролив между островами,

изобилующий мелями. Теперь тактическая ситуация переменялась, и все преимущества были уже на нашей стороне. Можно лишь представить напряжение Голицына в те минуты, когда он вглядывался в подозрную трубу в ожидании действий противника. И шведы его ожиданий не обманули! Сразу четыре передовых шведских фрегата, увлекшись погоней, втянулись один за другим в шхерную узкость, где с трудом могли маневрировать.

Увидев это, ММ. Голицын приказал галерам немедленно атаковать шведов. К. Шеблад, шедший на линейном корабле вслед за фрегатами, наконец понял всю опасность, которая ему угрожает. Он дал сигнал фрегатам развернуться бортами к галерам, чтобы встретить их залпами бортовой артиллерии. Но было уже поздно, и шведы ничего не успели. Фрегаты «Венкерн» и «Шторфеникс», разворачиваясь, уклонились от фарватера и сели на мель, после чего сразу же были окружены нашими галерами. Чтобы не попасть под бортовой залп фрегатов, галеры на усиленной гребле подскочили к фрегатам, сцепились с ними, после чего на борт шведских судов устремились армейские команды. Закипел ожесточенный абордажный бой. Ни высокие борта, ядра, ни абордажные сетки не остановили порыв наших моряков. Некоторое время шведы еще кое-как отбивались, но потом русские абордажные партии их просто смели с палуб. Оба шведских фрегата были взяты в плен в течение какой-то четверти часа. Таким поворотом событий шведы были потрясены, однако изменить ситуацию уже не могли.

Два других фрегата — «Кискин» и «Данскерн» — пытались было вырваться из западни, но им помешал уже сам вице-адмирал Шеблад. Увидев решительную атаку галерного флота, Шеблад попытался, повернув по ветру, вывести в открытое море свой флагман. Громоздкий линейный корабль совершил разворот на месте, чтобы не выскочить на мель, и тем самым перегородил своим фрегатам выходной фарватер.

«Кискин» и «Данскерн» оказались в ловушке. Пока Шеблад разворачивался, пока он ловил ветер в паруса и пока, наконец, вытягивался из узкости на открытую воду, фрегаты подверглись яростному абордажу наших галер.

И хотя с «Кискина» и «Данскерна» отчаянно зывали о помощи, но флагману было уже не до них. Видя стремительный захват первой пары фрегатов и понимая обреченность второй, Шеблад думал лишь о том, как самому вырваться из устроенной ему ловушки. И вскоре над «Кискином» и «Данскерном» взвились Андреевские флаги.

К этому времени Шеблад наконец-то сумел развернуть линейный

корабль и теперь что есть сил уходил с Гренгамского плеса. Но Голицын не желал ограничиться четырьмя призами, он рассчитывал на большее. А посему по его сигналу десяток галер под началом полковника Чубарова немедленно бросились в погоню за шведским флагманом. Одновременно галеры вели огонь из носовых «погонных» пушек. Стреляли русские бомбардиры точно, и вскоре золоченая корма шведского корабля была разбита в щепы. С наших галер хорошо видели, как ядра отрывают доски с кормы шведского линейного корабля. Однако, к этому времени Шеблад все же вырвался из губительной узкости. Теперь ситуация переменилась, и перед галерами Чубарова находилась уже вся готовая к обороне шведская эскадра. К тому же свежий ветер развел большую волну, на которой галерам было очень трудно выгребать. В таких условиях атака ее могла стоить нам большой крови при весьма сомнительных перспективах успеха. А потому Чубаров поступил совершенно правильно — отвел свои галеры в шхеры. Впрочем, шведам было уже не до наших галер...

Бой при Гогланде длился около четырех часов и завершился полной победой нашего гребного флота.

О своей победе князь Голицын докладывал графу Апраксину следующее: «...а, осмотря и призвав генералитет, полковников и подполковников, имели совет и предложили, чтоб того дня выйти в гавань к острову Грейнгам и, когда погода будет тихая, а оные суда далече не отступят, чтоб абординовать. И как мы в тое гавань стали, то оныя суда и еще прибылая с вице-адмиралом Шеблат, на парусах шли к нам в пролив, чего невозможно было наняться; однако ж для погоды имели отступить в прежнюю свою гавань, а оные за нами ж азартовали. И усмотря, что так далеко к заливу пробились, а отмели и каменя много, принуждены в надежде поиску абординовать и, как стали к ним пригребать, и оных, во оборотах, для пушечной стрельбы и в ретиреде и что снасти перебиты, стало на мель два фрегата, которые хотя не с жестоким только абордирунгом достали, а два фрегата взяты абордирунгом на парусах на свободной воде. А остальные вице-адмиральский корабль и прочие ретировались, однако ж по возможности гнали и от вице-адмиральского корабля от кормы видели в воде доски; а нам за ним больше следовать не допустило за погодой, а паче что близко к морю и место широко, тако ж и с моря еще два судна показались, а ежели б затихло, то бы ни одного судна весьма не упустили».

В результате сражения при Гренгаме наши взяли в плен четыре фрегата и 407 человек команды, еще 103 человека шведы потеряли убитыми. Наши потери составили 82 человека убитыми и 246 ранеными.

Бой был настолько ожесточенным, что более сорока человек были обожжены пушечными газами. О напряжении сражения красноречиво говорит и расход боезапаса: с галер было выпущено 31 506 патронов и 23 971 заряд картечи.

Об этой победе Петру II сообщили в день Преображения (6 августа) при выходе его из церкви Святой Троицы. Царь тут же возвратился в храм и приказал служить благодарственный молебен. Особенно обрадовало Петра, что дата гренгамской победы совпала с датой победы при Гангуте в 1714 году. В этом Петр видел волю Провидения. О результатах новой победы Петр не без иронии писал А.Д. Меншикову: «Правда не малая виктория может причестся, а наипаче, при очах английских, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот».

— Победили шведов при очах английских! — говорили в те дни наши моряки.

* * *

Победа при Гренгаме произвела оглушительное впечатление во всей Европе. Она наглядно продемонстрировала, что мощь русского флота отныне такова, что даже помощь англичан не спасает Швецию ни от новых десантов на ее побережье, ни от новых поражений на море. Бессилие Стокгольма в битве с Петербургом стало очевидно для всех и, прежде всего, для самих шведов. Что касается англичан, то после известия о Гренгаме английский флот уже не решился открыто выступить на стороне шведов.

Адмирал Норрис со своей эскадрой некоторое время простоял перед Ревелем, не предпринимая, впрочем, никакой попытки высадить десант. Норрис прекрасно понимал, что его десант будет сразу же уничтожен русской пехотой, а потому и не рисковал. Более того, поняв, что русских на испуг не взять, он постоянно писал в Петербург слезные письма, что, дескать, послан королем исключительно для того, «дабы предложить свое посредничество для заключения умеренного и справедливого мира между Россией и Швецией».

Читая сии слезницы, генерал-адмирал Апраксин лишь хмыкал:

— Сдается мне, что согласно европейской политике следовало прежде прислать в Санкт-Петербург полномочного министра, а не тащить свой флот к берегам нашим!

Когда же Норрис получил известие о разгроме шведов при Гренгаме и

начавшемся походе нашего гребного флота к берегам Швеции, то поспешно снялся с якоря и поспешил к Стокгольму. Впрочем, и там англичане ограничились лишь демонстрацией.

Что касается шведского правительства, то оно было потрясено не только очередным поражением своего флота, но и выжидательной позицией англичан, которые после Гренгама явно не горели желанием ввязываться в бои с русским флотом, с весьма вероятным сомнительным исходом для себя.

Петр I же особенно гордился тем, что под Гренгамом русский флот доказал свою способность брать в плен шведские суда, даже тогда, когда их поддерживала английская эскадра адмирала Норриса.

Шведские плененные фрегаты были приведены в Петербург. Петр I наградил всех участников боя. Князь Голицын получил усыпанные бриллиантами шпагу с надписью «за добрую команду» и трость.

На этом все военные действия Северной войны, собственно, и закончились. Стокгольм, окончательно поняв, что любое промедление с заключением мира с Россией лишь ухудшит его положение, принял решение начать мирные переговоры.

Ну а чтобы шведы стали сговорчивее, в мае 1721 года к берегам Швеции был направлен отряд генерала Петра Ласси из 30 галер, 40 других судов и 5 тысяч десанта.

Миновав Ботнический залив, Ласси приблизился к крепости Евле и произвел высадку десанта. Шведские войска, не приняв боя, постыдно бежали. Десант начал успешно продвигаться вдоль побережья, когда Ласси пришло известие о начале мирных переговоров и приказ прекратить всякие военные действия.

Тогда же генералу Михаилу Голицыну вручили и приказ Петра: «Галерному флоту принять десант, следовать к Ништадту и действовать по указанию русских уполномоченных на переговорах». Сто тридцать русских галер устремились к бухте Ништадта. Русская эскадра, направлявшаяся к шведским берегам, выглядела более чем внушительно — это был весьма серьезный аргумент для прибывших в Ништадт на переговоры шведских дипломатов.

30 августа 1721 года Россия и Швеция подписали долгожданный мирный договор, «вечный, истинный и нерушимый мир на земле и на воде». Отныне Россия навсегда утверждалась на берегах Балтийского моря.

Глава семнадцатая. НИШТАДТСКИЙ МИР

Итак, к 1721 году Россия держала в своих руках завоеванные у шведов Финляндию, Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию. Очередной разгром шведов у острова Гренгам и три успешных десантных операции на территории Швеции вынудили шведов возобновить переговоры о мире. Чтобы выяснить позицию царя Петра, в Петербург отправился в качестве посредника французский посланник в Швеции Кампредоне.

Приняв его, Петр заявил коротко и ясно:

— В виде доброй воли соглашусь лишь на возвращение шведам Финляндии, все остальные территории, занятые русским оружием, однозначно оставляю за собой.

После дальнейших переговоров Петр с министрами согласился в качестве уступки отказаться от поддержки притязаний голштинского герцога на шведский престол и предоставить Швеции некоторую денежную компенсацию за Лифляндию. Все старания Кампредоне смягчить эти условия были безрезультатны. Французскому посреднику ничего не оставалось, как вернуться в Швецию.

Королю Фредрику он сказал, разводя руками:

— Видит Бог, ваше величество, что я сделал все, что только было в человеческих силах. Но, увы, победы русских столь грандиозны, что они, а не мы диктуют сегодня условия.

— Так что же мне делать? — воскликнул в отчаянии Фредрик.

Только что взошедший на шведский трон, он понимал, что, заключая столь невыгодный и позорный для Швеции мир, еще больше ухудшит собственное положение.

— Могу лишь рекомендовать вашему величеству согласиться на предложенные условия, ибо продолжение войны грозит вам полным разорением и последующие претензии русских будут еще больше. С царем Петром шутки плохи.

— Вы меня ставите на колени! — ударил кулаком по столешнице Фредрик.

— Соглашайтесь, ваше величество, и как можно скорее! — согнулся в поклоне французский посол.

Некоторое время король сидел, обхватив голову руками, затем

произнес

— Что ж, я принимаю все условия царя Петра.

А 30 августа (по ст. стилю) в городке Ништадте был подписан «вечный истинный и ненарушимый мир на земле и на воде» между двумя державами, вошедший в историю как Ништадтский мир.

Мирный договор, состоявший из преамбулы и 25 статей, был заключен на конгрессе в Ништадте уполномоченными министрами. С российской стороны его подписали генерал-фельдцейгмейстер граф Брюс и канцелярии советник Остерман, а со шведской стороны — барон Лилиенштет и барон Штремфельт.

Согласно мирному договору, шведский король уступал: «...за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевство Свейское Его Царскому Величеству и Его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное и непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез Его Царского Величества оружие от короны свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен, и описан с городами и крепостями: Ригию, Дюна-миндом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом, и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенями, местами, дистриктами, берегами с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам и на стороне оста от Ревеля в фарвате и Выборгу на стороне зюйда и оста лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышепомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями...»

От нас Швеции возвращалась Финляндия, кроме этого ей предоставлялось право ежегодно «на вечные времена» закупать хлеб на 50 тысяч рублей в Риге и Ревеле и беспошлинно вывозить это зерно в Швецию. Предусматривался обмен пленными, амнистия «преступникам и перебежчикам», кроме подельников изменника гетмана Мазепы.

Условия Ништадтского мира полностью отвечали интересам России, которая возвратила себе берега Балтийского моря.

Петра Алексеевича известие о подписании долгожданного мира застало на переходе с отрядом судов в Выборг.

— В том, что мир заключен на второй день после праздника Сретения Владимирской иконы Божией Матери в память о спасении Москвы от полчищ тамерлановых, вижу я руку Провидения! — сказал Петр, получив

известие о подписании мирных параграфов. — Мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают.

— Никогда наша Россия такого выгодного мира еще не получала! — радовались бывшие рядом с ним офицеры.

Обратившись, к стоявшему рядом генеральс-адъютанту Зиновию Мишукову, Петр приказал:

— Изготовить к плаванию бригантину, на коей я немедленно отправлюсь в Петербург.

* * *

Следующим утром бригантина уже входила в Неву. Надев парадный мундир, царь встал у бушприта

— Трубачам трубить, из пушек салютовать! — велел он. Едва же грохнул первый залп, Петр обнажил голову.

Хлесткий ветер развевал черно-желтый штандарт над головой царя. На штандарте двуглавый орел крепко сжимал в своих лапах и клювах карты морей: Белого и Каспийского, Азовского и Балтийского.

Скрестив руки на груди, Петр молча смотрел на пенные гребни волн, думая о чем-то своем. О чем? Может, о том долгом и многотрудном пути, который пришлось ему пройти вместе со всей Россией на пути к сегодняшнему триумфу, может, о друзьях-соратниках, не доживших до этого светлого дня...

— Ваше величество, разрешите епанчу накинуть, вон ведь какой ветрище! — подошел к нему заботливый Мишуков.

— Лишне! — отмахнулся царь. — Сей ветер — есть ветер нашей победы, и негоже в столь славный для нас час от него прятаться!

Вдоль петербургской набережной уже сбегался народ. Еще бы! По Неве плывет бригантина, с которой непрерывно палят из всех пушек, над судном царский штандарт, а сам царь стоит на носу и машет всем своей шляпой.

— Никак что-то важное приключилось! — переговаривались петербуржцы.

— Неужто снова напал на нас кто-то! — запричитала какая-то баба, но ее вмиг приструнили.

— Цыть ты, дура неотесанная! Иль не видишь, что государь Петр Ляксеич приплыл с известием радостным, оттого и палит салютами, да в трубы трубят!

Высадившись на пристань, Петр направился на Троицкую площадь, где уже толпился столичный люд.

Стоявшая там Троицкая церковь была в ту пору главным собором столицы. Именно там в присутствии царя проходили все торжественные государственные богослужения.

С крыльца Троицкой церкви объявлялись царские указы, именно там проходили и торжественные молебны в честь полтавской, гангутской и гренгамской викторий.

Митрополит Стефан Яворский приветствовал царя:

— Вниди, победитель и миротворец!

Сначала зачитали трактат. После этого началось благодарственное молебствование в честь заключенного мира. Вслед за тем канцлер Головкин проговорил государю речь, после которой все бывшие тут сенаторы воскликнули:

— Виват, виват, Петр Великий, отец отечества, император Всероссийский!

Гремел салют из Петропавловской крепости, палили из Адмиралтейства, со стоявших на Неве судов, стреляли в воздух из ружей солдаты всех бывших в тот момент в Петербурге двадцати трех полков.

Петр говорил:

— Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всей крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческой. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог кладет перед очами как внутри, так и вовне, отчего облегчен будет народ.

Затем радостный Петр, окруженный сановниками, вышел на площадь, взошел на устроенное возвышение и обратился к народу:

— Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что за толикою долговременную войну, которая продолжалась двадцать один год, оную всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией вечный мир!

Восторженные клики народа и пушечная пальба были ответом Петру. Люди обнимались и целовались. Многие плакали от столь радостной и выстраданной ими всеми вести.

— Мин херц, готовить ли к ночи праздничный фейерверк? — обратился к Петру столичный генерал-губернатор Александр Меншиков.

— И фейерверк готовить и все прочее, что великому празднику соответствовать должно, — кивнул в ответ царь.

А на площадь уже выкатывали бочки с вином...

— Везде чинить благодарственные молебны, гулянья, карнавалы и машкерады, делать фейерверки, палить из всех пушек, а дома и улицы украшать. Нынче на Руси веселие великое!

Торжественный праздничный обед устроен был в здании сената, приглашенных было до тысячи персон. По окончании стола был бал, продолжавшийся до ночи, а ночью — фейерверк, изображавший храм Януса, из которого появился бог Янус с лавровым венком и масличной ветвью. Петропавловская крепость палила тысячью выстрелами. Нева была иллюминирована потешными огнями. Царский пир окончился в три часа ночи «обношением всех гостей преизрядным токайским». Одновременно для простого народа были устроены два фонтана, из которых лилось белое и красное вино.

* * *

В течение нескольких дней в Петербурге шли карнавальные шествия, сопровождавшиеся пальбой из пушек Петропавловской крепости и фейерверком. Несколько дней гуляла и Москва. Гуляли на острове Котлине, гуляли в завоеванных прибалтийских городах, гуляли по всей России.

В честь славной виктории над шведами Петр распорядился выбить знаменательные слова: «Конец сей войны таким миром получен не чем иным, токмо флотом, ибо землю никаким образом достигнуть было невозможно, ради положения места».

Историк Н.И. Костомаров писал: «Царь устроил шумный маскарад, на который приглашено было более пятисот особ обоего пола. Сам царь со своей семьей участвовал в этом маскараде и был одет голландским матросом-барабанщиком, а Екатерина (супруга Пера I. — *В.Ш.*) была одета голландской крестьянкой с корзиной в руке».

— Позади остались годы тяжкого труда, а потому пришло время воздать должное всем, кто приближал сей мирный день! — заявил Петр и пожаловал наградами многих своих соратников.

— На нас пролился дождь чинов и злата! — говорили в те дни царские сановники, и в тех словах не было преувеличения.

Среди награжденных были верный Александр Меншиков и командир Котлинской эскадры Петр Сиверс, получившие чин вице-адмирала Первым чин контр-адмирала из русских капитанов получил и герой Эзеля Наум Сенявин...

Простив за досадную потерю линейного корабля «Рига» в 1713 году

вице-адмирала Корнелия Крюйса, царь даровал его чином полного российского адмирала. Узнав и о своем прощении и о столь высокой награде, старик плакал...

Расписав награды соратникам, Петр задумался в отношении генерал-адмирала Апраксина. Как ни крутил, а у Федора Матвеевича уже было все, что только можно придумать — и чин наивысший и звезды Андреевская да Александровская, ну а о богатстве и говорить не приходилось.

— Вот ведь заковыка какая, — чесал Петр затылок. — Никак в толк не возьму, как мне Матвеича-то наградить, ведь все, почитай, уже повыслужил?

После изрядных раздумий царь все же нашел награду, достойную верного соратника, присвоив Апраксину исключительную честь носить в море особый кайзер-флаг.

Впрочем, как это часто бывает, кто-то посчитал себя обойденным. Среди таких оказался и протеже Крюйса, капитан 2-го ранга Витус Беринг, с обиды подавший в отставку... Впрочем, как мы знаем, звездный час Витуса Беринга будет еще впереди.

Не обошли вниманием и самого Петра. «Генерал-адмирал, все флагманы и министры просили государя, во знак всех понесенных его величеством в сей войне трудов, принять чин адмирала красного флага, что государь с удовольствием и принял», — гласит хроника тех дней.

Очевидцы свидетельствуют, что, получив чин адмирала, нетерпеливый Петр тотчас поспешил на стоявшую у берега галеру, на которой по прибытии его сразу же подняли флаг полного адмирала. Поднятие флага сопровождалось орудийным салютом. Думается, что это были одни из самых счастливых мгновений в жизни Петра.

4 ноября 1721 года Меншиков и два архиерея от имени Сената и Синода просили царя принять титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Петр поначалу отрекся от этой чести, но затем, вняв настойчивости сенаторов, принял ее. Вслед за тем от Сената установлена была форма титула: «Божьей милостью, мы, Петр I, император и самодержец Всероссийский», а в челобитных: «Всепресветлейший, державнейший император, самодержец Всероссийский, отец отечества, государь всемилостивейший».

В ответном слове Петр не преминул напомнить:

— Надлежит Бога всею крепостью благодарить, однако же, надеясь на мир, не подлежит ослабевать в воинском деле Велик и мудр был основатель российского флота, знал, что впереди у России еще немало войн и победных сражений, где моряки русские покроют себя новой славой.

Глава восемнадцатая. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

В 1718 году в Петербурге для рабочих Партикулярной верфи, устроенной в истоке Фонтанки, против Летнего сада, Петром I была построена часовня во имя Св. Пантелеймона. В день его памяти, 27 июля по старому стилю, русский флот в 1714 году одержал победу над шведским флотом при Гангуте. Как оказалось, на православных иконах святой Пантелеймон считается в православной традиции целителем. На иконах изображается юношей. В правой руке он держит мученический крест, в левой — коробочку для лекарств.

Как оказалось, часовню построили не зря и в 1720 году в тот же день 27 июля Балтийский флот одержал новую победу на этот раз уже у острова Гренгам. 2 сентября 1722 года состоялось освящение Пантелеймоновской церкви, заменившей старую часовню. В 1735–1739 годах на месте петровской церкви был построен новый храм в камне в стиле аннинского барокко, снаружи украшенный тосканскими пилястрами, по проекту архитектора И.К. Коробова. Новая церковь имела колокольню и один деревянный шатровый купол. Внутреннее убранство было создано художником Гавриилом Ипатьевым. Иконы и плафон купола были написаны художником А.И. Квашниным. Пантелеймоновская церковь — это старейший храм в Петербурге, посвященный русской воинской морской славе. По церкви названы близлежащий Пантелеймоновский мост через Фонтанку и Пантелеймоновская улица (ныне улица Пестеля). Существуют две памятные доски в честь 200-летия победы при Гангуте, установленные на стене южного фасада храма в 1914 году. На одной из них перечислены наименования всех полков и морских частей, принимавших участие в Гангутском сражении 1714 года.

В 1870 году на берегу Рилакс-фиорда установили памятник русским морякам, погибшим в Гангутском сражении. В 1914 году в дни празднования 200-летия гангутской победы офицеры награждались памятной медалью; появились серебряный рубль, серебряные и бронзовые плакеты, посвященные этому событию. На лицевой стороне плакетки изображены сражение и надпись: «Мужество Петрово при Ангуте явлено 1714», а на обороте — «В память первой морской победы. Гангут. 1714–27 июля 1914». Были изданы также сборники документов «Материалы для

истории Гангутской операции».

На месте Гангутского сражения в заливе Рийлахти сейчас стоят сразу два памятника павшим морякам. Гранитный крест в память погибших русских моряков был установлен по распоряжению императора Александра II в 1870 году. К 200-летию Гангутской битвы Россия планировала установить в Рийлахти большой мемориал с лестницами и террасами, однако начавшаяся Первая мировая война помешала работам. Впрочем, эту работу завершили финны. От себя они добавили еще один монумент из светлого гранита в память о командующем шведским флотом Эреншельде и его воинах.

В течение всех трехсот лет, минувших со дня Гангутского сражения, ему было посвящено немало картин как отечественных, так и зарубежных художников. Среди них следует, прежде всего, отметить, картины А. Боголюбова, П. Вагнера, В. Коненкова, гравюры А. Зубова, М Бакуа, Я. Хэгга, Г. де Витта, П. Пикарта и других.

В 1914 году в честь 200-летней годовщины гангутской победы была учреждена медаль «В память 200-летия морского сражения при Гангуте». Это была одна из последних государственных наград, учрежденных в Российской империи.

Медалью награждались представители императорской фамилии, офицеры и нижние чины русского флота, а также лица, имевшие отношение к воинским частям, участвовавшим двумя столетиями ранее в сражении при Гангуте (это были офицеры гвардейских полков, участвовавших в абордажном бою), а также прямые потомки участников сражения. Всего на Монетном дворе было отчеканено 94 000 медалей.

Медаль сделана из светлой бронзы, на лицевой стороне медали расположен портрет Петра I в лавровом венке с доспехами и орденой лентой, переброшенной через плечо. Над изображением императора выгравирована надпись: «Петр великий Император и Самодержец Всероссийский». На оборотной стороне медали — изображение шведских и русских кораблей, взятое с оригинальной медали «За победу при Гангуте» (1714). Под изображением кораблей расположена надпись: «Июля 27 дня 1714». Вокруг изображения размещены высказывания Петра I, вверху: «Прилежание и верность превосходит сильно», а внизу: «Первая морская победа при Гангуте». Носилась медаль на голубой Андреевской ленте.

В том же юбилейном 1914 году был выпущен и юбилейный «гангутский рубль», ставший последней памятной монетой царской России. Выпуск «гангутского рубля» был приурочен к торжественному спуску на воду линейного корабля дредноутного типа под названием

«Гангут». Праздничные мероприятия имели целью показать, что русский флот, разбитый под Цусимой, через 10 лет снова стал непобедимым. На параде каждый участник должен был получить на память этот рубль, но планы нарушила Первая мировая война, из-за которой монета не пошла в обращение.

«Гангутский рубль» был нетрадиционным для монет того времени. На лицевой стороне монеты — портрет Петра I, на оборотной — двуглавый орел, держащий в лапах и клюве четыре карты, являвшиеся при Петре I символами четырех русских морей Белого, Балтийского, Азовского, Каспийского. При Николае II они олицетворяли Белое, Балтийское, Черное море и Тихий океан.

Всего было отчеканено 30 000 монет, шесть из них предназначались для важных особ, а одна из монет была отправлена в Эрмитаж. Практически все остальные впоследствии были переплавлены, так и не поступив в обращение. В 1916 году отчеканили еще 300 монет. Поэтому сегодня «Гангутский рубль» является большой редкостью среди нумизматов.

В 1996 году в преддверии празднования 300-летия Российского флота в честь победы при Гангуте была выпущена памятная настольная медаль и монета достоинством в 25 рублей.

* * *

Уже вскоре после гангутской победы имя «Гангут» с легкой руки Петра Великого стало присваиваться российским военным кораблям, причем, как правило, это были корабли высшего линейного ранга. Первым «Гангутом» стал 92-пушечный парусный линейный корабль, построенный в 1719 году на Санкт-Петербургском Адмиралтействе английским корабельным матером Ричардом Козенцом Любопытно, что одну из гангутских медалей Петр лично вложил в киль при закладке этого линейного корабля. На момент постройки «Гангут» являлся мощнейшим кораблем русского Балтийского флота.

«Гангут» совершил несколько боевых выходов в море на заключительном этапе Северной войны. Так, в 1719 году в составе эскадры линейный корабль крейсировал у полуострова Гангут, прикрывая переход гребного флота с десантом к берегам Швеции. В 1720 году выходил к Красной Горке для испытаний. В 1721 году с отрядом кораблей пришел из Кронштадта в Ревель, а затем вместе с флотом сопровождал корабль

«Ингерманланд» под флагом Петра I в залив Рогервик и маневрировал у Красной Горки. В 1723 и 1724 годах в составе эскадры «Гангут» находился в практических плаваниях в Финском заливе. К сожалению, после смерти Петра Великого, наш флот переживал не самые лучшие свои времена и поэтому «Гашуг» больше времени стоял в Кронштадтской гавани, находился в море. В 1736 году первый «Гангут» был разобран на дрова.

Второй 84-пушечный линейный корабль «Гангут» был заложен в 1822 году и построен в 1825 году в Санкт-Петербургском адмиралтействе строителем И.В. Курепановым. Второй «Гангут» стал не только одним из самых больших долгожителей российского флота, но и вошел в историю, как корабль с героической биографией.

В мае 1827 года на Кронштадтском рейде «Гангут» посетил император Николай I. Корабль участвовал в походе в составе эскадры адмирала Д.Н. Сеньявина, вышел из Кронштадта и, зайдя в Ревель и Копенгаген, прибыл в Портсмут. Затем уже в составе эскадры контр-адмирала Л.П. Гейдена вышел из Портсмута в Средиземное море 8 октября 1827 года, «Гангут» участвовал в знаменитом Наваринском сражении. Входя в Наваринскую бухту «Гангут» подавил своим огнем турецкую береговую батарею, а затем в бою уничтожил два турецких фрегата. Уклонившись от атаки турецкого брандера, захватил его и уничтожил.

Из шканечного журнала линейного корабля «Гангут»: «В $1\frac{1}{2}$ 3 часа корабля наш, прошед против крепости правого берега и батарей левого, был встречен сильным огнем, нанесшим большой вред нашему рангоуту и парусам, на который мы тотчас отвечали залпами, открыв огонь с обоих бортов и вместе с проходящим у нас справа французским кораблем «Бреслав», чрез что заставили оные замолчать на время... В $1\frac{1}{2}$ 5-го часа противулежащий нам неприятельский фрегат, не спуская флагу, от наших выстрелов пошел на дно. В исходе 5-го часа другой неприятельский двухдечный фрегат взлетел на воздух, тогда мы продолжали действовать по корвету, бывшему за оными фрегатами, который, обрубив канат, буксировался прямо на берег до того, пока он не удалился далее пушечного выстрела».

В один из моментов боя «Гангут» был на волосок от гибели. Один из членов экипажа «Гангута» писал об этих незабываемых минутах: «Признаюсь, этот взрыв турецкого фрегата вряд ли кто из нас забудет во всю жизнь. От сотрясения воздуха корабль наш содрогнулся во всех своих частях. Нас засыпало снарядами и головными, отчего в двух местах на нашем корабле загорелся пожар, но распоряжением частных командиров и

проворством пожарных партий огонь был скоро погашен без малейшего замешательства. После взрыва нашего ближайшего противника, мы продолжали действовать плутонгами по корветам, бывшим во второй линии сзади фрегатов. Суда эти, отрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув оного, тонули, а люди спасались вплавь... Кругом все горело...»

В Наваринском сражении на «Гангуте» погибло 14 человек, еще 37 было ранено, сам же корабль получил 51 пробоину.

В 1828 году «Гангут» вернулся в Кронштадт. В последующие годы «Гангут» в составе эскадр находился в практических плаваниях в Балтийском море в составе эскадр. В 1834–1837 годах был тимберован в Кронштадте. Затем снова плавал на Балтике. В 1854 году на «Гангут» была установлена паровая машина и винт. В 1858–1859 годах «Гангут» находился в практических плаваниях в Финском заливе. В 1859 году в составе эскадры контр-адмирала Ф.Д. Нордмана совершил учебное плавание в Средиземное море. С 1862 года «Гангут» в составе учебно-артиллерийского отряда использовался для практики комендоров. В 1863 находился в практическом плавании в Финском заливе. С 1864 года уже не вооружался. В 1889 году старейший корабль русского флота «Гангут» был исключен из списков судов и отправлен на слом, прослужив Отечеству 64 года и поставив своеобразный рекорд срока службы для деревянных кораблей русского флота.

Третьим «Гангутом» стал эскадренный броненосец Балтийского флота, который был построен в 1894 году на Новом Адмиралтействе в Петербурге. Броненосец «Гангут» имел водоизмещение 7 тысяч тонн, а максимальную скорость хода — 14 узлов. Вооружение его состояло из одного 305-мм, четырех 229-мм и четырех 152-мм орудий. Корабль строился в период, когда взгляды военно-морских теоретиков на использование броненосцев еще до конца не определились, а потому «Гангут» получился не слишком удачным. Создавая «Гангут», русское Морское министерство попыталось получить достаточно сильный, защищенный и мореходный корабль в очень ограниченном водоизмещении. Естественным результатом такого подхода стало появление неполноценной боевой единицы, малопригодной для любой из потенциально возможных функций. Серьезными были и недостатки в системе живучести броненосца.

В 1896 году «Гангут» вошел в состав Практической эскадры Балтийского флота и в ее составе совершил поход по маршруту Кронштадт — Гельсингфорс — Либава — Рижский залив — Ревель. 30 мая в приказах о результатах смотра кораблей Практической эскадры контр-адмирал С.О.

Макаров писал: «“Петр Великий” и “Гангут” представлялись в образцовом порядке».

В мае 1897 года «Гангут» вышел в море в составе Практической эскадры, являясь флагманским кораблем вице-адмирала С.П. Тыртова 12 июня броненосец снялся с якоря и направился для выполнения учебных артиллерийских стрельб на плес к северу от острова Рондо. Выйдя в заданный район, «Гангут» начал маневрирование у щита, стреляя с обоих бортов орудиями всех калибров. В 15 часов 40 минут, когда погода начала портиться и ветер развел волну силой до 3 баллов, стрельбу окончили. В 15 часов 45 минут на корабле почувствовали очень слабый толчок. В жилой палубе ощущение было, как при реверсе с переднего хода на задний, и лишь кочегары, стоявшие на вахте, совершенно отчетливо услышали скрежет под днищем. В правое носовое котельное отделение начала быстро поступать вода. Кочегары выгребли жар из топок, чтобы предотвратить взрыв котлов. Броненосец застопорил ход, начали задраивать двери водонепроницаемых переборок. Однако вода уже залила топки котлов в правом носовом отделении и через низко расположенный дымоход в течение нескольких минут затопила топки всех остальных котлов. Корабль остался без хода, без освещения и без водоотливных средств. Вода быстро распространялась через швы водонепроницаемых переборок, пропущенные нерадивыми строителями заклепочные отверстия, резиновые уплотнения дверей и люков. Борьба за живучесть продолжалась при свете свечей: подкрепляли переборки, ставили упоры на крышки люков жилой палубы, откачивали воду ручными помпами и ведрами, но вода распространялась все дальше. Когда стало ясно, что корабль обречен, адмирал С.П. Тыртов приказал начать перевозку команды. Командир капитан 1-го ранга К.М. Тикопкий, убедившись, что на борту никого не осталось, последним сел в шлюпку. В 21 час 40 минут «Гангут» стремительно повалился на левый борт и скрылся под водой.

Для расследования обстоятельств и причин гибели корабля была создана комиссия под председательством контр-адмирала Р.Р. Дикера. Следственная комиссия установила, что повреждения броненосца послужили причиной его гибели благодаря стечению ряда неблагоприятных обстоятельств. Прежде всего, было обращено внимание на конструктивные недостатки «Гангута» (перегрузка, недоведение водонепроницаемых переборок выше жилой палубы, неудачное размещение магистральной трубы в междудонном пространстве, из-за чего она сама при ударе о камни была выведена из строя и т.д.). Были отмечены и определенные ошибки команды во время борьбы за живучесть. Гибель

«Гангута» заставила специалистов более серьезно относиться к вопросам непотопляемости. Эскадренный броненосец «Гангут» и сегодня лежит на дне Выборгского залива на глубине 29–30 метров. Ныне затонувший броненосец «Гангут» уже давно стал популярным объектом посещения аквалангистами.

Четвертым кораблем русского флота, названным в честь победы в Гангутском сражении, стал линейный корабль из серии четырех дредноутов балтийской серии типа «Севастополь». Водоизмещение линейного корабля составляло 26 тысяч тонн, вооружение: 12–305-мм орудий в четырех башнях, 16–120-мм орудий и 4 торпедных аппарата. Линкор «Гангут» был заложен 16 июня 1909 года на Адмиралтейском заводе, а в конце 1914 года был зачислен в состав действующего флота, перешел в Гельсингфорс, где был включен в состав 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота.

«Гангут» принимал участие в Первой мировой войне. Так, 11 ноября 1915 года линкорами «Гангут» и «Петропавловск» под прикрытием крейсеров 1-й бригады было поставлено минное заграждение из 550 мин южнее острова Готланд.

25 ноября наминах этого заграждения подорвался немецкий крейсер «Данциг». Совершив три боевых похода во второй половине 1915 года на обеспечение минных постановок в Балтийском море, «Гангут» весь остальной период Первой мировой войны простоял в Гельсингфорсе.

19 октября 1915 года на стоящем на гельсингфорском рейде «Гангуте» произошли волнения среди матросов, которые отказались от ужина и потребовали убрать с корабля старшего офицера с немецкой фамилией Фиттингоф. Всего было арестовано 95 матросов, 34 из них привлечены к суду.

26 матросов были приговорены к каторжным работам на срок от 4 до 15 лет, 8 матросов судом были оправданы.

С 12 по 17 марта 1918 года «Гангут» совершил ледовый переход из Гельсингфорса в Кронштадт. В ноябре 1918 года линейный корабль был переведен в Петроград, где после консервации более пяти лет простоял на длительном хранении у стенки Ленинградского завода. В конце 1924 года на «Гангуте» были начаты восстановительные работы. 18 апреля 1925 года линкор был зачислен в состав учебного отряда Морских Сил Балтийского моря, а год спустя «Гангут» был переименован в «Октябрьскую революцию». В 1934–1936 годах линейный корабль прошел очередной ремонт и модернизацию на Балтийском заводе.

Во время Советско-финской войны в декабре 1939 года линкор «Октябрьская революция» вел огонь по финским тяжелым береговым

батареям, расположенным на островах близ Выборга. Во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне Ленинграда, был поврежден немецким артиллерийским огнем и авиацией. С 1954 года линейный корабль «Октябрьская революция» использовался как учебный корабль. Из состава Военно-морского флота бывший «Гангут» был исключен в 1956 году. Якоря и зенитные орудия, снятые с линкора, установлены в парке города Кронштадт.

Пятым кораблем с именем «Гангут» на борту стал учебный корабль проекта 1886У, который предназначался для «оморячивания» курсантов и приобретения навыков штурманского дела в дальних океанских походах. Корабль был построен в 1971 году на Черноморском судостроительном заводе № 198 в Николаеве. Корабль имел водоизмещение 8 тысяч тонн, вооружение — 4 спаренных 57-мм башенных автоматических артиллерийских установок АК-725. Пятый «Гангут» входил в состав бригады учебных кораблей Ленинградской ВМБ Балтийского флота и ежегодно совершал дальние морские походы с курсантами на борту. В 1998 году «Гангут» был выведен из состава ВМФ и разделан на металлолом.

Хочется надеяться, что недолго тот час, когда в составе Российского Военно-морского флота появится новый боевой корабль, на борту которого золотой славянской вязью будет значиться — «Гангут».

* * *

В 1914 году в архиве Морского министерства был создан и напечатан уникальный многотомный сборник документов «Материалы для истории Гангутской операции». Первый (в двух частях) и третий выпуски «Материалов для истории Гангутской операции» были опубликованы в 1914 году к 200-летию юбилею сражения. Они включали грамоты, указы и письма Петра I за 1713–1714 годы и журналы за 1714 год. Второй выпуск, который составляли донесения, письма Петру 1713–1714 годов и письма Карлу XII 1714 года, увидел свет год спустя. В отчете по архиву Морского министерства за 1915 год было сказано, что подготовка четвертого выпуска близка к завершению, а пятый и шестой, «как представляющие из себя перечни и алфавиты, в видах военного времени, предположено издать в одной книге». Однако после произошедшей революции никому до событий двухвековой давности просто не было никакого дела, и эти выпуски материалов так, к сожалению, и не вышли. Рукописи недостающих томов, вместе с многочисленными копиями документов, сделанными для этого

сборника, и сегодня хранятся в фондах РГА ВМФ. Опубликованные же выпуски «Материалов» являются главной составляющей источниковой базы всех исследований знаменитого сражения. Важной вехой в изучении истории Гангутского сражения стала и монография П.А. Кротова «Гангутская баталия 1714 года», вышедшая в свет в Санкт-Петербургском издательстве «Лики России» в 1996 году.

Неоднократно события Гангутского сражения становились и темой для книг писателей-маринистов. Так, Гангутскому сражению посвятили свои романы писатели Эрик Шабает («Гангут») и Иван Фирсов («Морская сила»).

В 1940 году известный поэт-балтиец Алексей Лебедев выпустил сборник стихов «Огненный вымпел», в который вошло стихотворение «На траверзе Гангута», посвященное гангутской победе. А год спустя подводная лодка Л-2, на которой лейтенант А. Лебедев служил штурманом, подорвалась на вражеских минах недалеко от мыса Гангут. Весь экипаж Л-2, включая и А. Лебедева, героически погиб на своих боевых постах. И поэт, и его боевые товарищи оказались достойными подвигов своих пращуров. А нам в память о героях 1714 года, как и о героях 1941 года, остались бессмертные строки Алексея Лебедева:

Из мглы, которой мир окутан,
Сверкнули красные лучи —
Маяк на траверзе Гангута
Мне открывается в ночи.
То не прибой в протоках шхерных
Гудит, как отдаленный гром,
То в море вышел флот галерный
На курс, указанный Петром.
А он камзол промокший сбросил,
И под рубахою простой —
Стук сердца в такт ударам весел,
Галерыдвигающих в бой.
И все левее, все мористей,
В обход чужого корабля
Отводит румпель твердой кистью
Матрос, стоящий у руля,
Минуя бриги шведов с фланга.
(Не рвется ветер в небеса.)
И на эскадре у Ватранга

Мертво штилеют паруса.
И заревели в лете ядра,
И с пламенем слилась вода, —
На Эреншильдову эскадру
Рванулись русские суда.
Труба, сигнальное трезвучье,
Мгновение еще продлись!
И когти абордажных крючьев
В фрегаты шведские впились.
«Вперед! — лишь это слышит ухо, —
Пусть смерть разит идущих в бой
Не токмо ядрами, но духом
От той стрельбы пороховой».
Уже вдали мы... Еле-еле
Короткий блеск взрезает тьму,
Но на маяк проложен пеленг,
И место взято по нему.
И впереди у нас минуты,
Когда за жизнь страны своей
Пройдем алы шхерами Гангута
И тысячью иных путей.

Глава девятнадцатая.

ГОДЫ И СУДЬБЫ

Время разбросало героев гангутской победы. Кто раньше, а кто позже, уходили они из жизни, оставляя о себе память потомков, кто большую, а кто меньшую. Думается, что нет необходимости подробно останавливаться на последующей судьбе главного автора гангутской победы Петра Великом; его последующие деяния, как и его огромный вклад в становление России как великой морской державы, читателю хорошо известны. Дело всей жизни Петра I было усиление военной и морской мощи России и повышение ее роли на международной арене. В долголетней Северной войне 1700–1721 годов Россия добилась полной победы и вошла в число великих морских европейских держав. В ходе этой войны Петр сформировался как крупный полководец и флотоводец. Он явился создателем регулярного русского военно-морского флота и основоположником петровской военно-морской школы, из которой позже вышли Г.А. Спиридов, Ф.Ф. Ушаков и Д.Н. Сенявин. Под руководством Петра были созданы Морской устав (1720 г.) и Морской регламент (1722 г.).

Стратегические взгляды Петра Великого далеко опережали его время. Концепции выигрыша войны одним генеральным сражением, которая господствовала среди военных теоретиков Запада, он противопоставил идею мобилизации всех средств ведения войны на суше и на море для обеспечения решающего превосходства над противником и гибкого их использования в зависимости от обстановки. Петр как никто другой умел делать глубокие выводы из поражений: так, после первой неудачи под Азовом в 1695 году он развернул строительство флота под Воронежем, и уже с помощью флота решил задачу по взятию Азова. Создав с нуля Балтийский флот, он с его помощью победил в войне со Швецией и к концу своего царствования вывел Россию в ряд самых могучих морских держав Европы.

Из характеристики Петру Великому Михаила Ломоносова: «С кем сравню Великаго Государя? Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы....Кому ж я Героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, каков Тот, который всеильным мановением управляет небо, землю и море дохнет дух Его — и потекут воды, прикоснется горам — и

воздыматься». Лучше о личности Петра I, пожалуй, и не скажешь!

Ближайший соратник Петра по гангутской победе Федор Матвеевич Апраксин в 1715 и 1717 годах успешно командовал корабельным флотом, крейсировавшим в Балтийском море, причем в последнем плавании им произведена была успешная высадка десанта на остров Готланд. В 1716, 1718 и особенно в 1719 году, начальствуя галерным флотом, он ходил в Аландские и Стокгольмские шхеры, разоряя шведские берега и истребляя шведские суда. Опустошения, произведенные гребным флотом под начальством Апраксина в окрестностях Стокгольма, навели страх на столицу Швеции и серьезно повлияли на заключение со Швецией выгодного для России Ништадтского мира. Признательный Апраксину Петр I при заключении мира наградил его высшей военно-морской наградой — личным кейзер-флагом. В 1722 году Апраксин участвовал в предпринятом Петром Персидском походе и командовал флотилией при переходе по Каспию от Астрахани до Дербента. В 1723, 1725 и 1726 годах Апраксин командовал Балтийским флотом, совершая практические плавания в Финском заливе и в Балтийском море.

Вся последующая после Гангутского сражения административная деятельность Ф.М. Апраксина была сосредоточена на управлении флотом и Морским ведомством. До 1717 года он являлся президентом Адмиралтейства, а затем президентом Адмиралтейств-коллегий. В 1717–1718 годах Апраксин состоял членом комиссии суда над царевичем Алексеем Петровичем.

После смерти Петра в январе 1725 года продолжал пользоваться влиянием. В мае 1725 года он присутствовал на свадьбе царевны Анны Петровны с герцогом Голштинским в качестве посаженного отца невесты. Новая императрица Екатерина I уже в августе 1725 года наградила его орденом Святого Александра Невского. В 1726 году стал членом Верховного тайного совета, участвовал в переговорах о заключении русско-австрийского союза.

Несмотря на высокое общественное и служебное положение и на весьма значительное состояние графа Апраксина, имя его встречается в судебных процессах того времени по обвинению в злоупотреблениях, «наносивших вред государственным интересам и увеличивавших бедствия народа». Впрочем, злоупотребления, как правило, происходили не по его вине, а из-за мягкости характера и излишней доверчивости к подчиненным.

Однако ни мягкость характера, ни миролюбие не избавили Апраксина от недоброжелателей и врагов, старавшихся всеми силами вредить ему. В политическом раскладе сил послепетровского времени Апраксин был

близок к партии Меншикова

В начале 1728 года граф Апраксин переехал в Москву, где в том же году и скончался в ноябре 1728 года Погребен в Златоустовском монастыре в Москве. Детей у Ф.М. Апраксина не было, и на все свои деньги он завещал построить в Петербурге церковь во имя Святого апостола Андрея. Санкт-петербургский большой дом, что на Неве, «со всеми в нем уборы» и с помещающимися при нем двумя дворами, ныне хорошо известен как «Апраксин двор».

Герой сражения при Лапполе, при Гангуте и при Гренгаме Михаил Михайлович Голицын в последующие годы состоял губернатором Санкт-Петербурга Затем командовал войсками на территории Малороссии.

После смерти Петра был сторонником воцарения его внука, Петра Алексеевича. Несмотря на это, взошедшая на престол стараниями Меншикова Екатерина произвела Голицыша в генерал-фельдмаршалы и сделала кавалером ордена Святого Александра Невского. По воцарении Петра II М.М. Голицыш стал сенатором и членом Верховного тайного совета, а с сентября 1728 года — президентом Военной коллегии.

Являясь членом Верховного тайного совета, князь Голицын участвовал в событиях, связанных с воцарением императрицы Анны Иоанновны и ее кондициями. Когда императрица Анна порвала предложенные ей высшими сановниками кондиции, приняла на себя самодержавную власть и распустила Верховный тайный совет, все ожидали скорого падения Голицыных, но этого не произошло. Наоборот, князь Михаил не только остался президентом Военной коллегии, но и был приближен ко двору.

Современники единодушно отмечают, что Михаил Михайлович Голицын не только был отважен, смел и великодушен, но исполнен чести и пользовался любовью солдат и матросов за мужество и справедливость. Петр с особым уважением относился к нему, и одного из немногих никогда не принуждал на своих праздниках пить, в наказание, огромный кубок «Большого орла». Уже будучи отцом большого семейства и в генеральских чинах, Голицын никогда не смел садиться в присутствии старшего брата, свято чтя старинные русские семейные традиции.

Скончался Михаил Михайлович Голицын в декабре 1730 года, состоя в должности президента Военной коллегии. История его смерти достаточно темная. Согласно преданию, он умер «от огорчения». Однако голландский посол при русском дворе писал о его смерти, что князь ехал в своей карете впереди кортежа императрицы Анны Иоанновны, когда та возвращались в Москву из села Измайлова. По дороге лошади в карете Голицына остановились и не хотели двигаться дальше. «Нетерпение кучера оказалось

причиной большого несчастья: он хлестнул лошадь очень сильно, и едва сделали они несколько шагов, как земля быстро начала оседать и поглотила карету. Княгиня Голицына, увидя, что песок уходит вниз, догадалась из осторожности спрыгнуть на землю, и даже достаточно своевременно, чтобы не быть увлеченной вместе с каретой, кучером и форейтором.. Она хотела броситься в пропасть (вслед за мужем. — В.Ш.), но этому помешал один паж, удержав ее сзади. Пешие лакеи императрицы только успели приблизиться, как увидели еще в провале бревна, отрывающиеся и падающие друг на друга вместе с огромными глыбами камней, нагроможденных по бокам». Сам же Голицын при этом погиб. Императрица же вернулась в Москву другой дорогой, а это происшествие было представлено публике неудавшейся попыткой покушения на нее.

Победитель при Эзеле Наум Акимович Сенявин по учреждении Адмиралтейской коллегии в 1721 году назначен был присутствующим в коллегии. В этом году же командовал кораблем «Св. Андрей» в Котлинской эскадре, состоявшей под начальством самого Петра I, а затем, имея брейд-вымпел на корабле «Св. Александр», командовал эскадрой кораблей, отправленной в крейсерство к Гельсингфорсу. Когда решался вопрос о присвоении чина контр-адмирала Петру I или Сенявину, то царь, выслушав мнения, высказал пожелание присвоить это звание Сенявину, сказав: «Он достойнее меня». В феврале 1722 года ездил в отпуск лечиться от ран «к марциальным водам». Затем командовал кораблем «Святой Андрей» и плавал с эскадрами генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Вильстера В 1727 году был произведен в вице-адмиралы. Осенью 1726 года совершил морское плавание в Ревель на корабле «Нептунус» с отрядом судов, а в 1727 году — в Киль на корабле «Дербент». В 1728 году назначен главным командиром над галерным флотом. Являлся инициатором строительства постоянной военно-морской верфи в Архангельске, которая стала главной судостроительной базой Балтийского флота в XVIII веке. В 1734 году принимал участие в военных действиях флота под Данцигом. В 1737 году был назначен начальником Днепровской флотилии против турок, но в следующем году скончался в Очакове во время эпидемии чумы.

Командовавший одним из отрядов галер в Гренгамском сражении младший брат князя Михаила Голицына Михаил Голицын-младший был определен на морскую службу в 1703 году на государевом смотре. В 1708 году, обучаясь морскому делу в Англии, в слезах писал домой: «Житие пришло мне самое бедственное и трудное. Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего на той науке положить, а не принять будет; не зная языка, не научиться науке. А про меня вы сами

знаете, что кроме природного языка никакого не могу знать, да и лета мои уже ушли от науки, а паче всего в том моя тягость, что на море мне быть невозможно, из-за того, что весьма качает».

Увы, князя с морской службы так и не отпустили. Поняв, что делать нечего, начал он заниматься морским делом серьезно, и по прибытии в Россию царь Петр, лично проверив его знания, «отметил их зело похвально». В Гренгамском сражении действуя дерзко и грамотно, Голицын-младший во многом обеспечил победу. Много лет спустя он серьезно увлекся садоводством и удачно разводил первые в России персики. Иностранные дипломаты описывали Голицына как человека несколько инертного и не особо умного, но зато наделенного здравым смыслом и душевным благородством. Дослужился Михаил Голицын до генерал-адмиральского чина и дожил до «маститой старости», уйдя из жизни уже в годы царствования императрицы Екатерины II.

Что касается еще одного автора гангутской победы, генерал-лейтенанта Адама Вейде, то за отличие в Гангутском сражении в сентябре 1714 года он был награжден высшим орденом империи — Святого Андрея Первозванного. С 1718 года являлся президентом Военной коллегии. Вейде являлся автором первого воинского устава, основные положения которого без особых изменений действовали до конца XIX века. Сам граф П.Г. Брюс свидетельствовал, что, когда тяжелый недуг поразил генерала Адама Вейде в 1720 году, царь едва ли не ежедневно навещал его и дал врачам строгое указание безотлучно находиться при больном, употребляя все свое умение для его излечения, заявляя, что в случае его кончины он лишится «лучшего генерала и вернейшего подданного во всем государстве». К сожалению, болезнь была скоротечна, и буквально через несколько дней генерал-аншефа Вейде не стало. Петр приказал похоронить лютеранина в Александро-Невской лавре и лично присутствовал на похоронах. Капитан-командор Змаевич в последующие после Гангута годы успешно командовал гребными эскадрами. Уже после смерти Петра в 1727 году он достиг чина полного адмирала, но вскоре был разжалован в вице-адмиралы за злоупотребления с казенными деньгами, припасами и использование матросов на работах в личных целях. Что и говорить, проблема «адмиральских дач», неразборчивость в государственных и личных средствах столь же стара, как и сама история нашего флота. С 1729 года в течение четырех лет Змаевич управлял Тавровским адмиралтейством вблизи Воронежа, фактически находясь в опале. Весной 1733 года был отправлен губернатором в Астрахань для строительства на Дону галер и других приготовлений к новой русско-турецкой войне. Змаевич должен был

возглавить и флот в этой кампании, но умер незадолго до начала военных действий

Генерал-лейтенант Иван Бутурлин в 1716 году назначен командиром галерной эскадры. В 1718 году Бутурлин принимал активное участие в розыске по делу царевича Алексея, и тогда же назначен был командиром Преображенского полка, а год спустя назначен членом вновь учрежденной Военной коллегии. В этой должности находился до 1722 года. В день торжества Ништадского мира Бутурлин был произведен в генерал-аншефы. В 1725 году, после смерти Петра, Бутурлин долго не соглашался стать на сторону приверженцев императрицы Екатерины, но, убежденный Меншиковым, окружил дворец гвардейскими полками. У Екатерины I Бутурлин был в милости, но участие его в заговоре против Меншикова стало его роковой ошибкой. Бутурлин был сослан на безвыездное жительство в свое родовое село Крутцы во Владимирской губернии, недалеко от города Александрова, где он и скончался в 1738 году.

* * *

Герой Гангута бригадир М. Волков в честь Ништадтского мира был произведен в генерал-майоры. В это время бригадир командовал гвардейским Семеновским полком. А уже четыре года спустя после смерти Петра — и в генерал-лейтенанты. В 1728 году ветеран Северной войны и герой Гангута был уволен в отставку. О дальнейшей его судьбе у автора сведений нет.

Командовавший вместе с М.Я. Волковым в Гангутской баталии левым флангом галер капитан П.М. Демьянов был одним из самых многоопытных в галерном флоте России, уроженцем «греческие веры города Славони цесарского владения». И в последующие годы он командовал не только отдельными судами, но и отрядами галер. В 1719 году П.М. Демьянов достиг чина капитан-командора. Отпущен со службы в свое отечество он был уже по окончании войны со Швецией в 1725 году.

Еще один герой Гангута, один из первых ворвавшийся на палубу «Элефанта» и лично пленивший шаутбенахта Эреншельда капитан Ингерманландского полка С.Г. Бакеев, был произведен Петром в майоры. В этом чине он служил и в 1721 году. Дальнейшая судьба майора Бакеева неизвестна. Скорее всего, он никакой карьеры так и не сделал, а доживал свой век где-то в родовой деревушке.

Еще один офицер гробного флота, капитан-поручик Францышко

Марков сын Хорват, служил во флоте до тех пор, пока в 1734 году по причине недуга, не позволявшего продолжать службу, не был уволен с сохранением половинного оклада жалованья.

Герой Гангута и первого похода наших галер в Швецию генерал-майор Иван Головин в 1715 году случайно попадает в плен к шведам. Впрочем, в том же году его обменивают на пленных шведских офицеров. В 1717 году Петр назначает Головина обер-сарваером (инспектором) на Балтийских верфях. В 1720 году Головин возглавляет Петровский якорный завод, затем состоял камер-советником в Адмиралтейств-коллегии. В 1722 году Петр берет с собой «князя-баса» в Персидский поход. Назначение И.М. Головина генерал-кригскомиссаром флота, производство его в вице-адмиралы и награждение орденом Александра Невского состоялось уже после смерти Петра. При Анне Иоанновне Головина производят в полные генералы, но при этом освобождая от всех должностей. Лишь два года спустя, в 1732 году, его возвращают из опалы, вновь переименовывают в адмиралы и назначают командиром галерного флота на Балтийском море. В этой должности «князь-бас» состоял до своей смерти в 1737 году.

Что касается командовавшего в кампанию 1714 года в отсутствие Петра Ревельским корабельным флотом шаутбенахта Шельтинга, то в следующем году он успешно откомандовал линейным кораблем «Святая Екатерина». Плавал он в тот год с флотом в Финском заливе под началом вице-адмирала Петра Михайлова, а осенью был послан в Голландию для найма морских служителей и для наблюдения за отправкой в Россию закупленных кораблей. Исполнение этих поручений задержало Шельтинг в Амстердаме дольше, чем предполагал Петр, а потому в 1716 году Шельтинг получил приказание немедленно прибыть из Амстердама в Копенгаген для принятия начальства над находившимся там Балтийским корабельным флотом. Современники отмечают, что Петр питал особенное доверие к Шельтингу, поэтому именно его и вызвал в Копенгаген, несмотря на то, что в то время там уже находился весьма опытный капитан-командор Сиверс. Шельтинг в июле 1716 года прибыл из Амстердама с купленными им и капитаном Наумом Сенявиным кораблями в Копенгаген. Там он принял команду над всем флотом и плавал под штандартом царя. Осенью Шельтинг серьезно заболел, но все же возвратился во главе флота в Ревель, имея свой флаг на линейном корабле «Мальбург». На следующий год, командуя Котлинской эскадрой, Шельтинг ходил с ней в крейсерство к Дагерорту. В июне, командуя арьергардом корабельного флота, бывшего под общим начальством генерал-адмирала Апраксина, участвовал в плавании к Гогланду. В конце октября Шельтинг был произведен в

шаутбенахты от синего флага В мае 1718 года он привел в Кронштадт из Ревеля зимовавшие там корабли, после чего снова опасно заболел и 18 июня скоропостижно скончался на рейде Кронштадта на борту своего флагманского корабля «Мальбург», отказавшись съехать перед смертью на берег.

На похоронах Шельтинга присутствовали сам Петр I, все флотские флагманы и министры. Историк так написал о нем: «К чести сего достойного человека надо сказать: служа 15 лет в русском флоте, Шельтин исполнял все возложенные на него поручения с примерным усердием, с похвальной ревностью». Потомки шаутбенахта продолжили флотскую династию Шельтингов, дав России немало храбрых флотских офицеров и адмиралов. Династия Шельтингов продолжилась до 60-х годов XX века.

Как мы уже отмечали выше, в 1715 году еще один активный участник Гангутского сражения капитан-командор Бре-даль, командуя эскадрой из 4 фрегатов и 3 шняв, крейсировал с ней в Балтике и близ Виндавы и взял 3 шведских капера. Имея вспыльчивый характер, Бредадь не раз попадал в весьма неприятные истории. Так, в 1726 году за побои, нанесенные им капитану Лоренсу, был на три месяца разжалован в матросы. Однако, несмотря на такие зигзаги судьбы, карьера Бредаля несколько не пострадала.

В 1732 году он вошел в состав Воинской морской комиссии. В 1733 году Бредадь был назначен командиром порта в Архангельске, где положил начало самому порту, Адмиралтейству и другим учреждениям. Свои выдающиеся боевые качества Бредадь проявил во время войны с Турцией в правление императрицы Анны Иоанновны. На исходе 1735 года он был командирован на Дон «для начальствования над тамошними верфями и флотом, остававшимся еще с 1711 года и долженствовавшим содействовать осаде Азова». Командуя вначале Донской, а затем и Азовской флотилией, он отличился во взятии Азова и укреплении устья Дона, за что был произведен в вице-адмиралы. В июле 1737 года Бредадь успешно отразил троекратное нападение турецкого флота у Геничи, затем участвовал в походе русской армии на Крым, снова отбил нападение на свою флотилию турецких кораблей у Геничи и у Федотовской косы, к тому же успел еще между делом составить и карту Таганрогской гавани. После завершения войны Бредадь был отозван в Петербург, и как один из старших флагманов назначен присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. В 1741 году по случаю предстоящей войны со Швецией Бредаля назначают главным командиром Архангельского порта и награждают орденом Александра Невского. В следующем году он пытался перевести из Архангельска в

Кронштадт эскадру в десять вымпелов, но «встретил на пути столь жестокие бури, что важные повреждения ветхих его судов принудили его возвратиться в Архангельск». В следующем году вице-адмирал был отозван в Петербург, где состоялось разбирательство невыполнения им задания по переводу судов на Балтику. Началось многолетнее следствие. Только в 1753 году Бредадь наконец-то дождался, что для исследования его дела наряжен был военный суд. И только когда в 1756 году Бредадь скончался, состоя под следствием, суд объявил, что еще высочайший указ освободил его от всякой ответственности.

* * *

Герой победы при Эланде Наум Сенявин, ставший через чин капитан-командором в июле того же 1719 года, командуя отрядом из пяти судов, охранял наш галерный флот, действовавший у берегов Швеции, и ходил с отрядом из трех кораблей в Никепингу для наблюдения за неприятельскими судами.

По учреждении Адмиралтейской коллегии в 1721 году Сенявин был назначен присутствующим в коллегии. В этом же году командовал кораблем «Святой Андрей» в Котлинской эскадре, состоявшей под начальством самого Петра, а затем, имея брейд-вымпел на корабле «Святой Александр», командовал эскадрой кораблей, отправленной в крейсерство к Гельсингфорсу.

По случаю заключения Ништадтского мира был произведен в шаутбенахты. В 1722 году командовал кораблем «Св. Андрей» и плавал с эскадрами генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Вильстера.

Императрица Екатерина I по вступлении на престол пожаловала Сенявину орден Святого Александра Невского. Осенью 1726 года совершил морское плавание в Ревель на корабле «Нептунус» с отрядом судов, а в 1727 году — в Киль на корабле «Дербент» для сопровождения герцога и герцогини Голштинских. В 1728 году Наум Сенявин был произведен в вице-адмиралы, в том же году назначен главным командиром над галерным флотом и исполнял эту должность с небольшими перерывами до 1732 года, когда был произведен в вице-адмиралы синего флага и сдал команду над галерным флотом адмиралу И.М. Головину.

С 1732 года Сенявин являлся членом Военской морской комиссии, созданной по указу императрицы Анны Иоанновны. Стал инициатором строительства постоянной военно-морской верфи в Архангельске.

В 1733 году, в качестве депутата от коллегии, Наум Сенявин наблюдал за вооружением и разоружением флота в Кронштадте, произвел, согласно новому положению, расписание команд по ротам и в декабре, за отсутствием адмирала Гордона, исполнял должность главного командира в Кронштадте. В 1734 году принимал участие в военных действиях флота под Данцигом, имея флаг на корабле «Святой Александр». По возвращении послан с отрядом судов в Ревель, где исполнял должность главного командира. В 1735 году наблюдал в Риге за отправкою хлеба на военных судах в Кронштадт. В 1737 году был назначен начальником Днепровской флотилии и в следующем году, в мае, скончался в Очакове во время эпидемии чумы. Наум Сенявин был родоначальником знаменитой военноморской династии Сенявиных. Знаменитый российский адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин приходился Науму Сенявину внучатым племянником.

Что касается еще одного героя Эзеля, Конона Зотова, то в марте 1720 года он становится главным контролером Адмиралтейств-коллегий. Должность эта предполагала контроль за соблюдением законности в коллегии и выявление всех дел, идущих во вред государству. Днем Конон, не жалея сил, трудился в конторах, ночами же с не меньшим воодушевлением выполнял новый приказ Петра — готовил первый российский Морской устав. Писанное им редактировал лично царь, он же написал и свое знаменитое предисловие к доброхотному читателю. Первый Морской устав действовал на Руси без особых изменений вплоть до эпохи парового флота... Вопиющее беззаконие и воровство в Адмиралтейств-коллегии вынудили Конона обратиться к царю с докладной запиской о чинимых безобразиях. Одновременно требовал он внимания к своей должности и грамотных помощников. Записка обошлась Конону Зотову дорого. Через день после написания он был взят под стражу, якобы за клевету. Но через несколько дней, разобравшись во всем, Петр освободил Конона и оставил в прежней должности.

Из биографии героя: «В 1720 году моряка арестовали и препроводили в Юстиц-коллегию за “дерзкое непристойное доношение”. Сам Конон Никитич объяснял арест кознями мачехи. Шестью годами ранее Никита Моисеевич (отец Конона Зотова. — *В.Ш.*) женился на вдове капитана Стремоухова, и Петр задумал сделать из бракосочетания комедийное действо. К. Зотов просил царя избавить семейство от позора, но не преуспел. Свадьба запомнилась весельем и непристойностью. После смерти Никиты Зотова завязалось дело о его наследстве. Видимо, из-за этого Зотова и оговорили. Но вскоре он оказался на свободе и выполнял новое ответственное поручение».

Но и после случалось лихо. Действуя как всегда смело и решительно, первый «охотник» Российского флота быстро нажил себе врагов. С особой неприязнью относился к нему вице-адмирал Сиверс, которого Зотов изобличил в преднамеренном раздутии береговых штатов и урезании корабельных. Петр наказал вора, но Сиверс с тех пор затаил злобу на дотошливого контролера

Отныне за каждым его шагом следили денно и нощно, каждое его слово и поступок тут же доносились императору. Скоро, очень скоро понял Конон, что клеветников предостаточно. А когда в одиночку стало бороться неведомо, написал письмо Петру: «...Научи, как жить, если дать о себе отповедь, то вздором называют, а если смирно себя вести, то озлоблениями и обидами несносными... находят». Одновременно он попросился на корабли: «...А я лучше на Балтии хочу умереть, нежели от кнута и дыбы... да мимо идет чаша сия моя».

И снова Петр поддержал своего «охотника».

— Мой Зотов по своей учености да к службе радению, почитай, целой эскадры стоит! — объявил он.

Но на корабли не отправил, а оставил на прежней должности. Честные люди были в цене во все времена!

Из биографии героя: «В те годы мало кто из имевших доступ к казенному имуществу не крал. Зная Конона Никитича как прямого и честного человека, непримиримого к недостаткам, царь 21 марта 1721 года назначил его контролером при Адмиралтейств-коллегии, чтобы “показать силу той должности” его будущим преемникам. Видимо, Петр I понимал, что человек характера Зотова долго не продержится на должности, которая предполагала столкновения с адмиралтейскими чинами. Конон Зотов вновь проявил строптивость. Узнав о попытках за ревность к службе Квашнина-Самарина, он потребовал отставки и заявил, что предпочитает погибнуть в бою, чем в застенке. Отставку моряк не получил и служил контролером, неоднократно имел столкновения с чиновниками. Одновременно он разрабатывал важные документы по флотской администрации».

В 1722 году Конон Зотов дописал первую в русском флоте книгу морских сигналов, которая легла в основу всех последующих сводов. Одновременно он трудился над созданием партикулярного (коммерческого) Морского устава, горячо одобренного Петром

Не успел первый волонтер отложить в сторону рукопись партикулярного устава, как тут же взялся за работу над учебником для российских мореходов с длинным по тем временам названием «Разговор у Адмирала с Капитаном о команде. Или полное учение како управлять

кораблем во всякие разные случаи. Начинаящим в научение, отчасти знающим в доучение, а не твердо памятным в подтверждение. Учинил от флота капитан Конон Зотов». Книга рассматривала вопросы управления кораблем в море, съёмки с якоря, постановки парусов и другие. «Разговор...» был написан в форме диалога между адмиралом и капитаном, причем обсуждение серьезных вещей Зотов совмещал с юмором и соленой флотской шуткой. Так, на вопрос адмирала о том, как узнать, хорош ли корабль на ходу, капитан отвечает: «...Когда корабль на прытком ходу своим трясет задом, то значит, что пропорция в его строении есть добрая». По книге Зотова учились многие поколения русских моряков. Учебник переписывали от руки, а редкие, рассыпающиеся от ветхости экземпляры передавали от отца к сыну, от деда к внуку.

К середине 20-х годов XVIII столетия Зотов становится фактически во главе русской военно-морской разведки.

К нему стекаются вся европейская морская литература и сведения об иностранных флотах; полученное он постоянно переводит и анализирует, собирая также информацию о состоянии флотов через посольства и своих агентов. Не забывал Конон Никитич и о практической работе. Так, он предложил принципиально новый способ крепления такелажа. В январе 1725 года не стало Петра. Старые недруги не простили Зотову былых ущемлений. Исподволь начали они очередную травлю. При первой же возможности Конон Никитич возвращается на действующий флот. В январе 1726 года он становится капитаном линейного корабля «Пантелеймон-Виктория» и весной выводит его в плавание по Финскому заливу. Но радость капитана 1-го ранга была недолгой. Едва он покинул свой пост контролера, как воры, почувствовав отсутствие бдительного стража законности, резво взялись за дело. Когда же генерал-адмирал Федор Апраксин решил произвести ревизию, результаты оказались самые плачевные.

— Немедля возвернуть Зотова в прежнюю должность! — распорядился он. — Иначе крысы наши конторские, почитай, все растащат!

С грустью покидал палубу своего последнего корабля Конон.

— Ноет сердце мое, — говорил он друзьям, — что не ступить мне на корабли более уже никогда!

Снова погрузился он в нескончаемую бумажную войну, снова стал писать записки изобличающие. Снова пошли доносы и угрозы. Все вернулось на круги своя! Но Зотов не терял надежды встать в боевой строй. «Если уметь да не учить, — пишет он в одном из писем Апраксину, — то есть великая вина... а если не уметь, для чего умеющих ненавидеть и

похвалиться уморить при конторе и во флот не пускают!» Но генерал-адмирал упорствует.

— Каждому свое место предрасположено! — бранит он настырного контролера. — А я для того и поставлен, чтобы думать за всех!

Работая ночами, пишет Зотов новые книги. В 1728 году создает он «Регламент адмиралтейского нижнего суда» — свод законов повседневной деятельности Адмиралтейств-коллегий. В 1729 году Зотов уезжает на время в Москву, где занимается приведением в порядок центральных учреждений коллегии, одновременно составляя многие законоположения по их деятельности. По возвращении в Санкт-Петербург переводит с голландского «Светильник морской» — морскую лоцию от Ревеля до Англии и Белого моря, пишет первый в России учебник морской тактики — «Книгу о погоне за неприятелем».

А Россия уже переживала темное время царствования Анны Иоанновны. Шла беспрестанная борьба за власть: армию прибрал к рукам фельдмаршал Миних, флот оставил за собой вице-канцлер Остерман. Что за беда, коль в делах морских Остерман был полнейший неуч и на палубу боевого корабля ни разу не ступал. Под крылом Остермана начало расти влияние наиболее реакционной части высшего флотского командования, составившей так называемую «английскую партию». «Англичане» требовали пересмотра основных положений Петра I по флоту, отмены Морского устава, созданного Зотовым, и принятия английского. Во главе новоявленных реформаторов стояли вице-адмирал Головин, адмиралы Сиверс и Гордон. Однако «англичане» в своих планах скорого переустройства петровского флота просчитались. В противодействие им стихийно возникла «русская партия» во главе с Соймоновым, Зотовым, Берингом. Неофициальное руководство партией взял на себя Наум Сенявин. «Русские» отстаивали самостоятельный путь развития отечественного флота, следование заветам Петра. Причем если «английскую партию» составляли в большинстве своем старые адмиралы, то «русскую» — прежде всего молодые капитаны кораблей и рядовые офицеры.

Несмотря на все старания и интриги Остермана, «русская партия» во главе с боевыми адмиралами и капитанами была чрезвычайно популярна на флоте. Особую же опасность для «англичан» представлял Зотов, знающий как свои пять пальцев всю тайную кухню Адмиралтейств-коллегий. Один из историков следующим образом описал значение Зотова: «Среди русских было, однако, одно лицо, имевшее... все данные, чтобы выступить в прениях могучим противником реформаторов, — лицо, давшее некогда

повод Петру Великому провозглашать здравицы... за успехи его в науках... получившее почетную известность: как вполне образованного моряка, боевого офицера, соучастника Сенявина в первой морской победе русских, тщательного служаки, знатока морской тактики и организации иностранных флотов, сотрудника Петра по составлению Морского регламента и устава... смелого и речистого человека, не затруднявшегося входить со своими представлениями к Петру, иногда резко несогласными со взглядами государя. Среди «русской партии» был капитан Конон Никитич Зотов...»

Однако без поддержки сверху «русская партия» была обречена на поражение. Используя административную власть, «англичане» исподволь повели расправу со своими наиболее опасными врагами. Прежде и легче всего избавились от Витуса Беринга, которого срочным образом спровадили во Вторую Камчатскую экспедицию. В ней Беринг совершит много открытий, впервые донесет русский флаг до берегов Америки, но в Россию уже не вернется. Могилой ему станет скалистый остров (названный впоследствии его именем) в далеком, продуваемом северными ветрами проливе (тоже получившем позже его имя). После Беринга «англичане» взялись за контр-адмирала Соимонова. Вскоре бравый моряк был взят под арест как конфидент заговорщика князя Вяземского и судим Контр-адмирала били плетью, ему рвали ноздри, а потом отправили по этапу в Сибирь. Одновременно началась травля Наума Сенявина, которого адмирал Сиверс буквально выживал с флота, придираясь к каждой мелочи. Заседания коллегии превратились для Сенявина в сущий ад. Не уступая ни в чем, он дрался как лев, но был один.

Протоколы заседаний доносят до нас драматизм происходившего: «... То он (Сенявин) принужден будет в коллегию не ездить, понеже он вице-адмиралом служит 33 года и такой обиды не имел, а адмирал и вице-президент (Сиверс) объявил, что и он в России служит близ 26 лет, а дураком не бывал, и на то вице-адмирал Сенявин говорил, от кого он так признан?» Затравив Сенявина, сгноив Соимонова и избавившись от Беринга, «англичане» принялись за Конона Зотова. Уверенные в полной безнаказанности, они теперь действовали нагло, не утруждая себя особыми ухищрениями. Обвинение, выдвинутое против него, было дико по своей нелепости. Зотова, долгие годы стоявшего на страже законности и охраны казенного добра, обвинили... в воровстве. Удар был настолько внезапен и ошеломляющ, что Конон Никитич пребывал в полнейшем отчаянии от свалившегося на его голову позора. В чем же могли обвинить его? Ведь всего лишь несколькими годами ранее он писал одному из своих друзей:

«...Ни движимого, ни недвижимого у меня нет; нечего отнять и нет, как потеснить в усадьбах, ибо по государевой милости испомещен на морях!» Обвинение было до нелепости смешное: будто взял Зотов для себя без указа коллегии Адмиралтейской взаимно девять бочек извести. Заметьте — взял взаимно, т.е. в долг, чтобы потом вернуть.

«Дело Зотова» очень быстро стало известно самому широкому кругу морских офицеров, но реакция на него получилась обратная той, на которую рассчитывали обвинители: среди моряков поднялся ропот, люди не верили в нечестность первого «охотника» Российского флота. На кораблях в кают-компаниях открыто называли это дело сиверсовской стряпней.

Сам же Сиверс торжествовал: вот когда он рассчитался с дерзким контролером! Но Зотов не сдавался и наотрез отказывался признать себя виновным, требуя повторного расследования своего дела. Повторного расследования вице-президент Адмиралтейств-коллегий побоялся, и обвинение против Зотова пришлось снять. Но дело было сделано. Конон Никитич не мог долго работать в такой обстановке. Отныне единственным его утешением стали книги.

В 1741 году Зотову по настойчивым требованиям Сенявина дали должность генерал-экипажмейстера и чин контр-адмирала. Конон Никитич отнесся к повышению равнодушно: кроме мундира и оклада, для него ничего не изменилось.

Зотов работал как одержимый. Одна за другой выходят из-под его пера книги: «Новые сигналы», «Пополнение к знанию зеймана», новый учебник тактики «Об экзерцициях военного флота»...

Весной 1742 года Конон Никитич тяжело заболел и вынужден был уехать в Ораниенбаум. В октябре 1742 года его не стало. Погребли контр-адмирала на местном кладбище.

* * *

Участник Гангутской баталии Ян Дежимон (ставший в России Иваном Андреевичем) за геройство в сражении получил чин капитана 2-го ранга. В 1715 году он под началом князя М. Голицына был в походе греческого флота у острова Флисбург, участвовал в экспедиции на шведский берег, занимался промером ревальского фарватера. В 1717 году успешно командовал галерами в Або, за что был особо отмечен Апраксиным. В 1718 году Иван Дежимон был произведен в капитаны 1-го ранга, опять командовал галерами у Або. В следующем году Дежимон — уже капитан-

командор и снова во главе отряда действует в шведских шхерах. В 1720 году, командуя отрядом галер, он отличился в Гренгамском сражении, а в следующем ходил во главе своего отряда по шхерам до Аландских островов. После заключения мира со Швецией Дежимон перешел на службу в армию, однако там практически не служил, а по приказу Петра I занимался постройкой галерного порта. В 1723 году Дежимон скоропостижно умирает в Петербурге.

Капитан Маркус Грис, известный в российском флоте как искусный штурман, после Гангутского сражения занимался промерами корабельного фарватера от Гангута до Барезунда и составлением карты, в следующем году командовал линейным кораблем «Перл». Корабль в отряде Бредаля был отправлен в Англию, но, попав в сильный шторм, потеряв мачты, едва добрался до Копенгагена. Во время шторма Грису пришлось наводить жесткий порядок на корабле, т.к. несколько подчиненных офицеров проявили малодушие.

После возвращения «Перла» в Россию эти офицеры подали на Грису жалобу, обвинив его «в самовольстве, дурном обращении с подчиненными и в пьянстве». Грис был отрешен от командования кораблем и отдан под суд. Однако вскоре выяснилось, что он ни в чем не виновен, и Грис был оправдан. Обиженный на ложные обвинения, он подал прошение об отставке, но Петр, не желая терять грамотного штурмана и хорошего моряка, порвал прошение, а самого Грису назначил командиром линейного корабля «Рафаил». В этой должности Грис отличился в крейсировании по Балтике и в экспедиции на остров Гогланд. По возвращении из похода Грис возобновляет свое прошение об отставке и в декабре 1718 года добивается увольнения с русской службы. О дальнейшей судьбе Маркуса Грису сведений нет. Впрочем, думается, столь грамотный и опытный штурман без дела не остался.

Бывший при Петре в Гангутском сражении генерал-адъютант Павел Ягужинский сделал впоследствии блестящую карьеру. В том же 1714 году Ягужинский был послан в Данию для того, чтобы понуждать датскую корону к исполнению союзных обязательств. После учреждения в 1718 году коллегий на Ягужинского возложено наблюдение за «скорейшим устройством президентами своих коллегий». Через год он принимал участие в Аландском конгрессе, затем в 1720–1721 годах представлял интересы России при венском дворе императора Священной Римской империи. С января 1722 года Ягужинский — генерал-лейтенант, а за четыре дня до того назначен первым в истории генерал-прокурором Правительствующего Сената. В его обязанности была вменена борьба с

казнокрадством По воспоминаниям современников, Ягужинский «отличался прямою, честностью и неподкупностью, неутомимостью в работе». В мае 1724 года при учреждении для коронации Екатерины роты кавалергардов он был назначен ее командиром с чином капитан-поручика, был удостоен орденов Андрея Первозванного и Александра Невского. В качестве генерал-прокурора Ягужинский слыл противовесом могущественному князю Меншикову и несколько ограничивал его аппетиты. При дворе в Ягужинском видели «обличителя и врага всех тех личных и своекорыстных стремлений». После вступления на престол Екатерины генерал-прокурор стал открыто ссориться с упрочившим свое положение Меншиковым, по-прежнему не пропускал ни одной придворной попойки, а во время всенощной в Петропавловском соборе взывал о защите к гробу покойного императора, так что опасались, что он может «в припадке отчаяния наложить на себя руки». После учреждения Верховного тайного совета и установления меншиковского всевластия Ягужинский покинул пост генерал-прокурора и был отправлен полномочным министром при польском сейме в Гродно, где разбирался вопрос о курляндском престолонаследии. С 24 октября 1727 года — генерал-аншеф, хотя в армии уже давно не служил.

В последующие правления Ягужинский не без успеха лавировал между противоборствующими придворными группировками. В январе 1730 года участвовал в заговоре «верховников», но, разуверившись в его успехе, 20 января известил обо всем Анну Иоанновну, был арестован, но вскоре освобожден. Анна Иоанновна сполна вознаградила ренегата Указом императрицы 4 марта 1730 года Ягужинский назначен сенатором. В том же году получил в подчинение Сибирский приказ, из которого должен был получать жалованье «по рангу». С 1730 по 1731 год — генерал-прокурор Сената. По его инициативе был создан первый в России кадетский корпус. В 1731 году удостоен титула графа.

Влиянию Ягужинского положила конец ссора с канцлером Остерманом, после чего он был отправлен в очередную почетную ссылку — послом в Берлин. Но через несколько лет вернулся обратно по воле фаворита императрицы Бирона с возвращением должности обер-штальмейстера. Это был звездный час Ягужинского. Из хроники событий «Кабинеты иноземных государей предписывали своим министрам искать милостей Ягужинского. Дружбой с ним гордились послы, а князь Радзивилл искал руки его дочери... Он уже забирал в руки свою былую власть. Его приговоры и решения особенно боялись высшие чиновники государства, потому что они, при безукоризненной справедливости, всегда

были очень строги и быстро приводились в исполнение. Современники с вниманием и интересом следили за ростом могущества Ягужинского и ждали, когда начнется между ним и Остерманом схватка за власть».

Здоровье Яужинского к этому времени было уже давно расшатано, причем не столько напряженной жизнью и непомерной работой, сколько кутежами и всякими излишествами. Но он не унимался, неизменно посещал балы и пирушки, где пил, не отставая от других. В январе 1736 года Яужинский заболел лихорадкой, которая осложнялась приступами подагры, и в апреле того же года умер. Похоронен в Александро-Невской лавре.

Что касается плененного при Гангуте шаутбенахта Нильса Эреншельда, то спустя полгода после пленения он писал из Петербурга адмиралу Ватрангу, что шесть из семи его ран залечены, но от последней в левое бедро он продолжает тяжело страдать и лежит «в нестерпимой болезни».

Что касается бригадира Петра Лефорта, то он впоследствии стал генералом. Более-менее успешно служил при Екатерине I, при Петре II и при Анне Иоанновне. В 1732 году Лефорт решил, что сыт Россией по горло, и уехал в Мекленбург. Из всех известных участников Гангутского сражения Петр Лефорт, наверное, самый невзрачный. Впрочем, отблеск гангутской славы все же озарил и его весьма унылую и посредственную жизнь.

Что касается шведского шаутбенахта Эреншельда, то в русском плену он оставался вплоть до заключения Ништадтского мира. При освобождении из плена Петр I в качестве признания его мужества подарил Эреншельду свой портрет, украшенный драгоценными камнями. В этом же году Эреншельд был произведен в полные адмиралы и назначен в Карлскруну директором экономической части Адмиралтейства. Умер в ноябре 1728 года в Карлскруне.

Адмирал Густав Ватранг, несмотря на поражение при Гангуте, был оставлен в занимаемой должности. В 1715 году ему вновь поручили командование флотом, однако из-за ухудшившегося здоровья он был вынужден отказаться от назначения. После года тяжелой болезни в 1716 году Ватранг скончался.

Что касается остальных взятых в плен шведов, то из раненых при Гангуте более сотни впоследствии умерли. Надо сказать, что шведские моряки вовсе не были брошены на произвол судьбы. Наоборот, отношение к ним было самым внимательным, просто медицина того времени была, увы, весьма далека от совершенства. Необходимо отметить и тот факт, что

лечением пленных шведских моряков занимались наши морские врачи.

Отметим, что все шведские пленники ежедневно получали «ветчины... на четыре человека фунт, а крупу и сухари против солдатских дач» (т.е. столько же, сколько и наши солдаты), а находившиеся на излечении помимо этого получали в том же количестве, как и наши, пиво и вино. Сохранился даже документ, в котором пленные шведы выражали пожелание, чтобы вместо солдатских сухарей им выдавали муку для приготовления свежего хлеба и выпечки. Так что жилось в плену шведам не столь уж и плохо. После заключения мира шведские матросы и солдаты были отправлены домой. Небольшая часть из них, однако, предпочла остаться жить в России.

Глава двадцатая.

МЫС ГАНГУТ В ПОСЛЕДУЮЩИХ ВОЙНАХ РОССИИ

Сегодня мало кто помнит Русско-шведскую войну 1741–1743 годов, когда шведы попытались взять реванш за свои поражения от Петра I. В ходе той «незнаменитой» войны Балтийский флот России держал оборону в районе мыса Гангут, защищая подступы к Петербургу и находясь в постоянной готовности к генеральной баталии с противником.

На рубеже 40-х годов XVIII века обстановка в Европе сложилась весьма неблагоприятно для России. Только что завершилась изнурительная Русско-турецкая война 1735–1739 годов. Интриговали против России Пруссия и Франция, боясь ее возможного военного союза с Австрией. Внешняя политическая нестабильность усугублялась нестабильностью внутренней. С момента смерти в октябре 1740 года императрицы Анны Иоанновны в правящих эшелонах шла ожесточенная борьба за власть. Хотя императором был провозглашен годовалый Иоанн Антонович, а регентшей при нем его мать — Анна Леопольдовна — племянница Анны Иоанновны, но в обществе и военных кругах все большую популярность приобретала Елизавета — дочь Петра I. Испытываемые Россией трудности пришлось как нельзя кстати реваншистским устремлениям Швеции, стремившейся к пересмотру параграфов Ништадтского мира 1721 года. Ее аппетиты были велики. Предполагалось отторгнуть от России не только всю восточную Прибалтику вместе с Петербургом, но и всю северную часть страны вплоть до Архангельска. Торопили шведских правителей и свои внутренние проблемы. Профранцузская правящая партия (шляп), традиционно враждебная России, быстро теряла популярность в стране. Факт объявления войны «извечному врагу Швеции» должен был, по мнению президента канцелярии Карла Юлленборга, восстановить ее пошатнувшееся влияние. Правда, сдерживало отсутствие денежных средств. Однако вскоре и эта проблема разрешилась. Финансирование будущей войны добровольно возложил на себя союзник Стокгольма Версаль. 24 июля 1741 года шведский посол в Санкт-Петербурге вручил грамоту с объявлением войны.

После смерти Петра I внимание и царского двора, и правительства к флоту постепенно ослабевало, а вскоре его строительство, вооружение и

снабжение, а особенно обучение личного состава, пришли в упадете

Ряд историков утверждают, что именно из-за этого обстоятельства Швеция вновь дерзнула попытать счастья в борьбе с Россией. Как бы то ни было, в 1741 году русским морякам предстояло в кратчайшие сроки восстановить все утраченное за полтора десятка лет. За дело круто взялись, но скоро стало очевидно, что в кампании 1741 года флот участвовать не сможет. Работы по восстановлению пришедших в негодность кораблей был непочатый край.

Однако энергичная подготовка балтийцев к боевым действиям, пробные выходы кораблей в море не ускользнули от внимания шведов. И шведский вице-адмирал Райялин, несмотря на свое превосходство в силах, так и не решился атаковать Кронштадт. Память о Гангуте, Эзеле и Гренгаме была еще слишком свежа!

Тем временем в Финляндии русская армия начала наступление, и вскоре фельдмаршал Ласси нанес поражение неприятелю при Вильманстранде. Вместо вожденного блицкрига Стокгольм оказался перед лицом длительной борьбы, счастливый исход которой становился для шведов сомнительным. Осенью 1741 года, так и не сделав ни одного выстрела, шведский флот ушел в Карлскруну, за ним поспешила и гребная флотилия неприятеля...

Всю зиму обе стороны напряженно готовились к будущей кампании. А 25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота на русский престол вступила Елизавета. Внутреннее положение страны стабилизировалось. Не желая дальнейшего кровопролития, новая императрица сразу же предложила начать переговоры о мире. Стокгольм ответил надменным отказом

К концу апреля 1742 года 35-тысячная русская армия заняла позиции у Выборга. Ее левый фланг надежно прикрывала гребная флотилия. Готовился к выходу в море и флот. В первых числах мая на линейном корабле «Святой Александр» поднял свой флаг вице-адмирал Мишуков, один из любимцев Петра, участник Гангутского сражения. *Секретный* указ, данный Адмиралтейств-коллегией вице-адмиралу, гласил: «...всякие поиски чинить по морскому обыкновению». Однако состояние кораблей все еще оставляло желать много лучшего. К тому прибавилось множество больных от переохлаждения и пищевых отравлений. Особенно ощущался некомплект канониров, возместить который было уже невозможно. Несмотря на все это, 19 мая Кронштадтская эскадра начала вытягиваться на рейд и после проведения смотра вышла в море. Чтобы обучить вновь набранных рекрутов-канониров, Мишуков пересадил их на прамы и

отправил в финские шхеры на учебные стрельбы.

Затем эскадра перешла к острову Лавенсаари, где Мишуков получил сообщение, что неприятельский флот в количестве 20 вымпелов обнаружен у островов Аспе. Наполнив паруса попутным ветром, русские корабли устремились вперед. Головным крушил волну корабль «Основание Благополучия» под командой капитана 1-го ранга Макара Баракова. Вскоре им был обнаружен неприятельский флот. Однако вице-адмирал Мишуков, вместо того чтобы решительно атаковать шведов, распорядился стать на якорь и собрать на консилиум капитанов кораблей и флагманов.

Не будем судить за это вице-адмирала. Дело в том, что в середине XVIII века практика консилиумов была общепринята почти на всех европейских флотах. Не явился здесь исключением и русский флот. Согласно морским уставам того времени командующий флотом не имел права принимать ни одного важного решения, не заручившись большинством голосов членов консилиума. Практику эту, стоившую множества утраченных побед, впоследствии отменили.

После недолгих дебатов было решено выслать в погоню за неприятелем лишь наиболее ходкие и крепкие корабли, остальная часть эскадры из-за ветхости корабельных корпусов не могла идти под всеми парусами. Часа два спустя три новейших корабля Кронштадтской эскадры под началом Варакова устремились за шведами. Основные же силы продолжили плавание под малыми парусами. К сожалению, опасения Мишукова относительно крепости кораблей оказались не напрасными — через несколько дней шквал нанес им столь серьезные повреждения, что у острова Гогланд пришлось исправлять их. Затем, сгрузив новую большую партию больных, Мишуков продолжил движение и вскоре занял позицию у острова Нарген.

Тем временем на сухопутном фронте события разворачивались стремительно. В июне фельдмаршал Ласси двинул свои войска ускоренным маршем к шведской крепости Фридриксхамн. Вдоль берега армию сопровождала гребная флотилия генерал-аншефа Левашева под прикрытием отряда парусных кораблей. Шведские галеры бой не принимали, отходя под нашими выстрелами все дальше и дальше на запад. 28 июня пал Фридриксхамн. 7 августа сдалась сильно укрепленная крепость Нюслот (Нейшлот). А еще через неделю спустила флаг и цитадель Тавастехус. Но это было только начало! У Гельсингфорса шведский главнокомандующий Левенхаупт, заняв выгодные позиции, решил дать русским генеральное сражение. Но Ласси совершил обходной маневр и ударил неприятелю в тыл. Через несколько дней окруженная

шведская армия прекратила сопротивление. Это был настоящий разгром! Под бой барабанов с развернутыми знаменами русские полки 24 августа вступили в Гельсингфорс. Остатки шведов бежали на галерах. За поражение и потерю целой армии Левенхаупт был отозван в Стокгольм, судим и казнен.

В дни боев у Гельсингфорса вице-адмирал Мишуков получил предписание следовать к побережью Финляндии и замкнуть блокаду шведской крепости с моря. Однако этого требования он не исполнил, сославшись на незнание подходов к берегу и слабую обученность команд, на две трети состоявших из рекрутов.

Через несколько дней следует новое указание — «учинить поиск над неприятельским флотом». И вновь Мишуков отказывается от его выполнения, так как все сильнее текли старые корпуса кораблей и множилось число больных. Консилиум флагманов и капитанов решает во избежание потери кораблей в первом же шторме следовать в Кронштадт, тем более что шведский флот к этому времени, так и не предприняв попытки сразиться с балтийцами, ушел в Карлскруну на зимовку. 8 октября эскадра взяла курс к кронштадтским берегам. Кампания 1742 года завершилась. А 24 октября пришел и первый долгожданный успех. У Ревеля был пленен 24-пушечный шведский дозорный фрегат «Ульриксдаль».

Недовольная нерешительностью Мишукова, императрица Елизавета по прибытии эскадры в Кронштадт отстранила его от должности. Однако необходимо признать, что, несмотря на недостаточную энергичность в действиях, главную свою задачу флот выполнил. Шведы, как и в 1741 году, не решились нанести удар по Петербургу со стороны моря. Кроме этого, флот впервые за много лет получил хорошую морскую практику и стал вполне боеспособным.

В результате победоносно завершенной для России кампании 1742 года Швеция находилась на грани поражения, и все же правительство Карла Юлленборга продолжало упорствовать в своих воинственных устремлениях.

Весной 1743 года, едва Балтика очистилась ото льда, как шведский флот в составе 16 кораблей, 5 фрегатов и 2 бомбардирских кораблей занял позицию у мыса Гангут. На этот раз его вывел в море адмирал фон Утфаль. Отдельная эскадра кораблей начала крейсирование у острова Даго. Гребная флотилия с многотысячным десантом на борту сосредоточилась в Аландских шхерах. Шведы не собирались уступать Финляндию русским и настроены были весьма решительно. Им нужна была только победа!

Русское командование тоже действовало наступательно. Главной задачей предстоящей кампании Ласси считал высадку десанта на шведское побережье, которая возлагалась на гребные суда. Корабельный же флот должен был прикрывать действия галер с моря, а при появлении неприятеля вступить с ним в генеральную баталию.

Боевые действия на море начались весьма энергично. Прежде всего, предстояло воспрепятствовать высадке шведского десанта в Финляндии. Стремясь сорвать замыслы неприятеля, часть русской гребной флотилии в составе двух прамов и 21 галеры устремилась к Аландским шхерам, где предполагалось движение десанта. Авангард этого отряда возглавлял капитан 1-го ранга Иван Кайсаров — воспитанник Петра и герой последней Русско-турецкой войны. Под его началом находились прамы «Дикий Бык» и «Олифант» с семью галерами. 20 мая у острова Корпо с передовой галеры была обнаружена шведская флотилия. Командовавший ею адмирал Фалькенгрэн имел прам и восемнадцать галер, превосходя отряд Кайсарова по весу бортового залпа более чем в два раза. Однако Кайсаров атаковал противника. Более трех часов продолжалось сражение, от которого во многом зависел весь дальнейший ход войны. Победят шведы — и через несколько дней десантная армия высадится в Финляндии, чтобы в кровопролитных сражениях попытаться изменить ход войны. Устоит Кайсаров — и неприятель лишится своего главного козыря. И русские моряки устояли! На исходе третьего часа непрерывной пальбы шведы поспешно отступили, туша многочисленные пожары на кораблях. Русские моряки преследовали их до острова Соттунга, где галеры Фалькенгрэна затерялись среди многочисленных островов. Победа была полная. Но досталась она непросто... «...Прам “Дикий Бык” получил 39 сквозных пробоин... и имел убитых 3, раненых 2 человека. Прам “Олифант” получил 20 пробоин и имел убитых 3, раненых 7 человек». Чтобы неприятель не смог предпринять еще одну попытку прорыва к Аландским шхерам, Кайсаров занял выгодную позицию у острова Соттунга. А вскоре подошли и еще четырнадцать русских галер. Теперь даже при большом желании шведы были бы бессильны что-либо предпринять. С петровских времен это была первая решительная виктория на море! Императрица Елизавета щедро наградила отличившихся. Командир отряда Иван Кайсаров был произведен в капитан-командоры, а капитан прамы «Дикий Бык» лейтенант майорского ранга Петр Прончищев и капитан прамы «Олифант» лейтенант майорского ранга Александр Соймонов, как наиболее отличившиеся в сражении, были произведены в капитаны 2-го ранга.

Половина дела была сделана — опасность шведского десанта на какое-

то время была устранена. Теперь предстояло решить задачу не менее трудную: обеспечить проход русской гребной флотилии мимо стоявшего у мыса Гангут шведского флота.

Флотилия держалась в шхерах неподалеку от Гангута, поджидая парусный флот — боевое прикрытие. На ее борту находился многотысячный десант, предназначенный для высадки в Швеции.

В начале мая вышла в море и Кронштадтская эскадра. На этот раз вел ее адмирал Н. Головин, равно удачливый как на морском, так и на дипломатическом поприще. В поход моряков провожала сама императрица Елизавета Петровна. Впервые за одиннадцать лет Балтийский флот увидел первое лицо государства... Проводы были торжественными: с оркестрами и развевающимися флагами В указе Елизаветы, данном ею Головину, говорилось: «...если нужда востребует, то атаковать неприятельский флот не только с превосходящего над неприятелем силою, в числе судов и пушек, но и с равною против онаго».

У острова Нарген к Кронштадтской эскадре присоединился отряд кораблей контр-адмирала Барша, зимовавший в Ревеле 23 мая дозорными фрегатами была обнаружена передовая часть неприятельского флота, однако атаковать его не удалось из-за штормовой погоды. Но едва ветер немного стих, как Головин устремился к мысу Гангут, где стоял шведский флот. Увидев русские корабли, адмирал Утфаль отдал команду сниматься с якорей. Отход неприятельского флота проходил настолько неорганизованно, что скорее напоминал бегство. В этой неразберихе концевой шведский фрегат «Эколмсанд» отстал от остальных и был нагнан и атакован передовым русским линейным кораблем «Северная Звезда» и фрегатом «Россия». Видя, что его фрегату грозит пленение, Утфаль выслал ему в поддержку три корабля. Головин незамедлительно ответил пятью. Едва противники сблизилась на дистанцию огня, между ними завязалась сильная перестрелка. Вскоре к месту сражения подошли на полных парусах русские бомбардирские корабли «Юпитер» и «Самсон», которые сразу же открыли огонь, но шведский главнокомандующий умелым маневрированием сумел вывести флот из-под удара. Генерального сражения шведы по-прежнему избегали, несмотря на примерное равенство в силах. Головин имел под своим началом 14 кораблей, 2 фрегата, 2 бомбардирских корабля и пару брандеров. Утфаль мог противопоставить ему 13 кораблей, фрегат и 2 бомбардирских корабля.

Над флагманским кораблем адмирала Головина трепетал на ветру флажный сигнал «Вступить в бой». Выстроившись в линию баталии, Балтийский флот сближался со шведами, непрерывно лавируя при

противном ветре. Но находящийся на ветре шведский флот легко уклонялся от всех попыток Головина навязать ему сражение. Лишь изредка на предельной дистанции шведы позволяли себе вступить в слабую перестрелку. Так продолжалось в течение всего дня. Вечером флоты разошлись и стали на якоря.

На следующий день, 7 июня, противники вновь маневрировали в боевых линиях. Но если шведский адмирал старался лишь держаться в видимости русского флота, то Головин стремился всеми силами оттеснить Утфаль от полуострова Гангут. Русский адмирал ожидал подхода гребной флотилии. Вскоре после полудня вдалеке показались идущие в тесном строю галеры. К этому времени Головину все же удастся оттеснить неприятеля от полуострова и освободить прибрежный фарватер. Пока Утфаль сообразил, что происходит, галеры на усиленной гребле успешно проскочили мимо неприятеля и скрылись в прибрежных шхерах.

На следующий день на море опустился туман. Несмотря на это, русский флот вновь начал сближаться с противником, и через некоторое время главному линейному кораблю «Святой Александр» удалось подойти к одному из шведских кораблей и открыть огонь, но шведы, не отвечая на залпы, лишь прибавили парусов и стали отходить. В тумане адмирал Утфаль едва не лишился своего бомбардирского корабля «Тордон».

Ближе к вечеру Головин поднял сигнал «Сомкнуть линию». Одновременно стал спускаться на русский флот и неприятель. Всем казалось, что теперь-то генеральное сражение неизбежно! Но в нескольких кабельтовых от русского флота Утфаль отвернул и снова, в который уже раз, уклонился от боя. Шведский адмирал не хотел рисковать. Уже в сумерках он приказал следовать к острову Готланд. Головин неприятеля не преследовал — снова помешало решение консилиума! В течение трех дней большинством голосов оно блокировало все решительные действия русского адмирала. История донесла до нас лишь протест не согласного с решением консилиума командующего.

В тот же день Балтийский флот ушел для пополнения запасов в Рогервик, где и оставался до окончания войны. Но главное он сделал — русская гребная флотилия с десяти тысячным десантным корпусом на борту шла к шведским берегам...

12 июня у острова Соттунга она соединилась со своим авангардом, блокировавшим шведские галеры в лабиринте Аландских островов. Флотилия адмирала Фалькепгрена ушла в Стокгольм, а шведский флот, крейсировавший до конца войны у Готланда, не проявлял более активности.

При этом довольно неуклюже выглядит попытка шведских историков хоть как-то оправдать его пассивность. «Бездействие шведского флота, — пишет один из наиболее авторитетных историков Швеции Гилленгранат, — находившегося в финских шхерах, происходило единственно от того, что он должен был служить прикрытием армии...» Возможно, для кампаний 1741–1742 годов это отчасти и верно, но ведь в 1743 году в Финляндии не было ни одного шведского солдата! Лучший ответ на вопрос о том, кто же является победителем при столкновении флотов у Гангута, дали сами шведы. За поражение при Гангуте и бегство к Готланду адмирал Утфаль вскоре после окончания войны был отстранен от занимаемой должности и отдан под суд.

А война близилась к своему логическому завершению. В середине июня русская гребная флотилия, насчитывавшая к тому времени около двухсот вымпелов, направилась к берегам Швеции, чтобы нанести неприятелю последний сокрушительный удар. Фельдмаршал Ласси намеревался через несколько дней во главе десантных войск вступить в шведскую столицу. И только тогда шведы запросили мира 16 июня в небольшом городе Або были подписаны предварительные статьи мирного договора.

Окончательно мирный договор был подписан там же 7 августа 1743 года. Согласно ему Россия получила Кюмменегородскую провинцию с крепостями Фридрихсгам (Фредриксхамн) и Вильманstrand, часть Саволакской провинции с важной крепостью Нейшлот (Нюслот). Кроме этого Швеция безоговорочно подтверждала все статьи Ништадтского мира 1721 года и окончательно признала утверждение России на Балтике

Самой же Швеции эта авантюра обошлась в пятьдесят тысяч жизней и сто пятьдесят бочонков золота

Что же касается русского флота, то если в первый период войны он являл собой ни к чему не готовый конгломерат кораблей, то на заключительном этапе балтийские моряки способны были на равных сражаться с любым из европейских флотов. Это в полной мере почувствовали на себе шведы. Война стала хорошей школой для целой плеяды русских моряков, в том числе и молодых офицеров, стоявших впоследствии у руля отечественного флота.

* * *

Снова Гангут появился в военных реляциях уже в 1788 году, с началом

очередной войны со шведами. Полуостров по-прежнему оставался важнейшей стратегической позицией, и поэтому за контроль над ним развернулись новые сражения.

Вскоре после победного для Балтийского флота сражения при Гогланде, в котором наш флот отбил нападение шведов на Петербург, командующий Балтийским флотом адмирал С.К. Грейг выслал к мысу Гангут отряд из нескольких кораблей под началом капитана 1-го ранга Д. Тревенина. Дело в том, что шведы, используя гангутский прибрежный фарватер (тот самый, по которому в свое время прорывались галеры Петра), снабжали свои войска в Финляндии припасами и продовольствием. Поэтому следовало как можно надежнее разорвать эту артерию. Тревенин с задачей справился отлично. Суда свои капитан расставил мористее скал в шахматном порядке. От крайнего протянул к берегу цепь. Вдоль цепи баркасы с фальконетами. Поди-ка, прорвись!? Офицерам своим Тревенин объявил:

— Глядеть в оба Шведы обязательно скоро объявятся. Кто заметил — бей в лоб ядрами без всяких раздумий!

При капитане худенький и рыжеволосый гардемарин «за мичмана» Вася Головин. Нынешняя война для него первая и потому каждый выход в море целое событие. Время главных подвигов Василия Головина еще впереди, пока же он учится драться.

Захват Гангутской позиции вызвал раздражение у шведского короля Густава III. Король нервно велел:

— Русских с позиции сбить и водную коммуникацию восстановить!

Поначалу шведы выслали к мысу дозорные суда, поглядеть и посчитать, много ли там русских. Когда увидели, что немного, решились на прорыв. Но, получив отпор, сразу же уходили.

Занятие Гангута принесло шведам массу проблем. Отныне все получаемое из Швеции военные припасы, в том числе и для запертого в Свеаборге флота, приходилось выгружать с судов и везти сухим путем через Гангутский полуостров. На другой стороне полуострова их надо было снова нагрркать на суда и везти через шхеры в Свеаборг. Теперь у шведов для войны на море просто не было сил.

Между тем шведы все не теряли надежды сбить наш отряд с Гангутской позиции и восстановить жизненно важную прибрежную коммуникацию между Швецией и войсками и флотом в Финляндии.

3 октября к Гангуту с востока двинулся пробный конвой. В охране транспортов шли галеры и канонерские лодки. Одновременно навстречу им направились галеры с запада. В одно мгновение наш немногочисленный

сторожевой отряд оказался в окружении.

Едва капитан 1-го ранга Тревенин заметил приближение противника с запада, навстречу ему сразу же был послан гребной фрегат «Святой Марк». Не испытывая судьбу, шведы тотчас спрятались за прибрежными камнями. Удалились восвояси и атаковавшие с востока

Через день — новая попытка прорыва. На этот раз галеры и канонерские лодки сами атаковали «Святой Марк». Наши бой приняли. Схватка была продолжительной и упорной. Из хроники войны: «С 4 часов пополудни завязалось довольно упорное дело между фрегатом и шведскими судами; оно продолжалось до ночи и закончилось отступлением неприятеля».

Но Тревенин шведов перехитрил и здесь, да еще как! Пока неприятельские галеры перебрасывались ядрами с гребным фрегатом, в бесконечный лабиринт шхер устремились вооруженные баркасы с абордажными партиями на борту. Выйдя шведам в тыл, они как снег на голову обрушились на сгрудившиеся в кучу транспорта и в мгновение ока захватили полтора десятка груженных военными припасами судов. Это был уже погром

Всю зиму с 1788 на 1789 год шведы готовились к новой кампании. Не был оставлен вниманием и Гангутский мыс — важнейшая стратегическая позиция на выходе из Финского залива. Всю зиму, невзирая на ветра и морозы, на каменных островах вокруг полуострова сооружались многопушечные батареи. Непрístupное гранитное укрепление было названо в честь короля — Густавсвери. Сам Густав объявил новую крепость важнейшим из всех своих морских бастионов.

Однако наши с началом кампании вновь перехитрили шведов. Так как теперь стоять непосредственно под самим Гангутом было опасно из-за сильной береговой батареи противника, было решено несколько сместить позицию наших сторожевых кораблей. Теперь они разместились несколько поодаль у Порккаллауда. На сей раз сторожевой отряд возглавил капитан 2-го ранга Шешуков.

Шведы также, в свою очередь, выслали к Порккаллауду свой отряд судов, чтобы попытаться прорваться мимо стоящего там Шешукова. Во главе его был поставлен Саломон Мориц фон Райалин, моряк опытный и противник храбрый.

В прошлом году главные события в Финском заливе происходили у Гангута. Теперь же предстояло сражение за Порккаллауд, где главный фарватер в шхерах ближе всего подходил к открытому морю.

У Порккалла шведы загодя укрепили оконечность мыса, а наши —

маленький скалистый островок. Периодически шведы нападали на наш островок, а наши, отбив нападение, в свою очередь, нападали на шведов. Но общую ситуацию контролировали наши. Стоявший на внешнем рейде линейный корабль надежно прервал шведские сообщения. Пару раз шведам все же удалось прорываться, но для этого пришлось собирать большие отряды, да и каждый прорыв давался недешево.

Спустя некоторое время Шешуков был отозван и его место занял капитан 1-го ранга Глебов, который, как и его предшественник, вполне успешно отбивал все наскоки шведов.

Особенно удачно палила по противнику установленная на берегу наша батарея. Не видя другого выхода, шведы использовали старую знаменитую петровскую переволоку у Лапиви́ка, где ширина перешейка составляла лишь две версты. С одной стороны суда разгружали, грузы тащили, где на плечах, где лошадьми, а на другой снова грузили на суда. Работа это была изматывающая, и толку от нее было немного.

В один из дней против нашей батареи выдвинулись сразу три галеры и полтора десятка канонерок майора Кремера с запада и галеру с четырьмя канонерками с востока. Бой продолжался более четырех часов. Наконец шведы не выдержали и бежали — одни к Барезунду, другие к Свеаборгу. Мы потерь не имели вовсе.

Спустя несколько дней противник снова повторил атаку на батарею и на наши корабли. Бой длился с утра до самой темноты. Помогая батарее, северный и западный проходы оборонял линейный корабль «Европа» Якова Сукина. Командир «Европы» был знаменит тем, что в свое время обложил матом нахамившего ему вельможу, за что и провел потом полгода в матросах. В бою Сукин был смелый до дерзости. Матросы его любили: мол, из наших, из матросов!

В течение целого дня «Европа» отчаянно отбивалась от двух десятков неприятельских судов. По линейному кораблю шведы лупили калеными ядрами. «Европа» дважды загоралась, но пожары всякий раз тушили. К ночи неприятель был отбит и отступил.

— А не пугай сокола вороной! — усмехнулся устало Яков Сукин, вытерев платком пороховую сажу со лба. — Уф, ну и денек сегодня выдался!

Позиция, как и прежде, осталась за нами. Глебова запросили, удержит ли он позицию впредь. Капитан 1-го ранга ответил ревельскому посланцу так:

— Опасности для себя не предвижу, в помощи не нуждаюсь, за то, что не пропущу в Финляндию ни одного судна, ручаюсь головой!

Командир «Еврогш» свое слово сдержал. Задачу свою выполнил, и шведам так и не удалось пробраться мимо Гангутского мыса.

Следующий 1790 год стал уже победным для нашего флота в сражениях при Ревеле, Красной Горке и Выборге. Шведский флот был разгромлен, и Стокгольм запросил мира

* * *

После окончания Советско-финской зимней войны 1939–1940 годов, согласно заключенному мирному договору, СССР была передана в аренду на 30 лет часть полуострова Ханко (Гангут), включая город Ханко и его порт, и морскую территорию вокруг него, для создания военно-морской базы, прикрывающей вход в Финский залив.

За короткое время советские военные укрепили арендованную территорию Ханко. По другую сторону границы, за деревней Лаппохья, финские солдаты возвели свою линию обороны.

С началом войны перед базой Ханко (командир ВМБ генерал-лейтенант береговой службы СИ. Кабанов) была поставлена задача обороны и отражения атак противника для обеспечения свободных действий Балтийского флота в этом районе.

Для отражения морского и воздушного десанта территория базы была разбита на два боевых участка, контролируемых маневренными группами сухопутных войск. Сухопутную оборону базы составляли система заграждений на границе арендованной зоны, два оборудованных оборонительных рубежа и два рубежа непосредственной обороны самого города Ханко, один из которых был обращен фронтом к морю и фактически являлся рубежом противодесантной обороны.

Размеры территории нашей базы исключали возможность достижения достаточной глубины всей оборонительной системы, но позволяли создать значительную плотность обороны. На полуострове к началу войны находилась 8-я стрелковая бригада под командованием полковника Н.П. Симоняка, усиленная артиллерийским полком, зенитным артиллерийским дивизионом, танковым и саперным батальонами, а также батальоном связи. Сектор береговой обороны располагал несколькими железнодорожными и стационарными батареями с орудиями калибром от 305 до 45 мм. Противовоздушная оборона базы состояла из двенадцати 76-мм батарей и авиаэскадрильи (11 самолетов И-153 и И-15). В непосредственном подчинении базы находились три сторожевых катера МО-4 и несколько

малых катеров. Общая численность гарнизона базы составляла 25 300 человек.

В соответствии с планом «Барбаросса», захват Ханко представлялся как особая задача сухопутных войск Финляндии, для выполнения которой была создана ударная группа «Ханко».

События в Ханко стали разворачиваться сразу же после начала «Барбароссы». С 22 июня по 25 июня, до вступления в войну Финляндии, боевые действия против Ханко вела Германия. Ее военно-воздушные силы бомбардировали Ханко уже 22 июня вечером в 22.30 (в налете участвовало 20 самолетов) и во второй половине дня 23 июня (30 самолетов), тогда как финны лишь наблюдали за происходившим со стороны. Аналогичной активностью в период так называемого «трехдневного нейтралитета» Финляндии (22–25 июня) отличались вокруг Ханко и немецкие военно-морские силы. Оба отряда германских торпедных катеров каждую ночь бороздили воды Финского залива, совершенно не принимая во внимание дипломатическое положение Финляндии.

День 25 июня начался воздушными налетами советской авиации на аэродромы Финляндии, в районе Ханко началась первая артиллерийская дуэль.

А уже 1 июля база подверглась первому сухопутному штурму, но нападающие были отброшены в исходное положение и понесли большие потери. На протяжении долгого времени финны неоднократно, но так же безуспешно пытались различными способами прорвать фронт обороны Ханко, а войска вермахта — овладеть островом Осмуссаар.

В эти дни в Ленинград было эвакуировано все гражданское население. Для укрепления обороны базы были созданы два боевых участка, произведены минные постановки. Всего катерами и вспомогательными судами базы было выставлено 367 мин. Одновременно катера «малые охотники», несшие дозор, осуществляли противолодочную оборону на подходных фарватерах к Ханко.

Для расширения обороны Ханко были успешно высажены морские десанты под командованием капитана Б.М. Гранина, занявшие 18 соседних с полуостровом островов. Таким образом, гарнизон полуострова не только оборонялся, но и сам переходил в наступления, отвоевывая у противника все новые и новые острова. Важную роль в обороне Ханко сыграла авиация этой военно-морской базы. В исключительно трудных условиях она поддерживала действия войск и высадку десантов, вела разведку, наносила удары по кораблям, батареям и аэродромам противника. В период с 22 июня по 28 августа авиация военно-морской базы уничтожила 24

вражеских самолетов, не имея потерь. Большую помощь гарнизону Ханко постоянно оказывала также и авиация Балтийского флота.

28 августа 1941 года советские войска покинули Таллин. Это, а также приближающаяся зима, сильно изменили обстановку на Ханко. Во-первых, теряла значение Центральная минно-артиллерийская позиция, закрывавшая вход в Финский залив, ради которой в свое время и создавалась ВМБ Ханко. Во-вторых, из-за ледостава сухопутная оборона Ханко могла стать круговой, так как военно-морская база потеряла бы связь с Балтийским флотом. В связи с этими причинами, а также нецелесообразностью в сложившей обстановке оборонять Финский залив, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение об эвакуации гарнизона Ханко.

Битва за Ханко длилась 164 дня. Эвакуация базы проводилась с 26 октября по 2 декабря 1941 года кораблями Балтийского флота в условиях штормов, ледового покрова и большой минной опасности при активном противодействии противника производилась эвакуация базы в Ленинград. К 5 декабря в Ленинград и Кронштадт было доставлено свыше 22 тысяч человек с вооружением и боевой техникой.

Сегодня историки единодушно признают, что в тех сложнейших условиях эвакуация войск с Ханко была произведена весьма умело и успешно, а прибывшие на поддержку Ленинграда закаленные в боях ханковцы внесли свою весомую лепту в оборону города на Неве.

Современный Ханко (Гангут) — это крупный туристский центр и курорт не только Финляндии, но и всей Северной Европы. Ханко — центр парусного и теннисного спорта с множеством прекрасных кортов и специальным большим парусным Восточным портом в естественной гавани. В уютном городке, среди зелени, в основном в небольших домиках-коттеджах, проживает около 12 тысяч жителей, а в прибрежных пансионатах — туристы. На полуострове есть Фронтовой музей с экспозициями, рассказывающими о войнах, прошедших по этой земле, в комплекс музея входит фронтовой дот времен обороны полуострова в 1941 году. На полуострове сохранилась Петровская просека на узком перешейке, где царь Петр намеревался перетаскивать свои галеры в 1714 году и где в 1941 году вдоль границы военно-морской базы перед самым началом войны за один день был вырыт противотанковый ров. Имеются мемориалы воинам Финляндии и Швеции и России, погибшим в боях на полуострове, есть большая гранитная стела с надписью на русском и финском языках: «Советским воинам, героически павшим в Великой Отечественной войне, от благодарных потомков».

Нынешний Гангут — это красивые скалистые берега и густые

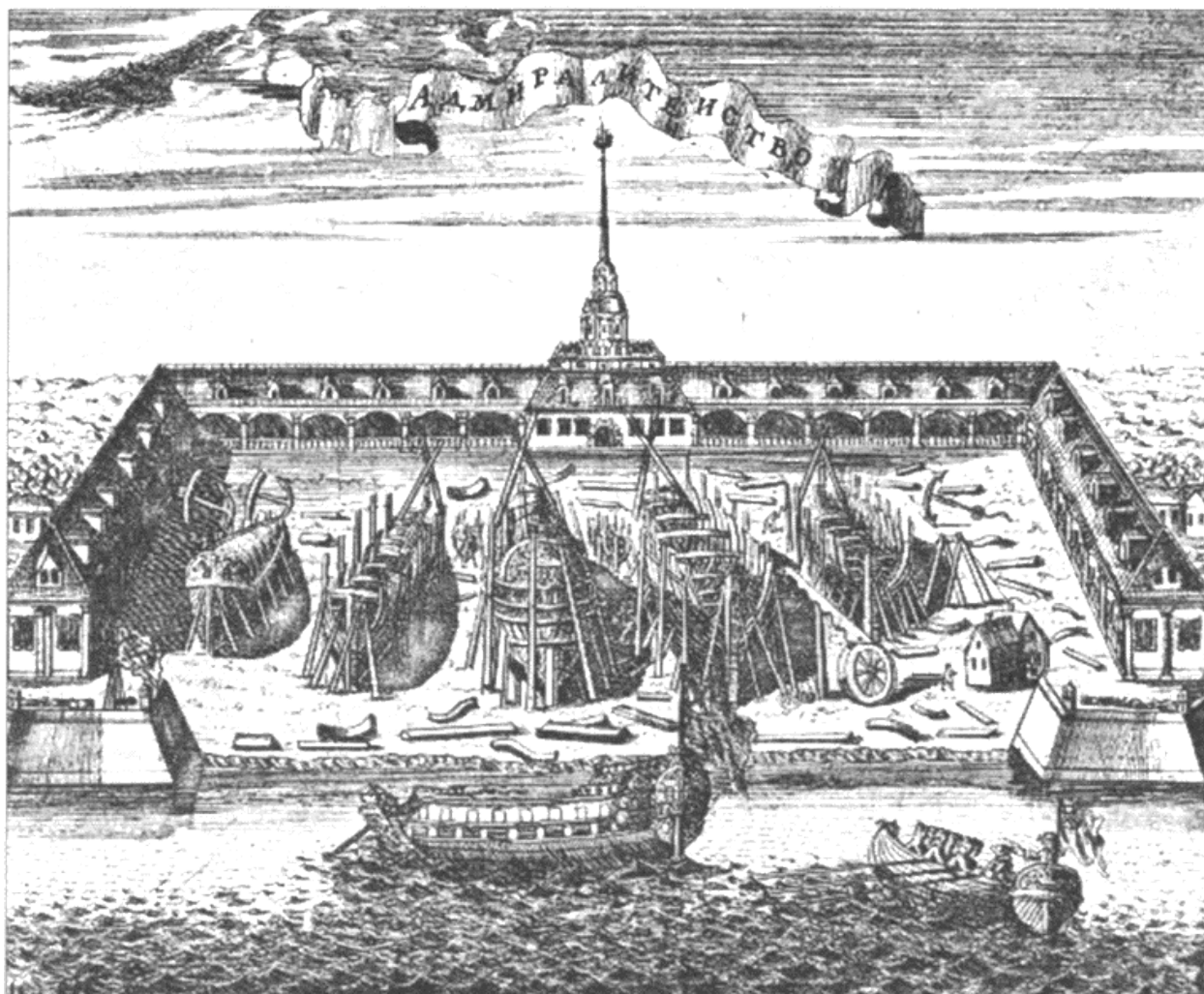
сосновые леса. Но для нас он был, есть и навсегда останется местом русской военно-морской славы, местом нашей благодарной памяти подвигам пращуров...

Москва — Домодедово 2013–2014 гг.

ИЛЮСТРАЦИИ

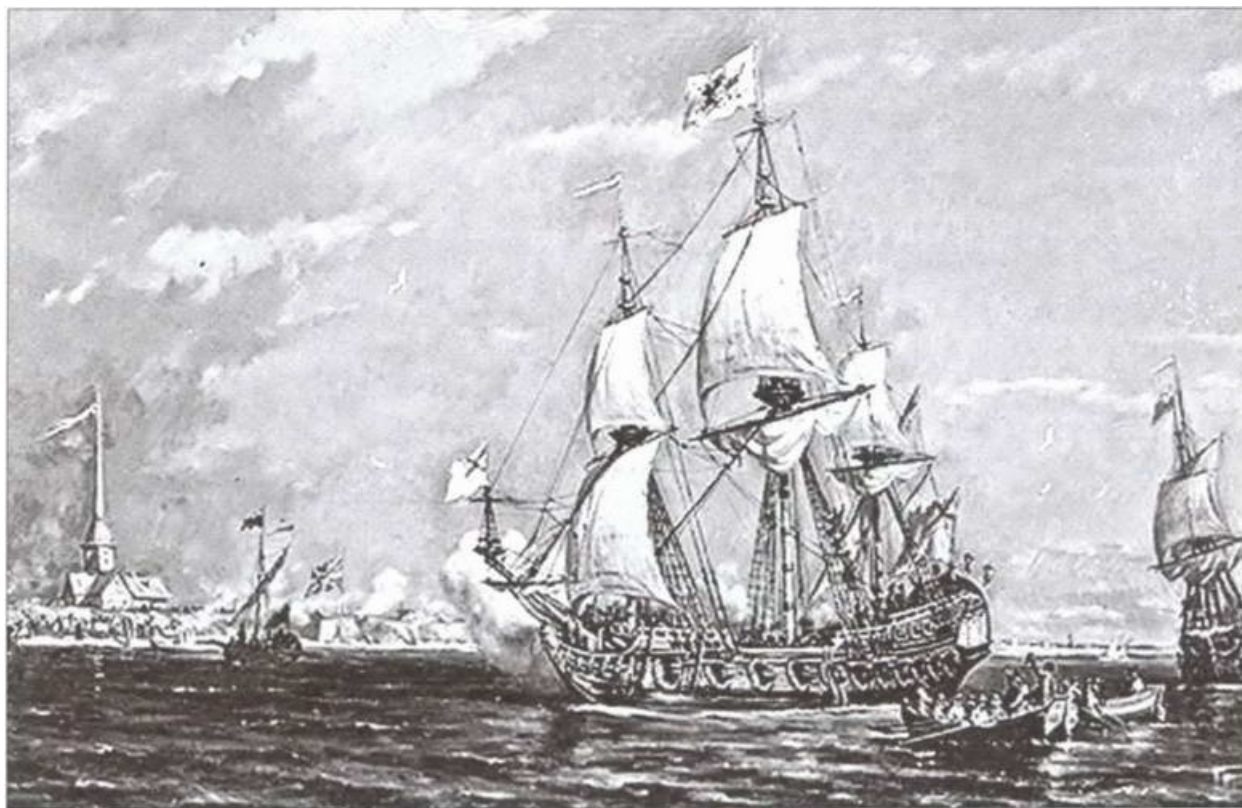
Петр I на берегу Невы

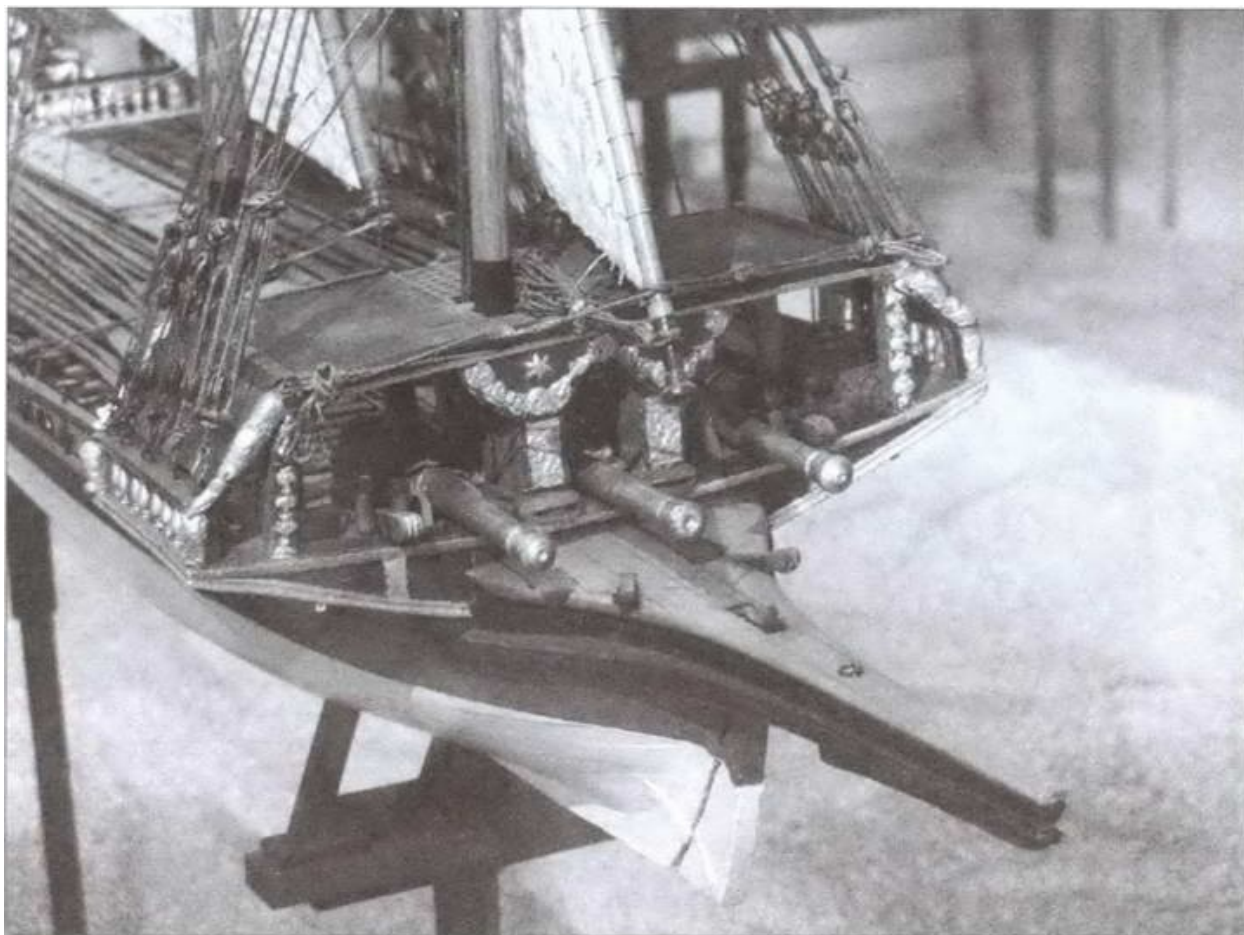
Вид Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге. 1717 г. Худ. А. Ростовцев

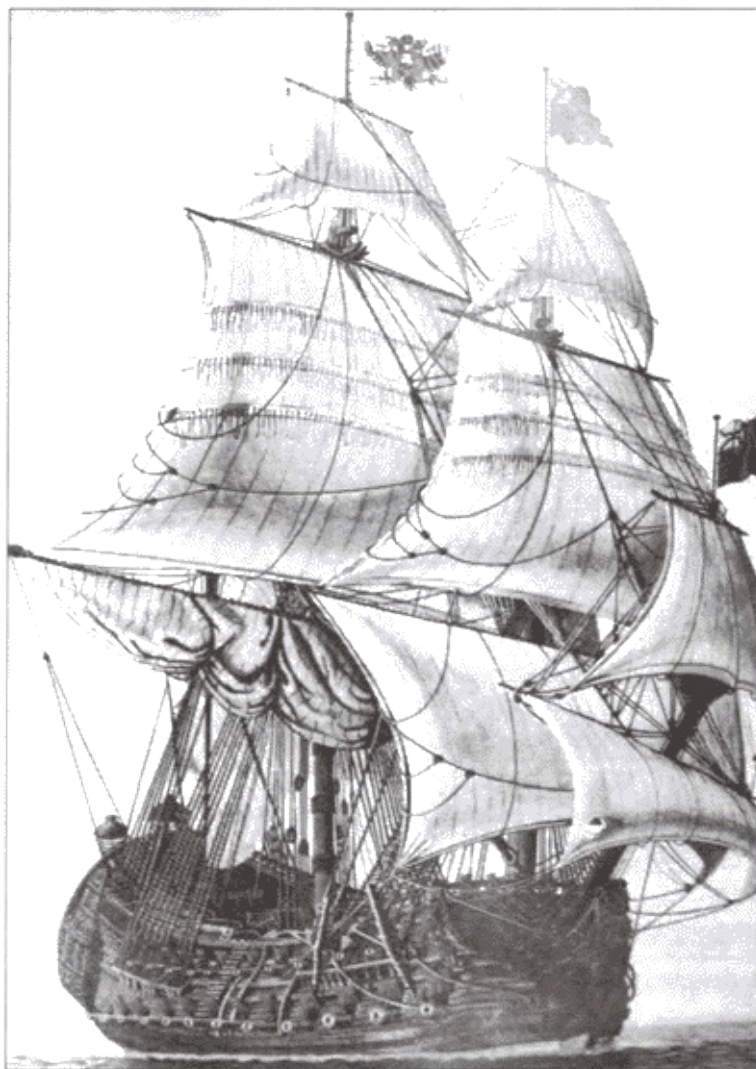
Галера Петровской эпохи. Сражение при Гренгаме. Худ. Ф. Перро

Корабли Балтийского флота Петра I. Худ. С. Пен

Носовая часть галеры Петровской эпохи

Линейный корабль эпохи Петра I

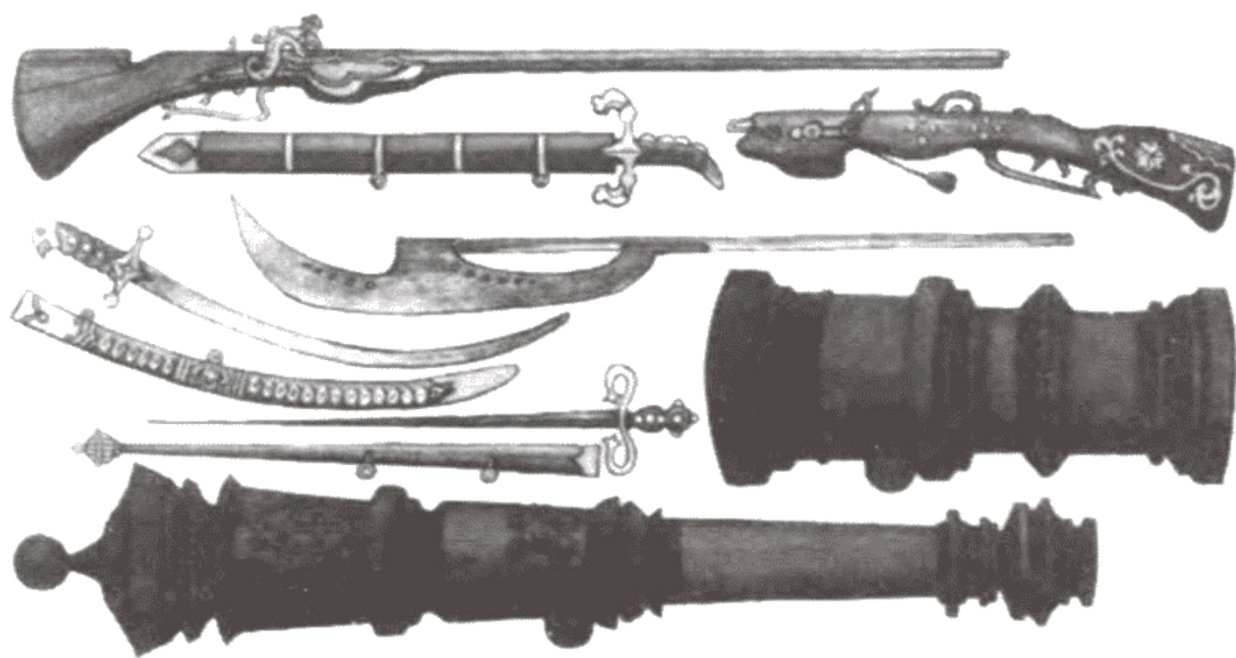
Петр I. Худ. Ж.-М. Натье

Генерал-адмирал российского флота Ф.М. Апраксин

Русский галерный флот в шхерах. Худ. А. Ганзен

Абордажное оружие русских моряков XVIII в.

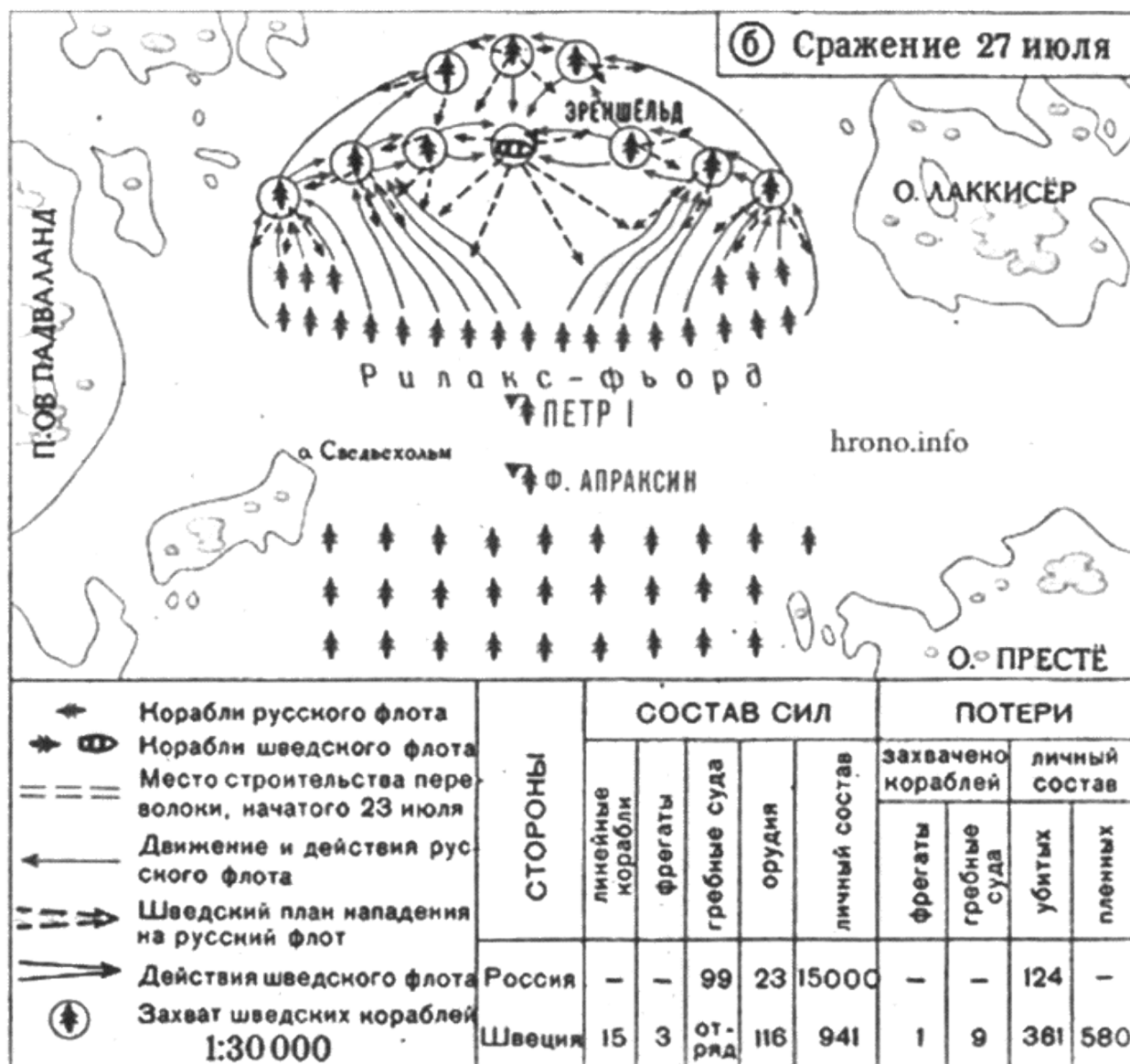

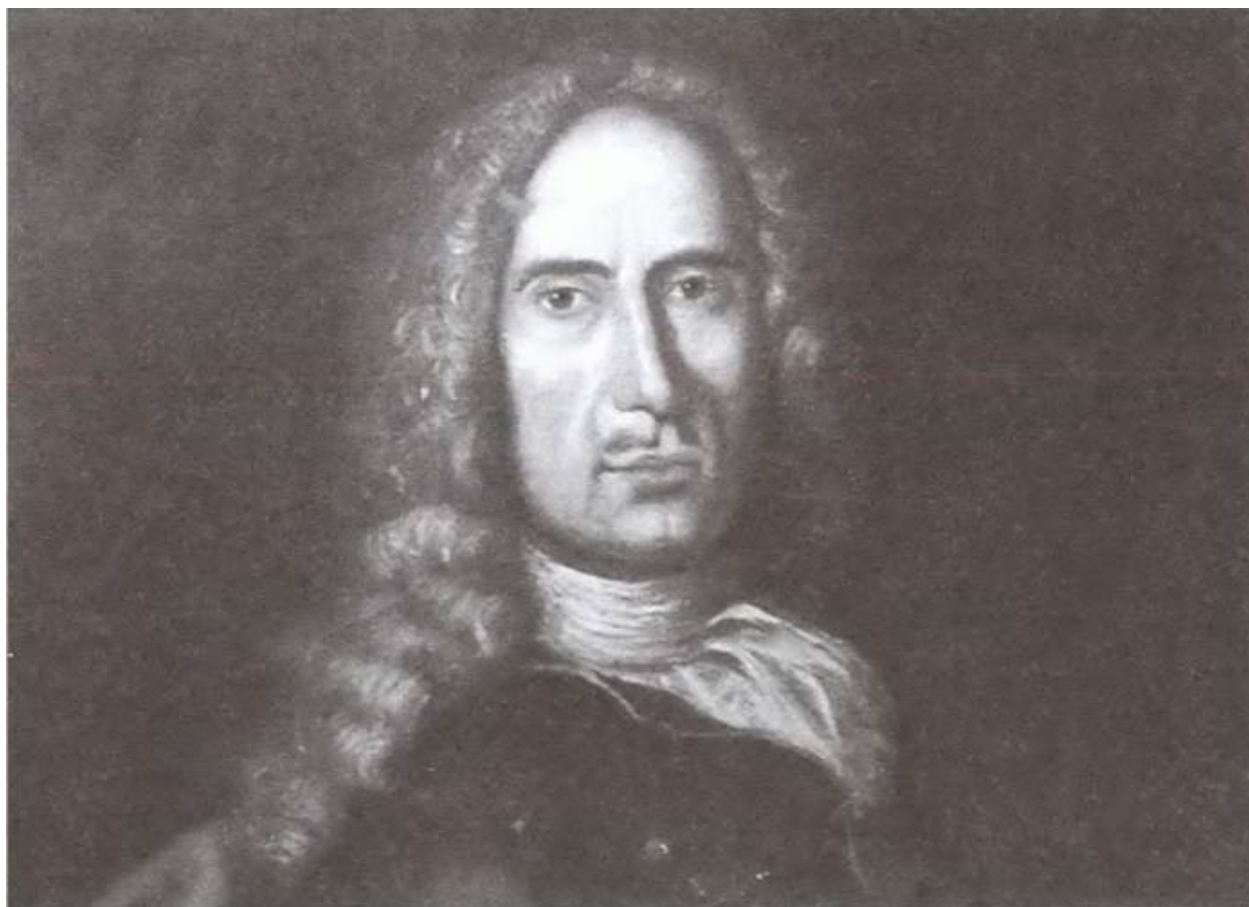
Схема атаки эскадры Н. Эреншельда

Гангутское сражение. Худ. М. Бакуа

Гангут. Худ. П. Вагнер

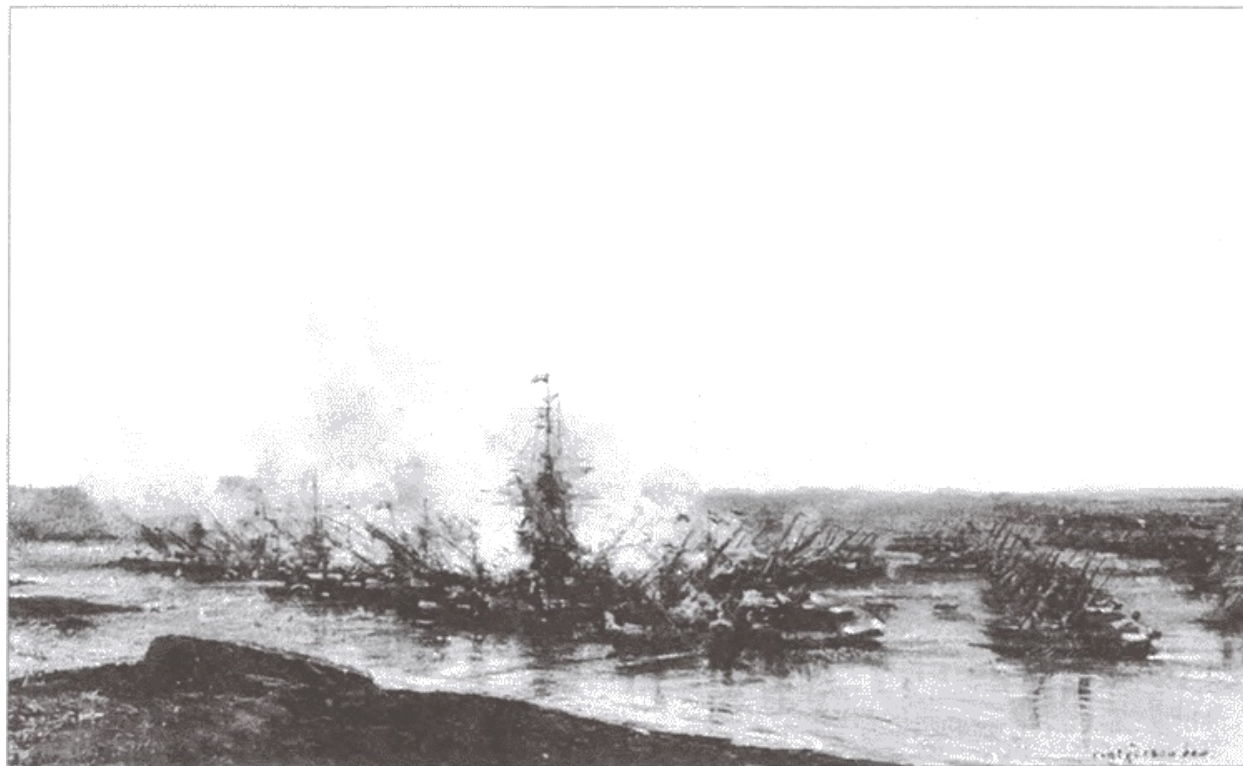
Герой Тангутской победы шаутбенахт М. Змаевич

Гангутский бой. Худ. А. Боголюбов. 1876 г.

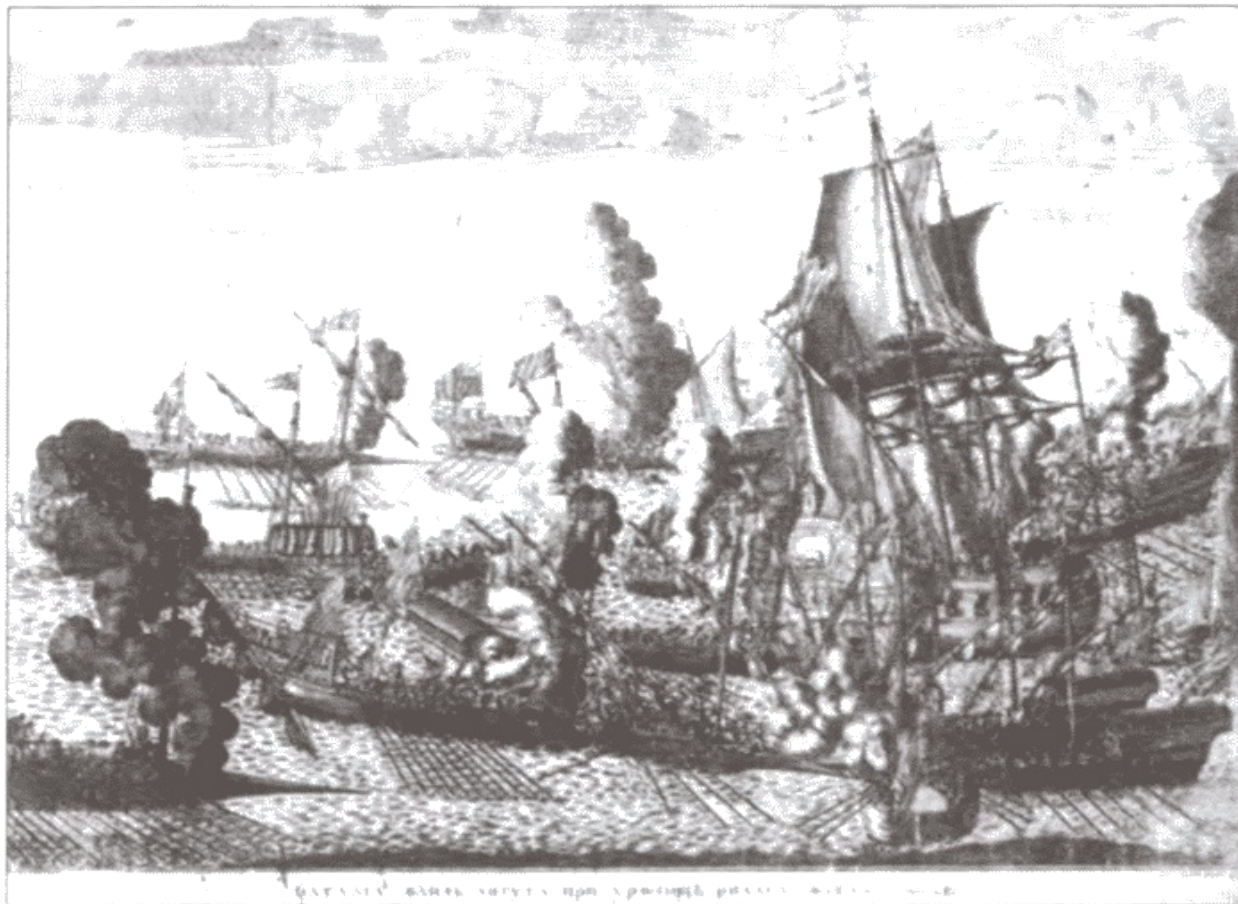
Гангутский бой. Второй момент. Худ. А. Боголюбов. 1876 г.

Гангутский бой. Третий момент. Худ. А. Боголюбов. 1876 г.

Гренгамское сражение. Худ. В. Печатан

Гангутское сражение. Худ. А. Зубов

Эпизод Гангутского сражения. Пленение шаутбенахта Н. Эреншельда

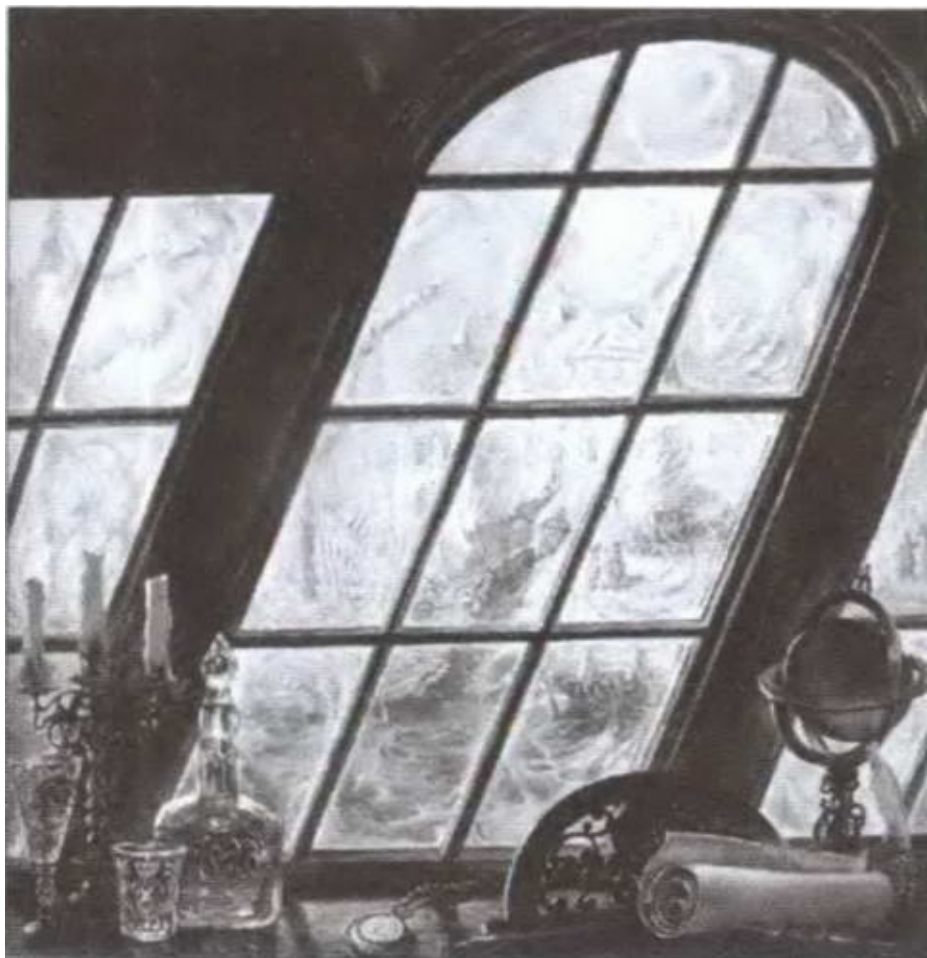
Медаль за Гангутскую победу, которой награждались участники сражения

Торжественный ввод пленных шведских судов в Санкт-Петербург. Худ. А. Зубов

Церковь Святого великомученика Пантелеймона-целителя в Санкт-Петербурге, построенная в честь Гангутской победы

Каюта капитана петровского флота. Худ. Р. Яхнин

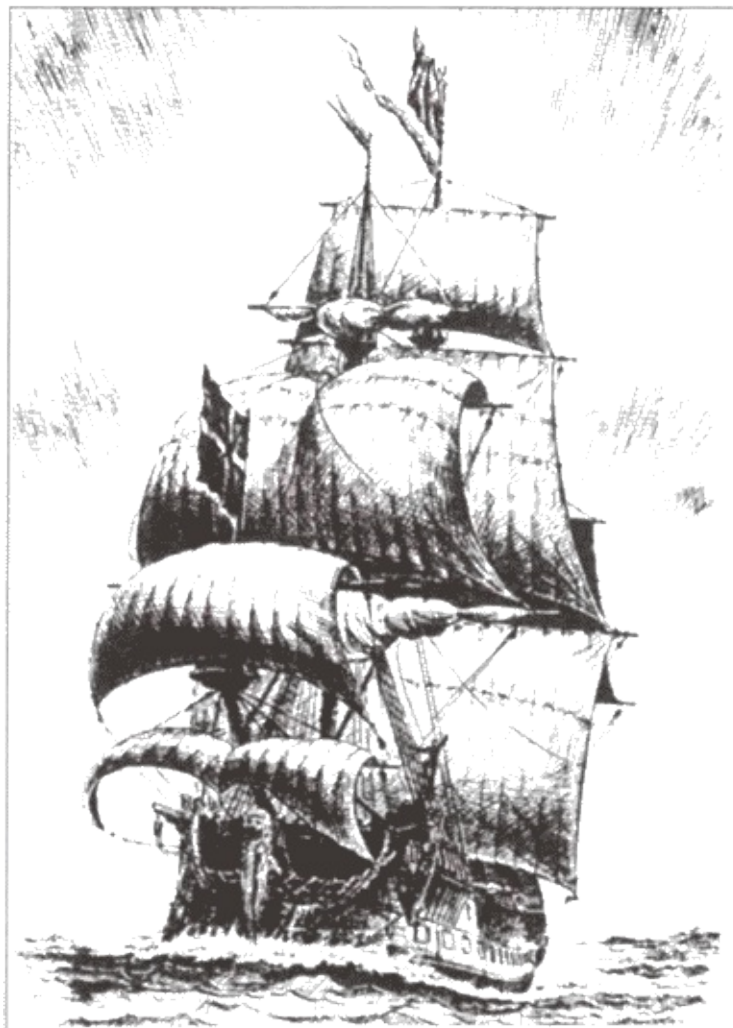
Морской устав Петра I

Сражение у острова Эзель. Худ. В. Печатин

Участник Гангутского сражения и победитель при Гренгаме князь Михаил Голицын

Парусный линейный корабль «Гангут», построенный в 1719 г. в честь одноименной победы

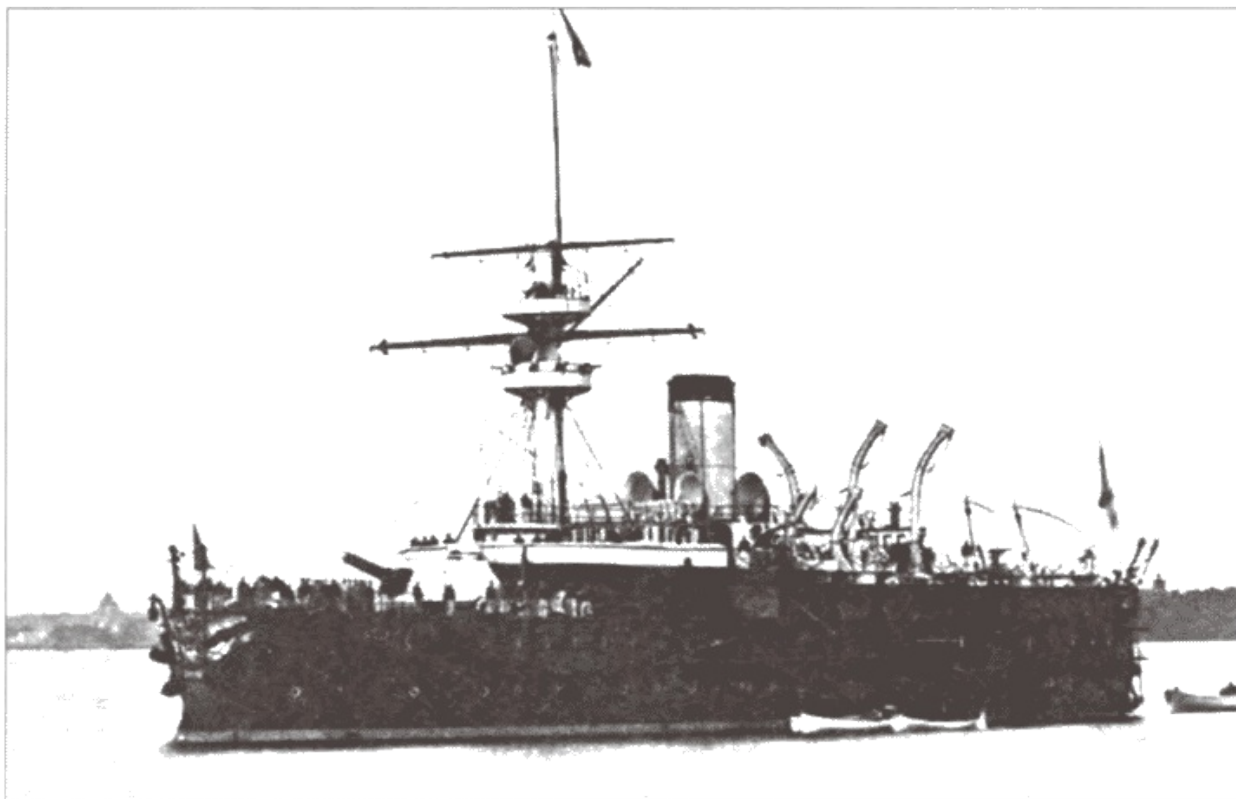
Берега мыса Гангут сегодня

Подписание мирного договора в Ништадте 20 августа 1721 г. Худ. П. Шенк

Ростральная колонна в Санкт-Петербурге — символ морских побед российского флота

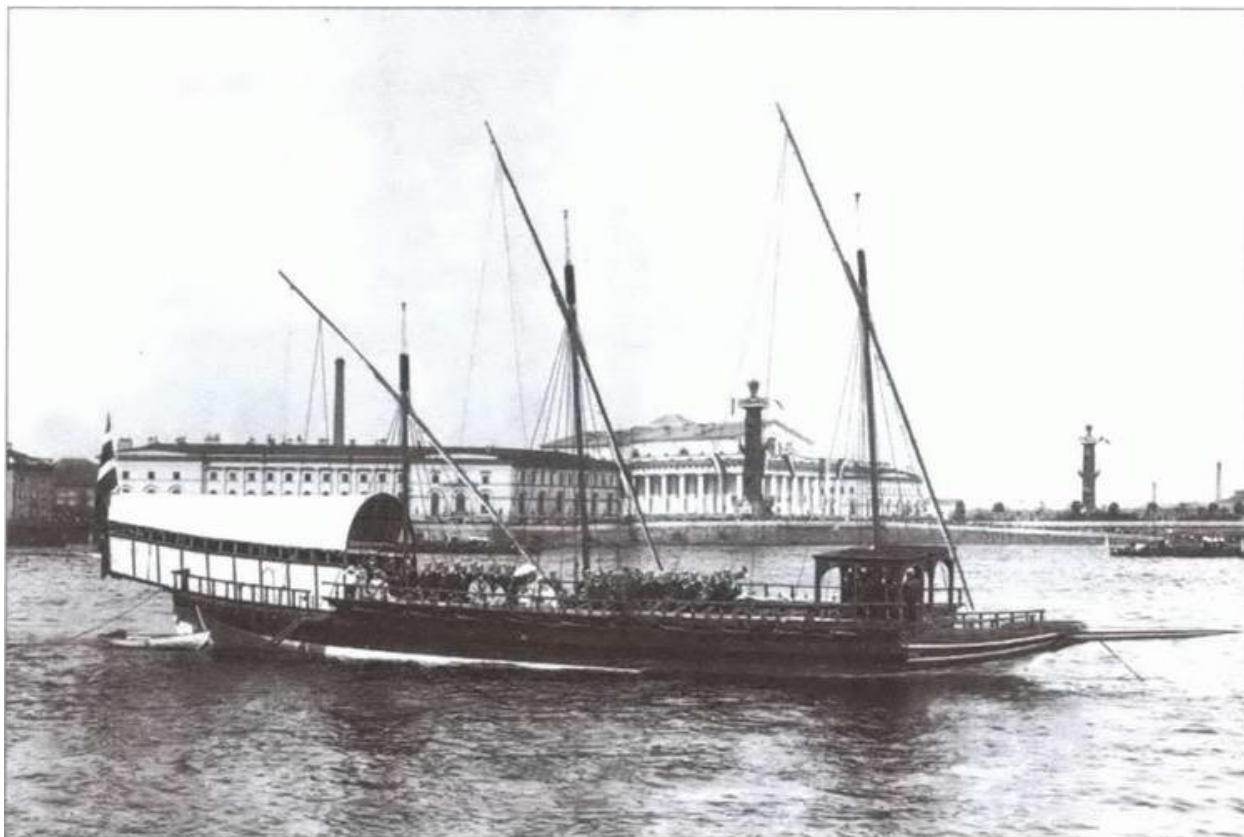
Эскадренный броненосец «Гангут». 1894 г.

Линейный корабль дредноутного типа «Гангут». 1914 г.

Юбилейный «гангутский» рубль 1914 г. — последняя монета Российской империи

Копия галеры Петра 1, построенная в 1914 г. к 200-летней годовщине Гангутской победы

«Гангут» — учебный корабль советского ВМФ

* * *

Морская летопись

В книге известного российского писателя-мариниста В. Шигина описываются события, связанные со знаменитым Гангутским сражением, принесшим первую блестящую победу молодому русскому флоту на Балтике. Автор увлекательно рассказывает о героических свершениях русских моряков в начале XVIII века и блестящих победах петровского флота на Балтике. В книге собраны интересные подробности быта русских офицеров и моряков того времени. Издание приурочено к 300-летней годовщине Гангутской победы.

ISBN 978-5-4444-0209-2

9 785444 402092

